

Все книги пишутся
с помощью книг.

Шьер Буаст

Земмель

ХИТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

ФИЛИП ЖИСЕ

САМИЗДАТ

Annotation

Когда тебе осталось жить полгода, что ты будешь делать? Смиришься с судьбой и будешь доживать? Или попытаешься хоть что-то изменить в собственной жизни?...

Главный герой узнает, что болен смертельной болезнью и это событие в корне меняет его жизнь, он оставляет семью, берет собаку и отправляется в странствие по родной стране, желая познакомить людей с истиной.

При создании обложки использовал изображение, предложенное автором.

- [Филип Жисе](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

Филип Жисе

Учитель

Часть 1

Зима

Глава 1

Боль

Александр Петрович сидел на стуле за письменным столом и смотрел на буйство стихии за окном. Погода была паскудной. Вот уже второй день дождь лил, не переставая, ветер завывал в подворотне, да гнул деревья к земле. На дворе стоял январь, но, казалось, вернулась осень. Вместо долгожданного снега, с неба лились холодные потоки воды. Дождь барабанил по подоконнику, стучал в окна и шелестел по мостовой.

— Что за напасть? — думал Александр Петрович. — Даже в свой юбилей не могу насладиться хорошей зимней погодой.

Сегодня ему исполнилось шестьдесят лет. Почти исполнилось. Александр Петрович посмотрел на часы на стене. Только 16:10. Шестьдесят ему стукнет ровно в 18:00. Да. Года пробежали так быстро, словно спешили опоздать на поезд.

С кухни доносился грохот кастрюль, стук ножа по доске и разговоры. Надежда Васильевна, жена его, да старший сын Павел с женой Татьяной готовились к приходу гостей.

— Что за напасть? — произнес Александр Петрович, когда подаренная младшим сыном Сашкой, чернильная ручка оставила на бумаге жирную кляксу.

Александр Петрович трудился над словами благодарности гостям, жене, детям, которые он хотел бы сказать во время вечернего застолья. На память надеяться в его возрасте — только время зря терять.

Резкая боль в животе заставила его скривиться.

— Два дня мучаешь, зараза, — выругался Александр Петрович. — Нет от тебя спокойствия. Хотя бы сегодня оставила в покое.

Вот уже второй день как его мучила боль в области желудка. Появилась она как-то робко, легким покалыванием незаслуживающим особого внимания. Но на утро второго дня покалывание сменилось острой болью, такой сильной, что впору было запрокинуть голову и завывать собакой на луну.

Переждав приступ, Александр Петрович вновь принялся за писанину. Когда-то в молодости он пробовал писать, и у него это даже неплохо получалось, но пришлось забросить это дело. И без этого добра головной боли хватало. Институт, свадьба, дети. Так и жизнь пролетела.

— Шестьдесят, — пробормотал Александр Петрович. — И не верится. Как будто только вчера Надюшу с Пашкой из роддома забирал.

— Да что за напасть! — воскликнул Александр Петрович, когда еще одна клякса ожила на бумаге.

— Сашка, ты чего там? — донесся с кухни голос Надежды Васильевны.

— Да все хорошо. Я тут с ручкой воюю.

— Ты смотри там не слишком воюй. В твоём возрасте уже не воевать, а отдыхать надо.

— Отдохнешь тут с вами, — хмыкнул Александр Петрович, беря другой лист бумаги. — То в магазин пошлете, то картошку чистить заставите или еще хуже — белье гладить... Так что же у меня тут получается.

Дорогие друзья! Любимая жена, дети.
Сегодня мы здесь собрались из-за меня...

— Нет. Как-то глупо получается. Из-за кого же тут соберутся, как не из-за меня? Это и ежу понятно. Надо как-то иначе. Может так:

Дорогие друзья! Любимая жена, дети.
Сегодня мне исполнилось шестьдесят лет и я хотел бы...

— Нет. Это мне тоже не нравится. Кому же еще сегодня исполняется шестьдесят, как не мне? Эх, тяжеловато как-то оно идет. В прошлом у меня это получалось лучше, значительно лучше.

Воспоминания юности, словно не желая тревожить настоящее Александра Петровича, медленно и неуверенно выплыли из закутков памяти. Александр Петрович вспомнил, как когда-то давным-давно часами сидел над листами бумаги с шариковой ручкой в руках. Как

давно же это было! Сколько мук ему довелось испытать, выдумывая истории. Но какие же это были сладостные муки!

— Может, и правда надо было себя пробовать на писательском поприще? — произнес Александр Петрович. — Кто ж его знает как оно должно быть? Писательством на жизнь заработать трудно, а семью кормить надо. Ну, что было, то прошло. Что его думать да гадать, как оно было бы? Вышло-то вот как, и грех жаловаться на жизнь. У тебя семья, жена, дети. Вон какие сыновья выросли, как два дуба рослые и широкоплечие. И в кого они только удались. Я-то ростом не шибко удался, 1 метр 75 сантиметров, а Надюша и того меньше. Хм. Чернобыль может так подействовал? Кто его знает-то? Ну да ничего. Это не важно. Главное, чтобы здоровые были, да счастливые.

Александр Петрович гордился детьми. В отличии от него, имеющего ПТУ-шное образование, сыновья закончили вузы, а младший Сашка даже замахнулся на аспирантуру.

— Небось в доктора наук метит, — подумал Александр Петрович, улыбнувшись. — Ну пусть дерзает. Пусть хоть дети поживут, а нам старикам мало что уже надо в жизни. Кусок хлеба, стакан воды, да внуков побольше.

Александр Петрович расплылся в улыбке, вспомнив Витьку и Валерку, детей Павла.

— Маленькие непоседы, — добродушно произнес Александр Петрович. — Ради них мы и живем. Ради кого же нам еще жить, как не ради детей и внуков? Пусть будут здоровы на радость родителям, да бабки с дедкой.

Александр Петрович улыбнулся, вспомнив, как его с женой называли маленькие проказники. Бабка с дедкой. Это надо же такое придумать.

— Бабка с дедкой. Эх, вы мои выдумщики, — сказал Александр Петрович и посмотрел на листок бумаги перед собой. — Не пишется. Никак не пишется. Небось надо стопочку коньячку пригубить. Может, тогда музы меня и посетят. А ну, пойду-ка с Пашкой муз погоняю.

Александр Петрович потянулся к выключателю. Лампа на столе мигнула и погасла. Поднявшись из-за стола, старик собрался посетить бар в зале. Вдруг что-то уткнулось ему в ногу.

— Шарик, — улыбнулся Александр Петрович, глянув на собаку у ног, радостно вилявшую хвостом. — Что мой дружок? И тебе коньячку

налить?

Собака пуще прежнего завиляла хвостом и стала на задние лапы, положив передние на живот старика. Тот погладил собаку по голове, потрепал за ухом и опустил ее ноги на пол.

— Потом мы с тобой поиграем, мой дружок.

Шарик посмотрел на хозяина добрыми, веселыми глазами пристально, словно спрашивая: а не обманешь?

Александр Петрович снова потрепал собаку за ухом и направился в зал.

Дверца бара скрипнула, когда Александр Петрович открыл ее. Несколько бутылок коньяка, вина и водки дружно глянули на него из полумрака бара. Выстроившись в ряд, они, словно приглашали его опробовать свое содержимое.

Александр Петрович какое-то время постоял в раздумье, решая какой бутылке коньяка отдать предпочтение, затем принял решение и потянулся к маленькой бутылочке «Закарпатского».

— Вот тебя дорогая мы и попробуем, — сказал он, и чуть было не выронил бутылку, когда новый приступ боли схватил желудок. Александр Петрович согнулся пополам и уставился глазами в пол.

— Боже, что же это такое? — едва не простонал Александр Петрович. — Будто ножом кто режет. Без жалости и сострадания.

К счастью Александра Петровича приступ прошел так же неожиданно, как и появился.

— Неужто попустило? — произнес Александр Петрович несколько минут спустя. — Точно попустило. Ну, и слава Богу.

Перехватив крепче бутылку, старик направился на кухню.

— Пашка, — с наигранной веселостью сказал он, оказавшись на кухне. — А ну-ка составь мне кампанию в этом мероприятии.

Александр Петрович подмигнул сыну и кивнул на бутылку «Закарпатского» в руке.

— Что ж тебе нейдет, старый хрыч, — всплеснула руками Надежда Васильевна. Облако мучной пыли взметнулось вверх, заставив ее чихнуть.

— Правда, — улыбнулась Татьяна.

— Батя, — смутился Пашка. — А может давай уже до вечера подождем?

— А зачем до вечера ждать? — развел руками Александр Петрович. — У меня сегодня праздник. Так или не так?

Окинув взглядом собравшихся на кухне, он продолжил.

— А если так, то и командовать парадом буду я. Не обессудьте, но сегодня я имею на это полное право.

— Что с него возьмешь? — как-то уж слишком горестно произнесла Надежда Васильевна. — Но это только сегодня, — повысила она голос.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Александр Петрович. — Так что Паш, составишь компанию старику?

— Ладно, батя. У тебя сегодня день рождение, а отказывать имениннику нехорошо. Немного, для разогрева перед главным торжеством, можно и принять. Ты не против, дорогая, — Павел посмотрел на жену.

— Нет, — ответила Татьяна, нарезая огурцы в салат. — Я сама бы даже немного пригубила.

— Танюша, да ты что?! — вновь всплеснула руками Надежда Васильевна. — Нам еще работать и работать.

— Мам, — вступился за жену Павел. — Праздник как-никак. Да и не напиваться мы же собрались. Слегка пригубим, и работа веселее пойдет, правда, батя? — Павел повернулся к отцу за поддержкой.

— О, как пойдет, — засмеялся Александр Петрович. — Побежит, как Шарик, когда увидит сучку во дворе.

Взрыв хохота сотряс кухню.

— Ну, Сашка ты даешь. Всегда скажешь что-то такое, что ноги отказываются держать, — сказала Надежда Васильевна, отсмеявшись.

Звонкий лай раздался в кухне. Шарик, увлеченный весельем других, и себе решил повеселиться.

— Шарик, что разлаялся? Иль сучки захотел? — спросил Александр Петрович. — С тебя хватит, и так целый двор детей имеешь.

Собака села на лапы и залаяла.

— Шарик, перестань, — послышался голос Надежды Васильевны.

— Да, что вы к нему прицепились, — сказал Павел. — Дайте ему полаять, у его хозяина юбилей.

— Хватит того, что я вам разрешила выпить, — сказала Надежда Васильевна. — Вы мне весь дом на ноги поставите из-за этого юбилея.

— Да что тебе, Надюш, не йметя? Чего ты сердишься? Или может тебе тоже стопочку налить? — предложил Александр Петрович, разливая коньяк по стопкам.

— Чур тебя, старый дурень, — воскликнула Надежда Васильевна. — Как не пила эту гадость, так и до смерти не выпью.

— Что, и сегодня даже не примешь? — Александр Петрович постарался придать лицу как можно больше разочарования. Получилось не очень, глаза продолжали радоваться, когда лицо кривилось.

— Ох, скорее бы это все закончилось, — вздохнула Надежда Васильевна и присела на стул. — Давай пейте и будем дальше работать. Скоро гости придут.

— Придут — подождут, — сказал Александр Петрович. — А у нас сейчас тоже мероприятие намечается.

— Ох, как ты мне уже с этими своими мероприятиями надоел, — покачала головой Надежда Васильевна. — Что ни день, то мероприятие. Так можно и совсем смероприятиться. Устала уже от тебя.

— Мам, — рассмеялся Павел. — Да перестань ты. Жизнь прожита, дети воспитаны, дом на даче построен, и деревья там посажены. Даже вот собака заведена, — Павел погладил Шарика, вертевшегося под ногами. — Дай старику отдохнуть на старости лет. Хочет выпить, пусть выпьет. Сколько той жизни осталось?

— Что с вас возьмешь? — сказала Надежда Васильевна, принимаясь за чистку картошки. — Делайте что хотите, меня только не трогайте.

— Вот такой Надюша ты мне больше нравишься, — сказал Александр Петрович. — Покладистость тебе к лицу. Будь такой и дальше.

— Тогда, старый дурень, ты совсем на голову залезешь. О тебе же, дурак, забочусь, — губы Надежды Васильевны дрогнули, а по щеке скатилась слеза.

— Мам, перестань, этого нам только не хватало, — развел руками Павел.

— Мама, и правда, не надо плакать. Все будет хорошо, — принялась утешать Надежду Васильевну Татьяна.

— Ну вас, — махнула рукой Надежда Васильевна. — Всегда до слез доводите.

— Ладно, бать, — сказал Павел, беря стопку в руки. — Давай по-быстрому. И правда, надо работать.

— Конечно, по-быстрому, — согласился Александр Петрович. — По-долгому будет вечером. Только вот закусить бы чем-то, а то без закуски пьют только алкоголики.

— Вон оливье есть, — встрепенулась Надежда Васильевна, вскочила и принялась насыпать салат из блюда в тарелки. — Котлет пару возьмите, хлеба.

— Вот это другое дело, — улыбнулся Александр Петрович, подошел к жене и чмокнул в щеку. — За что тебя люблю, за то, что не дашь умереть с голода.

Улыбка появилась на лице Надежды Васильевны.

— Уйди, не мешай работать, — сказала она и вернулась к чистке картошки.

— Ну давайте, мои дорогие, — сказал Александр Петрович, поднимая стопку. — Чтоб все у нас было хорошо.

— За тебя, бать. За твои следующие шестьдесят лет, — сказал Павел.

— Вот-вот, — сказала Татьяна. — Чтобы и через шестьдесят лет мы собрались на ваш следующий юбилей.

— Спасибо, — произнес Александр Петрович. — Только что же мне делать со следующими шестьюдесятью годами? Деревья посадил, хибарку на даче построил, детей вырастил.

— Строй новый дом бать, — подсказал Павел, выдохнул и коснулся губами стопки.

— Надюша, может еще пару сыновей вырастим? — старик повернулся к жене.

— Типун тебе на язык, старый дурак, — отозвалась Надежда Васильевна.

Александр Петрович рассмеялся и выпил залпом содержимое стопки.

— Ух, хорошо пошло, — сказал старик, закусывая котлетой.

— Да, неплохо, — согласился Павел, набирая в ложку оливье и отправляя его в рот.

Александр Петрович потянулся за ложкой и... схватился за живот. Боль пронзила нутро. Старик почувствовал, как руки покрылись потом, а по спине прошелся холодок.

— Господи, да что же это такое?! За что же ты меня наказываешь? Чем я провинился? Что сделал не так? — мысли раненой ланью задрожали и сбились в кучу.

Старик чувствовал, как боль, словно неведомое чудовище, расплзается по телу, поглощает его все больше и больше. Тошнота подступила к горлу.

— Бать, с тобой все нормально, — обеспокоился Павел.

— Папа, — послышался взволнованный голос Татьяны. — Что с вами?

— Что случилось? — спросила Надежда Васильевна, отвлекаясь от чистки картошки. Увидев согнутого пополам мужа, она вскочила на ноги, нож упал на пол, картошина выпала из руки и покатилась под стол.

— Сашенька, что случилось дорогой? — Надежда Васильевна взяла Александра Петровича за плечо, наклонилась и попыталась заглянуть мужу в глаза.

Старик не обращал ни на кого внимания. То, что происходило внутри пугало его и злило одновременно. Он чувствовал бессилие.

— Что же ты не отпускаешь, тварь? — думал он. — Господи помощи! Дай сил пережить это!

— Сашенька, ты слышишь меня? — плакала Надежда Васильевна. То, что Александр Петрович никак не реагировал на ее слова, расстраивало ее еще больше. Страх за жизнь мужа терзал ее так же сильно, как и волнение, охватившее ее при виде мучений мужа.

— Ему надо лечь, — сказала Татьяна.

— Бать, ты как? Сможешь дойти до кровати? — спросил Павел.

— Надо скорую вызвать, — заголосила Надежда Васильевна.

— Не надо скорую, — прошептал Александр Петрович. — Уже лучше, — соврал он.

Александр Петрович понимал, что то, что происходит у него в животе — плохо. Но врачей он не любил. Как и любой нормальный мужик, он их попросту боялся.

— Лучше? — спросила Надежда Васильевна. — Что ж ты согнутый стоишь, если лучше? Может все же вызовем скорую?

— Никаких скорых, — пробурчал Александр Петрович. — Если говорю лучше — значит лучше. Сейчас разогнусь.

Дрожащей рукой он надавил на живот, словно пытался выдавить оттуда боль, затем набрал воздух в легкие. Спустя мгновение приступ отступил так же быстро, как и появился. Тошнота также не спешила задерживаться. Александр Петрович выпрямился.

— Ну, вот видишь, — сказал он, повернувшись к жене. — Все прошло. А ты сразу скорую.

— Точно прошло? — глаза Надежды Васильевны начали что-то выискивать в глазах мужа.

— Прошло, прошло, — ответил Александр Петрович, чувствуя, как жизнь возвращается в тело.

— Слава Богу, — сказала Надежда Васильевна. — Давай я помогу тебе добраться до кровати.

— Нет, мам, давай я, — вмешался Павел. Руки его обхватили отца за плечи с явным намерением совершить задуманное.

— Да что вы как над маленьким! Ей Богу! — взмолился Александр Петрович. — Я себя прекрасно чувствую и сам смогу пойти, куда надо.

— Сашенька, тебе надо показаться врачу, — сказала Надежда Васильевна. — Может это лечить надо?

— Какому еще врачу? — встрепенулся Александр Петрович. — Не надо никакого врача. Видишь, прошло уже все.

Александр Петрович попрыгал для пущей убедительности.

— Бать, может и правда, надо врачу показаться? — поддержал мать Павел.

— Что, и ты туда же? — сказал Александр Петрович, с укором взглянув на сына.

— И я туда же, папа, — сказала Татьяна. — Может это что-то серьезное. Надо обязательно показаться врачу.

— И не подумаю, — сказал Александр Петрович. — С нашей медициной к врачам ходить нельзя. Не лечат людей, а калечат.

— Но вдруг что-то серьезное, — попыталась убедить мужа Надежда Васильевна. — Врачи все же.

— Нет, — отрезал Александр Петрович и направился в комнату.

— Упрямый какой, — охнула Надежда Васильевна, когда Александр Петрович покинул кухню. — Что ни говори, а он свое. Что мне с ним делать?

— Ничего мам, — сказал Павел. — Может, съел что-то не то.

— Ты видел, как он согнулся? — не унималась Надежда Васильевна.

— Я согласна с мамой, — поддержала Надежду Васильевну Татьяна. — Если бы что-то съел или даже выпил, так бы не согнулся. У него лицо аж скривилось. Лучше бы ему врачу показаться.

— Конечно лучше, — сказала Надежда Васильевна. — Только он же упрямый, как осел. Сама Танюш видела.

— Как-то да будет, — пожала плечами Татьяна. — Успокоится, образумится и сходит к врачу.

— Такого образумишь, — вздохнула Надежда Васильевна и глянула на часы на стене. — Ой, пять часов уже! Скоро гости придут. Танюша, дочисть, пожалуйста, картошку за меня, а я начну стол накрывать. Пашка, поможешь мне? Не хочу тревожить отца. Пусть отдохнет.

— Помогу, помогу, — отозвался Павел.

* * *

Александр Петрович добрался до спальни и лег на кровать.

— Что же это такое происходит? — думал он, глядя на местами потрескавшийся потолок. — И в шестьдесят лет нет мне спокойствия. Такой боли я отродясь не чувствовал. За что же ты меня так наказываешь, Господи? Всю свою жизнь я преданно служил тебе. Исправно ходил в церковь и молился часто. Этому же и детей учил. Так за что же ты меня наказываешь? Если ты милосерден, то где твое милосердие? Если ты справедлив, то где твоя справедливость? Если ты помогаешь, то где твоя помощь? Думал, хоть на старости лет не буду мучиться, а тут такое дело. И правда, старость — не радость. Скорее бы дожить свой век и уйти тихо-мирно. Хоть умереть, Господи, ты позволишь мне не мучаясь или даже в этом я не могу на тебя положиться?

Слезы выступили в уголках карих глаз Александра Петровича, когда он почувствовал, что боль возвращается.

— За что, Господи? — прошептал он. — За что?

Но теперь боль не была похожа на нож, живьем разрезающий плоть. На этот раз это было, словно огонь лизнул мокрый кусок дерева. Жжение сменилось покальванием. Александр Петрович положил руку на живот и вздохнул.

— Может и правда сходить к врачу. Хотя бы анализы какие сделать, чтобы знать что к чему. Может ничего страшного и нет. Гастрит какой или, не дай Боже, язва вернулась. Попью таблеток, и все образумится.

Александр Петрович провел рукой по животу, чувствуя, как боль вновь отступила, оставив после себя пульсацию сродни биению сердца. Боль прошла, и Александр Петрович воспрянул духом, да и Шарик этому немало помог: сел у кровати и принялся зубами тянуть за штанину.

— Что ж тебе не йметя, дружок? — Александр Петрович почесал собаку за ухом. — Поди, может, на кухню и попроси хорошенько. Авось Надюша тебя чем угостит вкусным. Котлетой какой. Ты же любишь котлеты, правда?

Александр Петрович постучал пальцем по носу Шарика, чем привел того в восторг. Отпустив штанину, собака выскочила из комнаты. Спустя мгновение она вернулась, неся в зубах мячик. Поставив передние лапы на кровать, Шарик бросил его старику.

— Ах, вот тебе чего хочется, проказник, — засмеялся Александр Петрович, принимая сидячее положение. — Вот кто-кто, а ты не дашь мне спокойно умереть.

Александр Петрович поднял мячик и выбросил его в коридор. Шарик, гавкнув, выскочил из комнаты, чтобы вернуться с мячиком в зубах. И вновь тот оказался на кровати возле Александра Петровича.

— Вот ты какой, — сказал Александр Петрович. — Так и хочешь, чтобы Надюша меня с тобой на улицу выставила. Ты же знаешь, как она не любит, когда ты носишься по квартире и гоняешь пыль. Но, что с тобой поделаешь?

Александр Петрович взял мячик и сделал вид, что бросил его в коридор. Залаяв, шарик метнулся за ним, но спустя мгновение

вернулся ни с чем. Растерянное выражение на морде собаки вызвало у Александр Петрович умиление и улыбку.

— Что не нашел? — спросил Александр Петрович. — Значит плохо искал.

Шарик гавкнул и уселся на лапы возле кровати. Глаза собаки, словно говорили: меня не проведешь.

— Лови, — сказал Александр Петрович, бросая мячик.

Шарик сорвался с места и устремился за игрушкой.

— Что вы здесь вытворяете?! — воскликнула Надежда Васильевна, входя в спальню. — Саша, ну сколько раз я тебя просила, не разрешай собаке бегать по дому. А мне потом пыль выметать из-под кроватей и столов. Шарик, — сказала она, заметив собаку, тащившую тапок из прихожей. — Ну, что ты вытворяешь? Совести совсем нет.

Собака не обращая внимания на Надежду Васильевну, улеглась на ковре посреди комнаты и принялась грызть тапок.

— Ну, посмотри на него! — хлопнула руками по бедрам Надежда Васильевна. — Как об стенку головой. Что за несносная собака. Выгнать тебя пора.

Надежда Васильевна забрала тапок у Шарика и хлопнула его им по заднице. Собака поджала хвост и убежала в коридор.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Надежда Васильевна, присаживаясь на кровать возле мужа.

— Отлично, — отозвался Александр Петрович. — Прямо, заново родился.

— Ты все шутишь. Может, все же сходишь завтра к врачу? — спросила Надежда Васильевна, положила руку на ногу мужа.

Александр Петрович хотел было вновь взорваться, да только в голубых глазах жены было столько заботы и тепла, что старик растаял и произнес:

— Схожу, схожу. Вот завтра, прямо с утра и схожу.

— Вот и хорошо. А то волнуюсь я. Может и правда что-то серьезное?

— Типун тебе на язык, — буркнул Александр Петрович. — Ты смотри, накаркаешь еще.

— Ну, все молчу, молчу, — сказала Надежда Васильевна, прикладывая палец к губам. — Пойду дальше стол накрывать. А ты

полежи еще немного и начинай одеваться. Не будешь же ты, ей Богу, в спортивном костюме за стол садиться.

— А почему нет? — поднял брови Александр Петрович. — Встретить шестьдесят лет в спортивном костюме очень даже хорошая перспектива.

— Ой, Сашка, Сашка, — вздохнула Надежда Васильевна, развернулась и направилась в зал, где звенел тарелками и чашками Павел.

В проеме дверей появился Шарик. Убедившись, что Надежды Васильевны в комнате нет, он развернулся и убежал. Не прошло и минуты, как Шарик вбежал в комнату с тапком в зубах. Вскочив на кровать к Александру Петровичу, он улегся у того в ногах и принялся грызть тапок.

— Ай да Шарик, — заулыбался Александр Петрович. — Ты такой же осел, как и я. Нашему упрямству можно позавидовать. А ну, давай, сюда тапок или ты хочешь, чтобы и я этим тапком получил?

Александр Петрович потянулся к Шарика за тапком, но собака вскочила, спрыгнула с кровати и убежала в коридор.

— Ну, твое дело, — сказал старик, провожая Шарика взглядом.

Глава 2

День рождения

Спустя два часа Александр Петрович сидел за столом в окружении родных и близких и обводил каждого из них взглядом. Он сидел во главе стола, как и положено юбиляру, и улыбался. Здесь были те, кого он хотел видеть в любую погоду и днем и ночью. Его Надюша, Пашка и Сашка, Танюша, маленькие непоседы Витька и Валерка. Были еще Костя, его лучший друг, Костина жена Люба, Олег, второй лучший друг Александра Петровича с женой Наташей, мать и отец Тани, Михаил Александрович и Людмила Игоревна. Вот и все гости. Да и не хотел Александр Петрович больше никого приглашать, хоть и напрашивались. Стар он уже был для гуляний. В его возрасте не гулять, а отдыхать надо. Сколько той жизни осталось. Александр Петрович вспомнил, что где-то вычитал, что в Украине средняя продолжительность жизни мужчин составляет всего шестьдесят два года.

— Это что же, мне осталось два года жить? — подумал Александр Петрович. — Хотя, — старик мысленно махнул рукой. — Если так подумать, то ради чего мне уже жить? Детей вырастил, внуков дождался, вон какие шалопаи, — Александр Петрович посмотрел на Витьку и Валерку.

В эти минуты в глазах старика было столько любви, сколько он, наверное, и к детям мало когда испытывал. Да, свою биологическую программу он выполнил. Так что шестьдесят два или семьдесят два для него не так уж и важно. Хотя жить, конечно, хотелось. Да только вот, жизнь ли это? Власть о людях думать не хочет. Только о себе думает, о своих бездонных карманах, дорогих машинах, вилах за границей. А жизнь между тем дорожает, а вот пенсия расти не хочет. Как была неполных тысяча четыреста гривен, так и осталась. Что ж за них купишь, если только содержание квартиры обходится в пятьсот гривен? А одеться? А кушать купить? А детям помочь? Родители все же. Дал жизнь, изволь заботиться.

Нет, это не жизнь. Александр Петрович вспомнил, как когда-то в молодости мечтал купить машину. И что? Где та машина? Даже за

границу ни разу не поехал. А Сашка вот ездил на автобусе. В Германии был, в Чехии. Фотографии привозил. Красиво там конечно. Это не бедная Украина, в которой мужики мрут в шестьдесят два года. Это еще, конечно, кому повезет.

— Эх, — вырвалось у Александра Петровича.

— Что ты так вздыхаешь, Сашка? — спросил Костя, насыпая в тарелку пюре. — Тебе не вздыхать, а радоваться надо. Шестьдесят лет, как-никак, празднуешь. Ты глянь, какой стол. Три дня пить и есть, — рассмеялся Костя. — Или может тебе картошечки положить? Что-то ты загрусти, не ешь ничего.

— Эх, Костик, сколько мы с тобой этой самой картошечки съели, — сказал Александр Петрович. — Помнишь, когда мы только познакомились, когда это было? Где-то в конце семидесятых, так ведь?

— В семьдесят восьмом, Санек, — ответил Костя. — Отлично помню, как мы на Десне вместе рыбу удил. У тебя червяки закончились, и ты решил у меня попросить.

— Да, да, и я это помню, — кивнул Александр Петрович. — Так мы потом пекли картошку всю ночь и самогонкой запивали или наоборот, пили самогон и картошкой заедали.

— Точно, точно. Еды никакой больше не было, осталась одна картошка.

— А какого коропа мы тогда подняли, — вспомнил Александр Петрович.

— Эй, вы чего? — вклинулась Надежда Васильевна. — Это вечер воспоминаний или празднование дня рождения? Никак не пойму. А ну быстро насыпайте тарелки. Костик, твоя очередь тост говорить.

— Ну, Надежда, ты ни грамма не изменилась с тех пор. Как ты только Сашку отпустила на ту рыбалку?

— Чего мне это стоило, — вмешался Александр Петрович. — Неделю после этого кушать готовил.

Взрыв хохота сотряс зал.

— Александр Петрович, вам грех жаловаться на Надежду Васильевну, — сказала Татьяна. — Вы только посмотрите сколько она всего наготовила: салаты какие только пожелаете, котлеты, и свиные и рыбные, капуста тушенная с грибами, битки свиные, индюк запеченный. А вы еще сладкое не видели. Там один торт лучше

другого, а вы говорите. Такую жену на руках носить надо с утра до вечера.

— Я ж и носил, — сказал Александр Петрович. — Чего б ей тогда такой стол готовить? Я свою Надюшу люблю. Ею меня, и правда, Бог наградил.

— О-о-о, если бы вы знали, сколько он мне тогда на рыбалке про Надежду наговорил, — встрял Костя.

— Неужто плохое? — всплеснула руками Надежда Васильевна.

— Только хорошее. Я даже завидовать ему стал. Думал где бы и себе такую жену найти.

— И не говорите, что не нашли? — улыбнулась Наташа, жена друга Олега.

— Наше-е-ел, — протянула Костя. — Послал мне Бог Любашу. Теперь, Сашка, я тебе не меньше могу наговорить о жене, чем ты мне тогда.

— Давайте, вы может, потом наедине поговорите? — вмешался Сашка-младший. — Бать, день рождения все же. Здесь не говорить, а пить и есть полагается.

— Ну, все-все, молчу, — сказал Александр Петрович.

Костя тоже замолчал, увлекшись салатом оливье.

— Чей следующий тост? — спросил Павел. — Кому речь держать?

— Костя, хватит есть, — сказала Надежда Васильевна. — Желай другу что-нибудь.

— Так я же ни ел еще ничего.

— Потом поешь, — сказала Люба, его жена. — Нельзя же человеку отказывать.

— Нельзя, значит нельзя, — Костя отложил вилку и поднялся из-за стола.

— Что ж я буду говорить, если у меня стопка пустая? — сказал он, потянувшись к стопке.

— Это мы сейчас исправим, — сказал Павел. Взяв бутылку «Хортицы», он разлил ее содержимое по стопкам.

— Пашка, может папе не надо? — обеспокоилась Надежда Васильевна. — У него желудок больной же.

— Это что же? — слышался голос Олега. — Именинник да в свой день рождения и не выпьет за свое здоровье? Да это как-то не по-

нашему.

— Конечно, не по-нашему, — поддержал Олега Костя. — Немножко водочки и желудок будет здоровее некуда. Давай, Сашка. Я тост говорить буду.

Александр Петрович смотрел на стопку до краев наполненную казенкой и думал, а может, и правда, не стоит? Да как-то неловко перед гостями. И день рождения все же. Как тут не выпить. Авось обойдется.

— А вы куда руки тянете? — спросила Татьяна у Витьки и Валерки. Витька, который сидел ближе к маме, подобрался к ее стопке и пытался поднять ее не разлив содержимое. Валерка округлив глаза, наблюдал за братом. — Ты посмотри! Рано вам еще, — сказала Татьяна и отставила стопку подальше от рук детей.

— Дам по жопе, — пригрозил Павел, взглянув на сыновей исподлобья.

Дети притихли и уткнулись носами в тарелки.

Тем временем, Костя поднял стопку, взглянул на друга и сказал:

— Ну, Сашка, что же тебе пожелать?

Александр Петрович поднялся со стула и взял в руку стопку. Взгляд его устремился на друга.

— Шестьдесят лет — это тот возраст, — начал Костя, — когда можно остановиться, посмотреть на прожитую жизнь, порадоваться достижениям, погрузиться о несбывшихся мечтах, подумать о будущем, но главное, можно, посмотреть на свое настоящее, на детей, внуков и сказать себе: Я не зря прожил жизнь. Но часто наше настоящее нас не радует, так как нет в нем очень важной для стариков вещи — здоровья. Поэтому я хочу тебе, Сашка, пожелать здоровья. Что бы хватило тебе его и внуков вырастить и правнуков понянчить. В нашем возрасте здоровье — это единственно чего всегда не хватает. Поэтому желаю здоровья и только здоровья. За тебя, мой друг! — сказал Костя и поднял стопку.

Звон стопок заглушил слова благодарности Александра Петровича.

— Хорошо иметь таких друзей, — подумал Александр Петрович. — С таким, как Костя и в огонь и в воду. Никогда не подведет. Спасибо, Костя.

Александр Петрович, поднес стопку к губам и выпил содержимое. Ухнув, он потянулся за бутербродом со шпротами.

— Кажется, пронесло, — подумал Александр Петрович, пытаюсь почувствовать, как отнесся желудок к алкоголю.

— Как ты? — Надежда Васильевна повернула голову к мужу.

— Все хорошо. Не переживай.

— Ну, и слава Богу.

За разговорами и пожеланиями прошел весь вечер. Александр Петрович старался пить мало, да и ел немного. Стол ломился от еды, но Александр Петрович как будто этого не замечал, аппетита не было, да и боль вернулась. Благо, она не была такой острой, как раньше и ее можно было терпеть. Но, как и любой мужик, Александр Петрович всегда любил хорошо поесть. И теперь глядя на еду на столе испытывал сожаление от того, что из-за страха как бы не стало хуже и куда-то девавшегося аппетита не может себе позволить приналечь на всякие вкусности на столе.

Когда уже под конец застолья подошла его очередь говорить последнее слово, Александр Петрович поднялся со стула, окинул собравшихся взглядом и сказал:

— Сидел весь день и пытался составить речь. Не получилось. Ну да черт с ней. Попробую что-то сказать, как говорится, экспромтом. Так вот. Сегодня, когда сидел с ручкой в руке, перед глазами пронеслась вся жизнь. Вспоминал, что о детстве, вспомнил, как Надюшу с роддома забирал, даже как Шарик у нас появился...

Собака едва услышала свое имя, выползла из-под стола и уселась на лапы у ног хозяина.

— Да не звал я тебя, Шарик, не звал, — сказал Александр Петрович и потрепал собаку за ухом. — Так, к слову пришелся. В общем, — повернулся Александр Петрович к гостям, — многое пришлось вспомнить. Пришел я к тому, что прожил я свою жизнь не зря.

— Бать, ты что хоронить себя собрался? — Павел посмотрел на отца. — Ты это, не смей, рано еще.

— Да что ты к отцу прицепился, — сказала Надежда Васильевна. — Дай отцу закончить.

— Нет, Паша. Помирать я еще не собрался. Мне надо еще... как ты Костя сказал? — Александр Петрович повернулся к Косте. — Правнуков понянчить.

— Да Сашка. И правнуков и праправнуков, — улыбнулся Костя.

— Ну, про праправнуков не знаю, а вот правнуков понянчить хотелось бы. Да только знаете. Я сегодня думал уже об этом. Я где-то читал, что у нас в Украине средняя продолжительность жизни мужиков — шестьдесят два года. Вот я и подумал, а мне-то уже шестьдесят. Сколько тут до шестидесяти двух осталось? Два года?

— А ты, бать, меньше подобной хрени читай, — вмешался Сашка-младший. — Мало ли что могут написать. У нас в государстве нельзя верить тому, что пишут.

— Ну, не говори, Сашка, — замотал головой Павел. — Чему-чему, а вот этому как раз верить нужно. В Украине мужики на самом деле, как мухи дохнут.

— Саш, — сказал Олег, повернув голову к другу. — Ты не думай об этом. Живи себе потихоньку, сколько Бог отмерил. Кто-то и до шестидесяти не доживает, а кто-то и до девяноста дожить может. Так что как кому отмерено.

— Олечка прав, — сказал Костя. — У тебя отец сколько прожил, почти девяноста лет?

— Восемьдесят три, — поправил Александр Петрович.

— Ну вот. И мой отец восьмой десяток разменял. То алкаши мрут в шестьдесят, а то и меньше. А мы мужики здоровые, водкой не злоупотребляем, разве что по праздникам.

— Да, у нас в Украине, что ни день, то праздник, — рассмеялся Михаил Александрович, отец Татьяны.

— Да Миша, тут ты прав, — согласился Александр Петрович. — У нас, что ни день, то праздник. У нас народ не может без водки. Нация алкашей какая-то. Какой же мы пример показываем подрастающему поколению. Вон хотя бы Валерке с Витькой, — Александр Петрович кивнул на внуков, дырявивших вилками куски торта на тарелке. — Как-то неправильно это.

— Ну, а что ты хочешь, Сашка. Жизнь у нас такая. Ты же видишь у нас все высокое, и безработица, и преступность, и инфляция, и цены, только зарплаты и пенсии низкие. Как получается, так и живет, — сказал Костя.

— Значит, неправильно живем, — возмутился Александр Петрович. — Мне вон Сашка фотографии показывал, те, что за границей сделал. Там же другая жизнь. Там люди по-другому живут. И действительно живут, а не существуют, как мы.

— То ты не равняй палец с сам знаешь чем, — сказал Костя.

— Костя, — одернула мужа Люба. — Дети же.

— А что дети? Я ничего такого не сказал. Просто Сашка там люди другие, вот и живут по-другому. А у нас... как наш президент когда-то говорил? Народ у нас быдло. Имеем то, что и имеем.

— Ага, — засмеялся Павел. — Имеем то правительство, которое нас потом и имеет.

— Да Пашка, — кивнул Костя. — Именно так. Рыба откуда начинает гнить? С головы. Отрубить голову, так может все остальное свежим останется.

— Вы все правительство, президент, голову рубить, — сказал Александр Петрович — А кто это? Роботы или машины? Те же люди, что и мы с вами.

— Вот я про то и говорю, — заметил Костя. — Люди у нас такие. Каждый о себе думает. Как у нас говорят: моя хата с краю. Менталитет у нас такой. Мен-та-ли-тет. Тут уже ничего не поделаешь. Семьдесят лет Союза не прошли даром.

— Э-э-э, — протянул Олег. — Ты, Костик, так не говори. — Я в Союзе за свою зарплату мог не только одеться, обуться, семью прокормить, но и на машину насобирать денег. Мои дети ели булочки по одной копейке и батоны по пятнадцать копеек, колбасу Докторскую по два рубля тридцать копеек и пили молоко по тридцать две копейки за литр. А посмотри, что сейчас творится? Народ нищий, а верхушка жирует, все никак не нажрется. Может, дай-то Бог, подавится.

— Ну, что вы развели тут за балаган? — вмешалась Надежда Васильевна. — У нас День Рождения, а вы старое ворошите. Раньше была одна жизнь, сейчас другая. Зачем старое ворошить? Воспоминаниями сыт не будешь. Дайте Сашке слово договорить.

— Времена, и правда, другие были, — Александр Петрович провел пальцами по щекам. — Надо как-то приспособливаться только вот как же его приспособишься-то, когда народ не живет, а выживает.

— Голова, Сашка, с головы все начинается, — вставил Костя.

— Да уймись ты наконец, — сверкнула на мужа глазами Люба.

— Нет Костя, не голова, а народ, люди. Вот наша проблема.

— Сашка, ну что ты ей Богу? Что ты так разошелся? Заканчивай речь уже, — сказала Надежда Васильевна. — Итак развели здесь Бог знает что.

— Как говорил Верещагин из фильма «Белое солнце пустыни»: за державу обидно, — скривился Александр Петрович. — Ну, да ладно. Так о чем я говорил? А, вспомнил. Хотел сказать, что многое было в жизни — и плохого, и хорошего. Все прошло. Что-то к счастью, что-то, может быть, к сожалению. Но сегодня, стоя перед вами, хотел бы сказать вам всем большое спасибо. Спасибо, что были со мной, помогали, поддерживали в трудную минуту. Поэтому давайте выпьем за вас. За то, что бы мы еще не раз встретились за этим столом. За вас!

— Я вот..., — хотел было продолжить Александр Петрович внезапно возникшую мысль, но звон стопок заглушил его слова.

— Ну и черт с ним, — подумал Александр Петрович, чокаясь с Костей.

— Спасибо, Сашка, — сказал Костя. — Что касается меня, то мы с тобой еще не одну бутылочку разопьем и не одно день рождения отпразднуем. — Скоро мои шестьдесят будем праздновать.

— Если память меня не подводит, то через два года? — спросил Александр Петрович.

— Именно так, — кивнул Костя. — Два года разницы у нас с тобой. Два года. Ну, давай выпьем. А то смотри все выпили, а мы с тобой заговорились.

— Давай, Костик, — поддержал друга Александр Петрович и опрокинул стопку в себя. После того, как боль вернулась Александр Петрович побоялся пить много, поэтому, когда Павел разливал водку, он попросил его налить ему не больше половины стопки. И сейчас, чувствуя волнение в желудке, понимал, что так оно и, правда, было лучше.

Спустя час гости начали расходиться. Правда, Павел с детьми ушел еще раньше. Дети все же маленькие, а время было позднее. С Павлом ушли и родители Татьяны, Михаил Александрович и Людмила Игоревна. Татьяна вызвалась помочь Надежде Васильевне убрать со стола.

Когда все расходились, Александр Петрович вызвался проводить их с Шариком к метро. Правда, провожать пришлось только Костю с женой Любой. У Олега была своя машина, поэтому они с женой уехали своим ходом.

Метро находилось рядом, минут десять-пятнадцать ходьбы. Александр Петрович решил прогуляться перед сном, да и Шарика надо

было выгулять. Не все же ему взаперти сидеть. Животные, как и люди, любят свободу, к сожалению, люди этого не понимают. Еще когда Сашка приволок откуда-то маленького черного щенка, Александр Петрович поддерживал жену в том, чтобы не держать собаку в доме. Правда, мотивы у них с женой были разные. Надежда не хотела лишней грязи в квартире, а Александр Петрович не хотел неволить собаку; ведь это живое существо. Александр Петрович всегда считал, что собакам место в загородных домах, селах, но никак не в высотках. Но глядя в проникнутые искренней добротой и преданностью глазенки щенка, Александр Петрович, в конце концов, встал на сторону сына. Надежде Васильевне пришлось уступить и смириться с еще одним жителем, за многие годы ставшим полноправным членом семьи.

— Я тебе вот что скажу, — произнес Костя, когда он, Александр Петрович, и Люба шли по улице к метро. Дождь прекратился, оставив после себя озера луж. Ветер утих, но холод стоял невероятный. — Все эти разговоры о возрасте, — все это чушь собачья. Зачем думать о том, что невозможно изменить. Шестьдесят лет или сто — это не так уж и важно. Жизнь вообще простая штука, если меньше думать, — рассмеялся Костя.

— Ну, не скажи Костя. Зачем-то нам мозги все же дал Бог, — сказал Александр Петрович. — Если не думать, зачем же еще?

— А черт его знает, — пожал плечами Костя. — Вот апендикс у человека тоже есть, но для нашего организма он-то бесполезен. Правду я говорю, Любаша? Ты же у нас врач.

— Правда, Костя, правда, — ответила Люба, беря Костю под руку. — Ух, как холодно, — сказала она, теснее прижимаясь к мужу.

— Может и так, а может и не так, — ответил Александр Петрович. — Если Бог вложил в нас что-то, то это для чего-то нужно. Не может быть бесполезных органов у нас в теле.

— Какой ты упрямый, — хмыкнул Костя. — Даже старость тебя не изменила. Каким был, таким остался. Тут тебе сам специалист говорит, что может, а ты не может, да не может.

— Как говорят, Костя, горбатого могила исправит, — ухмыльнулся Александр Петрович. — Если за шестьдесят лет не изменишься, то уже никогда не изменишься.

— Это точно, — рассмеялся Костя. — Я как бросал носки под диван тридцать лет назад, так и в неполных шестьдесят продолжаю это

делать. Ох и получаю нагоняй от Любаши. А мне все как мертвому припарка.

— Кого, кого, а вот тебя и могила, тьфу, тьфу, убереги Боже, не исправит, — заметила Люба. — Так что не обвиняй Александр Петрович в упрямстве. Осел и тот ребенок по сравнению с тобой.

— Нет, ну ты видишь Сашка, какие эти женщины, — Костя соорил гримасу. — Ну, никак им не угодишь.

— А нам угождать не надо, — сказала Люба. — Нас понимать надо. Если ты это за свои 58 лет жизни не понял, то кто тебе врач? Уж не я точно.

— Эх, Сашка, — вздохнул Костя. — Вот так и живем — я ей пять копеек, она мне рублем рот затыкает. Ничего возразить не могу. Видишь, какая умница, все знает. Может из-за того, что книги читает. Но иногда, — Костя повернулся к Александру Петровичу и прошептал, — мне кажется, что лучше пусть бы ни читала.

— Я все слышала, — сказала Люба. — Может, если бы и ты книги читал, то знал бы, зачем человеку мозги.

— И что ей сказать после такого? — приуныл Костя. — Перед лучшим другом и так унижает. А еще любимая жена называется. Ты бы лучше, вон у Шарика поучилась, — кивнул на собаку Костя. — Иногда и молчать полезно.

— А ты мне, что это рот затыкаешь? — повернула голову к мужу Люба. Выражение на лице вряд ли можно было назвать приветливым.

— Все, все молчу, — засмеялся Костя, видя реакцию жены. — Я шучу, а ты все на веру воспринимаешь.

— Костя, — Александр Петрович решил вмешаться. — Я вот что тебе скажу. Иногда мне кажется, что женщины мудрее мужчин. Нет, нет, ты дослушай, — он взял Костю за руку, порывавшегося что-то сказать. — Ведь известно, что женщины больше склонны руководствоваться в жизни чувствами, а не головой, как мужчины. Мне когда-то Надюша предлагала, чтобы я пробовал себя на писательском поприще. Я как сейчас помню. «Сашка, — говорила она. — Если чувствуешь, что это твое, не сомневайся. Берись и делай. Семью как-то вдвоем прокормим». Но я не слушал ее. Для меня семья была на первом месте. Надо же и кормить было, и одевать, и вещи какие-то в квартиру покупать. Благо завод выделил квартиру, а так, кто бы мне ее дал, если бы писательствовал. Но, знаешь, жизнь не такая

легкая штука, как кажется на первый взгляд. Сейчас я думаю, да что греха таить, я чувствую, что чего-то не хватает мне в жизни. Как будто осталось что-то незаконченное. Нет... как это сказать... удовлетворения что ли. Нет. Вы не поймите меня неправильно. Бог мне свидетель. Я вполне доволен своей жизнью. У меня чудесная семья, жена, дети, но все равно. Чувствую, что чего-то не хватает. И от этого какой-то тяжелый осадок на душе остается.

— Эх, Сашка, — Костя положил руку на плечо друга. — Всегда ты воду баламутишь. Да перестань ты думать о том, что могло быть. Ну, вышло, так как вышло. И черт с ним! Сам говоришь, у тебя чудесная семья, так и живи для семьи, как всю жизнь жил. Да и кто тебе мешает писать сейчас. Пенсия есть, крыша над головой тоже имеется. Пиши, если душа желает.

— И правда, Саша. Почему бы тебе не попробовать сейчас писать, — поддержала мужа Люба. — Детьми заниматься уже не надо, разве что внуками, когда в гости придут. Кто знает, может мы сейчас идем с новым Достоевским или Толстым.

— Во-во, Любаша дело говорит, — ухмыльнулся Костя и подмигнул другу. — Сам же говорил, что женщины мудрее мужчин.

— Боюсь, стар я уже для этого, — вздохнул Александр Петрович. — Мне же не двадцать лет, и даже не тридцать. Тут уже о смерти стоит задуматься, а не о писательстве.

— Опять двадцать пять. Кто про что, а ты про смерть, — рассмеялся Костя. — Ну, смотри сам. Как-никак твоя жизнь, тебе и решать. Ну, давай друг пять, — сказал Костя, когда они подошли к станции метро. — Даст Бог свидимся. Меньше думай о плохом.

— До свидания, Саша. Заходите с Надюшей в гости, — сказала Люба. — Раньше часто заходили, а в последнее время уже и дорогу к нам забыли.

— Хорошо, Люба, — сказал Александр Петрович. — Постараемся зайти. Как-то времени все не было. Сама знаешь, какая у нас жизнь в стране. Заботы, хлопоты. Никуда от них не деться.

— Знаю, Саша, знаю. Приходите. Мы с Костей будем ждать. До свидания, — сказала Люба и спустилась в переход.

— Только не забудь бутылочку коньячка принести, — подмигнул Костя. — Ну, все. Будь здоров, — сказал он и последовал за женой.

— Ну, что Шарик, — Александр Петрович повернулся к собаке, — ты все столбы обошел? Можем идти домой?

Собака посмотрела на хозяина, вильнула хвостом и побежала вперед, старательно обегая лужи.

— Ух, — вырвалось у Александр Петрович, когда он почувствовал, как щеки и нос зацепил мороз. — Днем дождь, ночью мороз. Непонятно, что с погодой творится. То осень, то зима. Все это... как его... глобальное потепление. До чего природу довели, что она уже не знает, когда у нее что.

Александр Петрович плотнее закутался в пальто и последовал за собакой.

— Ну, что, проводил Костю с Любашей? — спросила Надежда Васильевна, когда он вернулся домой. — Шарик, куда побежал? — повернулась она к собаке, метнувшейся на кухню. — А ну быстро в ванную ноги мыть!

— Проводил, а где Татьяна? Ушла что ли уже? — спросил Александр Петрович, заглядывая в кухню. — И Сашки не видно.

— Да Сашка пошел провожать Танюшу. Скоро придет.

— Тогда понятно, — сказал Александр Петрович, снимая пальто в прихожей.

— Шарик, я кому сказала в ванную, — нахмурилась Надежда Васильевна, заметив, как собака побежала на кухню. — Идем, я тебе ноги помою. Что за собака упрямая.

Надежда Васильевна схватила собаку за ошейник и поволокла в ванную.

— Вся в хозяина, — улыбнулся Александр Петрович. — А где это мои тапочки? Что-то я их не вижу. Неужто Шарик затащил куда-то?

— Я их в стенку в прихожей спрятала, — перекрывая шум бегущей воды, из ванны донесся голос Надежды Васильевны. — Подальше от этого лохматого проходимца. Стой смирно, Божье ты наказание. Саша, нашел?

— Нашел, нашел, — ответил Александр Петрович, направляясь в зал. Спустя мгновение к нему прибежал Шарик, довольный, что убежал от Надежды Васильевны. Запрыгнув на диван, собака начала моститься возле старика.

— Что это у тебя ноги мокрые? — спросил Шарика Александр Петрович.

— Что, что, — сказала Надежда Васильевна, заходя в зал. — Не дал ноги вытереть, вот они и мокрые. А что это ты сегодня не ел за столом ничего? — спросила она мужа.

— Да, что-то не хотелось, — ответил тот.

— Что, опять желудок болел? — обеспокоилась Надежда Васильевна.

— Было малость, но не волнуйся, уже не болит.

— Ты помнишь, что ты мне обещал?

— Помню, завтра с самого утра схожу в поликлинику.

— Вот и славно. Я иду спать, — сказала Надежда Васильевна, выходя из зала. — Мне завтра на работу.

— Да я тоже пойду, — Александр Петрович двинулся следом за женой. — Сонливость какая-то появилась. А что это ты опять в субботу работаешь?

— Слава Богу, что хоть в воскресенье меня не трогают, — сказала Надежда Васильевна, входя в спальню и включая свет. — Ты же знаешь этих частников, они готовы работать сутки напролет только бы заработать больше денег.

— Конечно знаю, — ответил Александр Петрович. — Эх, люди с ума посходили. Кроме денег ничего больше не хотят знать.

— А что, Саша, поделаешь? Надо же людям как-то выживать. А что это ты сегодня ополчился за столом? На тебя это не похоже. Тихий, тихий, а тут разошелся. Я даже подумала, тот ли это Сашка, которого я знаю тридцать шесть лет, — сказала Надежда Васильевна, забираясь под одеяло.

— Надюша, неправильно все это. Вот и разошелся.

— Что неправильно?

— Да все. Вся наша жизнь неправильна. Вот чувствую, что что-то не так. Что-то не хватает. Какая-то она бессмысленная, что ли.

— Сашенька, так все люди живут. Так устроено наше общество. Тут уже ничего не поделаешь.

— Эх, Надюша. Может ты и права. Но от этого как-то пусто на душе становится. Вот чувство такое, плохое какое-то, — сказал Александр Петрович, раздеваясь.

— Что-то ты расчувствовался. О чувствах заговорил. С каких это пор тебя чувства начали беспокоить? — удивилась Надежда Васильевна.

— А вот как стукнуло шестьдесят, так и начали. Говорят, на старости лет человек мудрее становится. Может, со мной как раз то, помудрел, — улыбнулся Александр Петрович, представ перед женой в одних трусах.

Внезапно Надежда Васильевна нахмурилась.

— Сашка, а ну-ка повернись, — попросила она мужа.

— А это тебе зачем? — вскинул брови Александр Петрович. — Неужели давно не видела меня в таком виде?

— А вот представь, не видела. Поворачивайся говорю тебе, — не унималась Надежда Васильевна.

— Ну, поворачиваюсь, — Александр Петрович развернулся на триста шестьдесят градусов.

— Сашенька, Бог мой. Да ты никак похудел, — всплеснула руками Надежда Васильевна. — И как это я не заметила раньше. Кожа висит, словно тебе не шестьдесят, а сто шестьдесят лет. Это все твое «не хочется кушать».

— Старый я. Вот и худею, — сказал Александр Петрович. — Ты что разве не знаешь, что в старости люди вниз растут, а не вверх. Так и у меня. Сужаюсь, а не расширяюсь, — рассмеялся Александр Петрович собственной шутке. Но Надежде Васильевне его шутка совершенно не понравилась.

— Только скажи мне еще раз «не хочу кушать», я тебе дам не хочу. Шарик и тот ест больше, чем ты. А ты же взрослый мужчина, тебе надо хорошо питаться.

— Как скажешь, Надюша, — ответил Александр Петрович. — Ну что, я могу лечь в кровать или мне и дальше быть моделью на подиуме?

— Ложись уже, несчастье ты мое, — сказала Надежда Васильевна, заворачиваясь в одеяло. — Шарик — первое несчастье, а ты — второе. Что мне с вами делать? Не любила бы, выгнала бы на улицу обоих, может образумились бы.

— Эх, Надюша, — сказал Александр Петрович, гася свет в спальне. — Несчастье плюс несчастье и будет тебе одно большое счастье.

— Ой, счастье ты мое. Забирайся под одеяло. Нечего голяком по комнате расхаживать. Простудишься. И на чьи это руки? На мои опять же.

— Ну, не бурчи, не бурчи, — сказал Александр Петрович, забираясь под одеяло и обнимая жену. — Спокойной ночи, Надюша. Как-то оно да будет. Когда-то все образумится.

— Твои слова да Богу в уши. Спокойной ночи, Сашенька, — отозвалась Надежда Васильевна, прижимаясь к мужу.

Глава 3

Поход к врачу

Александр Петрович проснулся рано, еще до будильника, заведенного на 6:00. Мысли по поводу предстоящего посещения врача беспокоили его, заставляли нервничать. Он собрался было отказаться от этой затеи, но совесть грозила доставить ему еще больше мучений, чем этот треклятый поход к врачу. Как-никак, но он пообещал жене, лишний раз расстраивать ее и волновать он не хотел.

На дворе было темно. Солнце не спешило осчастливить этот мир своим приходом, словно боялось зимнего холода, царящего в нем. С улицы донесся визг автомобильной сирены.

— Чертовы машины, — подумал Александр Петрович. — Развелось словно тараканов. Ни пройти, ни проехать, ни поспать не дадут.

Он попытался заснуть, но сон не шел. На душе было тревожно. Так он и промаялся в неудачных попытках заснуть, пока трель будильника не разбудила Надежду Васильевну. Надежда Васильевна проснулась и потянулась к ночнику. Тусклый свет осветил спальню и ее мужа, лежащего на спине и разглядывавшего люстру.

— А ты чего не спишь? — спросила Надежда Васильевна мужа. — Тебе же не надо на работу идти, как мне.

— Да что-то не спится, — отозвался Александр Петрович. — Все этот поход к врачу покоя не дает. Будь он неладен.

Надежда Васильевна улыбнулась.

— Трусишка. Как не любил ты врачей, так и не любишь. Но ничего, сходишь, узнаешь, что да как, авось ничего серьезного. Как только выйдешь от врача, сразу позвони мне, чтобы я не волновалась.

— Так и сделаю, — пообещал Александр Петрович. — Как только, так сразу.

— Вот и молодчина, — Надежда Васильевна поднялась с кровати. — Я в ванную и на работу. Как хорошо, что сегодня кушать не надо готовить. Откроете с Сашкой холодильник и возьмете, что захотите. Только не вздумай ничего не кушать, — предупредила Надежда Васильевна. — Исхудал, кожа, да кости.

— Ну, ну, не преувеличивай, — сказал Александр Петрович, хлопая себя по животу. — У меня еще вполне приличный бочонок.

— Ой, Сашка, Сашка, — только и сказала Надежда Васильевна, покидая спальню.

Александр Петрович закутался в одеяло и закрыл глаза.

— Как хорошо все же на пенсии, — подумал он и улыбнулся. — На работу утром вставать не надо. Лежи себе, сколько душа желает.

Из ванны донесся шум воды. На улице опять завывала сигнализация.

— Чертов прогресс, — пробормотал Александр Петрович. — Какой только дурак выдумал сигнализацию для машины?

У кровати послышалась возня, и через мгновение на ноги Александру Петровичу плюхнулось что-то тяжелое.

— Шарик, — улыбнулся он, увидев собаку, улегшуюся ему на ноги. — Ты больше нигде не нашел места прилечь? Мои ноги — уже не те, что раньше. Тебя им тяжело уже держать. Не маленький все же, — сказал Александр Петрович, убирая ноги из-под собаки. — И знаешь, на твоём месте я бы слез с кровати. Вернется Надюша, даст тебе по ушам. Ты же знаешь, как она не любит, когда ты лезешь на кровать.

Шарик посмотрел на Александр Петрович, затем зевнул и положил голову на лапы.

— Упрямый ты Шарик, упрямый, — Александр Петрович почесал собаку за ухом. — Ну, не хочешь слушаться, как знаешь. Тогда сам разбирайся с Надеждой.

Шарик закрыл глаза и прикинулся спящим. Внезапно дверь в ванную открылась, и в тот же час Шарик вскочил на ноги, спрыгнул с кровати и забрался под нее.

— А Надюша говорит, я трусишка, — засмеялся Александр Петрович. — А тут еще больший трусишка есть... Эх, Шарик, Шарик, — сказал Александр Петрович, закрыв глаза. — Старые мы с тобой стали.

Александр Петрович замолчал. С кухни донеслись шаги Надежды Васильевны. Из-под кровати донеслась возня. Где-то на улице залаяла собака. Вновь взывала сигнализация.

— А говорят цивилизация — это благо, — пробормотал Александр Петрович, зевая. — Единственное благо — это хороший

сон.

Спустя некоторое время Александр Петрович заснул. Вскоре тишину комнаты нарушило тихое похрапывание. Словно в ответ из-под кровати донеслось едва слышимое посапывание.

* * *

— Что вам мужчина? — визгливый голос донесся из-за стеклянной стойки регистратуры.

— Я к врачу, — отозвался Александр Петрович, теребя шапку в руках.

— Здесь все к врачу, — заметила обладательница голоса, худощавая женщина лет сорока в белом халате, с короткой стрижкой и тонкой оправой очков на носу.

— Я не знаю к кому. Наверное, к гастроэнтерологу.

— Тогда пойдете к терапевту. Он вас направит куда надо.

— К терапевту, значит к терапевту.

— У вас медицинская карточка есть? — спросила женщина в белом халате.

— Какая карточка? — не понял Александр Петрович.

— Медицинская, — ответила женщина. — А как вы хотели к врачу идти? Прийти, сказать «здрaсте» и все? Так не положено. Как вы по врачам всю жизнь ходили? Ладно. Заведем новую. Как ваша фамилия?

— Огненко, — отозвался Александр Петрович.

— Огненко, — повторила регистраторша, заполняя титульную страницу карточки.

— Имя и отчество.

— Александр Петрович.

— Хорошо. Вот вам, — сказала женщина, протягивая старику карточку. — С ней идете к врачу.

— А куда идти? — спросил Александр Петрович.

— Второй этаж, кабинет «222».

— Спасибо, — пробормотал Александр Петрович. — Это все?

— А что вы еще хотите? Чтобы я вам вальс Бостон станцевала? Все. Следующий.

— Да не надо мне ваш вальс, — пробормотал Александр Петрович, направляясь к лифту. — С меня вполне хватило бы человеческого обращения.

Старик прошел к лифту и нажал кнопку вызова, затем еще раз и еще. Как бы он хотел оказаться где угодно, только не здесь. Белые халаты, свойственные поликлиникам запахи, толпа народа. Александр Петрович снова нажал кнопку вызова. Индикатор движения лифта застрял на цифре «5».

— Что же так долго? — пробормотал Александр Петрович, раз за разом вдавливая кнопку вызова в панель.

— Мужчина, что вы так нервничаете? — спросила женщина в белом халате, подходя к лифту. На бейджике на груди было написано: Галина Юрьевна. Врач-невропатолог. — Вы разве не знаете, что нервы надо беречь?

— Где ты на меня взялась? — подумал Александр Петрович, а вслух произнес. — Слышал такое. Говорят, нервные клетки не восстанавливаются.

— В вашем возрасте уж точно, — заметила Галина Юрьевна. — Поэтому перестаньте насиловать кнопку вызова. Она ни в чем не виновата.

— Пожалуй, вы правы, — пробормотал Александр Петрович, оставляя кнопку в покое. Взгляд уткнулся в пол, выложенный зеленой плиткой, руки принялись мять уголок карточки.

— Вам какой? — спросила врач, когда лифт спустился и они вошли внутрь.

— Второй этаж, будьте добры, — отозвался Александр Петрович.

Дверцы лифта закрылась и кабинка понеслась навверх. Спустя мгновение Александр Петрович вышел из кабинки и принялся искать кабинет «222».

— «200»... «205»... «214»... «220»..., - бормотал Александр Петрович, двигаясь по коридору поликлиники. — «222». Кто крайний? — спросил старик, обращаясь к веренице людей, расположившихся у двери с табличкой «222».

— Наверное, я, — отозвался щуплый парнишка, бросив взгляд на старика.

— Тогда я буду за вами, — сказал Александр Петрович, прислоняясь к стене. Он бы с радостью присел на лавочку с

поролоновой седушкой, но они все лавочки поблизости оказались заняты. Александр Петрович посмотрел на толпу, собравшуюся перед кабинетом, и вздохнул, часа два, как минимум, придется здесь просидеть.

— Надо было что ли газету какую купить? — подумал Александр Петрович. — Ну, что ж тут поделаешь уже? Придется стенки рассматривать.

Дверь в кабинет под номером «222» открылась, выпуская посетителя, девушку лет двадцати в узких джинсах и кофточке, и закрылась за старухой с карточкой, толщине которой позавидовала бы даже Библия.

Час прошел, два, а Александр Петрович все также стоял перед дверью, ведущей в кабинет «222», правда, теперь он не стоял у стенки, а сидел на лавочке. Наконец-то подошла и его очередь. Старик поднялся с лавочки и вошел в кабинет.

— Здравствуйте, — поздоровался Александр Петрович с врачом, мужчиной сорока-сорока пяти лет, с маленькими усиками. Врач сидел за столом и что-то записывал в карточку, одной из множества, стопкой стоявшей рядом на столе. Напротив врача сидела девушка и также водила ручкой по бумаге.

— Ассистентка, — догадался Александр Петрович.

— Здравствуйте, — отозвались и врач и ассистентка. — Присаживайтесь, — сказал врач, указывая на стул, прислонившийся к письменному столу. — Подождите немного. Мне надо заключение дописать.

— Конечно, конечно, пишите, — сказал Александр Петрович и принялся рассматривать помещение. Небольшая комнатка с двумя состыкованными письменными столами, стеклянный шкаф с папками и карточками за спиной у ассистентки, еще какой-то шкафчик за спиной у врача, вешалка, одиноко стоявшая у двери, и кушетка у стены. Александр Петрович заглянул в окно. В воздухе кружился снег.

— Первый зимний снег, — пронеслось в голове у Александра Петровича. — Зима все-таки пришла.

Снег начал идти еще ночью. И когда Александр Петрович вышел из дома, все вокруг уже было покрыто белым мохнатым одеялом зимы. Машины и дорога, крыши домов и деревья. Ничто не укрылось от этих маленьких невесомых белокрылых звездочек. Александр Петрович

вспомнил, как обрадовался, увидев снег. Он любил зиму и не понимал, почему ее не любят другие. Холодно говорят.

— Зато красиво, — подумал Александр Петрович и улыбнулся.

— Людочка, я закончил. Отнеси, пожалуйста, эти карточки в регистратуру, — попросил врач, откладывая ручку в сторону и протягивая помощнице стопку медицинских карточек.

— Хорошо, Николай Васильевич. Давайте отнесу.

— Спасибо, — поблагодарил Николай Васильевич и посмотрел на старика. — Так. Теперь возвращаемся к вам. Вы с чем ко мне пожаловали?

— Да, желудок беспокоит. В регистратуре к вам направили.

— Это правильно, — сказал врач. — Разденьтесь по пояс. Мне надо вас послушать.

— Как скажете, — Александр Петрович снял свитер и повесил его на спинку стула. Затем наступила очередь рубашки и майки.

Раздевшись, Александр Петрович поежился. В комнате было прохладно.

— Нет, не садитесь, — попросил врач, заметив, что старик решил вернуться на стул. — Подойдите ко мне.

Александр Петрович подошел к врачу. Холодная головка спектроскопа заставила его вздрогнуть, когда прижалась к его груди.

— Дышите... дышите... не дышите, — командовал врач, водя головкой спектроскопа по груди Александра Петровича.

— Повернитесь ко мне спиной, — попросил он.

Александр Петрович развернулся.

— Дышите... дышите... не дышите, — вновь услышал он. — Хорошо, присаживайтесь на стул. Я давление померяю. Спектроскоп сменил тонометр.

— Сто пятьдесят на девяносто. Для вашего возраста вполне нормально. Лягте пока на кушетку, — сказал врач и принялся что-то писать в карточке.

Александр Петрович двинулся к кушетке.

— Раньше жалобы были на желудок? — спросил врач, тыкая пальцами старика в живот.

— Давно еще. Когда был молодой, язву заработал, но давно было, — повторил Александр Петрович. — С тех пор редко когда беспокоил желудок, а вот последние несколько дней спасу не дает.

— Понятно, — сказал врач. — Вставайте и одевайтесь. Я направлю вас на анализы. Сдадите общий анализ крови, анализ мочи. Потом посмотрим, думаю, стоит и кровь с вены взять.

— Начинается, — едва не произнес вслух Александр Петрович. — С вами только свяжись.

— Хорошо доктор. Что-то сейчас можете сказать? — спросил Александр Петрович, одеваясь.

— Только после анализов. Может язва вернулась, может, съели что-то не то. Вариантов много, но вы же хотите знать наверняка, не так ли?

— Хотелось бы, — улыбнулся Александр Петрович.

— Тогда посмотрим, что покажут анализы.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил Александр Петрович. Рука скользнула в карман брюк и вытащила на свет заранее заготовленные пятьдесят гривен. — Вот, возьмите, — пробормотал он, чувствуя, как краска покрывает лицо. — Это вам.

— Спасибо, — сказал врач, пряча полтинник в карман халата.

— А карточку вы мне отдадите? — спросил Александр Петрович, бросив взгляд на раскрытую карточку на столе.

— Нет, карточку мы потом в регистратуру передадим. Мне надо еще анамнез написать.

— Что написать? — не понял Александр Петрович.

— Да вы не обращайтесь внимания, — рассмеялся врач. — В следующий раз, когда придете, возьмете ее в регистратуре.

— А потом к вам? — спросил Александр Петрович.

— Конечно, ко мне и только ко мне, — улыбался врач. — Как только результаты анализов будут готовы, сразу ко мне. Будем дальше заниматься вашим здоровьем.

— Хорошо доктор, — сказал старик, поворачиваясь к двери. — Тогда я могу идти?

— Подождите еще минутку, — остановил его врач. — Присядьте пока, — указал он на стул. — Я вам направление на анализы выпишу.

— Ах, вот оно еще что, — пробормотал Александр Петрович, присаживаясь на край стула.

— Да это не долго. Минута и вы свободны.

— Ну, вот, — мгновение спустя врач протянул старику листочек. — С этим в лабораторию на первом этаже. Только анализы

захватить не забудьте.

— Спасибо, доктор, — сказал Александр Петрович, забирая из рук врача направление. — Теперь я могу идти?

— Теперь можете, — отозвался тот. — Только не забудьте, как только получите на руки результаты анализом, сразу ко мне.

— Хорошо, хорошо, — сказал Александр Петрович, выходя в коридор. — Не забуду.

Покинув кабинет доктора, старик спустился на первый этаж, забрал одежду из гардероба и вышел на улицу. Снег продолжал кружиться в воздухе. Мороз, словно забияка, щипал за нос и уши. Александр Петрович натянул шапку на голову и двинулся к остановке.

— Не все так страшно, как казалось, — подумал Александр Петрович. — Только хлопотно это все. Анализы неси, результаты жди, снова к врачу иди, а потом еще куда-то обязательно направят. Врачи любят это дело. Да только толку с их направлений, как с Шарика молока, — старик улыбнулся, вспомнив о собаке. — Когда-то думал, что вот выйду на пенсию, буду отдыхать, телевизор смотреть, книжки читать. А оно как-то все не получается, разве что на телевизор все же время есть. Телевизор — это святое. Чтобы мы без него делали.

Александр Петрович подошел к остановке как раз вовремя, чтобы успеть на трамвай. Зайдя в салон трамвая, он примостился рядом с выходом, ехать было недолго, всего две остановки.

— Ну, что вы тут стали, — сказала девушка в норковом полушубке, обходя старика. — Неужели пройти дальше в салон нельзя? Блин.

— Выхожу скоро, — попытался улыбнуться Александр Петрович, чувствуя, как его охватывает неловкость. Авось, и правда, надо было дальше пройти по салону.

— Что у вас, мужчина? — спросила женщина-кондуктор, протискиваясь к старику.

— Пенсионное, — отозвался Александр Петрович.

— Показывать надо, — сказала женщина-кондуктор.

— Ну, что поделать. Надо, значит надо, — Александр Петрович полез во внутренний карман пальто за пенсионным удостоверением.

— Вот, — сказал он, доставая удостоверение.

Женщина-кондуктор бросила взгляд на удостоверение и двинулась дальше по салону.

— Что они все такие злые? — подумал Александр Петрович. — Лица кислые, словно щи обьелись. — Что за люди у нас в Украине? Ни помощи, ни сострадания не дождешься, замкнутые, завистливые, жадные, все под себя, да под себя. Что ж вы не наедитесь-то никак? Все вам мало. До чего люблю Украину, и до чего не нравятся люди, которые здесь живут. Прав Костя, народ у нас такой. Что в лоб, что по лбу, а ему хоть бы хны.

— Подайте Христа ради, — донесся спереди тонюсенький голосок. — Кто сколько может.

Александр Петрович посмотрел вперед и увидел девушку-инвалида. Искривленное болезнью лицо, костыли под мышкой, одна нога короче другой. Александр Петрович содрогнулся.

— Что ж за жизнь у такого человека? — подумал Александр Петрович, доставая кошелек из внутреннего кармана пальто. — Если мы все жалуемся на то, что нас жизнь обидела, то, что же об этой бедняжке сказать? Она не обижена жизнью, она полностью ее лишена.

— Подайте, пожалуйста, Христа ради. Кто сколько может. Пусть Боженка вас благословит, — неслоь по салону.

Александр Петрович посмотрел на пассажиров. Кто-то протягивал калекке мелочь, кто-то гривну, две. Но таких было мало. Большинство замкнулось внутри себя, отгородилось от проблем окружающего мира и погрузились, кто в чтение, кто в слушание музыки в наушниках, а кто просто пялился в окно, словно никогда прежде не видел этих серых, мертвых, уродливых коробок-домов. Изредка они все же достаивали калеку взглядом, кто сострадающим, кто жалеющим, а кто безразличным.

— Что же это за люди такие?! — пронеслось в голове у старика. — Люди ли это вообще? Ни сострадания, ни помощи. Нация эгоистов. Зомби какие-то.

— Помогите дяденька, — калекка остановилась возле Александра Петровича, в глазах блеснули слезы.

— Конечно помогу, дитя, — отозвался старик, открывая кошелек. Пальцы принялись перебирать купюры — гривна, пару двушек, три пятерки, две десятки, две двадцатки, один полтинник.

— Что же дать? — Александр Петрович задумался. — Две гривны? Может пять? Думаю, пятерки хватит... Но... но если я врачу на взятку пятьдесят гривен дал, то что ж я для этого ребенка жалею?

Вот возьму и дам пятьдесят гривен. Стоп. Что ж это получается? За день сто гривен в минус. Нет, это не порядок. Я ж не денежный мешок, в конце концов. А я с чем останусь. Смотри какой, благотворительностью решил заняться. Тебе кто дал бы пятерку хотя бы. Надюша домой не пустит, если узнает. Дам ребенку пятерку. Этого будет достаточно. Я ж, правда, не бизнесмен какой, — Александр Петрович коснулся пальцами купюры в пять гривен, готовый вытащить ее из кошелька, но взглянув в глаза девушки-калеки, наполненные страданием, замер. Неловкость охватила его.

— Ты ж не прогулять деньги решил, — укорил он себя. — Это же доброе дело, помочь нуждающемуся человеку. Может, и тебе какая добрая душа поможет. Маловероятно, конечно, но мало ли что. Все мы под одним небом ходим и одним воздухом дышим. Никто не знает, что будет завтра.

Александр Петрович достал из кошелька полтинник и протянул калеке. Рука девушки задрожала, когда она протянула ее к старику. Девушка недоверчиво посмотрела на Александра Петровича, словно боялась, что он шутит.

— Бери, бери, — улыбнулся старик.

Калека взяла полтинник из рук Александра Петровича и сказала:

— Спасибо вам большое. Пусть Боженька вас благословит. Спасибо.

Трамвай остановился, и девушка вышла из салона, сжимая в руках пятьдесят гривен. Искривленное болезнью лицо светилось так, как будто в руках у калеки было не пятьдесят гривен, а тысяча.

Старик посмотрел по сторонам и увидел, что своим поступком привлек внимание зомболюдей. Александр Петрович улыбнулся, когда увидел, что большинство взглядов выражало недоумение и даже сомнения в его здравомыслии. Но то чувство, которое старик испытал, когда отдал деньги девушке-калеке, заставило его иначе посмотреть на ситуацию. Такого тепла в душе он давно не ощущал, если вообще когда-либо чувствовал что-либо подобное. Словно солнце взошло в груди. Впервые в жизни ему стало все равно, что подумают о нем люди. Да и люди ли это? Обличье человека, нутро волка.

— Хотя, — подумал старик, — животные и те добрее человека. Чего один Шарик то стоит.

Трамвай остановился и Александр Петрович вышел на свежий воздух.

— Как же здесь хорошо, — подумал старик, чувствуя, как мороз дергает за нос. — Да, это не металлическая коробка с зомболюдьми... Эх, узнает Надюша, что я занялся такой крупной благотворительностью, спустит с меня три шкуры. Зато, как же хорошо на сердце! Что же это за чувство такое чудесное?

Александр Петрович хмыкнул и двинулся по направлению к дому.

Глава 4

Звонок

Всю следующую неделю Александр Петрович пробегал в поликлинику. Он уже и сам был не рад, что связался с врачами. А ведь он знал, что так и будет. Следующие два дня Александр Петрович посвятил анализам. Когда были готовы результаты, он снова посетил терапевта. Результаты анализов тому не понравились и он направил его сдавать дополнительные анализы. Но и те и его не удовлетворили, и он направил Александр Петрович с результатами анализов к гастроэнтерологу. И снова началось. Новые анализы, исследования. Александр Петрович нервничал, и это не могло не отразиться на его отношениях с домашними. Он начал сориться с женой, обвиняя ее в том, что заставила его связаться с врачами. Да и Сашке-младшему доставалось, когда он вставал на защиту матери. Шарик и тот, при виде Александр Петрович прятался под ближайшей кроватью или столом подальше от беды.

Потом беготня по врачам внезапно прекратилась. Его оставили в покое, сказав, что после получения результатов последних анализов и исследований ему позвонят и сообщат, когда прийти к врачу, чтобы он не бегал лишний раз.

Наконец-то Александр Петрович мог вздохнуть с облегчением. Он успокоился. Отношения с родными наладились, чему, собственно, все были рады, особенно Шарик.

Однажды Александр Петрович сидел и читал книгу Филипа Жисе о жизни сердцем. Эту книгу ему посоветовал почитать Сашка-младший, большой любитель литературы с философским и психологическим уклоном. Александр Петрович скептически относился к подобной литературе, так как вполне заслужено полагал, что большинство авторов, которые пишут такие книги, пишут их только с одной целью — заработать деньги. Сашка-младший часто подсовывал Александр Петрович подобные книги, но Александр Петрович, может из-за присущего ему упрямства, а может из-за своей убежденности, не обращал на них внимания. Но книга Дородного заставила обратить на себя внимание и, в первую очередь, своей

тематикой. И теперь, листая книгу, Александр Петрович заметил, как по щекам скатываются скупые мужские слезы. Старик вытер рукой глаза и пробормотал:

— Неужели это правда?

И Александр Петрович понял, что это не могло быть неправдой. Если бы это было так, тогда бы он не плакал. Слова автора книги зацепили, как говорят, за живое, задели важную струну глубоко внутри, возможно в самом сердце.

— Да, если бы я слушал свое сердце, то может и жизнь была бы другой, — вздохнул Александр Петрович. — Но что поделать-то, время утрачено, не я то хоть дети может узнают, что такое, как пишет автор, не зря прожитая жизнь, жизнь наполненная удовлетворением. Да-а-а-а. Грустно это все. Мне бы годков хотя бы тридцать скинуть, тогда может и попробовал бы пожить сердцем. А сейчас... сейчас поздно уже. Да и я же не Жисе. Эт надо же сколько у человека мудрости в сердце, или глупости в голове. Кто его знает? Жить сердцем. Хорошо звучит, но трудно выполняется. Если верить автору, то для того, чтобы жить сердцем необходимо стать в некоторой степени сумасшедшим, не таким как все. А если разобраться, то в чем-то автор безусловно прав. Если думаешь как все, живешь как все, то и умрешь как все, с кислой миной на лице, так и не узнав, что такое настоящее счастье и удовлетворение. Другие-то, которые не сумасшедшие, правильные, реалисты, ездят в трамвае с кислыми лицами и пустыми головами. Ни улыбок на лице, ни добра в сердце. Эх, поздно меня заинтересовали такие вопросы. Время-время, куда же ты так спешишь?

Телефонный звонок прервал вереницу размышлений Александра Петровича.

— А это кто еще такой? Может врач? — сообразил старик.

Александр Петрович подошел к телефону в прихожей и снял трубку.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Александр Петрович? — послышался в трубке женский голос.

— Да. Он самый, — отозвался старик. — Кто это?

— Александр Петрович, это Людмила Тимофеевна, ассистент Николая Васильевича, вашего участкового терапевта.

— Да, да, слушаю вас, Людмила.

— Александр Петрович, не могли бы к нам подойти? Мы получили последние результаты анализов.

— И что там? — взволновано спросил Александр Петрович.

— Я... я не знаю, — ответила Людмила. — С вами доктор хочет поговорить.

— Хорошо, я приду. Сейчас одиннадцать часов. Могу я к вам сегодня подойти?

— Конечно, Александр Петрович. Приходите. Мы вас ждем. Как придете, не стойте в очереди. Прямо к нам идите.

— Хорошо, Людмила. До свидания.

— До свидания, Александр Петрович.

Александр Петрович положил трубку и посмотрел в зеркало, висевшее в коридоре. На него смотрел старик с худым лицом, изрезанным густой сетью морщин. Из-под широких густых полосок бровей выглядывали белки глаз, пожелтевшие то ли от старости, то ли от какой болезни. Седина обильно расплескалась по голове, добавив некогда красивым черным волосам несмываемой белизны.

— Как же ты изменился, Саша, — пробормотал Александр Петрович, глядя на отражение в зеркале. Рука потянулась к впалым щекам. — Каким же дряхлым ты стал. А каким красавцем ты был когда-то. Эх, года, года, что же вы делаете с людьми? А мне же только шестьдесят лет, но вид, словно у восьмидесятилетнего.

Из зала показался Шарик и заковылял к старику.

— И ты Шарик старый, — Александр Петрович погладил собаку по голове. — Но вид у тебя получше, чем у меня. Может тебе Сашка какими-то биодобавками подкармливает, — улыбнулся Александр Петрович. — Мы, Шарик, с тобой два старика, но ты уже на четырех ногах передвигаешься, а я пока что на двух, но..., - Александр Петрович взглянул в зеркало, — если так пойдет и дальше, то скоро мне понадобится третья нога. Ну, не будем о грустном. Буду одеваться. Схожу, узнаю, чем меня доктор обрадует. Ох, чует мое сердце. Неужели опять язва появилась? И это на старости лет, будто нам, старикам, других «подарков» мало.

Спустя час старик был в поликлинике. Оставив одежду в гардеробе и забрав медицинскую карточку в регистратуре, он поднялся на второй этаж. У знакомой двери с номером «222» Александр

Петрович остановился в нерешительности. Люда, ассистент доктора, говорила идти без очереди, но глядя на толпу у двери, старик засомневался стоит ли это делать. Любителей возмущаться по любому поводу среди его соотечественников было более, чем достаточно. От такого понимания дожидаться трудно. И тем не менее, Александр Петрович набрался смелости и направился к двери. Но едва он сделал несколько шагов по направлению к двери, как заметил, что головы всех повернулись в его сторону. Взгляды Александру Петровичу не понравились, так смотрят птицы-падальщики, сидящие на иссохшем дереве по среди пустыни и наблюдающие за тем, когда же сдохнет этот человек, ползущий по горячему песку.

Но отступить было некуда. Александр Петрович устремил взор на дверь, да так и шел, пока не раздался голос:

— Мужчина, а вы куда без очереди?

Старик остановился и посмотрел на говорившего. Им оказался круглолицый, краснощекий парень. Сердитый взгляд парня не предвещал Александру Петровичу ничего хорошего.

— Я был уже у врача, — попытался оправдаться Александр Петрович. — Мне позвонили и сказали заходить без очереди.

— Мы все здесь такие, — подала голос женщина, маленькая, щуплая, напомнившая Александру Петровичу старуху Шапокляк из мультфильма про Чебурашку и крокодила Гену.

— Да, да, все такие, — поддержала ее другая женщина, высокая, плотная, с грубыми, мужскими чертами лица.

— Ну, если так, — развел руками Александр Петрович. — Тогда кто здесь крайний?

— Крайних здесь нет. Здесь только последние, — заметил круглолицый.

— Пусть будет так, — смирился старик. — Так кто здесь последний?

— Я, — ответила старуха Шапокляк.

— Тогда я буду за вами, — кивнув, Александр Петрович примостился у стены.

Так бы и простоял он несколько часов у двери с номером «222», если бы из кабинета не вышла Людмила со стопкой медицинских карточек в руках.

— Александр Петрович! — воскликнула она, увидев старика. — А вы почему не заходите? Давайте быстро к доктору.

— Да я пытался, — улыбнулся Александр Петрович. — Да люди возмущаются.

— Ничего. Повозмущаются и перестанут, — Людмила окинула собравшихся взглядом и помахала старику свободной рукой. — Давайте заходите. Николай Васильевич вас ждет.

Александр Петрович смущено улыбнулся и посмотрел на окружающих, словно говоря: «Вот видите, я не сам прусь без очереди. Меня зовут».

— Быстрее, — поторопила Людмила.

— Иду, иду, — пробормотал старик и двинулся к раскрытой двери, стараясь не встречаться взглядами с другими посетителями. Ему казалось, что сейчас он едва ли не самый главный враг в их жизни.

Людмила пропустила старика внутрь кабинета, сама же закрыла за ним дверь и ушла.

— Здравствуйте, Александр Петрович, — доктор, увидев старика, улыбнулся, после чего поднялся из-за стола и протянул ему руку.

— Здравствуйте, Николай..., - Александр Петрович замялся на мгновение, забыв отчество доктора, но заметив бейджик на груди доктора, пожал протянутую руку и сказал: — Николай Васильевич.

— Две минутки, Александр Петрович, — попросил доктор. — Я закончу с мужчиной. А вы пока присядьте на кушетку.

— Хорошо, — сказал старик, направляясь к кушетке.

Опустившись на край кушетки, Александр Петрович принялся рассматривать в который раз кабинет доктора. Между тем, доктор вернулся за стол и принялся писать в медицинской карточке. Рядом с ним сидел плотный мужчина лет сорока и смотрел в окно.

— Это хоть лечится, доктор? — услышал старик.

— Конечно лечится, — доктор оторвал взгляд от карточки и посмотрел на посетителя. — От гастрита еще никто не умирал. Это вам не... — доктор бросил взгляд на Александр Петрович, кашлянул и вернулся к заполнению карточки. — Не важно. Лечится, все лечится, если не запускать. Попринимаете то, что вам приписал гастроэнтеролог, что я припишу, и все будет хорошо, да и про диету не забываете.

— Не забуду, — пообещал мужчина. — Мне мое здоровье дорого.

— Вот и отлично, — сказал доктор, после чего взял чистый листик и принялся писать на нем.

— Вот вам дополнение к тому списку, что вам написал гастроэнтеролог. Что и как принимать, я написал. Держите, — доктор протянул посетителю исписанный листик. — Можете быть свободны. Через месяц я жду вас снова.

— Как скажите, доктор, — отозвался мужчина, поднимаясь со стула. — До свидания.

— До свидания, — попрощался доктор и посмотрел вслед посетителю.

— Как ваши дела, Александр Петрович? — повернулся он к старику, едва мужчина вышел из кабинета. Улыбка появилась на его лице.

— Помаленьку, — старик оторвал взгляд от цветочного линолеума на полу и смущено улыбнулся, когда взгляд встретился с взглядом доктора.

— Это хорошо, — кивнул доктор и посмотрел в окно. — Это хорошо... Да вы присаживайтесь на стул, — доктор повернул голову в сторону Александра Петровича. — Да и карточку давайте сюда.

— Спасибо, — поблагодарил Александр Петрович и пересел с кушетки на стул, после чего протянул карточку доктору. Тот взял карточку из рук старика и положил перед собой на стол. Спустя мгновение его взгляд вновь устремился в окно.

— Хорошо, Александр Петрович, — нарушил затянувшуюся паузу доктор и повернулся к старику. — Не буду я от вас ничего скрывать. Скажу все, как есть.

— Что скажете? — Александр Петрович поднял глаза на доктора. Он почувствовал, как екнуло сердце в груди и холодок пробежался по спине.

— Последние анализы подтвердили подозрения. К тому же компьютерная томография это подтверждает. Вам...

— Что доктор? — голос старика задрожал.

— У вас не язва.

— Не язва? А что? — Александр Петрович ощутил, как задрожали руки.

— Только возьмите себя в руки, — попросил доктор. — У нас подозрения на рак поджелудочной железы.

У Александра Петровича перехватило дыхание. Лоб покрылся испариной. Тело начало трястись, словно в лихорадке. Ему стало дурно. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота.

— Рак... рак..., - в голове засела только одна мысль. Страх перед этой болезнью был у него так же силен, как и у любого другого человека. Старик мало, что знал об этой болезни. По правде говоря, он вообще ничего о ней не знал, кроме того, что рак — это очень плохо, это то, что стремительно сокращает человеческую жизнь.

— Александр Петрович успокойтесь, — донесся до затуманенного сознания старика голос доктора. — Вот, понюхайте это, — доктор сунул под нос старику нашатырный спирт.

Александр Петрович вдохнул. Затем еще раз. Понемногу он начал приходить в себя. Но мысль о том, что у него рак, не желала покидать его, ржей въевшись в его сознание.

— Кроме того, опухоль не локализована, — продолжил доктор. — Уже задеты воротные лимфатические узлы. Вполне возможно, метастазы и в печень.

— Печень, — только и услышал старик, погруженный в хаос мыслей. — Но скажите доктор, лечится ли... лечится ли... это, — Александр Петрович так и не смог выговорить это страшное слово. Но доктор все понял.

— Буду с вами честен до конца, Александр Петрович, — сказал он. — Рак поджелудочной железы — злокачественное образование. Уровень операбельности не более двадцати процентов. Лучевая терапия, химиотерапия также малоэффективны. Если бы не метастазы, вас можно было бы прооперировать. Но в вашем случае опухоль считается неоперабельной.

— И... и что же мне делать, доктор? — Александр Петрович почувствовал, как паника вновь захлестывает его сознание. — Неужели... неужели я умру?

Доктор посмотрел в окно. Взгляд устремился куда-то вдаль. На мгновение в кабинете воцарилась тишина. Старик чувствовал, как колотится его сердце. Испарина выступила на лбу. Дрожащей рукой он потянулся к заднему карману брюк и вытащил оттуда носовой платок.

Вытерев пот со лба и протерев внезапно пересохшие губы, он принялся тереть платочек в руках, то и дело поглядывая на доктора.

— Знаете, Александр Петрович, — доктор повернулся к старику. — Думаю, философствование сейчас не совсем уместно, но рано или поздно мы все умрем. К сожалению, а может и к счастью, мы не знаем, когда это произойдет. Но есть категория людей, в отношении которых мы, врачи, можем предположить, когда это произойдет. Я говорю об онкобольных. Я не онколог, всего лишь участковый терапевт, поэтому я не могу сказать наверняка, когда человек умрет, не посоветовавшись со специалистами. Поэтому, когда были получены последние результаты ваших анализов, был созван небольшой консилиум докторов, включая и онкологов. Их верд... заключение было единодушно: в вашем случае даже операция не даст гарантий на то, что вы будете жить.

— Не буду жить, не буду жить, — словно рыба в сети затрепетали в сознании старика слова. — За что, Боже? За что ты меня наказываешь?

— Доктор, — Александр Петрович поднял глаза на доктора. Руки тряслись, ноги дрожали, в горле пересохло. — Доктор, скажите мне... сколько... сколько мне осталось..., - руки сжали платочек, сердце защемило.

— Не больше полугода.

— Полгода, — пробормотал старик. — Всего лишь полгода.

— Но давайте не будем вас хоронить раньше времени. Это жизнь. Всякое может случиться. С вами хотел поговорить Альберт Давидович. Он онколог. Один из лучших, между прочим. Это он определил вам полгода. Я только повторяю его слова.

— Зачем ему со мной говорить? Так или иначе, я умру.

— Давайте не будем хоронить вас раньше времени, Александр Петрович, — повторил доктор, глядя в окно. — Поговорите с Альбертом Давидовичем. Что-то он вам обязательно порекомендует. Никто вас на произвол судьбы не оставит. Не отчаивайтесь.

— Но как, доктор, не отчаиваться, когда мне жить осталось не больше полугода? — лицо старика исказилось от страданий рвавших его сознание когтями не менее острыми, чем когти орла. — Пожалуй... пожалуй, я пойду домой. Могу я идти доктор?

— Можете, только обязательно зайдите к Альберту Давидовичу. Кабинет 404. Это на четвертом этаже. Вот, возьмите карточку, результаты анализов, исследований, — доктор протянул старику кипу документов. — Альберт Давидович все это уже видел, но пусть посмотрит еще раз.

— К черту Альберта Давидовича, доктор! — хотел крикнуть Александр Петрович. — К черту вас! Оставьте меня в покое!

Вместо этого старик взял из рук доктора бумаги, поднялся со стула и двинулся к двери.

Взявшись за ручку, он повернулся и сказал:

— Спасибо, доктор. Спасибо вам за все.

— Не стоит, Александр Петрович, — попытался улыбнуться доктор. — Хотел бы вам как-то помочь, но даже не знаю, что могу сделать в этой ситуации.

— Ничего страшного, доктор. Ничего страшного. Как-то оно да будет, — произнес Александр Петрович, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — До свидания, доктор, — старик открыл дверь и вышел в коридор.

Глава 5

Когда жизнь дала трещину

Александр Петрович, понуриив голову, медленно двигался по улице. В воздухе в удивительном хороводе кружились снежинки, но старик не замечал их. Он вообще ничего и никого не замечал. Единственное, что он видел — серый тротуар, местами присыпанный снегом. Он настолько погрузился в мысли, что забыл надеть шапку, и теперь она выглядывала из кармана пальто, словно мышь из норки. К Альберту Давидовичу он все же зашел, и тот посоветовал ему соглашаться на операцию, а после нее пройти курс химиотерапии. Как сказал врач: бороться за жизнь лучше, чем отказаться от борьбы. Старик сказал, что подумает и сообщит ему о решении. На том и распрощались.

И теперь старик брел по улице. Ветер полосовал его лицо, мороз дергал за уши и нос, как будто сама природа решила отвлечь старика от потока необузданных мыслей, захлестнувших его сознание. В который раз он спрашивал себя: За что? Почему это произошло именно с ним? Чем он прогневал Бога, что тот решил столь жестоко его наказать?

В такие минуты на глаза набегали слезы, губы дрожали и слезинки одна за другой скатывались по щекам.

— За что? — бормотал Александр Петрович, глотая слезы. — Что я кому сделал? И мухи никогда не обидел? Всегда ходил в церковь, никогда не сомневался в тебе, так за что же ты меня караешь, Боже? За что?!

Александр Петрович вытер рукой глаза и натянул шапку на голову.

— Что же мне теперь делать? Как мне жить дальше? Не лучше ли сразу покончить с этим всем и не мучиться ожиданиями? Как несправедлива все же жизнь. Как несправедлива. Что же я скажу родным? Что у меня... меня... эта... эта зараза, и мне осталось жить полгода? Что же это за жизнь такая будет?

Раздался визг тормозов и кто-то заорал:

— Куда прешь, старый дурак!

Александр Петрович вздрогнул и поднял голову. Он стоял на переходе посреди дороги, а перед ним джип, из окна которого выглядывал лысый молодчик.

— Что жить надоело?! Мать твою! — орал тот. — Что не видишь, что красный горит?! Пошел прочь с дороги!

— Простите, — пробормотал Александр Петрович и быстро пересек проезжую часть.

Едва оказавшись на другой стороне, старик снова погрузился в себя, напроць забыв о происшествии. Его мысли вернулись к его болезни. Как жить дальше? Как жить с той заразой, что поселилась внутри него и теперь пожирает его тело, словно термиты дерево? Теперь узнав, что он больше не жилец на этом свете, желание жить обрело невероятных размеров. Жить! Сейчас старик ничего не хотел так страстно, как жить. Он все готов был отдать за то, чтобы не покидать этот, ставший в одночасье таким прекрасным окружающий мир.

Александр Петрович раскрыл ладонь и подставил ее под снежные хлопья, весело кружившие в воздухе. Снежинки одна за другой падали на ладонь и таяли, превращались в крошечные озерца прозрачной воды.

— Как же быстро они умирают, — подумал старик, глядя на ладонь. — Их жизнь еще скоротечнее, чем человеческая. Может из-за этого они так красиво танцуют в воздухе?

Старик поднял голову и долго смотрел на то изумительное по красоте действо, что происходило прямо перед его глазами. Танец снежинок был так искусен и красив, что Александр Петрович забыл о своем горе. Все его внимание сосредоточилось на небесном хороводе. Старик даже не заметил, как его рот приоткрылся и десятки невесомых танцоров устремились к стариковским губам, где и умерли, тихо и незаметно.

Александр Петрович почувствовал, как на его глаза набежали слезы.

— Это слишком красиво, чтобы быть правдой, — прошептал он. — Почему же раньше я не замечал, как прекрасен мир, в который пришел когда-то. Неужели, чтобы увидеть его красоту надо ступить одной ногой в могилу? Но это же неправильно. Так не должно быть. Не должно!

Александр Петрович посмотрел по сторонам. Вокруг, куда ни глянь, кружились в замысловатом танце крохотные белые танцоры. Миллионами они падали с неба и устремлялись к земле, где должны были найти свою смерть. При этом делали они это с такой веселостью и задором, словно стремились не умереть, а... Старик вздрогнул, когда из хаоса мыслей вынырнула одна мыслишка. Старик заметил радом стоявшую лавочку и опустился на нее.

— Нет, — подумал Александр Петрович. — Снежинки не стремятся умереть. Разве могут эти весельчаки думать о смерти? Они стремятся успеть прожить отведенное им время в радости. Они делают то, для чего их и создала природа и это приносит им счастье. Даже скорая смерть не может омрачить им их недолгую жизнь, они пришли в этот мир, сделали, что должны были сделать и... и ушли. Стоит ли тужить по тому поводу, что ты оставляешь этот прекрасный мир с чувством удовлетворения за прожитую жизнь... Как это все интересно. И почему я раньше об этом не подумал? Все некогда было. А теперь, когда смерть стучит в дверь, все что неважно в этой жизни забылось, а что важно всплыло. Ай-яй-яй, — забормотал Александр Петрович. — Как же так? Почему жизнь открывает нам крупицы истины, когда они бесполезны для нас? Что мне с ними делать? Забрать с собой в могилу? Но тогда зачем мне открылась эта мудрость? Природа, — Александр Петрович поднял глаза, — зачем ты мне это все открыла? Зачем? И что мне с ним делать? Что делать мне, старику, которому жить осталось от силы полгода?

Снежинки продолжали весело кружиться в воздухе. Их несколько не заботило то, что ждало их в ближайшем будущем — смерть или вечный танец. Разве это было важно? Они наслаждались своим кратковременным настоящим. Они наслаждались полетом и танцем, тем для чего и созданы были матерью-природой. Это казалось невероятным, но даже то, что многие из них умерли преждевременно, растаяв на лице Александра Петровича, несколько не отпугивало их братьев и сестер, несущихся им вслед. И тогда старик понял. Даже тот миг, что они прожили, следуя своей природе, позволил им ощутить полноту жизни, настоящей жизни безумного танцора в воздухе.

— Ай-яй-яй, — запричитал Александр Петрович. — Как же плохо, что нет у меня ни ручки, ни бумаги, записать эти мысли. Ой, не зря же мне все это открылось. Чувствую, не зря. Эх, раньше надо было

доверять своим чувствам. Раньше... Как обидно, — пробормотал старик, — что я не могу последовать и своей природе. Как обидно-то.

Александр Петрович смахнул рукой слезы с глаз. Но глядя на веселый хоровод в воздухе, он не мог не улыбнуться. Старик вытянул руку и поймал несколько снежинок. С некоторой печалью в глазах наблюдал он, как снежинки одна за другой тают, едва соприкоснувшись со стариковской ладонью.

— У них всего лишь миг, — пронеслось в голове у Александра Петровича. — У меня же целых полгода. Полгода, которые я могу, как и эти мои маленькие учителя, прожить, следуя своей природе. Чего я боюсь? Мне терять уже нечего. Именно страхи, отговорки, сомнения и убивали меня всю мою жизнь. Нет, я заслужил эту страшную болезнь. Я забыл о том, что действительно важно для меня, важно для моего сердца и теперь вот несу за это наказание. Каким же глупым я был? Я жил как все и получил то, что и все — боль, страдания, разочарование в жизни. Вот расплата за то, что я никогда не любил себя. Любил всех, но не себя. Я думал, семья важнее всего на свете, но нет, я ошибался — человек важнее всего. Если бы я последовал зову сердца когда-то давным-давно, то и жизнь была бы другой. Не было бы ни жалоб, ни обвинений, ни слез.

Александр Петрович достал платок и вытер глаза.

— Да, чего-чего, а слез, и правда, не было бы, — пробормотал старик.

— Дедушка, вам плохо? — раздался совсем рядом детский голос.

Александр Петрович поднял голову и увидел девочку лет 6 в зимнем комбинезоне. Та присела перед ним на корточки и попыталась заглянуть в глаза. В больших карих глазах девочки было столько тревоги, что старик даже смутился.

— Маша, иди сюда, — позвала девочку мама, катившая по дорожке коляску со вторым ребенком.

— Все хорошо, Машенька, — улыбнулся Александр Петрович. — Дедушке уже хорошо.

— Хорошо — это очень хорошо, — засмеялась девочка и побежала к маме. На полпути она остановилась и оглянулась. Старик улыбнулся и помахал ей рукой. Девочка помахала в ответ, развернулась и теперь, уже не оглядываясь, устремилась к маме.

Александр Петрович смотрел ей вслед, а по его щекам катились слезы.

— Если бы мир принадлежал таким, как эта девочка, — вздохнул старик, — в нем не было бы столько жестокости, насилия и зависти. Очень хотел бы, чтобы, даже став взрослой, эта девочка не утратила той искренней доброты, что сейчас живет в ее сердце.

Александр Петрович улыбнулся, вытер платком глаза и зашагал к дому. Сегодняшний тяжелый день еще не закончился. Ему еще предстояло «обрадовать» новостью родных. Но теперь его руки не трусились, хаос в голове исчез. Он чувствовал, как в груди разливается океан безграничного спокойствия. Впервые в жизни ему открылась истина, истина, которая грела ему сердце на всем обратном пути к дому.

* * *

Спустя полчаса Александр Петрович вернулся домой, накормил Шарика, сам поел, после чего зашел в Сашкину комнату и сел за компьютер. У него появилось желание поискать в интернете информацию о той болезни, что в эти минуты жила где-то внутри него, и о ее лечении. Перелопатив массу информации, которую он нашел в интернете, Александр Петрович окончательно убедился в том, что жить ему, и правда, не так уж и много. Если его не убьет болезнь, то химиотерапия убьет однозначно.

Александр Петрович выключил компьютер и перешел в зал. Взяв в руки книгу Дородного, он опустился на диван и принялся читать. Прибежал Шарик, заскочил на диван и положил голову на колени старику. Александр Петрович погладил Шарика и продолжил чтение. Чем дальше он читал, тем больше понимал, что многое из того, о чем говорил автор, совсем недавно открылось и ему.

— Как жалко, что я никогда не думал об этом прежде, — вздохнул Александр Петрович. Он вспомнил девочку Машу. — Так вот о чем говорит автор! — воскликнул он. — Эта девочка живет своим сердцем. Ее разум еще не успел пропитаться негативом нашего общества. Она радуется жизни и живет чувствами, а не страхами. Разве можно радоваться жизни, когда твоя жизнь наполнена страхами?

Александр Петрович вернулся мыслями в прошлое. Перед глазами прошла вся его жизнь. Детство, юношество, взрослая жизнь. Он понял, что единственный период, когда он ничего не боялся, верил в мечты, любил жизнь и наслаждался ею, — было его детство.

— Не из-за того ли, что в детстве я жил сердцем? — спросил Александр Петрович, взглянув на Шарика, закрывшего глаза и спавшего на его коленях. — Мои мечты были живы, желания сильны, любовь к себе искренна. А потом? А что потом? Я думал, что так, как заведено в обществе — правильно и так и надо жить. Как же я ошибался! Каким слепцом был! Как же я не видел того, что общество растит человека неуверенного в себе, сомневающегося во всем и в первую очередь сомневающегося в себе, человека, которым легко управлять, и который никогда не сможет восстать против устоев общества. Ох, как же трудно принять новое. Как трудно отбросить все, что принималось на веру. А оказывается — это заблуждение, и вся моя прошлая жизнь — это иллюзия. Такая же иллюзия, в которой погрязли многие люди на этой прекрасной планете. Я всего лишь следовал тому, чему изо дня в день следуют остальные люди. Родился, поступил в школу, в которой научили только тому, как бояться и избегать ошибок, поступил в техникум, где закрепилось то, что получил в школе, женился, когда для начала надо было понять, что такое жизнь, найти себя в жизни, воспитал детей. А воспитал ли? Всего лишь научил их быть такими как все.

Александр Петрович отложил книгу в сторону, убрал с коленей голову собаки, поднялся и подошел к окну. Снег кружился в воздухе. Воробьи с криками носились друг за дружкой. Парочка синичек, нахохлившись сидела на ветках вишни, росшей под окном.

— Как мудра природа! — пробормотал Александр Петрович. — Как глуп человек! Он мнит себя венцом природы, природы, которую он разрушает изо дня в день, из года в год. Неблагодарное дитя, убивающее собственную мать. Он даже не понимает, что разум — это его самый первый враг. Если существует Бог, в чем я уже очень сомневаюсь, то он очень жестокое существо — он наделил человека мозгами, но не научил его ими пользоваться, а теперь сидит где-то наверху и смеется, наблюдая, как человек гробит свою жизнь, жизнь своих родных, всю планету. Нет. Отныне мой бог — мое сердце. Оно всегда знало, что лучше для меня в этой жизни. Как обидно, что я не

слушал его. А все эти глупые страхи. Всегда боялся, что обо мне подумают другие, что скажут, боялся быть белой вороной. А ведь белая ворона — она особенная, она не такая, как другие. Теперь я понимаю, что лучше быть белой вороной, стремиться к тому, что хочет твое сердце, чем быть частью бесчувственного стада, у которого в голове только одно — хорошо покушать, хорошо поспать, с кем-то переспать и заработать побольше денег, чтобы потратить их на всякие дорогие игрушки, от которых толку, как со стриженной овечки шерсти. Когда ты по шею в могиле, начинаешь понимать, что все это не стоит и выеденного яйца. Все это глупости, которые только отвлекают от жизни. Но если это так, то ради чего стоит жить? И что есть жизнь?

Александр Петрович вздохнул, открыл балконную дверь и вышел на балкон.

— Сердце, — старик положил руку на грудь. — Если ты знаешь, ради чего стоит жить, скажи мне. Всю свою жизнь я жил ради кого-то — семьи, детей. И никогда не думал о себе, так как боялся обвинений в эгоизме. Всю жизнь я шел на поводу у своих страхов, на поводу у других людей, никогда не думал о себе, все о других, да о других, но...

Взгляд Александра Петровича задержался на вишне, растущей под балконом. Догадка молнией пронзила сознание.

— Вишня. Когда-то она была семенем, затем стала ростком, который со временем превратился в большое красивое дерево, дающее плоды. Но сначала она заботилась только о себе. Земля питала ее полезными веществами, дожди поили ее водой, солнце несло тепло и свет, необходимые для жизни. Вишня росла, взрослела, и когда пришло время начала плодоносить, начала заботиться о других. Как мудра природа и как глуп человек. Тогда... тогда, — Александр Петрович вернулся в зал и принялся ходить по комнате, — это значит, что... что я ошибался. Вся моя прошлая жизнь — это одна большая ошибка, — старик схватился за голову. — В то время, когда сначала надо было подумать о себе, найти свое место в этом мире, я пошел на поводу у общества и сделал то, что делали другие. Я не дал расцвести себе, тому цветку, которым мог бы стать, если бы не был столь невежественен. Зеленый и неопытный, неоперившийся птенец, я возомнил себя взрослым орлом и... и так никогда и не расправил крылья, — Александр Петрович опустился на диван и заплакал. — Ах,

как бы все могло быть иначе, если бы я испытывал к себе чуточку больше любви, может, тогда и болезни не было.

Старик вздохнул и почувствовал, как ожила боль и страшным чудовищем начала есть его, медленно и неумолимо.

— Я слышу тебя, слышу, — пробормотал Александр Петрович, положив руку на живот. — Не любил я себя, вот и получил на старости лет. Как больно осознавать свои ошибки, как больно осознавать ошибки, которые уже нельзя исправить.

— Нельзя исправить, нельзя исправить, — эхом отдалось в голове.

— Почему же нельзя исправить? — Александр Петрович уткнулся взглядом в пол. — Сердце, ты никогда не останавливаешься, никогда не отдыхаешь, и у природы нет суббот и воскресений. Все находится в движении, все развивается, почему же я топчусь на месте? Чего я опять боюсь? Еще в детстве я хотел писать книги, но так и не последовал за своей детской мечтой. Что же мне сейчас мешает вернуть детскую мечту? Полгода! У меня еще есть целых полгода! За это время можно написать даже две книги. Никаких больше врачей, никаких операций, химеотерапий, никаких больше мучений и издевательств над собой, своим организмом. Если мне суждено умереть, — глаза Александра Петровича заблестели, — я хочу умереть счастливым человеком, человеком, который сможет умирая сказать: я прожил свою жизнь не зря. Сейчас же я сяду и начну писать, — старик вытер слезы с глаз и направился в спальню за ручкой и бумагой. — Никаких страхов больше, никаких сомнений. Сердце никогда не боится, никогда не сомневается, все этот слабый, глупый человеческий разум. Все он.

Александр Петрович вошел в спальню и уселся за стол, после чего вытащил из шухляды ручку и тетрадку.

— Но о чем же я буду писать? — спросил старик, глядя на раскрытую тетрадку. — Опять сомнения, — укорил он себя. — Пиши о своей жизни, о болезни, о том, что тебе открылось сегодня. Люди должны узнать правду. У тебя есть опыт, как не надо жить, а теперь у тебя появились и знания, которые помогут, если не тебе, так другим все же научиться жить. Может тогда не будет столько кислых лиц на улице, может тогда люди станут добрее друг к другу. Но почему это должен делать я? — в голове послышался тонкий голосок сомнений. — Если не я, то кто? Кто?! Я помогаю себе воплотить

детскую мечту, а если моя мечта поможет и другим, то тем лучше. Вспомни вишенку. Она брала, да брала, а потом пришло время и отдавать. Если тебе открылась истина, ты должен поделиться ею с другими. Ах, как тепло от этой мысли на сердце! Значит, и сердце этого хочет. Прочь сомнения! У тебя осталось полгода.

Все оставшееся время до прихода жены с работы Александр Петрович просидел над началом рукописи. Но чем дольше он сидел, тем больше понимал, какой это адский труд и как мало у него знаний. Он чувствовал, что то, что ему открылось этим утром, это крупца в океане знаний. К тому же появился страх, что отказавшись от операции, он проживет меньше полугода, а если так, то об истине не узнает никто.

Александр Петрович отложил ручку в сторону и задумался.

— Что же мне делать? — произнес старик, уставившись в окно. — А что если... что если уйти из дома, чтобы учить людей истине, — пробормотал он, осененный мыслью, — Так я смогу и книгу продолжать писать, а главное люди узнают об истине. И даже если я умру не закончив книгу, то не заберу истину с собой. Она останется здесь, среди людей. И даже умирая у меня останется надежда, что истина будет жить и шириться среди людей.

— Но куда же ты пойдешь?! — запротестовал некто внутри него. — А жить как будешь? А спать где? А питаться чем?

Александр Петрович снова посмотрел в окно. Чем дольше он смотрел, тем больше им овладевали сомнения и страхи, кто-то внутри настойчиво убеждал его не делать глупостей, подумать о семье.

— Прочь сомнения! — разозлился Александр Петрович. — Да, так и сделаю! Назло тебе! Слышишь? — спрашивал старик, обращаясь к невидимому голосу в голове. — Этого хочет мое сердце. Этого хочу я. Дети выросли и я им не нужен. И семье не нужен. Пенсия им останется. Мне ничего не надо. Ничего! Поэтому замолчи! Замолчи! Я не хочу тебя слышать!

Александр Петрович ударил кулаком по столу и вернулся к работе над рукописью.

Глава 6

Что делать?

Александр Петрович настолько увлекся рукописью, что даже не заметил, как пришла с работы Надежда Васильевна. В это время Александр Петрович как раз кряхтел над главой о своем детстве. Все его мысли были где-то там, в прошлом. Старик что-то писал, черкал, снова писал. Он радовался, когда приходило вдохновение, и скрипел зубами, когда оно некстати решало его покинуть. Тем не менее, он чувствовал, как с каждым новым абзацем в груди растет удовлетворение от того, что делал. Это было так мучительно, и в то же время, так упоительно.

Надежда Васильевна вошла в квартиру и замерла, удивленная тишиной и мраком, царившим в квартире. Она знала, что в это время муж, как правило, сидел перед телевизором с пультом в руках. Сейчас же необычность обстановки в квартире ее насторожила и даже обеспокоила. В квартире было темно, лишь из-под двери спальни пробивался мягкий свет настольной лампы.

Надежда Васильевна включила свет в коридоре и сняла пальто, затем стянула сапоги и надела тапочки. Выключив свет, она, стараясь не шуметь, двинулась в сторону искорки света, пробивавшейся из-под двери спальни. Взявшись за ручку, Надежда Васильевна открыла дверь и заглянула в комнату. Увиденное ее поразило, настолько необычным оно было. Александр Петрович склонился над столом с ручкой в руках и что-то чиркал в тетрадке. Губы мужа бесшумно двигались, время от времени тишину комнаты нарушало бормотание вперемешку с чертыханьем.

Надежда Васильевна улыбнулась и прикрыла дверь, после чего развернулась и направилась на кухню.

Клацнул ключ в замочной скважине. Входная дверь открылась, и в квартиру вошел Сашка. Закрыв за собой дверь, он посмотрел на темную квартиру, недоумение появилось на его лице.

— Привет, мам. А почему так тихо? — спросил он, повернувшись к матери. — Что-то случилось? И где батя?

— Привет, Сашка. Представь, и я так подумала, когда вошла в квартиру, — Надежда Васильевна оторвала взгляд от тарелки с супом и посмотрела на сына. — Но не беспокойся, твой отец решил заняться литературными трудами. Я заглядывала в спальню. Он настолько увлечен, что даже не заметил моего прихода.

— Правда? Интересно, с чего это вдруг?

— Не знаю, Саш, — Надежда Васильевна пожала плечами и вернулась к прерванному занятию. — Ой, кто здесь?! — Надежда Васильевна подскочила на стуле, почувствовав как кто-то коснулся ее ног под столом.

Из-под стола показалась голова Шарика. Глаза улыбались, а хвост барабанил по ножке стола с такой силой, словно хотел сделать стол трехногим.

— Ах, это ты, проказник, — сказала Надежда Васильевна, увидев собаку. — Саша, как всегда, забыл тебя покормить или тебе, как всегда, оказалось мало? Ну, тогда подожди, пока я поем, а потом и тобой займусь.

Шарик залаял и сильнее замотылял хвостом.

— А ну тихо, — шикнула на собаку Надежда Васильевна. — Будешь гавкать, без ужина оставлю.

Услышав лай Шарика Александр Петрович, словно очнулся от сна.

— Ого, — сказал он, взглянув на часы, тикающие на стене. — Уже 19 часов. Засиделся я.

Но взглянув на несколько исписанных листов тетради, он почувствовал не только гордость, но и удовлетворение, такое, о существовании которого он и не подозревал. Осознание того, что он не зря потратил время, что весь его жизненный опыт может помочь другим людям, наполнило его сердце теплом и светом, пробудив к жизни широкую улыбку на его лице. Но главным было то, что за все время работы над рукописью, Александр Петрович ни разу не вспомнил о болезни. Ее словно и не было, а воспоминания о ней казались не более чем отголосками ночных кошмаров.

— Это же Надюша должна была с работы уже прийти, да и Сашка тоже.

Старик поднялся из-за стола, посмотрел на тетрадку на столе и снова улыбнулся.

— Как же это все же прекрасно, — сказал Александр Петрович, наслаждаясь чувством искреннего удовлетворения, которые испытывал в эти минуты. — Я словно вернулся в детство, такое далекое и такое милое сердцу. Эх, каким же я глупым был, — в который раз упрекнул себя Александр Петрович. — Что ж я раньше не прислушался к зову своего сердца? Но что прошлым жить, вернуть его, все равно не вернешь, а вспоминать об утраченном, только больнее себе делать. Тратить время на сожаления, тратить время впустую, а я себе это позволить не могу, не имею права. На том свете буду сожалеть, а сейчас надо стремиться к тому, чтобы наверстать упущенное. Я хочу верить в то, что смогу это сделать. Хочу. Прочь сожаления! Прочь прошлое! У меня нет на тебя времени, пока есть настоящее. Я дышу сейчас, я чувствую сейчас, я живу сейчас. Вот это и важно. Вот этому и надо уделять внимание.

Александр Петрович вздохнул и двинулся к двери. Но его вздох не был вздохом сожаления или печали. Это не был вздох слабого человека. Нет. Это был вздох сильного человека, человека уверенного, знающего, человека, обретшего внутреннюю силу.

— О, вы уже дома, — старик улыбнулся, войдя на кухню. — Это очень хорошо. Как сказала маленькая девочка, которую я повстречал сегодня на улице, хорошо, что очень хорошо. Как ваши дела?

Надежда Васильевна, выливавшая Шарикю остатки супа из кастрюли в миску, забыла о Шарике, повернулась к мужу и захлопала глазами. Улыбка появилась на ее лице. Сашка-младший в это время наминал макароны с котлетами, и, услышав отца, замер с ложкой у рта. Кусок хлеба выпал из рук, благо на стол, а не на пол.

— Бать, ты чего? — Сашка осторожно положил ложку на тарелку и посмотрел на отца.

— И правда, Саш, чего это ты? — спросила Надежда Васильевна. — С каких это пор ты заинтересовался нашими делами? И куда это ты уже успел сегодня сходить?

— А вот с этих самых пор и заинтересовался, — улыбка и не думала покидать лицо Александра Петровича. — У меня к вам есть разговор. Сможете мне уделить несколько минут?

— Батюшки, — Надежда Васильевна хлопнула в ладоши. — Да что же это с тобой такое произошло? Будто подменил кто. Конечно, мы тебя выслушаем. Что ты нам хочешь сказать?

— Думаю, кухня не лучшее место для бесед. Давайте перейдем в зал.

— Хорошо, — только и сказала Надежда Васильевна. Растерянное выражение появилось на ее лице. Она чувствовала, что с ее мужем что-то произошло и это ее пугало.

— Бать, — послышался голос Сашки-младшего. — А это не может подождать? Может после еды, а то остынет и есть потом противно будет.

— Конечно, может, — сказал Александр Петрович. — Даже лучше будет, если ты поешь сейчас, а не потом. Да, и про Шарика, Надюша, не забудь, — Александр Петрович повернулся к жене. — Я кормил его в обед, да уже вечер. Я с ним позже пойду, прогуляюсь.

— Хорошо, Сашенька, — отозвалась Надежда Васильевна, возвращаясь к кастрюле с остатками супа. — Ты только не волнуйся. Накормим твоего Шарика и тебя с ним заодно.

— Я не волнуюсь, Надюш, — рассмеялся Александр Петрович. — А вот кушать я не хочу. Что-то аппетита нет... Я пойду в зал, а вы как только, так сразу и приходите.

— Сашка, ты меня пугаешь! — воскликнула Надежда Васильевна. — Да что с тобой?!

— Не волнуйся, — улыбнулся Александр Петрович. — Все... все хорошо.

— Попробую тебе поверить, но что-то мне это все не нравится, — Надежда Васильевна повернулась к умывальнику и принялась мыть посуду.

— Мне тоже многое не нравится, — пробормотал Александр Петрович, выходя из кухни и направляясь в зал. — Но выбирать не приходится.

— Пугает меня твой отец, — сказала Надежда Васильевна, повернув голову к сыну, когда Александр Петрович покинул кухню. — Чувствую, что-то случилось. Я его таким никогда прежде не видела.

— Да брось, ма, — сказал Сашка-младший, работая челюстью. — Видишь, человек за книгу взялся, вот и решил тебя обрадовать новостью, а ты говоришь, пугает. Этим точно не испугаешь. Меньше думай о плохом, оно тебя стороной и обойдет. А будешь звать лихо, оно не заставит себя долго ждать.

— Кто его знает, Сашка, может ты и прав. Но все равно на душе тревожно, авось что-то да случилось. С чего-то ему да и приспичило начать что-то там писать. Что ни говори, а на все есть причина. Дыма без огня не бывает.

— Не бывает, — кивнул Сашка, берясь за стакан с компотом. — Но почему обязательно должно произойти что-то плохое?

— Не знаю. Вот чую и все.

— Меньше об этом думай и не будешь чують, — хмыкнул Сашка, после чего допил компот и поставил стакан на стол. — Я готов. — Можем идти узнавать, что там у бати за разговор к нам есть.

— Идем тогда, — Надежда Васильевна выключила кран с водой и вытерла руки о полотенце. — Что его ждать-то? И так извелась вся.

* * *

Александр Петрович сидел в зале и смотрел новости по телевизору.

— Неужели в мире ничего хорошего не происходит? — думал он, слушая известие о том, как ограбили очередной банк то ли в Донецке, то ли в Днепропетровске. — Разве может человек думать о чем-то хорошем, когда на него со всех сторон льются потоки негатива. А может это специально делается? Есть же люди, которые смотрят за тем, что попадает в эфир, что лучше показать, а что — не стоит. Вот и решает какой-то нелюдь показывать насилие, смерть, ограбления, пиратов, бедствия. И без того народ боится по улицам ходить, а тут его еще больше запугивают. Только никак не пойму, зачем это делается? — старик посмотрел на Шарика, прибежавшего с кухни. Собака покрутилась, покрутилась, да и улеглась на диван.

— Вот если я Шарика начну запугивать, что из этого получится? — размышлял Александр Петрович, выключая телевизор. — Тогда он будет меня бояться. И что дальше? А дальше то, что я смогу им управлять, как мне вздумается. Он будет бояться, значит будет слушаться. Неужели и с людьми так? Держат в страхе, чтобы управлять ими легче было? Как это все сложно, как запутано. Но главное, до этого нет никому дела. Люди живут в собственных скорлупках-мирах и боятся нос высунуть наружу. Что же это такое?

Неужели так мы и должны жить? В зависти и ненависти, с сиюминутными вспышками добра и радости. Нет, это неправильно. Так не должно быть. Иисус, Будда, все великие мудрецы прошлого учили не этому. Разве они говорили, что надо жить во зле? Разве о ненависти или зависти они говорили? Нет, только о добре, к ближнему, к животным, к окружающему миру. Так почему же человек забыл эти простые истины? Почему он продолжает жить разумом? Сколько вопросов! А где же ответы?

— Сашенька, что ты нам хотел сказать? — в зал вошла Надежда Васильевна, а за ней и Сашка-младший. — Мы уже освободились.

— Очень хорошо, — кивнул Александр Петрович. — Садитесь на диван. Я хочу с вами поговорить.

Надежда Васильевна села на краешек дивана и положила руки на колени. С тревогой взглянула она на мужа. Весь ее облик, словно спрашивал: Ну, что же ты хочешь сказать? Не томи. Говори.

— Я сяду в кресло, если ты не против, — сказал Сашка-младший, направляясь к креслу, одиноко стоявшему возле дивана.

— Конечно не против. Садись, где тебе будет удобнее, — сказал Александр Петрович, улыбнувшись.

Сашка уселся в кресло и забросил ногу на ногу.

— Ну, давай, батя, говори, что ты нам хотел сказать.

— Да что ты отца торопишь, — повернулась к нему Надежда Васильевна. — Надумает, сам скажет.

— Есть у меня две новости, — сказал Александр Петрович.

— И одна хорошая, а другая плохая, конечно же, — рассмеялся Сашка.

— Да, что ты отца перебиваешь, — всплеснула руками Надежда Васильевна. — Дай же ему досказать, Сашка, — Надежда Васильевна взглянула на сына. Немой укор застыл в ее глазах.

— Та молчу, молчу, мам, — сказал Сашка. — Говори батя. Обещаю больше не перебивать.

— Надюша, в какой-то мере Сашка даже прав. Хорошая новость — я все же взялся за, скажем так, перо и несколько страниц сегодня уже написал. Как же это чертовски трудно оказывается, — сказал Александр Петрович. — В молодости это занятие казалось не таким трудным.

— Значит, батя, быть тебе большим человеком, — сказал Сашка. — Вот напишешь бестселлер, станешь известным, авось и на телевидение пригласят.

— Это очень хорошо, Сашенька, — губы Надежда Васильевна дрогнули и скривились в некоем подобии улыбки. Как она ни старалась казаться веселой, но тревога в глазах никуда не делась. Было заметно, что Надежда Васильевна больше волнует вторая новость. В конце концов, не выдержав, она спросила:

— А вторая, что за новость?

— Был я сегодня у врача. Как оказалось, дела мои не очень... не очень хороши, — сказал Александр Петрович, чувствуя как дрогнул голос на последних словах. Страх снова решил опутать своими нитями его разум. Снова напомнил ему, какая страшная болезнь живет у него внутри.

— Что сказал врач, Сашенька? — взмолилась Надежда Васильевна. — Ну, говори же. Неужели опять язва?

— Если бы, — грустная улыбка появилась на лице Александра Петровича. — Нет, Надюш, у меня не язва. Врач сказал, что у меня... что у меня рак поджелудочной железы и жить мне осталось не больше шести месяцев.

Едва Александр Петрович замолк, тишина воцарилась в комнате.

— Вот-те на, — пробормотал Сашка и откинулся на спинку кресла. Взгляд его заскользил по потолку.

Глаза Надежды Васильевны округлились, целая гамма чувств отобразилась на ее лице за несколько секунд. Удивление, недоверие, страх, и, в конце концов, ужас. Надежда Васильевна закрыла лицо руками и заплакала.

— Нет, Сашенька, скажи, что ты пошутил, — Надежда Васильевна отняла руки от лица и взглянула на мужа заплаканными глазами.

— Таким, мам, не шутят, — сказал Сашка и тоже посмотрел на отца. Хотел бы он ошибиться в своем предположении, но отец был серьезен. Он не шутил.

— Может врачи ошиблись, а Сашенька? — спросила Надежда Васильевна. — Такое же бывает.

— Бывает, — вздохнул Александр Петрович. — Только вот бывает со здоровыми людьми, а у меня боли неспроста все же.

— Что же нам делать? Может есть лечение какое? — Надежда Васильевна вытерла слезы с глаз.

— Врач предлагает операцию попробовать, а потом химиотерапию, но надежд на это все мало, а вот убить организм вконец — это запросто. Я почитал в интернете о химиотерапии, страшные дела творит.

— А может, и правда, поможет? Давай попробуем, а? — Надежда Васильевна заглянула в глаза мужу.

— Не знаю, Надюша, не знаю. Врачи сами не верят в то, что операция поможет. Опухоль распространилась и на другие органы. А потом неизвестно еще как организм отреагирует на химиотерапию. Если уж осталось полгода, то хотел бы я их прожить не с уткой под задницей.

— Сашенька, и все же давай попробуем, — убеждала мужа Надежда Васильевна. — С Божьей помощью оно как-то может и уладится все.

— Ничего не могу сказать, Надюша. Я всю жизнь на Бога надеялся, в церковь каждый месяц ходил, а лучше бы на себя понадеялся, тогда может и не было бы ничего такого.

— Да что же ты говоришь такое, Сашка? — всплеснула Надежда Васильевна. — Бога побойся, говоришь такое.

— Боялся уже, — пробормотал Александр Петрович. — Хватит.

— Упрямый какой, — только и сказала Надежда Васильевна. — Саш, может тебя он послушается, скажи хоть ты ему, — Надежда Васильевна повернулась к сыну.

— А что я ему скажу? Не маленький же. Сам знает, что делать.

— То ж то и оно, — сказал Александр Петрович. — Сам знаю, что делать.

— И что же ты будешь делать-то? — спросила Надежда Васильевна.

— Я собираюсь... — начал было Александр Петрович, да вовремя спохватился.

— Что собираюсь? Ходить людей жизни учить? Тогда тем более меня никто не выпустит из дому. Нет, нельзя это говорить. Мало ли что взбредет Надюше в голову. Вдруг решит, с ума сошел и в психушку упечет. Что же тогда сказать-то?

— Собираюсь жить так, как никогда раньше не жил, — наконец-то сказал Александр Петрович. — Вот книгу начал писать, а дальше видно будет. Полгода — не такой уж и маленький срок. Да и что мне бояться смерти. Я свой век отжил. Сыновей вырастил, внуков дождался. Придет время умирать, умру. Все мы там когда-нибудь будем. А сейчас надо жить пока живется.

— Только как же его жить, когда знаешь о таком, — слезы снова полились из глаз Надежды Васильевны.

— Жить так, как будто не знаешь, — сказал Александр Петрович. — Жизнь продолжается, как ни как. Что его заранее в гроб ложиться.

— Тут ты батя прав, — сказал Сашка-младший. — Жизнь-то продолжается. Но делать все равно что-то надо.

— А я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать пока старуха с косою придет по мою душу. Полгода — не ахти какой срок, кто знает, может и его у меня нет, но на это я уже не обращаю внимания. Сколько проживу, столько проживу. Главное, знать, как ты хочешь прожить это время — жалея себя и с ужасом ждать дня X или постараться не думать о смерти, продолжать жить и делать то, что ты еще в силах сделать.

— И что же ты собираешься делать? — спросила Надежда Васильевна.

— Жить, — улыбнулся Александр Петрович. — Знаешь, Надюша, когда ты одной ногой там, — Александр Петрович показал глазами куда-то вверх, — очень хорошо начинаешь понимать, что ценно в нашей жизни, а что всего лишь мусор. И сейчас я понимаю, что самое ценное в нашей жизни — это сама жизнь, не машины, не квартиры, яхты или работа. Нет, это все второстепенное, а часто и ненужное. Самое главное — жизнь, но не просто жизнь, а та, которая соответствует желаниям твоего сердца.

— И какие же желания у твоего сердца, Сашенька? — Надежда Васильевна подняла покрасневшие глаза на мужа.

— Впервые в жизни я очень хорошо знаю, что хочу. Например, сделать то, что всегда хотел — написать какую-то мудрую книгу, книгу, которая, хотелось бы, стала полезной для других.

— Ну, пиши, что я могу тебе еще сказать. Если чувствуешь, что можешь, то пиши, — Надежда Васильевна вытерла краешком фартуха

уголки глаз, — да только лечиться тоже надо.

— Опять ты за свое, — вздохнул Александр Петрович. — Даже перед смертью не могу сделать так... так, как чувствую будет лучше.

— Да кто ж тебе запрещает? — слезы снова полились из глаз Надежды Васильевны. — Я ж не враг тебе. Как лучше хочу.

— Лучше меня никто не знает, что лучше для меня. Ну, засиделся я тут с вами, а мне писать надо, — Александр Петрович поднялся с кресла и двинулся к выходу из зала. — У меня теперь каждая секунда на счету. Спасибо, что уделили мне время.

— Видишь какой упрямый, — Надежда Васильевна повернулась к сыну, когда муж ушел в спальню. — У него рак, это же подумать только, не какая-то там простуда, а он черт знает что вбил себе в голову и не достучишься.

— А может не надо стучать, мам? — Сашка упер локти в бедра и положил на руки голову. — Ему же не пять лет, голова на плечах есть, знает, что делает.

— Я вот уже сомневаюсь есть ли у него голова на плечах. С ума что ли сошел? Даже не знаю, что делать с ним. Хоть бери и насильно в больницу волоки.

— Не надо никого никуда тащить насильно. Дай ему время обдумать все. Ему сейчас тоже не сладко. На вид он ничего, держится, но кто знает, что у него внутри творится. Ты права, рак — это не простуда, представь, как ему знать, что у него такая болезнь. В любом случае это его жизнь и ему решать, как с ней поступать.

— Ой, Сашка, Сашка, — вздохнула Надежда Васильевна, вставая с дивана. — Мне от этого нисколько не легче. Идем Шарик, — Надежда Васильевна повернулась к собаке, выглядывавшей из-под журнального столика. — Идем, покормлю тебя.

Надежда Васильевна направилась на кухню, а за ней, виляя хвостом, побежал Шарик.

Глава 7

В неизвестность

Следующим утром Александр Петрович проснулся не в духе. Всю ночь ему снились кошмары. Проснувшись, он долгое время лежал и смотрел в потолок. Лежа в тепле и уюте собственной квартиры, он уже не думал, что идти учить неблагодарных соотечественников, которых мало что интересует кроме еды, денег и секса, — это такая уж хорошая затея. Страх и сомнения снова овладели им. И чем больше он думал о своей безумной затее, тем больший страх овладевал им. К тому же, живот снова разболелся. Может, и правда, стоит рискнуть, лечь в больницу, продолжать писать книгу, а учить других пусть кто-то другой возьмется? Он простой человек, работяга, кто такого послушает? Был бы он каким-то известным ученым, философом или другой известной личностью, тогда может кто-то его бы и послушался, а так, с его тремя годами ПТУ и жизненным опытом простого человека, который никогда звезд с неба не хватал, таких не слушают, таких даже не замечают.

Александр Петрович закрыл глаза и натянул одеяло на голову. Как хорошо все же дома, тепло, уютно.

— Куда же ты пойдешь, дурья твоя голова? — пробормотал старик. — Как ты будешь жить, что кушать, где спать, да и как ты собрался учить, выйдешь на Майдан, станешь под аркой свободы и будешь разглагольствовать о жизни? Да первый же встречный позвонит в психушку, приедут, рубашку оденут и заберут туда, где мне будет и самое место, среди других сумасшедших, всяких пророков, наполеонов и волшебников. Нельзя так, нельзя. Сиди себе дома, лечись, пиши книгу, хотя кто ее читать-то будет? Ее для начала издать надо, а за какие деньги я ее издам? За пенсию в тысяча четыреста гривен? Не дури, Сашка. Сиди себе дома, в тепле и уюте и... и... и доживай свой век.

На глаза старика набежали слезы.

— А ведь и в самом деле, такая жизнь — это всего лишь доживание. Сидишь и ждешь, когда старуха с косой придет за тобой. Не так ли я и жил всю жизнь? Всегда чего-то ждал. И вот дождался, —

Александр Петрович вытер, выступившие на глазах слезы. — Вот так наверняка нельзя. Нельзя так жить. Если я так проживу и остаток своей жизни, тогда... тогда лучше сейчас умереть. Не жизнь это. Не жизнь!

Александр Петрович почувствовал, как кольнуло сердце в груди.

— Я так не могу, — всхлипнул старик. — Теперь так не могу. Я не хочу лежать в тепле и уюте и ждать, когда старуха с косой придет за мной. Я должен что-то делать. Я же не тепличное растение, хотя всю жизнь таким был, я... я человек, может и не лучший представитель человеческого рода, но все же человек. У меня есть сердце, а оно хочет движений, оно хочет стремиться, хочет достигать, хочет преодолевать трудности, хочет жить, в конце концов. Я не знаю, что буду кушать, не знаю, где буду ночевать, но знаю, что остаток своей жизни хочу прожить не так, как жил всегда. Пусть это будет безумием, пусть меня считают сумасшедшим, но иначе не могу. Я чувствую, что именно так и должен поступить. Должен! Несмотря на страхи, несмотря на сомнения, несмотря на непонимание со стороны других. Моя жизнь не вечна. Фитилек моей свечи жизни почти догорел. Маленькое дыхание смерти и он потухнет навсегда. Я не могу просто сидеть и ждать, когда это произойдет. Я должен действовать. Прямо сейчас. Сию минуту.

Александр Петрович отбросил одеяло в сторону и свесил ноги с кровати.

— К черту старость, к черту боль в суставах, к черту болезни. Я должен действовать. Я не могу себе позволить тратить время впустую. Только не сейчас. У меня его и так немного осталось.

Что-то мокрое и холодное коснулось его пятки. Старик глянул вниз и увидел нос Шарика, торчащий из-под кровати.

— Шарик, дружок, ну, доброе утро, — сказал Александр Петрович и потянулся рукой к носу Шарика. Собака высунула голову и посмотрела на старика. Из-под кровати послышался стук собачьего хвоста о паркет.

Старик щелкнул Шарика по носу и поднялся с кровати. Часы на тумбочке показывали 8:35.

— Мы с тобой Шарик, как всегда, остались одни на хозяйстве, — Александр Петрович надел тапочки и пошлепал на кухню. Шарик выбрался из-под кровати и побежал за ним, мотыля хвостом из стороны в сторону.

— Что у нас сегодня на завтрак? — Александр Петрович принялся звенеть крышками кастрюль, стоявших на плите. Заглянув в сковородку, он увидел жареную картошку, яичницу и несколько котлет. В одной из кастрюль оказался борщ, в другой — компот.

— Ну, Шарик, сейчас мы с тобой попируем, — улыбнулся старик и посмотрел на собаку, сидевшую у ног. — Не знаю, как ты, а вот я уже не скоро буду пировать.

Легкая грусть появилась в его голосе.

— Пойду я Шарик, что ли зубы почищу... да и умыться не мешало бы, — сказал Александр Петрович, направляясь к выходу из кухни. Но войдя в ванную, старик подумал, что хорошо было бы не только умыться, но и принять ванну. Будет ли у него еще когда-нибудь хотя бы одна возможность помыться? Сможет ли когда-нибудь его старое тело снова понежиться в теплой воде?

Александр Петрович вставил в ванную заслонку и включил краны с горячей и холодной водой. Затем посмотрел в зеркало, висевшее над умывальником, и произнес, коснувшись рукой щеки:

— Желтый ты какой-то, Сашка. Глаза впавшие. Иссохший весь. Правду Надюша говорит — кожа да кости. Таким ли ты хотел закончить свою жизнь? Старик. Доживающий свой век больной старик. И умрешь ты даже не от старости, а от болезни, — Александр Петрович смахнул слезинку, выступившую на глазу. — Что с тобой происходит, Сашка? Не плакал же раньше никогда, а тут что ни день, то слезы. Чувствуешь близкую смерть? А умирать страшно. Что ждет тебя там, по ту сторону жизни? Новая жизнь, как проповедует религия или забвение, тихое спокойствие, не обремененное жизнью?

Александр Петрович включил кран над умывальником и умылся, затем почистил зубы, выключил воду и вытер лицо полотенцем. Взгляд его снова устремился к зеркалу.

— Наверное, правду говорят, что прожить жизнь надо так, чтоб больше не хотелось. А мне-то хочется. Нет у меня удовлетворения от прожитой жизни. Вот тут чувствую..., — Александр Петрович положил руку на грудь, — чувствую, что можно было прожить жизнь иначе. Где-то я ошибся. Знать бы где да только не все ли равно уже. Прошлое не вернешь, настоящее не радует, а будущего и нет совсем, — Александр Петрович вздохнул и тихо повторил. — Нет совсем... Ну, хорош горевать. Все равно ничего уже не изменишь. Постарайся

сделать так, чтобы хотя бы на смертном одре не пришлось слезы лить. Делай то, что задумал, а там будет так... так, как и должно быть.

Александр Петрович наклонился и потрогал воду в ванне.

— В самый раз, — удовлетворенно сказал старик. Раздевшись, он забрался в ванну и погрузился в воду по плечи.

— Как хорошо-то, — пробормотал Александр Петрович, закрывая глаза. Старик чувствовал, как горячая вода обволакивает тело, ласкает его и расслабляет. Блаженная улыбка появилась на лице Александра Петровича. Почему-то в памяти всплыло его детство. Вот он босоногий мальчишка в дырявых штанишках, штопанной рубашонке и отцовской кепке, бегущий под дождем во дворе отчего дома. А вот он уже в школе. И в снег и в дождь, вставая чуть свет, он брал свой потертый ранец и отправлялся в другое село на занятия. Ему всегда нравилась литература. Толстой, Достоевский, Шекспир, Гоголь — когда-то были его любимыми писателями. Приходя со школы, он зажигал керосиновую лампу, забирался на печку и погружался в воображаемый мир, так мастерски нарисованный автором. Да, в детстве читать он любил. Именно тогда он и попробовал писать. Надолго его не хватало, но это занятие он любил. В то время это занятие казалось ему чем-то очень похожим на волшебство. Ты чувствуешь себя богом, создаешь мир, населяешь его людьми, заставляешь их любить или страдать, смеяться или плакать.

Александр Петрович почувствовал, что засыпает, а еще он ощутил ноющую боль в подреберье. Старик открыл глаза и сел.

— Нет, надо выбираться отсюда, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Пора отвыкать от всех этих излишеств.

Спустя несколько минут Александр Петрович вышел из ванной и прошел в зал.

— А ну, Шарик, уступи место старику, — сказал Александр Петрович, сгоняя собаку с дивана. — Что-то меня горячая вода разморила немного. Вялость какая-то в теле. Фух.

Александр Петрович лег на диван и закрыл глаза. Грудь старика тяжело поднималась и опускалась, как будто он находился перед этим не в ванной, а в тренажерном зале. Шарик, покинув диван, нашел себе новое место под лежбище — кресло. Умастившись в кресле, он положил голову на лапы и принялся наблюдать за стариком.

— Странная все-таки штука жизнь, — пробормотал Александр Петрович. — Когда ничто тебя не тревожит, ты даже и не замечаешь ее. Ты живешь — и все. Идешь в школу, поступаешь в вуз, работаешь, любишь, создаешь семью, растешь детей. Но когда на твоём жизненном пути появляется старуха с косой, ты начинаешь задумываться о таких вещах, о которых никогда и не думал раньше — что есть жизнь? что управляет человеком — судьба, бог, рок? почему человек несчастлив? что делает его несчастным? Удивительные вопросы. Недаром над ответами на эти вопросы веками бились лучшие умы человечества. И что удивительно, так никто и не смог сказать ничего конкретного. Предположения и только предположения. Как же все-таки удивительна жизнь. Сколько загадок, сколько тайн. Будь мне дан второй шанс, я бы посвятил жизнь познанию. Это же так интересно и захватывающе. Смотреть, наблюдать, познавать, быть ребенком, который делает первые неуверенные шаги по жизни. Почему же я когда был маленьким, хотел быстрее стать взрослым? Почему я не берег свое детство? Обидно... обидно смотреть назад и понимать, что жизнь, которую ты прожил, можно было бы прожить иначе. А кто виноват? Государство? Общество? А может сам человек? Невежественен человек, невежественны и поступки его. Ограничен человеческий разум, он ищет удовольствия, но не ищет удовлетворения. Как обидно... как обидно мечтать о лучшем, но довольствоваться посредственным. Вот если взять к примеру меня, мою жизнь. Шарик, вот что ты скажешь? — Александр Петрович свесил ноги на пол и посмотрел на дремавшую в кресле собаку.

— Вот мог бы я жить другой жизнью? — продолжал Александр Петрович. — Или, как говорят, против судьбы не погрешь?

Шарик открыл глаза и посмотрел на старика с таким безразличием, что Александр Петрович даже рассмеялся.

— И все же, дружок, как думаешь, мог бы я жить иначе, чем жил до сих пор? Вот если бы тебя, Шарик, не принес Сашка, у тебя была бы другая жизнь. Может так и бегал бы по улице, как раньше, а может, кто другой тебя усыновил бы, — Александр Петрович улыбнулся. — Значит все же как-то можно переть против судьбы, как-то самому ее создавать. Да только вот знать бы, в какую сторону баранку крутить, чтобы не оказаться, как старуха из сказки о золотой рыбке, у разбитого корыта. Знал бы, где упаду, соломки подстелил бы, да побольше-

побольше. Эх, кто его знает, как оно могло быть. Жизнь непредсказуема и в этом, думаю, ее прелесть. До смерти сохраняется хоть какая-то интрига... Ну, не знаю, — Александр Петрович поднялся с дивана, подошел к Шарiku и погладил того по голове. — Можно ли было в Советском Союзе жить не так, как все? Ага, попробовал бы ты, Шарик, пожить иначе, сразу стал бы врагом народа, — улыбка заиграла на губах старика. — Отправили бы тебя на Соловки или куда подальше. Нет, Шарик, что ни говори, а среда обитания тоже играет немаловажную роль в том, какой жизнью будет жить человек.

Александр Петрович подошел к балконной двери и выглянул на улицу. Мелкий снежок кружился в воздухе. Небо затянуло тучами, большими и темными.

— Это сегодня, Шарик, границы открыты, живи где хочешь, живи как хочешь. Было бы желание к чему-то стремиться в жизни, только вот с этим у людей проблема. Если они и стремятся к чему-то в этой жизни, так это к деньгам. А вот были бы у меня миллионы и что? — Александр Петрович повернулся к собаке. — Спасли бы они меня от смерти? Фигушки. Миллионеры тоже смертны, старуха с косой никого не щадит, ни бедного, ни богатого. Но миллионы иметь все же хорошо. Можно много добрых дел сотворить. Я бы вот, например, наш киевский зоопарк приватизировал и вынес бы его за территорию города. А что? Ты б, Шарик, видел в каких условиях содержатся там животные. Аж слезы на глаза выступают, когда смотришь на то, как животные в клетках мучаются, да и кормят их там не лучше того, как фрицы наших в лагерях кормили. Будь они неладны, изуверы. Эх, моя б воля, я бы вообще зоопарки запретил. Животные должны жить в природе, на воле, а не в заточении и служить потехой для жестоких людей. Безумцы! Вас бы в клетки! Вас бы на привязь! Ох, Шарик, Шарик, не знаю, человек — очень жестокое и эгоистичное существо. Вы собаки намного добрее нас, думаю, может из-за того, что у вас не настолько развит разум? — Александр Петрович подошел к креслу и положил руку на голову собаке. — Пойду, дружок, поем чего-нибудь. Захочешь, приходи на кухню и тебя чем-нибудь угощу.

Старик направился на кухню, собака же, заметив куда пошел старик, соскочила с кресла и побежала за ним.

— Я на кухню и ты за мной, — Александр Петрович улыбнулся, увидев Шарика, вбегающего на кухню. — Значит, составишь мне

компанию, чтоб мне не скучно было одному есть.

Александр Петрович подошел к плите, чиркнул спичку и зажег конфорку под сковородкой.

— Не больно мне и хочется есть, Шарик, — сказал Александр Петрович. — Но отказаться от жареной картошечки не могу. Как полюбил ее в детстве, так до сих пор и люблю. Привык, наверное.

Собака, вбежав на кухню, устремилась к своей миске под окном. Но собаку ждало разочарование, миска была пуста. Шарик посмотрел на Александра Петровича и мотнул хвостом. В глазах зажегся огонек.

— Ай-яй-яй, Шарик, никто тебя не кормит, да? — спросил старик, потянувшись за черпаком. — Сейчас мы это дело исправим. Хочешь, могу тебе компоту налить, а могу и борщику. Что выбираешь?

Шарик облизнулся, после чего уселся на лапы и замотылял хвостом.

— Вряд ли ты, дружок, удовлетворишься компотом, — старик улыбнулся и поднял с пола собачью миску, затем снял крышку с кастрюли и зачерпнул черпаком содержимое. — Что-то мне подсказывает, что от борща ты вряд ли откажешься. Наша Надюша готовит чудесный борщ и ты это знаешь, недаром так барабанишь хвостом по полу.

Едва Александр Петрович вернул тарелку на пол, Шарик ткнулся мордой в тарелку и набросился на борщ с таким аппетитом, словно не ел неделю.

— Ешь, ешь, — старик подергал собаку за хвост. Шарик сделал несколько вялых попыток высвободить хвост из рук Александра Петровича, но этим и ограничился, содержимое тарелки его притягивало больше, чем проблемы с хвостом.

— Одного накормил, пора и второго кормить, — Александр Петрович выключил газ и взял чистую тарелку с вилкой. Сняв крышку со сковородки, он высыпал содержимое в тарелку, после чего поставил тарелку на стол и подошел к холодильнику.

— Где-то тут были... ага, вот они, — Александр Петрович вынул из холодильника банку с консервированными огурцами и поставил ее рядом с тарелкой на стол. — Вот теперь можно и начинать трапезу.

Старик сел за стол, открыл хлебницу и вытащил из нее половинку черного хлеба, затем взял нож и отрезал себе кусочек.

— Приятного аппетита, Шарик, — сказал Александр Петрович, взглянув на собаку. Та заканчивала вылизывать тарелку и вскоре уже сидела возле стола и смотрела на старика, не забывая барабанить хвостом по полу.

— Ненасытный ты Шарик, прям как человек. Все тебе мало. Так и быть, поем и потом еще черпак борща получишь, но это только, когда поем. Так что, дружок, жди.

Александр Петрович откусил кусок хлеба и принялся за картошку. Какой же она вкусной была! Ему казалось, что он никогда не ел ничего более вкусного. У него даже аппетит появился. Старик воткнул вилку в котлету и поднес ее ко рту. Внезапно, пораженный мыслью, замер. Рука дрогнула и медленно опустилась, котлета вернулась на тарелку.

— Что ж ты делаешь? — прошептал Александр Петрович. — Совсем недавно ты озаботился жизнью животных, а тут собрался съесть частицу живого существа. Не лицемерие ли это? Говорить одно, желать одно, а делать другое? Этого хочет твое сердце? Или может быть это желание твоего разума? Нет, мое сердце против лжи, против любого зла, оно хочет нести в мир добро и любовь, а не ненависть и смерть. Так почему же ты, — Александр Петрович коснулся вилкой котлеты так осторожно, словно боялся, что она живое существо, способное чувствовать боль, — ешь пищу из убиенных живых существ, убиенных на потеху и утоление голода других живых существ, возомнивших себя венцом творения, самовольно решающим кому жить, кому умирать. Невежественен человек и дела его невежественны. Прости мне мое невежество, — пробормотал Александр Петрович, глядя на кусок мяса перед собой. — Надеюсь, когда-нибудь оно все же покинет меня.

Старик взял тарелку и поднялся из-за стола.

— Шарик, это твоя еда, но не моя, — Александр Петрович наклонился и высыпал содержимое тарелки в собачью миску. — Ешь, мой дружок, ешь, — рука принялась гладить собаку, вновь уткнувшись мордой в миску и довольно махавшую хвостом. — Ешь, — вздохнул Александр Петрович и опустился на стул. — Где искать истину, как не в своем сердце. Где черпать мудрость, как не в своем сердце. Где найти удовлетворение, как не в своем сердце.

Александр Петрович встал со стула и подошел к шкафу с посудой. Открыв дверцу шкафа, старик достал чашку, после чего снял крышку с

кастрюли с компотом и налил в чашку компот.

— Хорошо тебе, Шарик. Ты не настолько разумен, как я или какой иной человек. В своей разумности мы позволяем слишком многое из того, что не должны делать. Вместо того чтобы оберегать матушку-природу, мы ее убиваем, вместо того, чтобы жить в мире, мы развязываем войны, вместо того, чтобы любить, мы ненавидим. Жалок человек, жалок в своей разумности. Когда-то эта разумность его и уничтожит. Благо, мои глаза не увидят этого.

Александр Петрович поднес чашку к губам и отпил из нее, затем взял кусок недоеденного хлеба и сел на стул. Какое-то время старик сидел, ел хлеб и запивал компотом. Его взгляд был устремлен за окно, туда, где в своем невесомом танце кружились снежинки.

— Хоровод жизни и смерти, — пробормотал Александр Петрович, наблюдая за снежинками. — Жизни и смерти.

Старик улыбнулся. Ему казалось удивительным, то, что он не испытывал никакого страха, когда думал о смерти. Смирился ли он с ней или может быть стал чуточку мудрее?

— Что есть смерть? — Александр Петрович перевел взгляд на Шарика, вертевшегося возле ног. — Продолжение жизни или ее окончание? Необходимость или вынужденность? Добро или зло? Может старуха с косой на самом деле — прекрасная юная нимфа с флейтой?

Александр Петрович снова улыбнулся.

— И правда, почему старуха с косой, а не нимфа с флейтой? Так ли уж страшен волк, как его рисуют? А может это и не волк совсем, а безобидный ягненок? Знать бы ответ. Но тогда жизнь была бы скучна, а так есть над чем голову поломать.

Александр Петрович поднял голову и посмотрел на настенные часы. 9:55.

— Как время бежит-то, — пробормотал старик, вставая со стула. — И не угнаться за ним. Словно в шею кто его гонит... Пойду, Шарик, оденусь. Надо идти, а страшно. Знать бы куда идти, а так в неизвестность, на свой страх и риск.

Старик ушел в спальню. Шарик бросил взгляд на пустую миску и побежал следом за ним. В спальне Александр Петрович натянул носки, брюки, надел теплую рубашку, после чего подошел к письменному столу.

— Что же мне взять-то с собой? Ручку и тетрадь, и карточку пенсионную не забыть бы, есть на ней гривен восемьсот. На еду будет хоть. Только где ж она? В кошельке что ли?

Александр Петрович похлопал по карманам брюк, проверил карманы рубашки.

— Здесь ее точно нет, наверное, все же в кошельке, а кошелек в пальто должен быть. Ну да ладно, потом посмотрю. Сейчас надо записку что ли какую-то написать. Чтоб Надюша с Сашкой не волновались за зря, хотя понять они меня все равно не поймут, к сожалению, но хоть, надеюсь, в милицию не будут обращаться.

Александр Петрович сел на стул, открыл шухлядку и вытащил лист бумаги, затем взял в руку ручку и написал:

Понять старика бывает трудно, а старика больного особенно. Дорогие мои Надюша и Сашка, я не надеюсь на то, что вы меня поймете, возможно, даже решите, что я сошел с ума, когда узнаете, что я собрался сделать, но, прошу вас, хотя бы попытайтесь меня понять. Болезнь открыла мне глаза на мир, на жизнь, на смерть. Я много думал прежде чем отважился совершить задуманное. Не беспокойтесь, я не собираюсь накладывать на себя руки от безысходности, если вы так подумали. Жизнь — это самое ценное, что есть у меня на сегодняшний день, поэтому не могу позволить себе поддаться панике и унынию, как это случилось, когда я только узнал о болезни. Я хочу жить, но не так как жил раньше. У меня была чудесная жизнь до болезни и все благодаря тебе Надюша и нашим детям, но эта жизнь могла быть еще чудесней, если бы в те далекие годы я посмотрел на жизнь широко раскрытыми, а не прищуренными глазами. Но что горевать, когда прошлое уже не вернешь, надо жить с тем, что имеешь на сегодняшний день. К тому же не могу я тратить время на то, чтобы сожалеть, когда сегодня для меня ценна каждая секунда моей жизни.

Я решил не горевать, а двигаться, пока еще могу это делать. Когда я возвращался от врача, мне открылась истина, которой я хочу поделиться с другими людьми. Наша жизнь

может быть лучше, чем есть, но для этого мы должны слушать свое сердце. Мое сердце говорит мне, что мне нужно поделиться истиной с другими, написать книгу и почувствовать удовлетворение от жизни. Какой бы чудесной не была моя жизнь в прошлом, но я всегда чувствовал, что чего-то в ней не хватает, не получал я от нее удовлетворения. У меня чудесная жена, дети и внуки, но понимание этого почему-то не приносит мне удовлетворения. Я хочу все же получить ответ на это мое ПОЧЕМУ, может та истина, которой я хочу поделиться с другими и есть ответ? Пока я этого не знаю, поэтому ухожу из дома, чтобы узнать. Но я вернусь. По крайней мере, я хочу верить в это, в то, что болезнь предоставит мне возможность вернуться домой.

Надеюсь, вы поймете меня и не будете звонить в милицию или лечебницу. И не забывайте кормить Шарика.

Любящий вас муж, отец, дед.

Александр Петрович отложил ручку в сторону и перечитал еще раз написанное.

— Сойдет, — пробормотал он, вставая из-за стола. — Не шедевр, но как умею, так и пишу.

Александр Петрович взял со стола ручку, тетрадь с начатой рукописью, нацепил на руку часы и вышел из комнаты. В прихожей он положил на тумбочку тетрадь и потянулся за шарфом.

— Знаешь, Шарик, — старик повернулся к собаке, тенью следовавшей за ним по квартире. — Я тебе немножко даже завидую. Ты остаешься в тепле, уюте. Тьфу ты, — Александр Петрович скривился, словно съел что-то противное. — Опять двадцать пять. Боишься или сомневаешься, сиди дома, никто тебя никуда не гонит. Но только не ной итак жутко.

Старик замотал на шее шарф, одел пальто и посмотрел в зеркало.

— Не могу, — сказал он, глядя в глаза отражению. — Чувствую, что не будет мне покоя, если не сделаю этого. Пусть считают дураком, сумасшедшим, но не могу иначе.

Александр Петрович надел шапку, свернул тетрадь и засунул ее в карман пальто, затем повернулся и окинул взглядом квартиру. Из груди

вырвался вздох, когда старик смотрел на столь привычные ему очертания квартиры. Всю жизнь он прожил здесь, и теперь осознавая это чувствовал, как грусть сковывает его сердце. Картина с морской тематикой на стене, ковровая дорожка на полу в коридоре и даже тумбочка, на которой стоял старенький телефон, — все было таким знакомым, родным.

Легкая улыбка тронула старческие губы. Хотел бы Александр Петрович чтобы она была веселой, да только безрадостным это все казалось — словно навсегда прощался с родным домом. Может так оно и было? Александр Петрович этого не знал, но он надеялся, что когда-нибудь еще вернется домой. Если бы он выбирал место своей смерти — это был бы только его дом, дом, где он провел многие годы своей жизни.

Александр Петрович решил пройтись по квартире напоследок. Зашел на кухню, заглянул в зал, в спальню, в ванную и даже в Сашкину комнату. Все было таким... Александр Петрович почувствовал, как на глаза навернулись слезы, скупые старческие слезы.

— Надо идти, — пробормотал старик. — Или я, и правда, никуда не пойду.

Старик вернулся в прихожую. За ним, словно привязанный, неотступно двигался Шарик. Вместе со стариком собака обегала всю квартиру, вместе с ним вернулась в прихожую. Александр Петрович улыбнулся, заметив, как Шарик подбежал к поводку, висевшему на этажерке, и схватил его зубами. Сорвав поводок с крючка, собака подошла к старику и положила поводок на пол у стариковских ног.

— Нет, Шарик, — сказал Александр Петрович и погладил собаку по голове. — На эту прогулку я пойду сам, без тебя, мой дружок.

Старик поднял с пола поводок и положил его на тумбочку рядом с телефоном, после чего сел на стул, одиноко уютившийся в прихожей, и обулся, затем засунул руку во внутренний карман пальто и вытащил кошелек. Как он и думал, пенсионная банковская карточка была там вместе с несколькими десятками гривен. Взяв карточку в руки, он посмотрел на нее задумчиво и сказал:

— Это ж что получается, если я заберу карточку с собой, то оставляю семью без своей пенсии. Мне пенсию каждый месяц на карточку перечисляют, выходит, что Надюша с Сашкой будут жить на

одну зарплату Надюши? Это ж надо и за квартиру платить, кушать покупать. Что ж это я надумал такое, забрать пенсию с собой? Нет. Оставлю-ка я тебя дома, — Александр Петрович поднялся со стула и зашел на кухню, где положил карточку на кухонный стол. — Я ж, как-никак, пока еще кормилец в семье. Что ж я буду семью обделять?

Александр Петрович достал из кошелька маленькую бумажку, на которой был карточный пин-код и положил на карточку.

— Помню, Надюша должна знать код, но на всякий случай оставлю. Старческая память — и не память совсем. Пусть будет дома. Мне он все равно не нужен... Только вот что ж мне остается? — Александр Петрович снова раскрыл кошелек и взглянул на его содержимое. Пальцы принялись перебирать банкноты.

— Сорок гривен с копейками. С такими деньгами я уж точно долго не протяну. Что ж делать-то?

Взгляд старика заскользил по стене, на секунду задержался на часах, потом переместился на холодильник, на котором лежал его мобильный. Старик подошел к холодильнику и взял в руки мобильник.

— Я знаю, что сделаю, схожу на наш радиорынок и продам телефон. Зачем он мне? Взять с собой, так от звонков покоя не будет. Знаю я Надюшу, сейчас будет названивать, волноваться. А так продам, и деньги будут. За сколько его Пашка мне покупал? За пятьсот гривен что ли? За четыреста продам. Покушать что-то купить уже будет. Да, так и сделаю.

Александр Петрович спрятал мобильник в карман штанов и вышел из кухни.

— Может паспорт взять? — Александр Петрович задумался. — Там адрес домашний есть, мало ли что.

Александр Петрович разулся и пошел в зал. Подойдя к серванту, он открыл шухляду, где лежали все семейные документы, нашел паспорт и засунул его во внутренний карман пальто.

— Вот теперь кажется все.

Александр Петрович вернулся в прихожую. Шарик, лежавший на тряпке у порога, при виде старика, вскочил на ноги и подбежал к нему.

— Что же это ты на тряпке грязной лежишь? А потом на постель прыгать будешь, — пожурил собаку Александр Петрович, не забыв при этом почесать ее за ухом.

Шарик сел на задние лапы и гавкнул. Хвост ожил и принялся биться о пол. Старик сел на стул и снова обулся, затем поднялся и повернулся к Шарику.

— Ну что, мой дружок, будем прощаться, — Александр Петрович наклонился и обнял собаку. — Когда-то еще увидимся.

Александр Петрович заглянул в глаза собаки, светившиеся искренней любовью и безграничной преданностью.

— Я знаю, что ты меня понимаешь, — сказал Александр Петрович, держа голову собаки в руках. — Вы, собаки, удивительные существа. Может ваш разум и уступает человеческому, но сердце подобно нашему, но в отличии от человека, вы, собаки, не боитесь показывать его другим... До свидания, мой дружок. Ты всегда мне был самым верным и преданным другом. Мы с тобой обязательно еще увидимся.

Александр Петрович отстранился от собаки, чувствуя непонятную дрожь в теле. В груди полыхнуло жаром, а на глазах появились предательские слезы.

— Увидимся, — пробормотал Александр Петрович, поворачиваясь к двери. Щелкнул замок, Александр Петрович открыл дверь и вышел на площадку. Не оглядываясь, старик закрыл за собой дверь и достал из кармана брюк ключ. Закрыв на ключ дверь, Александр Петрович вздохнул и направился к лестничному пролету. Не успел он сделать и два шага, как за спиной раздался залиvistый лай вперемешку со скулежом.

— Что ж это такое? — словно подражая жене, всплеснул руками Александр Петрович. — Что ж делать-то? Он же никому покоя своим лаем не даст.

Между тем, лай и скулеж не прекращались ни на секунду. Собака, будто с ума сошла. Александр Петрович слышал шорох, издаваемый Шариком, пытавшимся лапами открыть входную дверь.

— Упрямец, — пробормотал старик, возвращаясь к двери и вставляя ключ в замочную скважину. — Не брать же тебя с собой.

Едва дверь приоткрылась, Шарик выскочил из квартиры и забегал по предбаннику, оглашая окрестности звонким лаем.

— Ну, перестань уже, перестань, — Александр Петрович положил руку на голову собаке, пытаясь ее успокоить. — Горе ты мое четвероногое. Что мне делать-то с тобой?

Собака уткнулась мордой старику в ноги и заскулила. Хвост поджался, уши опали.

— Ладно, возьму тебя с собой, — сказал Александр Петрович. — Глупо-то как получается. Даже не представляю, что из этой затеи выйдет. Но если не хочешь оставаться, я тебя заставлять не буду. Да и мне может, как-то веселей будет.

Старик вернулся в квартиру и взял поводок, затем вышел в предбанник и закрыл дверь.

— Идем, дружок, — сказал он, повернувшись к собаке. — Мы с тобой, два старика, на старости лет сошедших с ума. Два безумца, которые не хотят доживать свой век в четырех стенах. Может так оно и лучше. Кто его знает?

Старик улыбнулся и двинулся к лестничной площадке. За ним, виляя хвостом, устремился и Шарик.

Глава 8

Мобильник

Александр Петрович вышел из дома и надел поводок на Шарика.

— Ты посмотри, как красиво-то вокруг, Шарик, — сказал старик, окидывая взглядом двор, сплошь покрытый белым одеялом зимы. — Это тебе не искусственная красота. Это природа.

Если бы кто-то находился в этот миг рядом со стариком, то услышал бы в голосе старика восхищение и даже некое почтение к природе. Но рядом никого, кроме собаки не было, никто не видел и не слышал того восторга, с которым Александр Петрович смотрел на мир вокруг него.

Но Шарика природа, казалось, волновала постольку-поскольку. Сейчас его занимали совсем другие мысли. Он подбежал к лавочке и принялся ее обнюхивать, затем, удовлетворившись учуянным, поднял ногу и выразил свое отношение к красоте лавочке. Наверное, собака была права. Красота старой лавочки ни шла ни в какое сравнение с красотой природы, которой продолжал любоваться старик.

В воздухе чувствовался небольшой морозец. Александр Петрович вытащил из кармана пальто перчатки и надел их.

— Идем, Шарик, — старик посмотрел на собаку. — Идем, нам надо продать телефон.

Александр Петрович двинулся через двор к арке между домами. Собака потрусил за ним. Старик с собакой прошли сквозь арку и вышли к проезжей части. Александр Петрович остановился у дороги и окинул ее взглядом: десятки машин проносились перед глазами, десятки людей сидели в салонах машин, и у каждого была своя судьба.

— Это ж как удивительно, — пробормотал Александр Петрович, разглядывая лица людей в машинах. — Сколько людей, сколько уникальных жизней, но почему-то у многих из этих людей один и тот же жизненный сценарий. Мы рождаемся, вырастаем, женимся или выходим замуж, растим детей, внуков, кому повезет то и правнуков, и умираем.

Александр Петрович поднял руку и снял перчатку.

— Если мы все разные, уникальные, отпечатки пальцев даже говорят разные у всех, так почему же у нас у всех одинаковая жизнь? Может программа какая внутри нас? Я вот ее выполнил, получается могу теперь спокойно себе умирать с чувством удовлетворения от прожитой жизни. Но, — Александр Петрович посмотрел на поток машин перед глазами, на прохожих, на парочку синичек, приютившихся на дереве, возле которого стоял, — но почему я не чувствую этого удовлетворения? Словно червь в груди гложет. Такое чувство, как будто что-то забыл сделать. Что-то более важное, чем все остальное в жизни. Как та вишенка, сначала надо было подумать о себе, о том, что хочет мое сердце. Звучит эгоистично. Но сердце-то не эгоистично. Оно заботится не о себе, а о других. Ведь, если так подумать, когда мы делаем то, что хочет наше сердце, это отражается не только на нас, а и на других и даже всем мире. Вот если взять меня. Мое сердце хочет, чтобы я поделился знаниями с другими. Где здесь эгоизм? Нет его. Если бы я это делал с корыстью, другое дело, но у меня нет корысти, значит, нет и эгоизма. Да, все правильно наши сердца не эгоистичны и не корыстны. Все это от лукавого, а если сердце — бог, то лукавый — разум. Вот оно что!

Александр Петрович рассмеялся. Шарик отвлекся от куста, который увлеченно обнюхивал, и взглянул на старика. Что-то похожее на выражение удивления появилось на морде собаки. Но заметив, что старик всего лишь издает какие-то непонятные звуки, заставлявшие его тело сотрясаться, Шарик вернулся к прерванному занятию. Но Александр Петрович не обращал внимания на собаку, взгляд его устремился вверх, к тучам, скидывающим на землю белые хлопья мерзлой воды.

— Вот из-за этого-то лукавого и страдает человек, — сказал старик. — Это ж если разобраться, то и войны, и преступления всякие, и семья распадается, — все из-за нашего разума. Гордыня, зависть, эгоизм, корысть, — все это слуги разума. Человек становится злым не потому, что у него сердце злое, а потому что его разум злой. Если бы человек слушал чаще свое сердце, мы бы не знали, что такое война, голод, вырубка леса, загрязнение рек. Мое сердце хочет мира, хочет любить и помогать, заботиться и познавать этот удивительный мир. Чувствую, что и другие люди этого хотят, но, — Александр Петрович вздохнул, — мы-то хомо сапиенсы, разумные, в этом-то и наша беда.

Мы слишком полагаемся во всем на разум, мы превозносим его, поклоняемся ему. Но это не так уж и плохо, если мы умеем им управлять, но, — старик почувствовал, как дрогнуло сердце, — мы не умеем этого делать. Не человек управляет разумом, а разум управляет человеком. Беда, в этом и вся беда. Если бы человек научился быть не рабом, а хозяином своего разума, у него и жизнь другая была бы, по крайней мере, он мог бы на это рассчитывать. Моя жизнь тому подтверждение. Если бы я раньше жил сердцем и управлял разумом, может и не было бы той неудовлетворенности от жизни, которая владеет мной сегодня.

Тихий вздох вырвался из груди старика, плечи его поникли, голова опустилась.

— Идем, Шарик, — старик дернул за поводок и побрел вдоль дороги. Собака оставила в покое очередной куст и побежала следом.

Спустя десять минут Александр Петрович был уже на рынке и высматривал к кому бы обратиться со своей просьбой. Притянув Шарика ближе к себе, чтобы лишний раз не пугал окружающих, старик ходил между рядами, то и дело поглядывая на витрины магазинчиков с мобильными телефонами. У одного магазина старик остановился и вытащил из кармана телефон. Перед ним на витрине красовался точь-в-точь такой же, правда, тот, что был на витрине казался новее.

— Шестьсот пятьдесят гривен, — пробормотал Александр Петрович, взглянув на ценник телефона. — Это даже не пятьсот гривен. Может все же и удастся продать свой за четыреста.

— Вы что-то хотели? — в дверях магазинчика появился продавец, невысокий парнишка с хитрыми глазами и копной нечесаных волос на голове.

— Да я вот, — начал было Александр Петрович, но парнишка перебил его.

— Мобильники интересуют? Есть разные модели, выбирайте любой, сторгуемся.

Парнишка бросил взгляд на стариковский мобильник и продолжил.

— Ваш, я смотрю, староват уже. Купите себе новый телефон. Зачем вам старый? У меня все новые. Выбирайте, цены хорошие, не собаки, не кусаются.

— Нет, нет, — улыбнулся Александр Петрович. — Мне не нужен мобильный телефон. У меня есть. Я...

— Ничего что есть, — осклабился парнишка. — У меня их аж три. И вам еще один подберем. Выбирайте.

— Да мне не нужен телефон.

— Ну, нет, так нет, — парнишка развернулся и скрылся внутри магазинчика.

— Какая у нас нынче молодежь нетерпеливая, — Александр Петрович покачал головой, дернул поводок Шарика и направился следом за парнишкой внутрь магазина.

— О, — парнишка оторвался от компьютерной игрушки и поднял глаза на вошедшего. — Я вам ничем помочь больше не смогу, я только мобильниками торгую. И куда вы с собакой зашли? Здесь же вам не улица, а магазин, — парнишка обвел взглядом помещение, маленькую коморку, которую он гордо именовал магазином и добавил. — Вы мне покупателей отпугнете своей собакой.

— Да у меня Шарик добрый. Он не кусается, — Александр Петрович улыбнулся и погладил собаку, обнюхивавшую стойку с мобильными телефонами.

— Я тоже добрый, — ухмыльнулся парнишка. — Но иногда могу и укусить. Давайте, пока больше никого нет, говорите чего вам надо?

Старик раскрыл ладонь, на которой лежал его телефон и сказал:

— Мне бы продать его.

— Продать? Ну так же вы сразу не сказали? Дайте гляну, — парнишка взял в руки стариковский мобильник и принялся вертеть его в руках.

— Видите, — наконец-то сказал он после осмотра, — тут царапина и вот тут туже, а тут краска сдерлась, падал он у вас что ли?

— Нет, не падал, — ответил старик, пытаясь вспомнить, откуда у его телефона взялись царапины, легкие потертости были, а вот царапин не должно было быть.

В конце концов он мысленно махнул рукой на царапины и взглянул на парнишку без умолку перечислявшего недостатки телефона, о большинстве из которых старик слышал впервые.

— У этой модели динамики слабые и корпус непрочный, — между тем продолжал парнишка.

— Хороший динамик, — сказал Александр Петрович. — Я хорошо слышал тех, с кем разговаривал. И меня хорошо слышали.

— Ну, так это пока хороший, а через неделю, вторую станет плохим. Я знаю эту модель. В общем, двести, ну может разве что для вас двести пятьдесят гривен. Больше не могу дать. Не за что давать.

Старик едва не открыл рот от удивления.

— Как так, дести, двести пятьдесят гривен? Новый же, вон ценник, шестьсот пятьдесят гривен, а моему и года еще нет. Чуть потертый в одном или двух местах, а так ничем не отличается от того, что на витрине. Разве что цветом. Хотя бы гривен четыреста и готов отдать.

— Какие четыреста?! — воскликнул парнишка. — Да за четыреста гривен я новый купить могу. Двести пятьдесят и то, только для вас. Больше никак не получится.

— Если не получится, тогда не получится, — развел руками Александр Петрович, пряча телефон в карман брюк. — Пошли, Шарик. До свидания.

Старик дернул за поводок и направился к выходу. На улице он остановился, посмотрел по сторонам и пошел вдоль рядов с магазинами.

— Это купи телефон за шестьсот, а продай за двести пятьдесят. Где же это видано такое? — думал старик, шагая вдоль вереницы магазинов. — Эх, каждый на тебе хочет нажать, каждый хочет залезть в твой кошелек. С ума все, что ли, посходили?

Александр Петрович остановился у еще одного магазинчика с мобильными телефонами. Недолго думая, он открыл входную дверь и вошел внутрь магазина. Кроме продавца, мужчины лет сорока, смотревшего на компьютере фильм, в магазине больше никого не было. Александр Петрович окинул взглядом помещение и направился к продавцу.

— Чем могу быть полезен? — спросил тот, оторвавшись от просмотра фильма. — Интересуют мобильные телефоны?

— Хочу продать свой телефон, — сразу перешел к делу старик. Вытащив из кармана телефон, он положил его на прилавок перед продавцом. — Можете мне помочь?

Продавец взял в руки мобильник.

— Сколько вы за него хотите? — спросил он старика.

— Хочу... хочу четыреста гривен.

Мужик поднял бровь и взглянул на Александра Петровича исподлобья.

— Могу дать за него триста гривен.

— И ни больше?

— Нет.

Александр Петрович вздохнул и произнес:

— Мало. Хотя бы четыреста гривен. Жить же надо за что-то. Пойду, может, кто больше предложит, — Александр Петрович забрал телефон и двинулся к выходу.

— Попробуйте, — ухмыльнулся продавец. — Может кто и предложит. Но я сомневаюсь.

— Видишь, Шарик, никто не хочет наш телефон за четыреста гривен, — сказал Александр Петрович, покинув магазин. — Триста, мало как-то. Пойду еще поспрашиваю.

Какое-то время Александр Петрович переходил от одного магазина к другому, предлагая телефон, но никто не хотел давать за него больше трехсот гривен. В конце концов старик остановился у последнего магазинчика, как раз у выхода с рынка.

— Делать нечего, Шарик, — сказал Александр Петрович, положив руку собаке на голову. — Придется за триста гривен отдавать. Все же это лучше, чем ничего. Сорок гривен в кошельке, еще триста и вот почти триста пятьдесят. Не ахти какая сумма, но на хлеб должно хватить. Ну, подожди меня здесь, — старик привязал собаку за решетку на окне магазина и вошел внутрь.

— Здравствуйте, — сказал Александр Петрович, повернувшись к девушке, сидевшей за прилавком и читавшей книжку. Темненькая, худенькая, невысокая ростом. Старик улыбнулся. Чем-то эта девчушка напомнила старику его Надюшу в молодости.

— Здравствуйте, — отозвалась девушка и отложила книгу в сторону. — Вы что-то хотели?

— Да я вот хожу из одного магазина в другой, а все без толку, — добрая улыбка и не думала сходить с губ старика. — Еще и Шарика своего таскаю за собой. Там на улице ждет, — пояснил старик, заметив удивленный взгляд девушки. — Телефон хочу продать, только вот никто не хочет его у меня покупать. Говорят, много прощу. Но деньги уж больно нужны.

Старик вытащил из кармана пальто мобильник и положил его на прилавок. Девушка посмотрела на телефон, затем взяла его в руки.

— А сколько вам за него предлагают? — спросила она, разглядывая телефон.

— Триста гривен.

— А сколько вы за него хотите?

— Хотя бы четыреста гривен, — виновато улыбнулся Александр Петрович.

— Четыреста гривен вам за него никто не даст, — девушка подняла глаза на старика и улыбнулась в ответ. — Но знаете что, если хотите, то я уж, так и быть, заберу у вас его за триста пятьдесят гривен. Все равно больше вам никто не даст.

— Я уже убедился, — сказал старик. — Никто и триста пятьдесят гривен не хотел давать, вы первая. Ну, деваться мне все равно некуда, соглашусь и на триста пятьдесят гривен.

— Можете считать, что вы мне понравились, — улыбнулась девушка и достала из-под прилавка деньги. Отсчитав триста пятьдесят гривен, она протянула их старику. — Возьмите.

— Спасибо вам большое, — Александр Петрович снял перчатки и взял деньги из рук девушки. Достав кошелек из внутреннего кармана пальто, он положил туда деньги. Спрятав кошелек, старик опять надел перчатки. — Вы мне очень помогли. А что вы читаете? — поинтересовался Александр Петрович, заметив книгу.

— Да так, дамский роман, — улыбнулась девушка, бросив взгляд на книгу.

— Дамский роман? Это такой, в котором много красивой любви, романтики и страсти?

— Ага, вы правы, — девушка взяла в руки книгу. — «Полуночная страсть» называется. Красивой любви здесь столько, что аж завидно становится. В книгах так все красиво описывается, только вот в жизни, к сожалению, не все так красиво, как в книгах.

— Может быть, может быть, — улыбка на губах старика стала шире. — Знаете, мне всегда было интересно, что женщины ищут в таких вот, — Александр Петрович указал на книгу в руках девушки, — романах. Просветите меня?

— Вряд ли я могу вам сказать за всех женщин, — улыбнулась девушка. — Но про себя могу сказать. В таких книжках не так как в

жизни, здесь больше чувств, больше страсти, больше самой жизни. Этим они и нравятся мне. Любовь здесь искренна, без фальши, без обмана. В общем, другая, не такая, как в реальной жизни.

— Могу предположить, в таких книгах женщины ищут то, о чем мечтают в реальной жизни. Так?

— Ну да, — вздохнула девушка и положила книгу на прилавок. — Знаете, иногда я даже представляю себя главной героиней книжки, — улыбнулась девушка.

— А что вам мешает в реальной жизни найти то, что вы ищете в книге?

— Не знаю. В жизни все не так. Здесь люди другие. И... и мужчины другие. Больше о себе думают, о карьере, деньгах, красивых машинах. О женщинах они вспоминают только тогда, когда..., — смущенная улыбка появилась на губах девушки. — Думаю, вы сами понимаете. В книгах мужчины романтики, для них женщина важнее всего — важнее карьеры, денег, машины. Ради женщины они готовы на любые безумства, готовы даже рисковать жизнью ради любви. А в жизни... в жизни для них нет ничего важнее карьеры, денег, посиделок с друзьями, ну или просмотра футбола по телевизору. Они цветы даже если и дарят, то только по праздникам. Вот такие вот наши мужчины. Поэтому вот и приходится искать любовь в книжках, — печально заключила девушка и посмотрела на старика.

— Значит вы хотите, чтобы ваш молодой человек дарил вам цветы не только по праздникам? Кстати, а как вас зовут? Неправильно как-то общаться с человеком и не знать его имени.

— Марина, — улыбнулась девушка. — А вас как?

— Очень приятно, Марина. А меня Александр Петрович.

— И мне очень приятно познакомиться... Знаете Александр Петрович, я вам честно скажу, как и любая девушка, я хотела бы, чтобы мой молодой человек дарил мне цветы не только по праздникам, хотя бы раз в месяц. Мне бы и этого хватило, но, на самом деле, это и неважно совсем. Больше всего я хотела бы, чтобы он дарил мне не цветы, а свое внимание. Для девушки это очень важно.

— Я с вами полностью согласен, Марина. Женщина без мужского внимания, как цветок без воды, жить не может.

— Вот-вот, — улыбнулась Марина. — Как цветок без воды или без солнца. Нам и не надо, по-большому счету, ничего кроме

внимания. Ни дорогих машин, ни вилл, ни бриллиантов, чуточку внимания, ласки и заботы.

— Марина, неужели ваш молодой человек не может вам дать столь малого? — спросил Александр Петрович, взглянув на Марину.

— Со своим молодым человеком я рассталась два месяца назад. И знаете, нисколько не жалею. Работа, телевизор, друзья, ноутбук, иногда я, работа, телевизор, друзья, ноутбук, опять иногда я, и так снова и снова. Я не выдержала и бросила его. Устала я от такой жизни. Устала быть дополнением. Теперь вот пока что ни с кем не хочу встречаться. Хочу немножко пожить для себя. Говорят, надо верить в лучшее. Я вот и верю, что когда-нибудь встречу своего принца, который хотя бы немножко будет похож на книжного, — улыбнулась Марина.

— Знаете Марина, и правда, надо верить в лучшее. Если вы мне позволите, я дам вам два небольших совета.

— Конечно позволю, — улыбнулась Марина. — Вы прожили больше, чем я. Больше знаете о жизни.

— Эх, если бы возраст делал человека мудрее, — как-то печально проговорил Александр Петрович. — К сожалению Марина, это совсем не так. Возраст не делает человека мудрее, чтобы ни говорили другие люди, хотя вот совсем недавно я и сам так думал, но сегодня, с каждым новым днем все больше и больше понимаю, что очень мало знаю о жизни. Я прожил шестьдесят лет на этой чудесной планете, но так и не узнал самого главного — как жить так, чтобы наслаждаться жизнью, а не страдать, как получать от жизни каждый день удовлетворение, а не новую порцию страданий. И только совсем недавно, на шестьдесят первом году жизни, мне открылась эта истина. Я хотел бы поделиться ею со всем миром, но, к сожалению, люди невежественны, многие из них думают, что и сами прекрасно знают, как жить. И я так думал, а к чему пришел? К тому, что провел свою жизнь, словно в тумане, из которого еле выбрался, а другие так и сидят там, бродят словно, помните мультфильм? Ежик в тумане? Вот так вот и бродят люди в этом тумане невежества всю жизнь. А когда приходит время умирать, — вздох вырвался из груди старика, — они оборачиваются назад и видят, что в их жизни было больше слез, чем улыбок, страданий, чем счастья.

— Знаете Александр Петрович, мне только двадцать три года, а я уже чувствую, что с моей жизнью что-то не так.

— У вас, Марина, еще все впереди. Ваша жизнь только начинается, и в ваших силах сделать ее счастливой.

— Как? — девушка подняла глаза на старика.

— Ответ на ваш вопрос очень прост и состоит он всего лишь из двух слов — живите сердцем. Всегда слушайте свое сердце. Чувствуйте мир, чувствуйте других людей, слушайте себя. Всегда поступайте так, как говорит вам ваше сердце. Иногда эти поступки могут казаться глупыми, но это не так. Наше сердце очень мудрое. Оно знает ответы на любые наши вопросы. Оно стремится к тому, чтобы мы были счастливы, и не один, два дня, а всю нашу жизнь. Наше сердце доброе, заботливое и сострадательное. Оно хочет любить и помогать.

— Вы действительно так считаете?

— А вы, Марина, думаете иначе? — улыбнулся старик.

Тишина непроницаемым одеялом окутала помещение на секунду-другую.

— Нет, — нарушил тишину тихий голос девушки.

— Вот видите, — добродушно сказал Александр Петрович. — Человек доброе существо, но... но невежественное.

— А какими двумя советами вы хотели со мной поделиться? — спросила Марина.

— Я уже и забыл про них, — улыбнулся старик. — Хорошо, Марина, что вы мне о них напомнили. Я вот что думаю. Для начала хорошо было бы вам полюбить себя.

— Это как? — растерялась девушка.

— А вот так, — рассмеялся Александр Петрович. — Вы хотите любить и быть любимой, правда?

— Конечно, кто же этого не хочет.

— То-то и оно. Каждый хочет, но не каждый получает. Полюбите тот уникальный организм, которым вы являетесь. Больше заботьтесь о своем теле, внутреннем мире, испытывайте больше добра к себе, проявляйте больше заботы, берегите себя, не позволяйте другим оказывать на вас дурное влияние. Например, когда вам говорят делать что-то такое, что идет вразрез с тем, что хочет ваше сердце. Для того чтобы любить себя вам вовсе ненужно баловать себя покупкой каких-то вещей, очень может быть даже дорогих. В действительности нам они совсем не нужны. Мы и без них можем быть счастливы. Счастье

не в обладании, а в сострадании, в любви к себе, к окружающему миру, к природе, к другим людям. А вот вам, Марина, и второй совет. Люди несовершенны и мало кто из них стремится к тому, чтобы стать хоть чуточку совершеннее, чем есть, но я верю, что такие люди все же есть. Поэтому прежде чем дарить будущему парню свою любовь, задумайтесь вот над чем, тот ли это парень, о котором вы мечтали, будет ли он стараться улучшать ваши отношения или будет довольствоваться тем, что есть. Любовь, Марина, это парная игра. Если один любит, а второй всего лишь, как говорят, позволяет себя любить, такие отношения обречены. Такой прекрасный цветок, как любовь цветет только в том саду, где два садовника заботятся о нем, а не один. Вот это и главное в отношениях. Отношения, как поле, их надо возделывать, а для этого нужны усилия, усилия двух человек.

Александр Петрович взглянул на часы на руке и улыбнулся.

— Ого, скоро час дня, — сказал старик. — Долго же мы с вами, Марина, общались. Но я нисколько не жалею об этом. Мне было очень приятно с вами поговорить.

— Мне тоже, Александр Петрович. Было очень приятно с вами поговорить. И... и спасибо вам большое. Вы на многое мне открыли глаза.

— На здоровье, Марина, — улыбнулся старик. — Всего вам хорошего. Живите сердцем, и счастье вас не обойдет стороной.

Александр Петрович развернулся и собрался было выйти на улицу, но Марина его остановила.

— Александр Петрович, а знаете что?

Старик повернулся к девушке.

— Возьмите это, — сказала Марина, протягивая старику пятьдесят гривен. — Ваш телефон стоит четыреста гривен, а не триста пятьдесят.

Александр Петрович замер. Растерянная улыбка появилась на лице старика.

— Берите, берите, — сказала Марина, подбадривая старика. — Так... так хочет мое сердце.

Александр Петрович понимающе улыбнулся и взял из рук девушки деньги.

— Спасибо вам, Марина.

— Пожалуйста, — отозвалась девушка. — И не забудьте свою карточку.

— Какую карточку?

— А которая в телефоне. Симка.

— Ах вот оно что.

Марина открыла заднюю крышку мобильного и достала сим-карту.

— Она вам может еще пригодиться.

— Может и так, — Александр Петрович спрятал сим-карту в карман пальто. — Спасибо вам, Марина.

— Это вам спасибо, Александр Петрович. Приходите еще.

— Может как-то и зайду, — улыбнулся старик. — До свидания, Марина.

— До свидания, Александр Петрович.

Старик вышел на улицу. Радостная улыбка сияла на его лице. Он чувствовал, как внутри разливается тепло. Он был горд собой. Хоть советом, но он помог человеку. Осознание этого наполнило его сердце огнем искреннего счастья.

— Ради этого стоит жить, — пробормотал Александр Петрович, пряча в кошелек пятьдесят гривен.

Старик отвязал Шарика и направился к выходу с рынка.

Глава 9

«Я мог ее убить»

Александр Петрович медленно брел вдоль трассы, погруженный в воспоминания о встрече с Мариной, о тех ощущениях, которые он испытал, когда вышел из магазина. Они были такими прекрасными, светлыми и искренними. Старик чувствовал, как его жизнь наполняется смыслом, становится богаче, нет, не материально, а духовно. Многие из того, что он говорил Марине, для него самого было ново. Это было, словно некое прозрение. Он удивлялся той мудрости, которая открылась ему. Почему он раньше не был столь мудр? Неужели из-за того, что жил разумом, ограниченным разумом, ищущим удовольствий вместо удовлетворения. Александр Петрович ощущал радость от осознания того, что его жизнь сердцем только начинается, а он уже чувствовал некое удовлетворение от того, что делал. Что же будет дальше? Он чувствовал и страх и некое предвкушение, когда размышлял о том, что в будущем его вероятно ждет еще больше мудрости, еще больше счастья и удовлетворения. Справится ли он с ними? Не растеряется ли? Не утонет ли под грузом ответственности? Старик понимал, что делясь с людьми мудростью, он в какой-то мере ответственен за их дальнейшую жизнь, ведь если они прислушаются к его словам, то будут строить дальнейшую жизнь с оглядкой на его слова, мудрость, истину, которой он с ними поделился.

— Мы ответственны за свои слова, поступки и даже мысли, — пробормотал старик, разглядывая чей-то след в снегу рядом с тротуаром. Александр Петрович поднял ногу и опустил ее возле отпечатка чужого следа, снова поднял ногу и снова опустил. Взгляд его устремился к оставленному следу.

— Удивительно, — сказал он. — Все есть результат наших желаний, решений. Не поставь я ногу в снег, не было бы и следа. Не реши я заговорить с Мариной, не было бы и того приятного ощущения, испытанного мною. Как же удивительно устроен наш мир? На каждое следствие есть своя причина. Каждое наше действие и даже мысль ведут к результатам. Наше дело быть ответственными за эти действия, мысли. Из злой мысли родиться злое действие, из доброй —

доброе. У нас есть выбор, всегда есть выбор, совершить злое действие или доброе. И что удивительно, совершив доброе дело, я испытал доброе чувство. Как же это прекрасно дарить окружающему миру добро, как же это радует сердце.

Александр Петрович поднял голову и посмотрел по сторонам. Слева — в высоту устремлялись многоэтажки, справа — убегала вперед трасса на Борисполь. Александр Петрович окинул взглядом серые вереницы многоэтажек и прошептал:

— Как они уродливы. Все что создает человек — уродует мир, природу. Дома, машины, мосты, дороги, — словно ужасные язвы на прекрасном лице природы. Разве может все это сравниться по красоте с тем, что создает природа? Природа грациозна как лань, нежна как кожа младенца, заботлива как львица, оберегающая потомство. Природа совершенна и ее красота совершенна, но вот человек, великое ее творение, не хочет быть совершенным. Он посредственен и создает такую же посредственность, как и сам.

Александр Петрович заметил лавочку неподалеку. Подойдя к ней, он смахнул с нее снег и сел. Шарик заполз под лавку и принялся лизать языком снег. Старик достал из кармана пальто тетрадь с ручкой. Его голова была полна мыслей, а сердце желаний. Он хотел писать. Несмотря на морозец, дергавший за нос и щеки, несмотря на снежинки, танцующие в воздухе и падавшие на пожелтевшие от времени листы бумаги.

Время бежало, а старик все писал и писал, поглощенный мыслями, размышлениями и переживаниями, которыми он щедро делился с бумагой. Но вдохновение также не постоянно, как и погода. То оно есть, то его нет. И тогда наслаждение превращается в муку. Почувствовав, что муза оставила его, Александр Петрович спрятал тетрадку с ручкой в карман и посмотрел вокруг. Снежинки больше не кружились в воздухе, тучи рассеялись, выглянуло солнце. Шарик лежал на снегу, положив голову на лапы и, казалось, спал.

Старик положил руку на живот, почувствовав боль.

— Что ж ты не хочешь оставить меня в покое? — пробормотал старик.

Визг тормозов заставил Александра Петровича отвлечься от боли и бросить взгляд на дорогу. Сердце дрогнуло, когда он увидел женщину, пытавшуюся перебежать дорогу. Прямо на нее, визжа

тормозами неслась иномарка. Александр Петрович хотел закрыть глаза, но не мог, его словно парализовало. Он видел, как машина приближается, видел оцепенение и ужас, застывшие на лице женщины. Старик знал, что сейчас последует удар, и жизнь одного человека на этой прекрасной планете канет в небытие. Но как оказалось, женщина родилась в рубашке, водитель успел вывернуть руль, машину понесло, она врезалась колесами в бордюр и остановилась. Время словно замерло. Прохожие стояли и смотрели на машину и на женщину, находившуюся недалеко от нее. Та все еще стояла в оцепенении на дороге. Кожа на ее лице была такой же белой, как и снег, устилавший тротуар. Наконец женщина подняла голову, посмотрела вокруг и медленно побрела через дорогу. Прохожие тоже не задержались, разошлись, едва увидели, что трагедии не произошло. Место происшествия опустело. Все его покинули, все кроме машины, все еще стоявшей у обочины.

Спустя несколько минут передняя дверца машины открылась и из машины выбрался парень в черном костюме. Закрыв дверь, он не спеша направился к одной из лавочек, стоявших недалеко от тротуара. Смахнув с лавочки снег, парень сел и обхватил голову руками.

Словно движимый каким-то импульсом Александр Петрович поднялся на ноги, взял поводок Шарика и двинулся к подземному переходу через дорогу. Шарик бежал рядом ни на шаг не отходя от старика. Выйдя из подземного перехода, старик направился к парню, сидевшему на лавочке и погруженному в свои мысли.

— Могу я присесть рядом с вами? — поинтересовался Александр Петрович, приблизившись к молодому человеку.

Тот поднял голову и посмотрел на старика. В зеленых глазах парня застыли слезы, мужественное лицо побледнело, руки дрожали, словно в лихорадке. Кивнув, он запустил ладони в волосы и упер локти в колени.

Александр Петрович стряхнул снег с лавочки и опустился возле молодого человека.

— Я мог ее убить, — услышал старик шепот парня. — Я едва не взял на душу грех, от которого никогда бы не избавился.

Александр Петрович улыбнулся и положил руку на спину молодому человеку.

— Не стоит так убиваться, — сказал старик. — Вы могли убить эту женщину, но не убили. Нет истины в том, что заставляет вас переживать это событие снова и снова. Забудьте. Это уже прошлое. Оставьте прошлое в прошлом, не берите его с собой в настоящее. Зачем вам мучить себя тем, что не произошло? Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на переживания о том, что могло бы быть. Забудьте. Главное, что все хорошо закончилось. Вы не взяли грех на душу и ваша совесть чиста.

— Вы правы, но это не так легко сделать, — молодой человек поднял голову и посмотрел на старика. — Эта женщина до сих пор у меня перед глазами. Я ехал в Борисполь, в аэропорт. Шеф дал задание встретить гостей из Польши. Я опаздывал, поэтому гнал, как угорелый и... и едва не стал убийцей. Вряд ли кто посмотрел бы на то, что женщина переходила дорогу в неполюженном месте. Всем было бы на это плевать. Меня бы посадили, а совесть мучила бы до конца жизни.

— А как насчет ваших гостей с Польши? — старик решил отвлечь молодого человека от терзавших его мыслей. — Они вас ждут?

— Да, наверное. Теперь вот придется объяснять шефу, почему я вовремя не встретил поляков. Час от часу не легче.

— Вы во всем видите плохое, — улыбнулся старик. — Не надо думать о плохом, думайте о хорошем, например, о том, что сегодня вы узнали, как ценна человеческая жизнь, узнали, что гонка — это плохо. Жизнь не любит спешки. Посмотрите вон на то дерево, — старик указал на росшее неподалеку дерево. — Когда-то оно было маленьким ростком. Но этот росток никогда никуда не спешил, он как будто знал, что рано или поздно вырастет. Рос себе потихоньку, год, два, три, пять. Прошло время, и вот росток превратился в дерево, высокое и крепкое. Природа мудра, но человек глуп. Вечно куда-то спешит, гонится за чем-то и... и умирает раньше времени. Учитесь у природы, будьте мудры, не следуйте за толпой. Этот путь бессмыслен и ведет к страданиям. Вам же и тридцати еще нет, не так ли?

Молодой человек оторвал взгляд от дерева и посмотрел на старика.

— Двадцать семь.

— Чудесный возраст, возраст зрелой юности. И судя по отсутствию кольца на пальце, вы неженаты?

— Нет, но скоро все изменится.

— А готовы ли вы к столь ответственному шагу?

— Что вы имеете в виду? — легкая улыбка тронула губы молодого человека.

— Готовы ли вы взять ответственность не только за себя, но и за свою будущую семью?

Растерянность появилась на лице молодого человека.

— Я вас не совсем понимаю, — сказал он, взглянув на старика.

— Я поясню, — улыбнулся Александр Петрович. — Когда-то я очень любил смотреть по телевизору передачи о животных. «В мире животных» была моей любимой передачей. Знаете, человеку стоит многому поучиться у животных. Как-то я смотрел передачу, в которой рассказывалось о том, как, скажем так, заводят семью мыши. Все очень простенько, наступает период половой зрелости, самец и самка спариваются и заводят потомство. Многие из людей поступают точно также. Едва молоко на губах обсохло, они готовы создавать семьи. В этом нет ничего плохого, но, знаете, то, что приемлемо для животных, которые кормятся за счет природы, не совсем приемлемо для человека. Животных кормит природа, современного человека — деньги. Скажите мне, сможете ли вы обеспечить семью материально?

— Я работаю. Получаю неплохие деньги, правда, хотелось бы больше, но пока довольствуюсь тем, что есть. К тому же родители будут помогать.

— А давайте представим на секунду, всего лишь на маленькую секундочку, что ваши родители умерли. К сожалению, никто и ничто не вечно в этом поднебесном мире. Что вы будете делать в этом случае? Как будете кормить семью? А одевать, а учить детей? Думаете ли вы о будущем семьи уже сейчас?

Молодой человек на мгновение открыл было рот, чтобы что-то сказать, но так и не сказал. Растерянность снова появилась на его лице.

Вздых вырвался из груди старика.

— Когда-то и я не думал о таких вещах. Встретил Надюшу, полюбил, женились, появились дети. Многим нам помогли родители, пусть земля им будет пухом. Но сегодня я понимаю, что никогда не думал о будущем семьи. Я работал, работала Надюша, пока мы были одни, нам хватало денег, но и тогда нам помогали родители, когда же появился Пашка, а потом и Сашка, только с помощью родителей и сводили концы с концами. А если бы мои или Надюшины родители

умерли молодыми? Что если бы у нас не было их помощи? Что тогда делать? Идти воровать? Я никогда никуда не ездил, ни я, ни Надюша. Почти всю жизнь просидели в Киеве. Но это же неправильно! — воскликнул Александр Петрович. — Мир-то какой большой. Сколько всего невероятного где-то там за горизонтом. Мой старший сын, Павел, тоже нигде еще не был, семья, дети. Боюсь, что повторяет мою судьбу. А вот младший, Сашка, уже немножко успел посмотреть, но это пока семьи нет, а как там будет, кто его знает? Поэтому я и спрашиваю вас, готовы ли вы взять ответственность не только за себя, но и за свою семью? Готовы ли вы обеспечить семье не выживание, как это происходит вокруг да около, а процветание?

Тишина повисла в воздухе. Молодой человек запустил ладони в волосы и задумался.

— Нет, — слышалось вскоре. — Нет, я не готов взять ответственность. Не готов. Честно говоря, машина и та в кредите. Квартиры своей нет, не выгонять же родителей, приходится снимать. Я вот подумал: приведу жену в съемную квартиру, появятся дети. Какое будущее я им могу дать? Это будет, как вы говорите, выживание, но не процветание. Можно было бы конечно жить с родителями, но это не выход, а бегать из одной квартиры в другую, тем более. Что же делать, вообще что ли не жениться? Год, второй, третий и мне стукнет тридцатник. Растить детей дедом тоже не хочется. Что люди скажут?

Александр Петрович рассмеялся.

— Простите, как вас зовут?

— Николай.

— Николай, а меня Александр Петрович. Николай, послушайте старика, который всегда думал так, как и вы сейчас. Никогда, никогда, никогда не идите на поводу у мнения других людей. Быть молодым родителем — это очень хорошо, но только в том случае, когда вы способны без помощи собственных родителей обеспечить безбедную жизнь своей семье. Как вы думаете, Николай, семья вам будет в тягость или в радость, если вам придется выживать, а не процветать? Когда дети вас будут просить поехать летом на море, а вы их отошлете на речку, так как у вас нет денег на удовлетворение их просьбы. Будет ли вам тогда интересно, что скажут о вас другие люди? Семья, дети — очень ответственный шаг, но многие люди подходят к этому вопросу безответственно. Люди живут настоящим, но не думают о будущем. Но

знаете, что я вам скажу. Настоящее — это всего лишь доля секунды, будущее — годы. Так что заслуживает большего внимания, настоящее или будущее?

— У нас в компании часто проводят разные тренинги. Может знаете, тренинги по личностному развитию, продажам, инвестированию, ораторскому искусству. Так, тренеры часто говорят, что надо жить настоящим, ловить каждую секунду будто последнюю. Да и без настоящего не будет и будущего.

— Вы правы, Николай, без настоящего не будет будущего. И надо наслаждаться настоящим, потому что мы живем в настоящем, мы не можем перенестись в прошлое или будущее, но, тем не менее, мы живем настоящим ради будущего. Никто не хочет взять и умереть в настоящем. Очень часто мы предвкушаем свое будущее, как у нас появятся дети, как мы поедим в отпуск или купим машину. Но все это нас ждет в будущем, которое в один прекрасный день может стать нашим настоящим, поэтому мы не можем не думать о будущем. Будущее имеет свойство становиться настоящим, — Александр Петрович улыбнулся и посмотрел на Николая.

— Я не убеждаю вас, Николай, отказаться от женитьбы, ни в коем случае. Это ваш и только ваш выбор. Я всего лишь прошу вас проявить больше ответственности в этом вопросе. Я вообще полагаю, что до тридцати лет мужчине создавать семью нельзя, особенно сейчас, когда нас на планете семь миллиардов, — Александр Петрович улыбнулся. — Возраст от двадцати до тридцати мужчине следует посвятить только себе: раскрытию своих талантов, воплощению мечтаний, совершенствованию себя как личности, закладке фундамента для своего будущего и будущего своей семьи. А вот после тридцати, можно и семью создавать и детей воспитывать. К этому времени появится не только жизненный опыт, но и деньги, чтобы содержать семью, растить детей, еще и родителям помогать.

Александр Петрович запрокинул голову и на миг закрыл глаза. Набрав полную грудь воздуха, он медленно выпустил его обратно.

— Жизнь, как же ты прекрасна, — подумал старик и открыл глаза.

— Я думаю именно так и должен жить человек, — продолжил он спустя мгновение. — Такой подход к жизни я считаю более ответственным, да и более радостным для человека. Но знаете, Николай, так должен жить мужчина, но не женщина.

— Но почему вы так думаете? — спросил Николай.

— Может быть я вам покажусь старомодным, Николай, но добытчиком в семье должен быть мужчина. Это его природа, а вот природа женщины — семья и дети. Так происходит в природе, так должно быть и в человеческой жизни. Мне доводилось часто слышать жалобы девушек на жизнь, многие из них говорили, что лучше бы они растили детей, а не занимались карьерой. Не могу с ними не согласиться. К сожалению, наше общество всех уравнило во всем, общество мало заботит, что этим оно разрушает человеческую природу, делает людей несчастными, неудовлетворенными жизнью. Но было бы глупо обвинять во всем одно лишь общество, мы, мужчины, способствуем тому, чтобы женщина была добытчицей. В женщине сильно развит материнский инстинкт, если мужчина отказывается быть добытчиком, им становится женщина, не оставляя же детей голодными, — тихий вздох вырвался из груди Александра Петровича. — Современный мужчина слаб, ленив и труслив. Это уже не тот мужчина, который мог одним броском копья уложить на землю кабана или оленя. И даже против медведя с таким горе-оружием не боялся выйти. Кого винить? Опять общество, цивилизацию? Можно было бы, но устал я от обвинений. За свою жизнь я много, кого обвинял. Хватит, надоело. Правильно говорят, после драки кулаками не машут. Что говорить, если иначе уже не будет. Таков современный человек, такова современная жизнь, расслабляющая, пассивная, жизнь, опутавшая человека дурманом цивилизации. Спит современный человек, спит и не хочет просыпаться. Хотелось бы верить, что когда-нибудь он все же проснется.

— Проснется, Александр Петрович, — улыбнулся Николай. — С такими людьми, как вы, обязательно проснется. Я даже в этом не сомневаюсь.

— Надеюсь, Николай, правда, очень надеюсь.

Александр Петрович замолчал, молчал и Николай, разглядывая носки ботинок.

— Елки-палки! — воскликнул он спустя мгновение. — Я же про поляков забыл. Теперь шеф точно шею свернет. Рад был знакомству, Александр Петрович, — сказал Николай, вскакивая на ноги. — Не знаю, как там другие люди, но меня вы разбудили, по крайней мере, заставили задуматься.

— И мне было приятно с вами познакомиться, Николай. Здорово, если задумались. Человек, если хочет жить, должен думать, для этого ему голова на плечах и нужна. А вы в Борисполь, как я помню? — спросил Александр Петрович, осененный мыслью.

— Да, в Борисполь.

— Ну так может подвезете меня до Борисполя. Только я вот с собакой.

— Конечно подвезу, и собаку вашу и вас. А вы что живете в Борисполе?

— Можно и так сказать, — улыбнулся старик.

— Тогда давайте в машину, не будем терять времени.

— Не будем, не будем, — отозвался старик и поспешил за Николаем к машине, волоча Шарика за собой.

* * *

Едва они добрались до аэропорта, как зазвонил мобильник Николая. Разговор по телефону оказал на Николая поразительное воздействие, Николай едва не сиял от радости.

— Поляки прилетают завтра, — улыбаясь сказал он.

— Вот видите, — вернул улыбку Александр Петрович. — Не все так плохо, как казалось на первый взгляд. Никогда не расстраивайтесь заранее, никто не знает, что нас ждет через минуту.

— Да, вы правы, Александр Петрович. Спасибо вам за все. Ночь размышлений мне сегодня обеспечена.

— Размышляйте, только не переусердствуйте. Спать тоже необходимо, когда же это делать, как не ночью. Спасибо, что подвезли. Рад был знакомству, — старик взялся за ручку и открыл дверцу машины. — Идем Шарик. Всего хорошего, Николай.

— Взаимно, Александр Петрович. До свиданья.

Выбравшись из машины, Александр Петрович дождался отъезда Николая, затем посмотрел по сторонам и произнес:

— Ну вот. Я уже в Борисполе. Сумасшедший путешественник, — улыбнулся старик. — Пошли, дружок, пошли посмотрим Борисполь, пока не стемнело. Зайдем в магазин, купим что-нибудь покушать, проголодался я немного, да и тебе стоит что-то бросить в рот.

Александр Петрович вернулся на шоссе. Какое-то время он стоял и смотрел на поток машин, снующих по дороге.

— Шумно, как же шумно здесь, — бормотал старик, наблюдая за хаосом на дороге. — Все куда-то торопятся. Никто не хочет нажать на тормоз и посмотреть вокруг, на ту красоту, что окружает нас.

Александр Петрович стоял и смотрел на поля, укрытые снегом, словно одеялом. Перед глазами старика проносились машины, но там, за дорогой, на полях, было тихо и спокойно. Никто никуда не спешил, только вороны бродили по снегу да изредка покрикивали друг на друга. Старик вздохнул и повернул к городу.

Близился вечер.

Глава 10

Чердак

Эту ночь Александр Петрович с Шариком проводили не на мягкой, теплой постели в родной квартире, а на чердаке одной из бориспольских пятиэтажек, в грязном, темном и жутковатом месте с сильным запахом человеческих испражнений. Забраться по лестнице на чердак для старика не составило бы большого труда будь он один. Но старик был с собакой, которую оставлять одну он не хотел, поэтому ему пришлось поднапрячься, чтобы втащить на чердак Шарика. И теперь старик сидел на столбике из кирпичей и отдыхал. Шарик, непокидающий старика ни на секунду и теперь находился рядом с ним, приютившись возле куска брезента.

Когда глаза привыкли к темноте, старик окинул взглядом чердак. Тряпки, куски газет, журналов, осколки бутылок и даже несколько чайных ложечек. Это место могло бы показаться богом забытым, если бы не... Александр Петрович присмотрелся. Да так и есть. Старик подошел ближе и увидел два лежака под балками, две широкие доски с накинутыми на них лохмотьями, некогда служившие кому-то одеждой. Возле одного лежака валялась колода карт и полупустая пластиковая бутылка с водой. Похоже, этот чердак служил кому-то домом.

Александр Петрович почувствовал, как внутри поднимается волна страха. Едва он заметил лежаки, первой мыслью было бежать с чердака, пока не вернулись жильцы. Скорее всего это были бомжи, решившие сделать этот чердак своим домом. Старик не хотел встречаться с бомжами. У него, как и у других людей, сложилось стойкое убеждение по поводу этой категории лиц. Он был уверен, что таких людей стоит опасаться. Это были не те люди, с которыми можно вести душевные разговоры о жизни. Эти люди находятся на самом низу социальной иерархии, поэтому им не чужды ни воровство, ни посягательства на жизнь других людей. Александр Петрович знал, что эта категория лиц балансирует между жизнью и смертью, поэтому они вряд ли будут церемониться с тобой, если у тебя есть что-то ценное для них. А у Александра Петровича были деньги, поэтому он понимал, что боится неспроста. И все же он не покинул чердак. Была ли тому

причиной усталость, сковавшая его члены сильнее кандалов, или какая-нибудь другая причина, было не столь уж важно. Старик и сам до конца это вряд ли понимал. К тому же на улице была ночь и сильный мороз. Здесь же было тепло и если бы не вонь, стоявшая в воздухе, то Александр Петрович вполне мог бы чувствовать себя посетителем эдакого пентхауза, хоть и дерьмового на вид, но теплого внутри. Поэтому вместо того, чтобы взять Шарика и уйти с этого богом забытого чердака, он достал из кулька буханку черного хлеба, полулитровую бутылку кефира и две сардельки, купленные в магазине, и собрался трапезничать.

Шарик, учуяв запах, еды поднял голову и посмотрел на старика. В глазах собаки зажегся огонек предвкушения.

— Сейчас, мой дружок, сейчас, накормлю тебя, — сказал Александр Петрович, заметив взгляд собаки. — Накормлю тебя, а потом и сам поем. Я тебе вот сардельки купил. Ты ведь любишь их. Я знаю, любишь, — Александр Петрович улыбнулся и отломал кусок хлеба.

Положив перед Шариком хлеб, он освободил сардельки от оберток и положил их рядом с хлебом. Шарик поднялся на ноги и забарабанил хвостом по балке. Бросив еще один взгляд на старика, он принялся за еду.

Старик с улыбкой наблюдал за тем, как ест Шарик. Аппетиту собаки можно было только позавидовать. Собаке не понадобилось много времени, чтобы расправиться с сардельками и хлебом. Доев, Шарик поднял голову и посмотрел на старика. Старик, заметил, как блеснули глаза собаки в темноте.

— Мало, да Шарик? — улыбнулся Александр Петрович. — Дам тебе еще хлебушка и кефира, только вот куда же тебе его налить.

Старик поднялся с кирпичей, пригнулся, чтобы ненароком не удариться головой о балки, и прошелся по чердаку. Осколки бутылок были неподходящей посудой для Шарика, старик боялся, что собака может порезать язык о стекло, к тому же эти осколки были грязными. Старик слишком любил собаку, чтобы наливать ей кефир туда, откуда сам никогда не пил бы. Не найдя ничего такого, что могло послужить в качестве миски, старик вернулся к кирпичам и прошептал:

— Что-то, Шарик придумаем. Обязательно что-то придумает. Без кефира я тебя не оставлю.

Александр Петрович снял шапку и спрятал ее в карман пальто, к перчаткам, затем расстегнул пуговицы пальто. Отломав еще несколько кусочков хлеба, старик положил их на пол перед Шариком. Собака принюхалась и взяла хлеб зубами.

— Ешь, мой дорогой, ешь, — прошептал Александр Петрович. — Сейчас и кефир дам, вот придумаю, как это сделать.

Старик опустил на кирпичи и с шумом втянул воздух носом.

— Жарко-то как, — пробормотал он и смахнул со лба пот концом шарфика.

— Я знаю, что мы сделаем, мой дружок, — сказал старик спустя минуту и взглянул на Шарика.

Александр Петрович открутил крышку с бутылки и отложил ее в сторону. Взяв бутылку, старик положил ее горлышко на ладонь, а саму бутылку упер о пол, после чего соединил ладони ковшиком и опустил их вниз. Горлышко наклонилось вместе с ладонями и белая молочная жидкость устремилась по рукам старика. Когда в ладонях оказалось достаточно кефира, старик приподнял ладони с горлышком бутылки вверх. Кефир перестал выливаться из бутылки.

— Ну вот, — сказал старик Шарiku, — теперь у тебя есть блюдце. Бери, дружок, пей.

Шарик наклонился к ладоням старика и потянул носом, затем высунул язык и принялся лакать кефир.

— Видишь, как все хорошо получилось, — говорил старик, глядя на собаку. — Выход есть всегда, только вот, к сожалению, не всегда мы его можем увидеть.

Дождавшись когда собака вылакает весь кефир с ладоней, старик снова опустил руки вниз, таким образом, наполняя ладони кефиром.

— Бери пей еще, — улыбнулся старик.

Собака снова ткнулась мордой в ладони старика, спустя минутую вторую она подняла голову, облизалась и улеглась у ног старика.

— Все? — спросил старик, взглянув на собаку. — Ну, отдыхай тогда, а я пока поем.

Старик вытер руки платком, затем отломал кусок хлеба и поднес его к губам. Старик ел хлеб, запивал его кефиром и думал о том, что его ждет в будущем. Несмотря на то, что его окружала темнота и вонь, на сердце у него было легко. Он гордился собой. Он не думал о том, что он выбрал жизнь, которую ни один здравомыслящий человек не

назвал бы разумной. Не думал он и о том, что отныне его спутниками помимо Шарика будут холод, голод и нужда. Не думал он и о семье, оставленной в Киеве. Для него, все, что находилось за пределами его внутреннего мира, как будто исчезло. Он жил в своем мире, созданном его чувствами и мыслями. И сейчас, жуя хлеб и запивая его кефиром, он ощущал безграничную радость, переживая снова и снова события недавнего прошлого. Отныне он знал, что помимо холода, голода и нужды у него будут и другие спутники — счастье и удовлетворение. Старик чувствовал, как в эти минуты, минуты беспросветной тьмы, окружавшей его на этом чердаке в одной из пятиэтажек Борисполя, в его груди восходит солнце, настолько мощное, что его свет был способен разогнать любую тьму, а вместе с ней и любые страхи и сомнения. Старику были приятны эти чувства, они питали его силой и энергией намного лучше, чем те хлеб и кефир, которыми он утолял голод. Они делали его подобным могучему дубу, одиноко растущему посреди широкого поля. Ни безжалостные ветра, ни обильные дожди, ни зимние метели, не были способны сокрушить его своей невиданной мощью. Желая сломить дерево, они делали его только сильнее. Чем сильнее дули ветра, чем сильнее лили дожди, чем сильнее завывали метели, тем более стойким становилось дерево.

Старик был слаб физически, но его внутренняя сила росла, как и та мудрость, что проснулась в его сердце. Словно паростки подснежника, устремившиеся сквозь снег, навстречу теплым лучам весеннего солнца, пробивалась она через ворох старых убеждений и страхов, все еще напоминавших о себе время от времени, пытавшихся вернуть старика в прошлое, из которого он так рад был вырваться. Но мудрость, рожденная сердцем старика, была слишком сильна, слишком напориста и юна, чтобы с ней мог тягаться невежественный разум. Он все еще был силен, но сердце знало, с каждым новым днем его власть над стариком будет таять, как тает старый снег под первыми лучами весеннего солнца.

Старик покончил с едой, вытер губы платочком и сложил остатки хлеба и кефира в пакет, затем оперся о балку и закрыл усталые глаза. Он чувствовал, как ломит тело, как ноют ноги от долгого хождения. Старик не был ветхим или болезненным. Он всегда отличался хорошим здоровьем, простуду и ту хватал не больше раза в год, но возраст все же давал о себе знать. Как-никак, но его тело не было

юным, это было тело старого, жаждущего покоя и отдыха, льва, а не юного, игривого и ловкого львенка.

Старик провел ладонью по впалым щекам, подбородку.

— Хорошо было бы побриться, — подумал он и улыбнулся.

Это невинное желание, легко удовлетворимое в любое другое время, сейчас казалось таким же малоосуществимым, как и поездка в кругосветное путешествие. Но старик не расстраивался, он не любил бриться. В какой-то мере он был даже рад, тому что теперь ему не придется ежедневно бриться, это занятие его всегда раздражало. Теперь же о бритье он мог забыть, хотя бы до тех пор, пока не вернется домой. Он все еще верил, что когда-нибудь они с Шариком вернутся в тепло и уют родного дома, но это будет когда-нибудь, а сейчас старик довольствовался тем, что имел — хлебом и кефиром в пакете и чувством удовлетворения в груди.

Старик зевнул и прислушался. Только сопение Шарика нарушало тишину, царившую на чердаке. Где-то внизу изредка раздавались хлопки дверей, говорившие старику о том, что еще не все жильцы дома, несмотря на позднее время, вернулись домой. Но старика это мало заботило, особенно сейчас, когда он переносился в иную страну, страну грез.

* * *

Александра Петровича разбудило тихое рычание Шарика. Старик открыл глаза и посмотрел в темноту, затем опустил руку и погладил собаку.

— Ну, ну, перестань, — прошептал он. — Все хорошо, чего ты разнервничался?

Кроме Александра Петровича и Шарика на чердаке никого больше не было, тем не менее старик почувствовал, как его охватывает волна непонятной тревоги. Биение сердца ускорилось, а по спине пробежал холодок. Старик отстранился от балки и всмотрелся в темноту. Ничего.

Между тем, Шарик перестал рычать, но возвращать голову на лапы не спешил. Взгляд собаки был устремлен в сторону люка, того самого сквозь который они со стариком попали на чердак.

Где-то раздались шорохи и приглушенные голоса. Александр Петрович прислушался. Голоса как будто неслись снизу, от лестницы, с помощью которой они с Шариком забрались на чердак. Старик вспомнил о бомжах, возможных жителей чердака, и вздрогнул. Неужели и правда здесь кто-то жил, в этом царстве смрада и темноты?

Снова послышались шорохи и голоса, затем кто-то начал карабкаться по лестнице. Александр Петрович напрягся и устремил взгляд в сторону люка. Шарик снова тихо зарычал. Старик положил руку собаке на голову, словно успокаивая ее. На какой-то миг Шарик повернул к старику голову, затем снова устремил взгляд к люку.

Спустя мгновение в проеме люка возник силуэт чьей-то головы. Александр Петрович не смог хорошо рассмотреть лицо вновь прибывшего, так как на площадке пятого этажа не было лампочки, свет которой мог бы помочь ему. Тем не менее, он видел, что это голова мужчины с густой, взлохмаченной шевелюрой и не менее густой, растрепанной бородой. Сильный запах мочи ударил в нос Александру Петровичу, заставив его поморщиться.

Шарик снова зарычал и приподнялся, словно приготовившись к броску. Александр Петрович похлопал собаку по спине, после чего схватил Шарика за ошейник и притянул к себе. Шарик хоть и был старым псом, но покусать при желании мог.

— Кто тут? — тишину чердака нарушил тихий скрипучий голос.

На миг взгляд бомжа устремился вниз.

— Васек, тут точно кто-то есть. Будто рычит хтось. Есть кто тут? — голова бомжа вновь возникла в проеме люка. — Кажи, а не то зараз милицию вызву.

Ответом бомжу послужило тихое рычание Шарика.

— Знову рычит хтось, — сказал бомж товарищу, затем поднялся на одну ступеньку выше, схватился за края люка и принялся озираться по сторонам.

Испуг на лице бомжа пробудил улыбку на лице Александра Петровича. Старик понял, что бомж напуган даже сильнее, чем он сам. Понимание этого подействовало на старика успокаивающе и он позволил себе немного расслабиться.

— Останний раз пытаю хто тут и буду выкликать ментов.

Александр Петрович собрался было промолчать. Кто знает, может бомжи испугаются и решат переночевать эту ночь в другом месте?

Странное дело, но старик почувствовал вину, почувствовал, что поступает неправильно, без спросу вторгся в чужое жилище, а теперь еще и хочет выгнать жильцов на мороз. Старик не хотел быть несправедливым, так как несправедливость с его стороны причиняла боль его сердцу. Поэтому вместо того чтобы и дальше прятаться и надеяться на скорый уход бомжей, а возможно даже и натравить на них собаку, старик вздохнул и произнес:

— Есть тут кто, есть. Не бойтесь, можете лезть на чердак.

Александр Петрович заметил, как вздрогнул бомж и спустился на ступеньку вниз.

— Васек, ты чуешь? На чердаке хтось е. Шо будемо робыть?

Александр Петрович не расслышал ответ Васька. Между тем первый бомж вернулся на ступеньку вверх и сказал в темноту.

— А хто тут?

— Александр Петрович и Шарик.

— Александр Петрович и Шарик, — повторил бомж. Лицо его стало задумчивым. — Я не знаю таких. Васек, мож ты знаешь, мож хто из знакомых Ушастого? Он же иногда бувае тут.

Бомж спустился вниз. Голова его исчезла из виду. Тишина вернулась на чердак. Тихо было и на пятом этаже. Александр Петрович подумал было, что бомжи ушли, но через какое-то время снова слышались шорохи и в проеме люка возникла голова другого бомжа. Этот бомж оказался моложе первого, на вид ему было не более сорока лет, был он безбородым, с большими залысинами на голове и крупными чертами лица.

— Эй, Александр Петрович и Шарик, вы ще тут?

— Тут, тут, — отозвался старик.

— Вы не будете проты, если мы с Иванычем тож на чердак зализымо? На вульци мороз, мы пишлы б в друге мисце, але иты нема куды, все занято. Леший, Хорек, Петрович з Мартою. Вси вид морозу поховалысь. Вы нас не будете быты, если мы зализымо до вас? Мы тут з краечку ляжемо, никому не помишаемо. Добре?

— Хорошо, — отозвался Александр Петрович. — Лезьте.

Васек махнул Иванычу и забрался на чердак.

Шарик зарычал, но с места не двинулся, удерживаемый за ошейник рукой старика.

Какое-то время Васек стоял у края люка, давая глазам возможность привыкнуть к темноте. Затем, убедившись, что лежаки свободны, бомж направился к одному из них. Спустя минуту на чердаке оказался Иваныч и тоже устремился к лежаку.

Шарик перестал рычать, но ни миг не отводил взгляда от парочки бомжей.

— А мы думали, шо вы на наших краватях, — нарушил тишину Васек, посмотрев в сторону Александра Петровича. — Но нам не жалко. У нас тут свечка е. Вы не против, если мы запалымо ее, а то темно, ничего не выдно?

— Конечно зажигайте, — улыбнулся Александр Петрович.

— Иваныч, ты чуешь? — повернулся Васек к Иванычу. — Де там твоя свечка? Давай запалюй.

— А як я ее запалю, у мене спичок нема.

— У мене десь було пару. Зараз пошукаю.

Послышалось шебуршание вперемешку с чертыханьями. Наконец Васек сказал Иванычу:

— Знайшов, коробок. Давай свечку.

Спустя несколько мгновений чиркнула спичка. Фитилек свечи вспыхнул и начал медленно разгораться. На чердаке посветлело. Васек поставил консервную банку со свечей на пол и уставился на Александра Петровича. Старик улыбнулся и посмотрел на бомжей. Иваныч был немногим младше самого Александра Петровича, может быть даже был его ровесником. Морщины изрезали старое лицо бомжа так же густо, как и лицо Александра Петровича. Грязное, заросшее, морщинистое, с частицами мусора в бороде. Такие лица отталкивают. Но старика вид бомжа не оттолкнул. Под этой грязью, морщинами и порослью он видел лицо не бомжа, а лицо человека. Хоть этот человек и был сломлен, утратил веру и надежду на лучшее, он все же оставался человеком, таким же, как и другие, человеком со своими желаниями, потребностями, ожиданиями. По большому счету, единственное, что отличало его от других представителей рода человеческого — он оказался там, где не хотел бы оказаться ни один здравомыслящий человек, на дне.

— Вин не знаших, — Васек повернулся к Иванычу. — Я точно не знаю його.

— Бачу, що не знаших, — сказал Иваныч, разглядывая старика. — И собака в нього, — Иваныч кивнул в сторону Шарика. — А я думав, Шарик це чоловік, — губы Иваныча дрогнули и расползлись в улыбке, обнажая беззубый рот. — А це собака окажется. Вона в вас кусається? — спросил бомж у старика, бросая время от времени взгляд на Шарика. Тот, казалось, успокоился, положил голову на лапы и тихо посапывал.

— Ну, если не злить, то не укусит, — сказал старик и провел ладонью по голове собаки. Наверное, именно в этот миг старик понял, что с Шариком ему нечего бояться других людей. Шарик хоть и был дворнягой, но дворнягой не маленькой, способной не дать в обиду ни себя, ни Александра Петровича.

— Не, не, вы шо, злыть вашого Шарика мы не будемо, правда Васек?

— А навищо? — пожал плечами второй бомж. — Мене декилька разив кусалы собаки, хай им грець, ходыты не миг писля того. Чуть не вмер тоди вид голоду. Ой, ой, погани часы были. А можна вас попытаты? — бомж посмотрел на Александра Петровича. — А шо вы тут робыте? У вас одежка хороша, не те шо в нас, — Васек улыбнулся и похлопал по коленям, то ли от радости, то ли хотел привлечь внимание к своим грязным и местами рваным штанам.

— Да, да, шо вы тут робыте? — оживился и Иваныч, то и дело светя беззубым ртом. — Так, одежка хороша, не то шо в нас.

— Та я и сам не знаю, что тут делаю, — улыбнулся Александр Петрович. — Надо было найти место для ночевки, вот так и оказался здесь.

— А, мабуть жинка з дому выгнала, — рассмеялся Васек. — То бида, да. Мене тож колысь выгнала. Така була шлендра, хай ий грець. Была мене, курва. Де вона тилькы взялась на мою голову?

Иваныч засмеялся в бороду.

— Так, так, ты казав. Вона тебе добре лупыла. Так, жинкы бувають, ой, йой яки, добре шо моя Мария була спокойною. Жилы мы з нею дуже добре. Яки часы были добри. Гарно жилы.

— А где ж она сейчас? — поинтересовался Александр Петрович.

— Та де, де, померла вже давно. Хворила бидна. Померла. Але й гарно мы з нею жилы, ой як гарно. А в вас нема чогось поисты? —

спросил Иваныч, заметив кулек рядом со стариком. — Може е шось в рота кынуты? Зараз холодно, трудно з ижею.

— Конечно есть, — сказал Александр Петрович и улыбнулся. — Есть хлеб, кефир, угощайтесь.

Старик заметил, как загорелись глаза у бомжей, когда он протянул им кулек с продуктами. Проворнее оказался Васек. Схватив кулек, он сунул руку внутрь и вынул бутылку с кефиром, сунул еще раз и вынул хлеб.

— А хлиб свижий ще, — сказал Васек, отбрасывая кулек в сторону.

— И мени дай, — потянул руки к хлебу Иваныч.

— Почекай, — Васек поставил бутылку с кефиром на пол и принялся ломать хлеб. Кое-как разделив буханку на две части, он оставил одну часть себе, вторую отдал Иванычу. Вдруг бомж замер, как будто пораженный мыслью. Он выхватил из рук Иваныча его часть хлеба и повернул голову к Александру Петровичу.

— Може вам тож хлиба?

— Нет, нет, ешьте. Я уже свое съел, — ответил старик, наблюдая за бомжами и улыбаясь.

— От як хорошо, — Васек вернул кусок хлеба Иванычу и потянулся за бутылкой кефира. Открутив крышку, он отбросил ее в сторону и приник губами к горлышку бутылки.

— Ты ж и мени оставь, — заволновался Иваныч, заметив, как стремительно уменьшается кефир в бутылке.

— Оставлю, оставлю, — Васек оторвался от горлышка и принялся за хлеб.

На какое-то время на чердак вернулась тишина, время от времени прерываемая чавканьем и сопением бомжей. Витек оставил немного кефира Иванычу, а сам набросился на хлеб.

— Это ж какая нужда у людей, — подумал Александр Петрович. — Жить одним днем, питаться отбросами или подачками, не мыться и жить, где придется. Что ж это за судьба у людей такая? Как получается так, что у одних в руках миллионы, а у других и копейки нет? Кто решает, кому быть богатым, а кому — бедным? Неужто мы рождаемся с судьбой, которую не можем изменить? Неужто этим людям суждено было стать тем, кем они стали?

— Скажите мне, — Александр Петрович посмотрел на бомжей. — Как так получилось, что вы так низко опустились? Как вы стали такими?

— Як, як, ось так и стали, — недоумение появилось на лице Васька. — Мене жинка з хаты выгнала, а Иваныча сын, писля того як жинка померла.

— Как так сын? — Александр Петрович в недоумении посмотрел на Иваныча, жевавшего хлеб.

Иваныч вздохнул и уставился в пол. Казалось, он забыл о хлебе в руках и погрузился в воспоминания.

— Так було, — наконец сказал Иваныч. Губы его дрогнули, на глазах блеснули слезы. — Як вмерла Мария, так и... выгнав, хату продав... навить не знаю де вин... и не хочу знать.

Иваныч вытер рукой глаза и посмотрел на хлеб в руке с таким видом, словно видел его впервые. Затем поднес его ко рту и принялся есть.

— Родного отца и на улицу? Как так можно? — Александр Петрович опустил голову и посмотрел на руки, потом перевел взгляд на Шарика. Подняв голову, он вновь взглянул на Иваныча.

— И ничего нельзя было сделать? — спросил Александр Петрович. — Надо было в милицию пойти. Как же ж так, выгнать родного отца на улицу.

Иваныч только рукой махнул. Взгляд его блуждал по полу, время от времени он подносил руку к лицу и размазывал по лицу слезинки.

— А вы чего дому не вернулись? — Александр Петрович посмотрел на Васька, который подбирал с одежды крошки хлеба и забрасывал их в рот.

— Нема дома, — ответил Васек, рыская под ногами в поисках крошек. — Жинка знову вийшла замиж и кудись выихала. Ну и грець з нею. Была мене, курва.

— Но... но как так можно жить? — Александр Петрович развел руками. — Без дома, без еды, денег. Это же не жизнь.

— Мы привыкли, — скривил потрескавшиеся губы в улыбке Васек. — Та и шо мы можемо зробыты? Мы никому не нужни. Мы бомжи.

— А себе, себе вы нужны? Если вы и себе не нужны, то тогда вы действительно никому не нужны.

— Иваныч, як думаешь, потрибни мы соби? Бо я не знаю, шо сказаты.

Иваныч все еще жевавший хлеб и разглядывавший пол под ногами, повернул голову к другу.

— Шо, шо ты кажешь?

— Ты шо, глухой? Людына пытае, чи потрибни мы соби. Я не знаю, шо казаты, от у тебе пытаю.

Иваныч вздохнул и сказал:

— Не знаю. Никому мы не потрибни. Кому до нас е дило? Тилькы крысам може. А людям мы не потрибни.

— А соби, соби, пытаю, — Васек толкнул Иваныча в плечо.

— Соби? — Иваныч окинул себя взглядом. — Ни, не потрибни.

— Ну от я и кажу, шо никому не потрибни, — сказал Васек. — И соби тож получается.

— Но так нельзя! — воскликнул Александр Петрович. — Это же не жизнь. Нельзя так доживать век. Нужно что-то делать, к чему-то стремиться.

— А шо робыты? — Васек запустил палец в рот и принялся ковыряться в зубах. — Нас даже за людей вже не считают. Мы никому не нужни.

— И будете не нужны, пока себя не начнете любить. Если вы не нужны себе, тогда не будете нужны ни кому. Вы ж люди. Найдите роботу, выберите с этого мусора. Вы не должны страдать тогда, когда имеете право на лучшую жизнь.

— Яка работа?! — воскликнул Васек. — Кто нас визьме на роботу? У нас документив нема, паспорту нема. Я ж кажу мы никому не потрибни.

— У вас нет только одного — желания, — грустная улыбка появилась на губах Александра Петровича. — Только желания. Сегодня, при желании, и без документов можно найти работу. Появились бы деньги, сделали бы и документы. Нашли бы лучшую работу. Так бы и вернулись к людям. Вы же люди, ЛЮДИ, — Александр Петрович почувствовал, как дрогнуло сердце. Это же, и правда, люди. Люди, что бы ни говорили другие. Это не инопланетяне какие-нибудь. У них две руки, две ноги, голова на плечах, а в груди бьется сердце. Все так же, как и у других людей, только веры нет в

себя, ВЕРЫ. Ни грамма, ни капельки. Была бы вера, было бы и желание что-либо менять в жизни.

— Нет бога иного, кроме вашего сердца, — Александр Петрович ощутил на глазах слезы. — Ваше сердце ничем не отличается от моего или сердца другого человека. Сейчас ваше сердце страдает, оно утратило мечты, утратило желания, утратило веру. Но это сейчас и это не значит, что так будет и дальше. Никто не знает, сколько вам еще жить на этой чудесной планете, но почему бы не прожить остаток жизни так, как хочет ваше сердце, или... или хотя бы попробовать прожить так, как оно хочет. Неужели вы живете той жизнью, которой всегда хотели жить? Неужели вы дышите тем воздухом, которым всегда хотели дышать? Неужели вы едите ту еду, которую всегда хотели есть? И еда ли это вообще? Впустите в свое сердце хоть каплю веры, дайте своему сердцу надежду, перестаньте мучить его, мучить себя. Ничто не кончено для того, у кого в груди есть хоть капля веры. Зачем хоронить себя при жизни?

Глупая улыбка появилась на лице Васька. Бомж принялся елозить задницей на своем лежаке, то и дело поворачивая голову к Иванычу, словно желал убедиться, что не он один слышит эти непонятные речи старика. Иваныч же поджал ноги под себя и уставился в одну точку на полу. Изредка из его груди вырывался тихий вздох и тогда он подносил руку к лицу и вытирал с глаз скупые слезы.

— Трудно что-то изменить, когда нет желания, но еще труднее, когда нет веры, — сказал Александр Петрович. — Человек труслив, он боится всего, даже своей тени среди бела дня. Он боится поменять что-то в своей жизни, так как боится, как бы не было хуже. Но спросите себя, для вас может ли быть что-то хуже, чем есть сейчас? Вы на дне, падать некуда. Дальше только смерть, но впереди возможна жизнь, возможна, если у вас есть хоть капелька веры. Может эта жизнь и не будет жизнью богатого человека, но не будет она и такой, какая у вас сейчас. Но для этого нужна капелька веры, всего лишь капелька веры. Пока вы живы, вы всегда сможете подняться на ноги, как бы вас не ударила жизнь. Возможно, после этого вы опять когда-нибудь упадете, но и подняться снова сможете. Для того, кто дышит, для того, кто ощущает биение своего сердца, все заканчивается только тогда, когда приходит смерть. Не раньше.

Александр Петрович почувствовал, как дрожь пробежала по телу. Один раз, второй. На глаза старика навернулись слезы, руки вспотели, да не только руки, все тело словно пылало.

— Не заболел ли? — подумал Александр Петрович, сняв с шеи шарф, он положил его на колени.

Иваныч вытер с щек слезы, поджал ноги и прилег на лежанку. Глаза его закрылись. Он вздохнул и казалось заснул.

— Поздно вже, — пробормотал Васек. — Он, Иваныч спаты лиг. Я теж буду лягать.

Васек растянулся на своей лежанке и уткнулся лицом в тряпки. Спустя мгновение послышалось его тихое сопение.

Александр Петрович оперся спиной о балку и посмотрел на парочку спящих бомжей. Жалко ему было их, ой, как жалко. Но что он мог для них сделать? Он итак сделал для них все, что мог. Александр Петрович знал, что в этом мире нет ни одного человека, который смог бы их побудить, никого, кроме их самих. Больше он ничего не мог для них сделать. Они выбрали свою судьбу. Каким бы ни был этот выбор, но это был их выбор. Пока разум находится в плену отчаяния и страха, жить сердцем невозможно. Александр Петрович не был волшебником, он не мог вырвать из бороды волос, порвать ее и таким образом исполнить чье-либо желание. Александр Петрович понимал, что в этом мире волшебство творится руками человека, руками того, кому нужна помощь.

Вздохнув, старик закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Глава 11

Разбитое сердце

Проснувшись следующим утром, Александр Петрович обнаружил, что они с Шариком на чердаке остались одни. Лежаки бомжей были пусты, а самих бомжей и след простыл. Александр Петрович посмотрел на часы. 8:10. Старик поднялся на ноги и потянулся. Тело все еще ныло, да и спина разболелась после ночи, проведенной в согбенном состоянии.

Шарик, заметив, что старик проснулся, поднялся на ноги и завилял хвостом.

— Доброе утро, Шарик, — Александр Петрович улыбнулся и погладил собаку. — Надеюсь, тебе хорошо спалось, и мне неплохо, только вот ноги и спина болят. Спать сидя оказывается не очень удобно.

Александр Петрович обмотал шарфом шею, затем застегнул пальто и двинулся к люку. Шарик побежал за ним, то и дело, поглядывая на старика веселыми глазами. Старик свесил ноги на лестницу и посмотрел на собаку.

— Ну, иди сюда, не бойся.

Шарик подошел к старику и заглянул в люк. Старик обхватил тело собаки руками и прижал к груди, после чего начал неспешно спускаться. Оказавшись на площадке, старик наклонился и поставил собаку на ноги.

— С тобой спускаться все же легче, чем подниматься, — сказал Александр Петрович и похлопал собаку по загривку. — Ну, идем, купим нам что-нибудь покушать.

Александр Петрович спустился на первый этаж и вышел из дома. Налетевший порыв холодного ветра заставил старика поежиться. Старик вытащил из кармана пальто шапку и натянул на голову, после чего пристегнул поводок к ошейнику собаки и надел перчатки.

— Теперь можем идти, — сказал Александр Петрович и зашагал прочь со двора.

Старик неспеша двигался по улице Киевский путь, главной улице Борисполя. Сейчас он был похож на маленького мальчика, впервые попавшего в незнакомый город и желавшего увидеть как можно больше. Часто старик останавливался, чтобы рассмотреть заинтересовавшее его здание или памятник. В эти минуты лицо его преображалось, глаза раскрывались шире, а из груди вырывался тихий вздох удивления. Борисполь нельзя было назвать примечательным городом, но для старика, всю жизнь проведшего в столице, посещение любого, даже незначительного городка, становилось знаменательным событием. Поэтому не было ничего удивительного, что старик задерживался едва ли не возле каждой мусорки, желая утолить пробудившееся детское любопытство. Шарика же новый город заботил мало. Для него все города были на один лад, поэтому единственное, к чему он проявлял неподдельный интерес, были деревья, кусты и фонарные столбы. Шарика интересовали запахи, все остальное для него было второстепенным, поэтому когда Александр Петрович останавливался у того или иного здания, чтобы удовлетворить свое любопытство, Шарик тоже останавливался, но по другой причине, удовлетворить свою потребность в метке территории.

— Смотри, Шарик, — сказал старик. — В Борисполе тоже есть улица 1 Мая, как и у нас в Киеве.

Шарик оторвался от обнюхивания очередного столба и посмотрел на старика. Не заметив ничего интересного для себя, собака вернулась к прерванному занятию.

— А рядом парк что ли какой-то, — продолжал Александр Петрович, разглядывая противоположную сторону улицы. И магазин тут есть. Пошли, что-то купим покушать. Что тебе не дают покоя кусты да столбы? Оставил бы ты их в покое. Откуда у тебя столько мочи берется? — губы старика растянулись в улыбке.

Старик дернул за поводок и направился в сторону видневшегося неподалеку магазина. Оказавшись у входа в магазин, он привязал собаку за поводок к оконной решетке, а сам вошел в помещение магазина. Через несколько минут он вышел с кульком в руке. Отвязав Шарика, Александр Петрович направился к переходу через дорогу. До перехода оставалось метров сорок, когда старик остановился и замер. Возле дороги стояла молодая женщина в длинном темном пальто,

рядом, держа ее за руку, стоял мальчик лет пяти-шести. Неужели эта женщина собралась переходить в этом месте дорогу?

— Что ж это такое? — пробормотал Александр Петрович и приблизился к женщине.

— Что же вы делаете? — спросил старик у женщины. — Чему же вы ребенка учите? Пешеходный переход рядышком, а вы тут перебежать хотите.

Женщина повернула голову и смерила старика взглядом сверху вниз.

— А вам какое дело? — спросила она, нахмурившись. — Ваш что ли ребенок?

Александр Петрович вздохнул и сказал:

— Нет, это не мой ребенок. Но у меня внуки такого же возраста, как ваш сын, поэтому я не хотел бы, чтобы по вашей вине что-то случилось с этим мальчиком. Вы можете перебежать дорогу вполне удачно, а можете и попасть под машину. Простите ли вы себя тогда за тот необдуманный шаг, который может привести к трагедии? Но если даже и ничего плохого не случится, чему вы научите ребенка своим поступком? Нарушать законы, избегать ответственности, не ценить свою жизнь? Как бы этот ваш поступок не стал причиной какой-нибудь трагедии с вашим ребенком в будущем. Дети учатся жить, наследуя нас, взрослых. Так чему вы хотите научить своего ребенка?

— Мама, а о чем говорит дедушка? — мальчик, до этого наблюдавший за Шариком, запрокинул голову и посмотрел на мать.

Женщина опустила голову. Черты лица ее смягчились.

— Дедушка учит твою маму быть ответственной, — улыбнулась женщина и подняла взгляд на старика. — Спасибо. Иногда мы, в самом деле, не думаем, что делаем. Пошли, Олежка.

Женщина развернулась и направилась с сыном к пешеходному переходу. Александр Петрович какое-то время стоял и смотрел вслед женщине и ее ребенку. Полуулыбка играла на его губах.

— Это совсем другое дело, — прошептал старик, затем последовал за женщиной с ребенком к пешеходному переходу.

Перебравшись на другую сторону проезжей части, Александр Петрович направился к парку, где заметил лавочку, которую и поспешил занять.

— Теперь, мой дружок, мы можем приступить к трапезе, — сказал старик, поглядывая на Шарика, то и дело тыкавшегося мордой в кулек. — Ну, не спеши, не спеши. Купил я тебе то, что ты хочешь.

Александр Петрович достал из кулька половинку колечка ливерной колбасы и снял с нее кожуру до половины, отломав часть колбасы, он спрятал остаток в кулек. После этого поднес колбасу к носу и понюхал.

— Ай-яй, как вкусно, Шарик, — улыбнулся старик, поддразнивая собаку.

Шарик переступил с ноги на ногу и облизался. Хвост ожил и начал мотылять из стороны в сторону. Взгляд собаки ни на секунду не отрывался от колбасы в руке старика.

— Ну, бери, бери, не буду тебя больше дразнить, — Александр Петрович бросил колбасу на снег перед Шариком, затем достал из кулька хлеб, отломал ломоть и отправил вдогонку за колбасой. Уделив внимание собаке, старик занялся собой. Он достал из кулька бутылку кефира, половинку батона и принялся за еду. Такая еда мало бы кого удовлетворила, но старик был доволен и ей. Выбирать не приходилось, но если бы перед стариком стояла необходимость выбора, то отдал бы предпочтение именно этой непритязательной еде. Она была простой и, тем не менее, по-своему вкусной. В какой-то миг старик понял, что неважно какую еду ты ешь, вкусную или не очень, ведь удовольствие от вкусной еды длится всего лишь мгновение, то время, пока ты работаешь челюстями, а потом пройдет несколько минут и от того, что ты ел останутся только воспоминания. Так стоит ли набивать желудок ради воспоминаний? Александр Петрович подумал, что не стоит, к тому же каждая копейка у него была на счету. Сколько ему еще бродить по белому свету? Он не знал, но ему нравилась такая жизнь. Он как будто вернулся в детство, все тот же упрямый, временами взбаламошенный мальчишка, не знающий страха, мечтающий и жаждущий воплотить мечту в реальность. Да, может у старика и было дряхлое, стариковское тело, но душа его была юна, душа маленького мальчика, каким он был когда-то давным-давно.

Поев, Александр Петрович спрятал остатки еды в кулек и достал из кармана тетрадку с ручкой. Пора было браться за книгу. Пора было воплощать мечту в реальность. Старик раскрыл тетрадь и пробежался глазами по написанному, затем окинул взглядом окрестности, людей,

идущих вдоль дороги, улыбнулся и склонился над тетрадью с ручкой в руке. Мороз щипал за нос, щеки, но старик не обращал внимания на такие мелочи, ведь он медленно, но уверенно трудился над реализацией мечты, а это, вполне возможно, было самым главным, что он делал в своей жизни. Возможно, именно для этого он и пришел в этот мир.

* * *

— Пошел вон, придурок, — услышал Александр Петрович, закрыв тетрадь.

Старик посмотрел на часы. 16:44. За написанием рукописи он даже не заметил, как быстро пролетело время. Только недавно было утро, а сейчас вот уже вечерет. Александр Петрович спрятал тетрадь и ручку в карман пальто и повернул голову на голоса, раздававшиеся неподалеку.

Неподалеку от него находилась другая лавочка, возле которой стоял парень с девушкой. Парню было не больше двадцати пяти лет, девушка была моложе, года двадцать два, не больше, высокая, с непокрытой головой, в коротком полушубке и полуботинках на коротком каблуке. Парень же был одет в синие джинсы и дутую болоньевую куртку. На ногах у него были то ли кроссовки, то ли туфли, Александр Петрович с этого расстояния не мог разобрать. Черная вязаная шапка завершала гардероб молодого человека. Старика заинтересовала эта парочка и он прислушался к их разговору, вернее монологу девушки, так как парень молчал. Взгляд его блуждал по елям, росшим неподалеку, в то время как его подруга изливала свою душу.

— Я хочу гулять, я не хочу сидеть с тобой дома! Сколько можно? Ты мне надоел! С тобой не интересно и ты скучный! Перестань мне звонить и вообще, забудь номер моего телефона. Такие как я — не для тебя. Найди себе какую-то тихую, скромную дуру, которой будет достаточно одного твоего внимания и наслаждайся жизнью. А про меня забудь! Я не для таких как ты, я для настоящих мужиков, а не для таких, как ты тряпок.

Александр Петрович заметил, как желваки заходили на скулах парня. Ему явно не нравилось, как его поносят, но и ударить девушку он не мог. Александр Петрович подумал, что, если он действительно ударит то в самом деле окажется слабаком и тряпкой, как о нем отзывается девушка.

— Ну и иди к черту! — крикнул парень. — Придет время, сама прибежишь.

— К таким придуркам только собаки возвращаются, — бросила девушка, развернулась и поспешила прочь из парка.

Парень было бросился за ней, но сделав два шага, остановился, что-то пробормотал вслед девушке и опустился на лавочку. Подставив кулаки под подбородок, он погрузился в размышления.

— Молодежь, — пробормотал Александр Петрович. — Даже маленькая ссора способна разрушить отношения. Она, как и маленькая течь способна потопить корабль, корабль под названием «Любовь». Хотя умеют ли любить столь юные особи? Это еще тот вопрос. Надо будет подумать над этим на досуге. Любовь не так проста, как может показаться на первый взгляд. Она совсем не проста. Пойду, что ли, поговорю с молодым человеком. Может, каким советом смогу облегчить ему жизнь.

Александр Петрович улыбнулся, взял поводок собаки в одну руку, кулек с продуктами в другую и направился к одиноко сидящему молодому человеку.

— Простите за беспокойство, я случайно услышал ваш с девушкой разговор. Могу я присесть к вам?

Юноша поднял голову и посмотрел на странного старика.

— Вы знаете, что неприлично подслушивать чужие разговоры?

— Прошу прощения, но ваша подруга так громко кричала, что ее не услышал бы разве что только мертвый, — улыбнулся Александр Петрович.

Юноша скривил губы в некоем подобии улыбки и произнес:

— Да, эта пришибленная орать умеет. Девчонки какие-то странные, чуть что начинают кричать. Черт, с ними хреново и без них хреново. Дилемма, однако, — молодой человек накрыл ладонями лицо по глаза и задумался.

— Так могу я присесть рядом с вами? — улыбнулся Александр Петрович.

— Та садитесь, где хотите. Мы живем в свободной стране.

— Вы не в духе, — заметил старик, присаживаясь рядом с парнем.

— Будешь тут в духе, — буркнул парень, затем повернулся к старику и спросил, — Вот скажите мне, я же и не урод, и в голове что-то имеется, так почему меня бросают девченки? Блин, достали уже. Цветы ношу, в кино вожу, иногда в кафешки ходим. Да, нет у меня миллионов, чтобы водить их по супер дорогим ресторанам или катать на мерседесе, но, блин, я же не полный им отстой предлагаю? — юноша откинулся на спинку лавочки, закинул ногу на ногу и вперил взгляд в пустоту перед собой.

Улыбка едва тронула губы Александр Петрович, когда он посмотрел на юношу. Тот, в самом деле, не был уродом, довольно симпатичный парень среднего роста, худощавый, темненький, с карими, немного грустными, глазами.

— Знаете, я не слишком хорошо вас знаю, чтобы делать какие-то выводы, но чувствую, что вы хороший молодой человек и вы совсем не слабак, как заявила вам девушка, — улыбка старика стала шире. — Слабак ударил бы девушку. Ударить существо, которое слабее тебя, вот это слабость.

— А я ведь хотел ее ударить, — кривая ухмылка появилась на лице юноши. Эта ухмылка могла бы показаться самодовольной, если не обращать внимания на грустные глаза молодого человека, но с ними — это была всего лишь ухмылка человека, опечаленного недавним событием.

— Хотели, но не ударили, — сказал старик, поглаживая голову Шарика, возникшую, словно по волшебству, между ногами старика. — Это две большие разницы. Судить человека по мыслям глупо, если и судить, то только по поступкам. Наши дела говорят за нас. Добрый человек или злой мы не узнаем, пока он не совершит какой-либо поступок. Также и сильный человек. Сильный человек — не тот, у кого накачанные руки или у кого сильное тело. Наше тело — это всего лишь оболочка, но вот то, что находится под этой оболочкой, вот оно и определяет истинную силу человека. Характер — вот в чем заключена сила человека. Человек сильный телом, но слабый духом намного слабее того, кто слаб телом, но силен духом. Человек с сильным телом, но слабым духом, завидев льва, убежит, даже если этот лев будет

угрожать его ребенку, но вот человек с сильным духом, если понадобится, бросится на льва с голыми руками. И кто знает, кто одержит верх в этом поединке? У львов тоже бывает заячья душа, — улыбнулся Александр Петрович.

Молодой человек рассмеялся.

— Это вы правду сказали. И у льва может оказаться заячья душа. Но я не лев, я, скорее всего, самый настоящий заяц. У меня и тело слабое и дух слабоват, наверное, поэтому и девчонки бросают. Девчонки любят сильных парней, парней с красивыми фигурами и сильным телом. У меня нет ни того, ни другого. Немного лицо смазливое, но лицом сегодня никого не купишь. Были бы деньги, можно было бы деньгами купить, а если их нет, то..., - молодой человек скривился, словно выпил ложку рыбьего жира.

— Мы живем в чудесное время, с одной стороны, но с другой, это время разбитых сердец и несбывшихся надежд. Сегодня все крутится вокруг денег, к сожалению, и любовь. Сегодня любовь часто продается. Девушки хотят хорошо жить, хотят иметь обеспеченную семью, детей, поэтому они не дарят свою любовь другому человеку, а продают. Взамен они получают то, что хотят. Но их можно понять, если хотя бы попробовать сделать это. Они не виноваты. Включите телевизор и вы увидите настоящего виновника. Прогресс и пропаганда хорошей жизни. Вот вам и настоящие виновники. Наше общество рекламирует хорошую жизнь, оно призывает людей покупать дорогие вещи, много и вкусно питаться, и тот покупает, много и вкусно питается, потому что иначе уже не может, его разум привык получать сиюминутные удовольствия, они для него, словно наркотик для наркомана. Мужчины, женщины — все во власти этого наркотика, наркотика убивающего чувства и истинные потребности человека. Человек уже не способен чувствовать себя счастливым без дозы такого наркотика. То, что происходит в современном мире — это болезнь, и эта болезнь так же страшна, как и наркозависимость, если не хуже, ведь этой болезнью больны почти все, даже дети заражены ею. Дети, которые раньше радовались солнцу и свежему воздуху, сегодня радуются только компьютеру и мобильным телефонам. Знаете, я часто размышляю вот над чем. А как же было раньше? Неужели человек прошлого был несчастлив? Неужели счастье — это продукт нашего времени? Чувствую, что это не так. Даже пещерный человек был

счастлив. У него не было машины, не было денег, не было ничего, что радует современного человека, но и этот пещерный человек был счастлив. Я словно вижу, как он обнимает на прощание жену, детей и уходит на охоту. А на охоте он ждет не дождется, когда же он вернется домой, в тепло и уют родного очага, к ждущим его жене и детям. Разве мечтал он о новом копье или новом ноже? Нужно ли было ему другое счастье, кроме того, чтобы снова увидеть своих жену и детей? Глуп современный человек, глуп и невежественен.

— Мне кажется в ваших словах много правды, — сказал юноша. — Но почему бы не радоваться и какой-то дорогой вещи, например, классной тачке? Если современный мир предлагает нам это, почему бы этим не пользоваться?

— Нет, нет, пользуйтесь на здоровье, — рассмеялся Александр Петрович. — Просто я говорю о том, что в погоне за второстепенным человек забывает о главном, о себе, того, кого любит, об окружающем мире. Знаете, я не уверен, что мы приходим в этот прекрасный мир для того, чтобы ездить на дорогих машинах, носить дорогую одежду или пить дорогое вино, но я больше чем уверен, что мы приходим в этот прекрасный мир, чтобы дарить любовь другим людям, животным или миру. Глуп тот, кто назвал человека думающим существом. Человек это, в первую очередь, чувствующее существо. Чувствами он познает мир, чувствами он общается с миром и чувствами он живет. Чувства человека — это его сила, а не слабость. Человек живет только тогда, когда он чувствует, в ином случае, он только существует. А любовь! Что за удивительное чувство, загадочное и желанное. Мне кажется я только сейчас, на шестьдесят первом году своей жизни, начинаю понимать, что же это такое.

— И что же это такое? — юноша повернул голову к Александру Петровичу.

— Вы можете мне не поверить. Любовь — это дарение, терпение, сострадание и забота. Когда человек любит другого человека, он, будто растворяется в этом человеке, этот человек становится его воздухом, его пищей, его сном. Любовь одна, она абсолютна. Не существует отдельно любви к человеку, отдельно к миру или отдельно к травинке или какому-либо животному. Любящий человек любит и других людей, и мир, и травинку. И не по отдельности, а вместе. Не существует любви к неживым предметам, например, вещам или деньгам.

Привязанность, удовольствие от обладания, да, но не любовь. Любовь возможна только к живому существу, и это не только человек или животное, но и природа, окружающий мир. Мне трудно это объяснить, но я чувствую, что природа жива. Каждая травинка, дерево, животное, — все это проявление жизни, проявление самой природы. Человек дитя природы, дитя целого, одного большого организма, называемого природой. Знаете, вам не строит печалиться по поводу расставания с той девушкой. Она не любит вас и вряд ли когда полюбит...

— Но она любила! — воскликнул молодой человек. — Она сама это мне говорила, и не раз. Было время, когда она и заботилась обо мне, и уступала.

— Это не та любовь, о которой я говорю, — губы Александра Петровича тронула добродушная улыбка. — Да и не любовь это была. Привязанность, симпатия, сексуальное влечение, назовите это как угодно, но только не любовь. Любящий человек никогда не унижал бы вас так, как это делала она.

— Она говорит, что разлюбила.

— Не правда, человек, который обретает дар любви, никогда с ним не расстанется. Любовь — это действительно дар, который если ты обретаешь, никогда уже не сможешь потерять. Он останется с тобой навсегда, до самой твоей смерти.

Александр Петрович посмотрел на растерянное лицо молодого человека и сказал:

— Вам больно такое слышать. Вы думали, что она вас любила и, может быть, надеялись, что когда-нибудь эта девушка сможет вас полюбить снова. Я вас понимаю. Но...

— Да ни черта вы не понимаете! — воскликнул юноша и вскочил на ноги. — Любила! Я знаю это! И нечего вам лезть в чужую жизнь со своими дурацкими открытиями. Это моя жизнь! И я сам буду разбираться, как мне жить!

Юноша бросил на старика сердитый взгляд и двинулся прочь. Старик какое-то время смотрел ему вслед, тихо вздыхая и покачивая головой, затем потрепал Шарика за шею и пробормотал:

— Когда разум начинает преобладать над сердцем, человек теряет себя.

Старик достал из кармана тетрадь, ручку и попытался вспомнить разговор с молодым человеком. Много из того, что он говорил, пришло к нему, словно озарение, поэтому он хотел как можно быстрее записать мысли, чтобы не забыть их. Эти мысли казались ему крупными истинами, которые стоило сохранить во что бы то ни стало, поэтому старик какое-то время старательно записывал воспоминания, когда же он посмотрел на часы, то удивился. На часах было 18:56.

— Как же время быстро летит, — сказал Александр Петрович. — Куда же ты спешишь окаянное?

Старик достал из кулька остатки колбасы, отломал хлеба и бросил все это Шарику.

— Ешь, мой дружок, пора нам чем-то заполнить свой желудок.

Подождав пока собака доест, старик достал из кулька одноразовый стаканчик и наполнил его кефиром.

— Видишь, Шарик, — улыбнулся старик. — Я не забыл про тебя. Купил тебе посудку под кефир.

Накормив собаку, Александр Петрович поел сам, после чего поднялся с лавочки и двинулся к центру города.

Глава 12

Добрый самаритянин

Александр Петрович неспешно двигался по улице, когда услышал за спиной крик.

— Эй, подождите, как вас там! Подождите!

Старик обернулся и увидел молодого человека, того самого, с которым совсем недавно разговаривал в парке.

— Спасибо, что подождали, — произнес юноша, когда догнал старика. — Я... я хотел извиниться. Нехорошо получилось. Вы мне хотели помочь, а я так с вами обошелся.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Александр Петрович. — Я не расстроился.

— Все равно простите меня. Я... я был не прав.

— Хорошо, молодой человек, я вас прощаю.

— Спасибо, — сказал юноша и кивнул куда-то вперед. — Я вижу, вы в центр направляетесь. Я тоже туда иду. Я живу недалеко от центра. Могу я составить вам компанию?

— Конечно можете, — сказал старик, дергая Шарика за поводок, решившего обнюхать мусорную урну.

— Вы знаете, я ей недавно звонил, но она даже трубки не взяла, — сказал юноша, когда они все вместе двинулись вдоль проезжей части.

— Вы говорите о той девушке, с которой расстались? Кстати, как ваше имя?

— Алексей. Да, о ней.

— Приятно познакомиться, Алексей. А меня зовут Александр Петрович. Вот что я вам скажу, Алексей. Вы совершенно себя не любите.

— Почему? — юноша посмотрел на старика.

— Когда-то давным-давно, еще до встречи со своей женой, я ухаживал за девушкой, но мои ухаживания ей видимо не понравились, так как спустя три месяца мы расстались. Я очень сильно переживал это расставание, так как это была моя первая любовь. Я хотел вернуть эту девушку, звонил ей на домашний телефон, околачивался у подъезда

ее дома, бросал ей в почтовый ящик любовные письма. Как-то я все же упросил ее встретиться со мной еще один раз и знаете, что она мне сказала? — Александр Петрович посмотрел в глаза молодого человека.

Тот мотнул головой.

— Она сказала, что все мои потуги вернуть ее глупы, потому что ими я показываю ей не свою любовь к ней, а нелюбовь к себе. Когда мы в тот вечер разошлись, — как оказалось навсегда, больше я ее не видел, — я долго думал над ее словами. И вот к чему я пришел. Каким-то образом женщины чувствуют слабость мужчины и отталкивают его. Если мужчина и дальше продолжает добиваться эту женщину, то таким образом только подтверждает предположение женщины о его слабости и этим отталкивает ее от себя окончательно. Человек, который не может управлять собой, своими эмоциями — слабый человек. Если вы и дальше будете добиваться этой девушки, то ничего кроме презрения и безразличия к себе не вызовете. Женщина, как кошка, она ластится к тому, кто ее отталкивает. Поэтому проявите к себе любовь, перестаньте унижаться, забудьте об этой девушке. Найдите ту, которая будет вас не унижать, а любить и не просто любить, а любить так, как никогда не любила прежде, по-настоящему, даря себя вам, живя вами. Найдите такую девушку, и вы будете чувствовать себя самым счастливым человеком на планете.

— Если бы это было так просто сделать, — хмыкнул юноша.

— Это проще, чем кажется, — улыбнулся старик. — Я понял одну вещь — истинная любовь рождается у нас в сердце. Я уверен, что у вас есть представление о том, какой вы хотели бы видеть свою девушку. Расскажите мне о своем идеале.

— Ну, аж так, — лицо Алексея засияло. — Ну, допустим, есть у меня идеал. Только почему это так важно?

— Знаете, что я думаю. Идеал человека, с которым мы хотели бы прожить жизнь, формируется у нас еще в детстве. Но когда мы вырастаем, то забываем о нем, идя на поводу у сексуального влечения или страха одиночества или желания быть вкусно накормленным или всего этого вместе. Но все дело в том, что отказываясь от идеала, многие из нас потом, в процессе жизни с человеком, стараются переделать его под свой идеал. Я могу вам даже привести пример. Если вы всегда хотели иметь отношения с девушкой, у которой красивая фигура, а встречаетесь с девушкой, у которой фигура

расходится с вашим идеалом, то вашей критики и неудовлетворенности своей девушкой вам не избежать. Так или иначе, но вы будете требовать от нее, чтобы она меньше ела или ходила в спортзал, лишь бы подогнать ее фигуру под свой идеал. Из-за этого и ссоры, скандалы могут возникать, да и вообще отношения могут прекратиться. А чтобы этого не было, очень важно прислушиваться к себе. Как бы вы не хотели, но вы никогда себя не сможете обмануть, можете попробовать сломать, но каких страданий вам это будет стоить? Живя с человеком, который вам не нравится, представление о котором разительно отличается от представления о вашем идеале, не принесет вам счастья. Вы будете страдать, особенно когда будете понимать, что все эти страдания из-за того, что однажды вам не хватило храбрости найти желанного человека.

— Но такого человека надо еще найти. За идеалом можно всю жизнь гоняться, но так и не поймать.

— Неправда, — рассмеялся Александр Петрович. — Если вы действительно будете чего-то хотеть в жизни, обязательно это получите. Но для этого вам придется забыть о том, чтобы сидеть сложа руки и ничего не делать. Всегда надо двигаться, иначе можно мохом покрыться. Вперед и только вперед, без оглядки на прошлое. Всегда слушайте свое сердце, а оно вас никогда не подведет.

— А оно мне вот и говорит, звони, продолжай добиваться, настаивай.

— Уверен, что вам это говорит не сердце. Скажите мне, получаете ли вы удовлетворение, радость от того, что названиваете этой девушке, унижаетесь перед ней, просите о встрече?

— Нет, конечно. Какая тут радость, от душевной боли с ума сойти можно.

— Что-то мне подсказывает, что с ума вы сходите не от душевной боли, а от обиды, от того, что вас отвергли, бросили, недооценили, даже предали. Вами управляет ваш разум, это он любит цепляться за все и всех. Это он привязывает вас к кому-либо или чему-либо. Это он падок на сиюминутные удовольствия и он заставляет вас испытывать то, что вы испытываете сейчас. На страдания нас обрекает разум, сердце же ведет к свободе, любви и постоянному удовлетворению.

— Значит, вы думаете, что мне надо найти другую девушку? Ту, которая близка к моему идеалу девушки?

— Чем ближе, тем лучше, — кивнул старик. — Полюбите себя, ведь все начинается с любви к себе. Любовь к людям, животным, окружающему миру, — все это рождается из любви к себе. И даже знаете что? — Александр Петрович поднял глаза на юношу, шагавшего рядом с ним. — Я тут подумал. Я чувствую, что любовь к себе — это и есть та истинная любовь, о которой я вам говорил раньше. Любовь к уникальному организму, которым мы являемся, к каждой волосинке на нашем теле, к каждой его клеточке, ширится и заполняет все, что нас окружает. Если мы любим свой организм, сможем ли мы сделать ему больно? Нет. А сможем ли мы сделать больно другому человеку или даже таракану, воруящему крошки на столе, если наша любовь к себе распространяется и на все что нас окружает? Нет. Любовь к себе делает нас совершенней. Человек, который любит себя — никогда не сможет сделать больно живому организму, так как этим он делает больно себе.

— Мда, — пробормотал юноша. — Фрейд отдыхает. Я только понял, что мне надо найти другую девушку и начать любить себя. Знать бы еще, как это сделать.

— Что именно, найти другую девушку или начать любить себя?

— И то и другое.

— Но здесь все очень просто, — широкая улыбка появилась на губах старика. — Чтобы найти девушку, сначала вспомните о своем идеале, а после этого можно и начинать поиски. Главное, не бойтесь подойти к своему идеалу, — рассмеялся Александр Петрович. — Не вздумайте это сделать, ведь это ваш идеал.

— Ага, только вот буду ли я идеалом для своего идеала, — ухмыльнулся Алексей.

— А позвольте вас, Алексей, спросить, а вы хотели бы быть совершенным человеком? Быть идеальным?

— Думаю, да. Это было бы прикольно. Но знаете, как говорят, совершенства достичь невозможно.

— А вы не слушайте таких людей. Природа совершенна, а мы, люди, дети природы. Мы можем быть совершенными, если будет из всех сил стремиться к этому. Поэтому, если вы будете стремиться к совершенству, к идеалу, то для вас перестанет быть проблемой то, что вы не чей-то идеал. Я более чем уверен, что человек, который стремится к совершенству, способен превзойти любой воображаемый

идеал. Стремитесь к совершенству, это лучший совет, который я могу вам дать. Совершенство человека начинается с его любви к себе. Человек, который любит себя, никогда не удовлетворится тем, что он представляет собой на сегодняшний день. Он хочет быть совершенным, а это значит, что каждый из тех дней, что остались у него на этой чудесной планете, будет направлен на приближение этого человека к совершенству. Совершенствуйте свой внешний вид, совершенствуйте внутренний мир, совершенствуйте себя, совершенствуйте тот уникальный организм, которым вы являетесь. Поверьте, в каждом из нас сокрыты невероятные возможности для совершенствования своего организма. И чем раньше мы начнем себя совершенствовать, тем более совершенным организмом закончим свой жизненный путь в этом прекрасном мире. Кто знает, может наши совершенные души обретают новую жизнь в каком-то новом мире, мире, населенном совершенными организмами. Поэтому стремитесь к совершенству. В любом случае это качество полезно и для нашего мира. Это даже оценят девушки, — улыбнулся старик, взглянув на молодого человека.

Тот расплылся в ответной улыбке, но ничего не сказал.

— А вот, что касается вашего второго желания научиться любить себя, то и здесь нет ничего сложного, — продолжил Александр Петрович, после того, как они с Алексеем перешли дорогу, возникшую на их пути. — Попробуйте полюбить каждую клеточку своего организма. Когда у вас это получится, вы вряд ли будете травить свой организм табаком или алкоголем, убивать его вредной пищей или ленью. Вы будете заботиться о нем так, как о самой большой драгоценности в вашей жизни. Цените себя, любите себя, слушайте свое сердце и ваша жизнь станет примером для миллионов других людей.

— Ух, сколько инфы, — Алексей раскрыл глаза и помотал головой. — Мне столько и не переварить.

— Главное, что вы услышали эту информацию, — улыбнулся Александр Петрович. — Ваше сердце ее запомнило и когда-нибудь, верю, что эти знания изменят вашу жизнь.

— Спасибо вам, Александр Петрович. Голову вы мне нагрузили конкретно. Ну, вот мы и пришли, мне дальше на Котляревского, — Алексей кивнул куда-то вправо. — А вы дальше?

— Да мне тут еще надо немного пройтись.

— Ну, тогда всего вам хорошего, — сказал Алексей и поднял руку в прощальном жесте. — До свидания.

— До свидания, Алексей. И вам всего хорошего, — отозвался Александр Петрович.

Молодой человек свернул вправо и скрылся за поворотом. Старик проводил его взглядом и улыбнулся, затем, наслаждаясь ощущениями, возникшими в его груди, двинулся дальше, куда — он и сам не знал. На улице было уже темно, пора было искать ночлег.

* * *

Эту ночь Александр Петрович с Шариком провели в подвале одного из домов Борисполя, расположенных по улице Чапаева. Спал старик плохо. Боль в животе вернулась и не давала спать всю ночь. Те редкие минуты, которые Александру Петровичу удавалось урвать для сна, были столь желанны, сколь и коротки. Уже под утро, когда боль отступила, Александр Петрович смог заснуть и проспал весь остаток ночи в блаженном неведении о боли.

Солнце давно поднялось над горизонтом, когда старик проснулся. Александр Петрович открыл глаза и улыбнулся. Чему? Старик и сам не знал. Может тому, что боль больше не беспокоила его, а может он, как и маленький ребенок, радовался новому дню, тому, что он живет, дышит, чувствует?

Тем не менее, старик не спешил разбираться в причинах своего хорошего настроения. Он просто наслаждался теми светлыми ощущениями, которые грели его сердце в эти минуты. Его даже не огорчило то, что мышцы его тела ныли от ночи, проведенной в неудобной позе на жесткой доске, послужившей старику своеобразным ложе. Все это были мелочи, которым старик не желал уделять внимание.

Александр Петрович поднялся на ноги и потянулся, затем отрепал штаны от пыли и погладил Шарика.

— Доброе утречко, мой дружок. Надеюсь, тебе спалось лучше, чем мне.

Собака вильнула хвостом и зевнула. Поднявшись на ноги, она посмотрела в сторону выхода из подвала, затем перевела взгляд на старика и гавкнула.

— Ну, чего ты разбушевался? — спросил старик, надевая пальто. — Сейчас пойдем уже. Имей терпение. Оденусь и пойдем.

Александр Петрович застегнул пальто, проверил все ли на месте, после чего взял в руки собачий поводок и направился к выходу. Шарик, весело помахивая хвостом, побежал рядом со стариком.

— Ух, мороз какой, — пробормотал Александр Петрович, когда они с Шариком оказались на улице. — Градусов пятнадцать, не меньше. Хоть ветра нет, и то хорошо.

Старик натянул на голову шапку, одел перчатки и побрел по дороге. Несколько минут спустя, он вышел к главной магистрали города, улице Киевский путь, и двинулся вдоль проезжей части. Заметив магазин, Александр Петрович направился к нему. Кушать старик не хотел, но вот накормить собаку стоило бы.

Подойдя к магазину, старик увидел, что тот закрыт. Два бездомных кота сидели у входной двери и поглядывали по сторонам. Заметив Шарика, они зашипели и устремились к ближайшему дереву. Собака рванула было за ними, но поводок не дал ей убежать далеко.

— Что это ты надумал? — улыбнулся Александр Петрович, глядя на собаку. — Молодость что ли решил вспомнить?

Шарик заскулил, взгляд его не отрывался от дерева, на которое забрались коты. Те забрались на дерево и теперь поглядывали на собаку в прямом смысле свысока.

— Хотел бы я знать, почему вы так не любите друг друга, — рассмеялся Александр Петрович. — Вот скажи мне, Шарик, что тебе сделала эта парочка котов, что ты хочешь их потрепать?

Собака оторвала взгляд от дерева и посмотрела на старика. Заскулив, она снова устремила взгляд на котов, развалившихся на ветке.

— Скулишь все? Ну, скули, скули, коль охота, — сказал Александр Петрович. — Пошли лучше найдем другой магазин. Я знаю, что заставит тебя забыть о котях.

Старик дернул за поводок и пошел прочь от магазина. Шарик посмотрел на старика, перевел взгляд на котов и гавкнул, затем развернулся и потрусил за стариком. Не прошел Александр Петрович и

ста метров, как впереди показался еще один магазин, вернее небольшой продуктовый магазинчик. У входа в магазин на снегу сидел мужчина, голова его свесилась на грудь, из кармана куртки выглядывала бутылка водки.

Александр Петрович остановился перед входом в магазин и посмотрел на мужчину.

— Пьяный что ли? — подумал старик.

Шарик подбежал к мужчине и принялся его обнюхивать. Александр Петрович натянул поводок, вынуждая тем самым собаку вернуться.

— Вот такая наша реальность, — пробормотал он. — И кто виноват? Государство? Но не оно же напоило этого мужчину.

Александр Петрович привязал Шарика за деревце, росшее возле магазина, и подошел к мужчине.

— Вам плохо? — спросил старик, тронув того за плечо.

Мужчина поднял голову и уставился на старика невидящим взглядом. В лицо Александру Петровичу ударил перегар, заставив того поморщиться.

— Каким же глупцом я был, когда брал в рот эту гадость, — подумал старик, посмотрев на бутылку в кармане мужчины. — Это же как надо себя ненавидеть, чтобы набраться так?

— Вам плохо? — повторил Александр Петрович, вглядываясь в пустые глаза мужчины.

— А тебе ж то и сорока лет нет, — думал Александр Петрович. — Что ж ты делаешь со своей жизнью?

Мужчина попытался сфокусировать взгляд на старике, затем нахмурился и протянул:

— Мне-е-е-е шикарна-а-а... Вы... ты кто т-т-такой? Чего нада?

— Я добрый самаритянин, — грустная улыбка появилась на лице старика.

— Добрый сама кто? — мужчина икнул и попытался подняться на ноги. Ему это не удалось, рука подломилась, и он упал на снег.

Скрипнула дверь магазина и на улицу вышла женщина, одетая в теплые колготки, шерстяную юбку, свитер под горло и фартук.

— Оставьте его, — сказала она Александру Петровичу. — Я этого алкаша знаю. Он тут каждый день ошивается. Надоел уже со своей

вечно пьяной мордой. Только посетителей отпугивает. Вы хотели что-то купить?

— Да как же оставить его? — спросил Александр Петрович. — Он же замерзнуть может. Надо скорую вызвать или милицию, иначе точно замерзнет.

— Ну, и черт с ним. Вам-то какое дело до него? Одним алкоголиком меньше будет. И так их развелось, словно тараканов.

— Как же вы можете быть такой жестокой? Это же живой человек, такой, как вы и я.

— Но мы с вами не сидим под магазином в стельку пьяные в отличии от него... Так вы заходите в магазин или нет? А то я дверь закрою. Мне надо перерыв сделать.

— Делайте, делайте, — махнул рукой Александр Петрович. — Не обращайтесь на меня внимания. Я и подождать могу.

— Как скажете, — женщина пожала плечами и вернулась в магазин. Клацнул ключ в замочной скважине и, Александр Петрович увидел, как продавщица повесила табличку с надписью «Перерыв. Не стучать!».

Александр Петрович наклонился над пьяным и спросил:

— Где вы живете? Давайте я провожу вас домой.

— Я? — мужчина поднял на старика мутные глаза, посмотрел по сторонам, словно соображая, где находится. — Нах...нах...ма, — пробормотал он что-то, взглянув на старика.

— Я вас не понял, — развел руками старик. — Где вы живете?

Мужчина сделал еще одну попытку подняться на ноги и снова неудачно.

— Давайте еще раз. Я вам помогу встать на ноги. Нет, давайте сначала я отвяжу собаку.

Александр Петрович отвязал Шарика от дерева и вернулся к мужчине. Он собрался было помочь мужчине подняться, но решил пока этого не делать. Сначала надо было узнать, где тот живет.

— Так, где вы живете? — Александр Петрович наклонился и потряс мужчину за плечо.

— Нах... нах... ма, — опять пробормотал тот.

— Нахма, — старик распрямился и посмотрел вокруг. — Может Нахима. Да, наверное, так.

Александр Петрович снова наклонился к мужчине.

— Вы живете на улице Нахима?

— Нах... нах... ма, — кивнул тот, поворачивая голову из стороны в сторону.

— Ну, уже легче, — сказал старик. — Осталось узнать, где эта улица находится... Вы не подскажите, где находится улица Нахима? — спросил Александр Петрович у проходившей возле магазина молодой женщины.

Та остановилась и посмотрела на старика своими зелеными глазами. Затем перевела взгляд на пьяного, привалившегося спиной к магазину.

— Нахима? Никогда о такой не слышала. Может Нахимова?

— А может и Нахимова, — улыбнулся старик.

— А вон она, — кивнула женщина вперед. — Следующая улица. Вот она и есть улица Нахимова.

— Огромное вам спасибо, — сказал Александр Петрович.

— Не за что, — ответила женщина и отправилась по своим делам.

Старик повернулся к пьяному мужчине и сказал:

— Попробуйте подняться еще раз. Я вам помогу.

Мужчина что-то пробормотал и сделал еще одну попытку подняться. На этот раз с помощью старика ему это удалось.

— Идемте, я помогу вам попасть домой, — сказал Александр Петрович, придерживая мужчину за талию.

Тот снова что-то пробормотал и сделал несколько неуверенных шагов, затем еще и еще. Словно маленького ребенка повел старик мужчину в указанном женщиной направлении. Рядом, ни на шаг не отставая от старика, бежал Шарик. Удивительно, но в эти минуты собака совсем не делала попыток обнюхать тот или иной столб или куст. Она, словно понимала, что сейчас старику не до того, чтобы одергивать ее от очередного приглянувшегося ей куста.

Так эта тройка и двигалась по улице, сопровождаемая взглядами прохожих, большинство из которых были осуждающими и брезгливыми. Некоторые из прохожих даже переходили на другую сторону улицы, лишь бы не оказаться на пути у парочки алкоголиков и собаки, непонятно как оказавшейся с ними. Многие из прохожих принимали Александра Петровича за собутыльника, поэтому и смотрели на него осуждающе. Но старика это вряд ли беспокоило. Он, в отличие от всех этих людей, жил сердцем, а его сердце было

сострадательным и заботливым, не обремененным эгоизмом невежественного разума.

Глава 13

В плену невежества

— А вот и улица Нахимова, — пробормотал Александр Петрович, заметив на одном из домов указатель. — Какой номер вашего дома? — спросил старик у мужчины, все время норовившего сползти на снег.

— Ч-ч-четырнадцать, — ответил тот, обдав лицо Александра Петровича запахом алкоголя. — С-с-сорок два квартира, ик, спасибо.

— Пожалуйста, — сказал Александр Петрович и повел мужчину вверх по Нахимова.

Добравшись до дома с номером четырнадцать, старик усадил мужчину на лавочку возле подъезда и дал себе отдых.

— Кого это вы привели? — спросила его старушка, сидевшая на лавке напротив. — Оксанкин Вовка? — старуха присмотрелась. — Он самый паскудник. Алкоголик проклятый. Дети маленькие, а он бесстыжий только пьет.

— Вы знаете его? — спросил Александр Петрович, повернувшись к старухе.

— А кто его тут не знает? Этого алкоголика здесь все знают. С сорок второй квартиры он. Жена, бедная, с детьми сидит, а он, негодник, пьет и в ус себе не дует. Бесстыжий. Ни грамма совести нет.

— Значит жена его сейчас дома?

— А где же ей быть, бедняжке. Дома, конечно. Говорю же, с детьми маленькими сидит. А вы кто такой будете? Может, какой друг Вовкин?

— А я добрый самаритянин, — улыбнулся старик. — Решил помочь человеку, до дома довести.

— Боже спаси и убереги, чтобы я этому пропойце помогала, — взмахнула руками старуха. — Помер бы, может и не мучил бы жену, бессовестный.

— Вот вы бога упоминаете, а живому человеку смерти желаете. Разве так можно?

— А что же он, негодник, с женой делает? До слез доводит. А у него дети маленькие. Пьет и пьет, и сейчас вон, погляди, в кармане бутылка. Алкоголик чертов. Ни совести, ни стыда. Бес...

— Вы мне не подскажете, в каком подъезде сорок вторая квартира? — спросил Александр Петрович, прерывая старуху.

— В этом же, на втором этаже.

— Спасибо, — старик поблагодарил старуху и повернулся к Шарику. — Подожди меня здесь, дружок, — сказал Александр Петрович, привязывая поводок собаки к лавочке. — Я скоро вернусь.

— Давайте, Владимир, осталось немного, и скоро вы будете дома, — Александр Петрович склонился над мужчиной, помогая тому подняться на ноги. — Вот так. Очень хорошо.

— Да бросьте вы этого пропойцу, — услышал Александр Петрович голос старухи. — Пусть сидит себе на лавочке. Протрезвеет, дорогу домой и сам найдет.

Александр Петрович не обратил внимания на слова старухи. Поддерживая мужчину за талию, он помог тому зайти в подъезд и добраться до лифта.

Старик нажал кнопку вызова лифта, затем еще раз и еще. В шахте лифта не раздалось ни звука.

— Не работает что ли, — пробормотал Александр Петрович. — Тогда придется на своих двух.

Медленно Александр Петрович и Владимир поднялись на второй этаж. Оказавшись на втором этаже, старик привалил Владимира к стене и нажал на кнопку звонка сорок второй квартиры. Спустя некоторое время в квартире раздались торопливые шаги. Клацнул дверной замок, дверь открылась, и старик увидел симпатичную молодую женщину.

— Здравствуйте, вам кого? — спросила она, взглянув на старика.

— Здравствуйте, — поздоровался Александр Петрович и улыбнулся. — А я вот молодого человека домой привел. Владимиром зовут. Ваш? — спросил Александр Петрович и кивнул куда-то в сторону.

Тревога отразилась на лице девушки. Она вышла в коридор и, увидев мужчину, привалившегося плечом к стене, вздрогнула.

— Да, — пробормотала она, опустив глаза. — Спасибо вам большое.

— Давайте я вам помогу его в квартиру завести, — предложил Александр Петрович.

— Де, нет, нет, что вы. Я и сама справлюсь.

— Давайте, все же помогу. Негоже женщинам мужиков тягать, — улыбнулся Александр Петрович.

Грустная улыбка появилась на лице девушки.

— Спасибо вам, — сказала она и закусил губу.

Старик повернулся к Владимиру и сказал:

— Ну, что, Владимир, осталось совсем немного, и вы будете дома.

Старик помог мужчине войти в квартиру.

— Куда прикажите сопроводить Владимира? — спросил Александр Петрович у Оксаны, оказавшись в прихожей.

Та закрыла входную дверь и повернулась к Александру Петровичу.

— Давайте в спальню. Я вас проведу.

— Может я сначала сниму обувь? А то я смотрю, у вас дорожка на полу.

— Ничего страшного, — успокоила старика Оксана. — Я потом уберу.

Старик проводил Николая в спальню и уложил на кровать, затем вышел из спальни в коридор, и хотел было вернуться в прихожую, как заметил, как из детской комнаты выглянула девочка лет шести, светловолосая, голубоглазая, в коротком платьице и колготках.

— Здравсьте, — сказала она и улыбнулась.

— Здравствуй, красавица, — улыбнулся в ответ Александр Петрович. — Как тебя зовут?

— Маша.

— Очень приятно, Маша, а меня дедушка Саша.

Маша снова улыбнулась и скрылась в комнате.

— Бедное дитя, — подумал Александр Петрович. — Какое же это для ребенка несчастье, иметь отца-пьяницу.

— Красивая у вас девочка, — сказал Александр Петрович, повернувшись к Оксане. — Сколько Маше лет?

— Шесть недавно исполнилось, осенью уже в школу пойдет.

— Шесть? Большая уже, — улыбнулся старик и добавил грустно, — и несчастная.

— Вы правы, — сказала Оксана, когда они вернулись в прихожую. Взгляд девушки устремился к полу, пробежал по стенам, шкафу-стенке и остановился на старике. — Лена, наша вторая дочка, еще маленькая, годика еще даже нет, она еще ничего не понимает, а вот Маша, это

другое дело. Она довольно взрослая для того, чтобы понять, кто ее отец, — Оксана закусил губу и отвернулась от Александра Петровича, чтобы старик не заметил слезы, выступившие в уголках глаз.

Но старику не надо было видеть глаза Оксаны, чтобы понять, что на них выступили слезы. Он улыбнулся и положил руку на плечо девушки.

— Возможно, вы посчитаете мои слова глупостью, неподходящими для такой ситуации, но надо надеяться на лучшее. Как бы ни было тяжело. Это трудно, но так будет легче жить. Кто знает, может в один прекрасный день все изменится, и ваши дочери будут в будущем даже гордиться своим отцом.

— Спасибо, — сказала Оксана, вытерев рукой слезы с глаз. — Хотела бы я на это надеяться, но... но сами понимаете.

— Все будет хорошо, — улыбнулся Александр Петрович. — Не надо отчаиваться. Все будет хорошо. Пойду я, — старик развернулся, чтобы открыть входную дверь и выйти на лестничную площадку, но Оксана остановила его.

— А знаете, может, вы хоть чаю выпьете? Я недавно пирожки с яблоками сделала.

Робкая улыбка появилась на лице старика.

— Спасибо, но знаете, как-то неловко, да и меня Шарик на улице ждет.

— Шарик? — Оксана подняла на Александра Петровича карие глаза.

— Собака моя, дворняга, — улыбнулся старик.

— Собака? Ну, ничего страшного и ей чаю нальем, — улыбнулась в ответ Оксана.

— Право, даже не знаю, — смутился Александр Петрович. — Неловко как-то.

— Да ничего страшного, — сказала Оксана. — Оставайтесь хотя бы ненадолго. Попьете чаю и пойдете себе. Да и мне веселее будет, а то все одна да одна. Даже и поговорить не с кем.

— Ну, хорошо, — сдался Александр Петрович. — Если так, то на пару минут можно и задержаться. Пойду я тогда Шарика с улицы заберу.

— Конечно забирайте. Я не буду дверь закрывать.

Старик вышел на лестничную площадку, затем спустился на улицу.

— Ну, что, мой дружок, не замерз? — Александр Петрович потрепал собаку по холке.

При виде старика собака завиляла хвостом и залаяла.

— Скажите ему, чтобы перестал лаять, — старуха все еще была здесь и искоса поглядывала на Шарика. — У меня голова болит.

— Нервничаете, наверное, много? — старик отвязал Шарика и повернулся к старухе.

— А это уже не ваше дело, почему у меня голова болит. Поживите тут рядом с такими алкоголиками, как тот, которого вы привели, то у вас не только голова будет болеть. Я без корвалола уже и жить не могу. А все из-за этих, алкоголиков. Бессовестные.

Старик ничего не сказал, только улыбнулся кроткой улыбкой и вернулся, теперь уже с Шариком, в подъезд. Поднявшись на второй этаж, Александр Петрович подошел к двери, ведущей в квартиру сорок два, и тихонько постучал.

Дверь приоткрылась, и на пороге возникло улыбающееся личико Маши.

— Дедушка Саша? — словно убеждаясь в этом, спросила девочка.

— Он самый, — улыбнулся Александр Петрович и после небольшой паузы добавил, кивнув на собаку. — И Шарик.

— Собака, — заулыбалась Маша и распахнула широко входную дверь.

— Маша, иди к себе в комнату, — услышал Александр Петрович знакомый голос, и мгновение спустя на пороге возникла Оксана. — Заходите, заходите, не стесняйтесь.

Маша посмотрела на Шарика и улыбнулась, затем развернулась и убежала в детскую. Старик вошел в прихожую. Собака вбежала следом и принялась вертеть головой по сторонам.

— Раздевайтесь и проходите на кухню, — сказала Оксана, возвращаясь на кухню. — Я уже чайник поставила.

— Сейчас, сейчас, — Александр Петрович нацепил поводок Шарика на дверную ручку и разулся, после этого снял пальто и повесил на крючок в стенке. Александр Петрович наклонился к собаке и погладил того по голове.

— Сиди здесь. Я скоро вернусь.

Шарик зевнул и улегся на дорожку.

— Где у вас можно помыть руки? — спросил Александр Петрович у Оксаны, входя на кухню.

— Можете прямо здесь, — девушка кивнула в сторону умывальника.

— Очень хорошо. Спасибо.

Александр Петрович помыл руки, затем вытер их полотенцем, которое дала ему Оксана, и сел за стол. Запах немывтого тела привлек его внимание. Александр Петрович принюхался и вздохнул. Да, ему, и правда, не помешало бы помыться.

— Что это вы так вздыхаете, дедушка Саша? — спросила Оксана, ставя чашки на стол. За чашками последовала сахарница и тарелка с пирожками.

— Да вот размышляю о причинах, заставивших Владимира так опуститься, — нашелся Александр Петрович, садясь за стол. — Ему же и сорока нет.

— Тридцать шесть, — сказала Оксана и опустилась на стул рядом со стариком. — Раньше он если и выпивал, то очень редко. По праздникам разве что. Но после того как уволили с работы, все как будто перевернулось с ног на голову. Первое время еще пытался искать работу, а потом сдался и... Да вы и сами все видите.

— Как же вы живете? Вы же, я так понимаю, не работаете, с детьми сидите. Как же вы обходитесь?

— Так вот и обходимся, — Оксана бросила в чашки пакетики чая и залила их горячей водой. — Получаю пособие на Лену, да и родители помогают, мои и Володьки. А как дальше будет, не знаю. Все советуют подавать на развод, но не будь у меня маленьких детей, тогда другое дело, а так страшно. Как же я с ними одна буду?

— Беда так беда, — пробормотал Александр Петрович. — А лечить Владимира не пробовали? Это же не дело. Пропадает человек.

— Все перепробовали, ничего не помогает. Только все хуже становится. Раньше хоть вещи с квартиры не выносил, а сейчас, — Оксана смахнула слезу с глаз. — Пить-то за что-то же надо.

— И как долго Владимир уже пьет?

— Да полгода уж точно будет. В мае прошлого года уволили, а где-то с конца июня и запил.

— Беда так беда, — снова пробормотал старик. — Даже и не знаю, что сказать.

Впервые с тех пор, как он ушел из дома, Александр Петрович почувствовал себя беспомощным. Другим людям он мог что-то посоветовать, сейчас же он не знал даже, что сказать.

— Ну, ничего страшного, — сказала Оксана. — Как-то оно да будет. Вы лучше попробуйте пирожки с чаем. Чай, наверное, уже остыл.

— Конечно, конечно, обязательно попробую.

В прихожей послышалась какая-то возня.

— Шарик, скоро пойдем. Подожди немножко, — сказал старик и повернулся к собаке.

Рядом с Шариком Александр Петрович увидел Машу. Та сидела на корточках и гладила собаку по голове.

— Ой, я и забыла про собаку, — улыбнулась Оксана. — У меня кости есть. Думала, собакам на улицу вынести. Давайте я их лучше вашему Шарикку отдам.

— Он вряд ли откажется, — улыбнулся Александр Петрович, пробуя пирожок. — Как вкусно! Домашние пирожки — самые вкусные пирожки.

— Спасибо, — поблагодарила Оксана, после чего достала из холодильника кулек с костями и вынесла его в прихожую собаке.

— Маша, я же просила тебя посидеть в детской, — услышал Александр Петрович.

— Я хочу с Шариком поиграть, — отозвалась девочка.

— Потом поиграешь, Шарик сейчас будет кушать, так что можешь пока посидеть в детской и присмотреть за Леной.

— Лена спит. Я хочу посмотреть, как Шарик будет кушать.

— Тогда смотри, только близко не подходи. Пусть поест спокойно.

— Он у вас не кусается? — спросила Оксана у Александра Петровича, вернувшись на кухню.

— Нет, не беспокойтесь, — улыбнулся Александр Петрович. — Детей он точно не укусит.

— Ну, и слава Богу, — сказала Оксана, присаживаясь на стул.

— Я вот все думаю, как бы помочь Владимиру, — сказал Александр Петрович.

— А как ему поможешь? Он сам не хочет, чтобы ему помогали. Ему нравится пить. Ну и правильно, о детях и я могу позаботиться, — Оксана вытерла слезы и взяла в руку пирожок. — Не знаю, за что меня так бог наказывает?

— Если нас кто-то и наказывает, то только мы сами, — пробормотал Александр Петрович, касаясь губами чашки. — Если Владимир сам себе не поможет, ему никто не поможет.

— Давайте не будем о плохом, — Оксана попыталась улыбнуться. — Расскажите мне лучше о себе. Вы на какой улице живете? Где-то возле нас?

— Нет, — губы старика тронула легкая улыбка. — Я, признаться, киевлянин, а в Борисполе я, так сказать, проездом.

— И куда же вы едете? — Оксана отпила из чашки и посмотрела на Александра Петровича.

— Если быть точным, то я иду, а не еду, — улыбнулся старик.

— И куда же вы идете?

— Не знаю. Куда вот глаза смотрят, туда и иду.

— Как так? — чашка замерла у рта Оксаны.

Александр Петрович вздохнул и сказал:

— Я странный человек, Оксана. Никогда таким не был, но, знаете, многое в нашей жизни происходит впервые.

Старик отложил в сторону недоеденный пирожок и рассказал Оксане обо все, что с ним произошло, о болезни, об истине и своем желании поделиться ею с миром.

Когда он закончил, на кухне воцарилась тишина, изредка прерываемая треском костей, над которыми трудился Шарик.

Оксана поставила чашку на стол.

— Даже не знаю, кто вы, сумасшедший или гений, — наконец сказала она и улыбнулась.

— И я не знаю, — улыбнулся Александр Петрович и взял в руку отложенный ранее пирожок. — Да и не хочу знать. То, что я делаю, находит отклик в моем сердце, а это для меня главное всего.

— Я бы так не смогла. Мало, кто смог бы, даже зная о болезни. Это, в самом деле, надо быть или гением или сумасшедшим.

— Очень часто это одно и то же, — улыбнулся старик.

— Да, наверное, — улыбнулась в ответ Оксана.

На кухню вернулась тишина. Александр Петрович и Оксана пили чай, ели пирожки и молчали, каждый погруженный в свои мысли.

Спустя мгновение на кухню зашла Маша.

— Мамоchка, а мне с Шариком можно пирожок? Шарик уже съел все кости.

— Давай я тебе сделаю чай и ты попьешь его с пирожком, — отозвалась Оксана.

— А Шарик со мной тоже будет чай пить?

— Нет, Машунь, Шарик чаи не пьет, — улыбнулся Александр Петрович.

— А пирожки ест?

— Пирожки, думаю, ест.

— Тогда я буду пить чай, а он будет есть пирожки, — улыбнулась Маша.

— Нет, Машунь, мы с Шариком уже скоро пойдем. Вот сейчас допью чай и пойдем.

— А когда вы еще придете? — допытывалась Маша.

— Не знаю, Машунь, — улыбнулся Александр Петрович. — Не знаю.

— И Шарик не знает?

— И Шарик не знает, — старик поставил чашку на стол и поднялся из-за стола.

— А кто знает?

— Боюсь, Машунь, этого никто не знает.

— Тогда не идите никуда, — Маша подняла голову и посмотрела на старика.

— А знаете что, Александр Петрович, — Оксана взглянула на старика. — А, и в самом деле, побудьте у нас немного. Переночуете, а завтра утром пойдете.

Старик улыбнулся и заглянул в пустую чашку.

— Спасибо, Оксана, но у вас и без меня забот хватает. Я лучше пойду, — старик развернулся, чтобы покинуть кухню.

— Дедушка Саша, — сказала Маша и дернула старика за свитер. — Побудьте у нас немножко. Мы с Шариком еще пирожки не ели.

— Да и куда вы пойдете, — вмешалась Оксана. — На улице сильный мороз, а вам ночевать негде. Оставайтесь.

Александр Петрович заглянул в глаза Маши и улыбнулся. Они были такими добрыми, такими голубыми, такими детскими. Старик вздохнул и сказал:

— Ну, хорошо.

— Вот и здорово, — рассмеялась Маша и обняла старика.

Александр Петрович почувствовал, как к глазам подступили слезы. Он улыбнулся и погладил девочку по голове.

— Может вам еще налить чаю? — спросила Оксана.

— Пожалуй, с меня хватит, — ответил Александр Петрович. — Пойду, посмотрю, как там Шарик.

Оказавшись в прихожей, старик заметил маленький стульчик, стоявший сбоку от стенки, и опустился на него. Завидев старика, Шарик приподнял голову с лап и посмотрел на Александра Петровича.

— Как твои дела, дружочек? — спросил старик, положив руку на собачью голову. — Что ты такой грустный? Не заболел ли?

Шарик поднялся на ноги и положил голову старику на колени. Александр Петрович потрепал собаку по холке, затем взял голову собаки двумя руками и заглянул Шарика в глаза.

— Сегодня, мой дружок, мы не будем ночевать на улице. Добрые люди пригласили нас переночевать у них дома. Ты рад этому?

Шарик забрал голову с коленей старика и зевнул, затем посмотрел на старика и ткнулся мордой в пустой пакет из-под костей. Какое-то время в прихожей раздавался шелест, Шарик искал остатки костей. Вылизав кулек, собака улеглась на дорожку.

— Похоже, кроме еды тебя больше ничего не радует. Завтра я куплю тебе сардельки, — пообещал Александр Петрович и поднялся со стульчика. Подобрал пустой пакет, старик вернулся на кухню.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил старик у Оксаны.

— Вам бы лучше отдохнуть, — Оксана поставила перед Машей чашку с пакетиком чая внутри и залила его кипятком.

— Ну, это я всегда успею. Что мне делать с этим кульком? Выкинуть? Шарик над ним хорошо потрудился, ничего не оставил.

— А бросьте его в раковину, я потом помою.

— Ну, это я и сам могу сделать, — Александр Петрович улыбнулся и подошел к раковине. — А горячей воды у вас, как я погляжу, нет? — старик повернул смеситель в сторону красной отметки.

— Вода у нас есть только утром и вечером... Маша, подожди, пусть чай остынет. Он горячий.

— Мамочка, тогда пусть чай остывает, а я пойду с Шариком погуляю, — Маша соскочила со стула и убежала в прихожую.

Александр Петрович проводил Машу взглядом и принялся мыть кулек холодной водой.

— У нас в Киеве вода всегда есть. Летом бывает, профилактику на две недели делают, а так всегда есть.

— Что ж вы хотите, столица, — улыбнулась Оксана, повернувшись к плите.

— Да, столица, — вздохнул Александр Петрович. — Почему бы не сделать такую столицу везде? А то все как ни у людей. Человеку надо помогать, а не палки в колеса ставить. У нас люди только о себе думают. Главное, чтобы мне было хорошо, а другой пусть хоть синим пламенем горит. Как у нас говорят? Моя хата с краю. Вот эти слова, как ни что другое, лучше всего выражают наш, хохляцкий, менталитет.

— Если бы все рассуждали так, как вы, дедушка Саша, у нас было бы другое государство.

— Оксана, а почему вы меня дедушкой Сашей называете? Я вам в отцы гожусь, но никак не в дедушки, — улыбнулся Александр Петрович.

— А я как Маша, — отозвалась Оксана. — Но если хотите, могу дядей Сашей называть.

— Да можете и дедушкой. Мне просто любопытно стало, — Александр Петрович выключил воду и встряхнул кулек. — Куда его можно повесить, чтобы обсох?

— А на кран и вешайте, я потом, когда высохнет, спрячу.

Александр Петрович повесил кулек на кран, вытер руки полотенцем и опустился на стул.

— Знаете, дядя Саша, — Оксана подошла к мойке и начала набирать воду в кастрюлю. — Я все думаю над тем, что вы мне рассказали о себе. Как вы так можете? Оставить семью, отказаться от лечения и пойти куда глаза глядят. Нет, я ни в коем случае не осуждаю вас. Мне просто интересно. Что заставляет человека совершать такие..., - Оксана замолчала, подыскивая нужное слово.

— Глупости? — улыбнулся Александр Петрович.

— Нет, нет, что вы. Я хотела сказать поступки, — Оксана выключила воду и поставила кастрюлю на газ.

— Я не знаю, что вам ответить, Оксана. Вы никогда не обращали внимания на то, как прекрасна природа, как прекрасен мир, в котором мы живем, какие удивительные организмы его населяют? Вы никогда не задумывались над этим?

— Нет, дядя Саша. Мне только этих размышлений не хватает. У меня итак голова болит от всяких мыслей: чем кормить семью, где брать деньги, что делать с Вовкой.

— И у меня раньше не было времени на все эти «глупости». Но когда я узнал, что у меня рак, я остановился. Я, если так можно выразиться, прыгнул с поезда, в котором едет большинство людей, и пошел пешком. Теперь у меня не было необходимости куда-то спешить, гнаться за всевозможными благами и удовольствиями. С моих глаз, как будто, спала пелена, и я смог взглянуть на мир иначе. Заглянуть глубже что ли. Я увидел, как прекрасен мир, в котором мы живем и как несовершенен человек, его населяющий. Мне думается, человек, каков он есть сейчас — это самый бесполезный и опасный организм на планете. Он не думает ни о ком, только о себе. Гоняясь за тем, что хочет его корыстный разум, человек разрушает мир, в котором ему посчастливилось жить. Мне становится больно, когда я думаю о том, как бездумно уничтожается природа, как стремительно сокращается животное и растительное разнообразие на планете. Многие держат дома животных. Но скажите мне, как можно прижимать к груди одно животное и в то же время есть другое? Мне страшно представить, какой будет наша планета через двести, триста, пятьсот лет. Что мы оставляем своим потомкам? Пропитанную ядами землю, загрязненный воздух, мусорные свалки в морях и океанах, пустыни и степи вместо густых лесов, картинки с изображениями растений и животных, которые некогда жили на нашей планете и благодаря человеку канули в прошлое? Неужели человек ни на что больше не способен кроме разрушений? Неужели он не успокоится до тех пор, пока не уничтожит все вокруг? Быть единственным живым существом на мертвой планете, это ли он хочет? Я не могу смотреть на то, как человек все больше и больше деградирует. Мне больно видеть, во что он превращает планету благодаря невежественному и эгоистичному разуму.

Александр Петрович вздохнул и замолчал. Вытерев слезы, выступившие на глазах, он посмотрел в окно.

— Мир действительно был бы другим, дядя Саша, если бы люди думали, как вы, — Оксана высыпала вермишель в кипящую воду и накрыла кастрюлю крышкой.

— Я верю, что мир был бы другим, если бы люди жили сердцем, — ответил Александр Петрович, наблюдая за танцем снежинок за окном.

— Вот вы говорите о жизни сердцем, — Оксана повернулась к старику. — А как же слова «жестокое сердце», «холодное сердце»? Не из-за того ли все наши беды, что мы уже живем сердцем?

— Нет, Оксана. Сердце доброе, заботливое и сочувствующее. Невежественен был тот, кто выдумал эти порочащие сердце слова. Жестокий, холодный, бесчувственный, корыстный, эгоистичный, — все это характеристики нашего разума. И пока человек и дальше будет руководствоваться в своей жизни разумом, его жизнь будет наполнена страданиями, а он и дальше будет разрушать природу и планету. И придет время, через сто, пятьсот, тысячу лет, неважно когда, человек остановится, посмотрит по сторонам и ужаснется содеянному. Вместо процветающего зеленого мира, наполненного удивительным животным и растительным разнообразием, он увидит голую, безжизненную планету, одну из множества, раскинутых на необъятных просторах космоса.

— Печально-то как все, — улыбнулась Оксана. — Не знаю, я вот дальше завтрашнего дня не заглядываю. Ведь как говорят, ты предполагаешь, а бог располагает.

— И я так когда-то так думал, — Александр Петрович оторвал взгляд от окна и посмотрел на Оксану. — Но сегодня я не верю в бога. Для меня мой бог — мое сердце. Но если даже на минутку предположить, что бог все же существует, то это самое бессердечное существо. Знаете почему? Потому что будь у этого существа сердце, оно не позволило бы произойти тому, что сегодня происходит на планете. И если человек создан по образу и подобию бога, то я не удивляюсь тому, почему он так холоден и жесток. Но я не хочу говорить о религии. Это очень неподходящая тема для разговора, она разъединяет людей. Если вы не против, Оксана, я бы сменил тему.

— Нет, нисколько, — ответила Оксана, помешивая вермишель в кастрюле. — И о чем вы хотите поговорить?

— Не знаю даже. Кроме жизни сердцем я уже ни о чем не могу говорить, — улыбнулся Александр Петрович. — У меня теперь все рано или поздно сводится к жизни сердцем.

— Маша, — позвала Оксана дочку. — Твой чай уже давно остыл. Ты идешь?

— Да мамочка, — Маша зашла на кухню и уселась на стул.

— Может вам телевизор включить? — повернулась к старику Оксана.

— Я бы, если вы не против, пошел бы в зал и пописал бы книжку.

— Конечно не против. А я тем временем закончу с готовкой обеда.

— Ну, тогда не буду вам мешать. Если понадобится, вы знаете, где меня найти, — старик улыбнулся и направился в зал.

Глава 14

Намордник

Остаток дня Александр Петрович провел за работой над рукописью. Только один раз он отвлекся от рукописи, когда Оксана позвала обедать. Но после обеда Александр Петрович вернулся к рукописи. Отложил он ее в сторону только тогда, когда наступил вечер и темнота опустилась на улицу.

Александр Петрович поднялся из-за стола, взял рукопись и отнес ее в прихожую, где спрятал в карман пальто.

— Дедушка Саша, — из детской вышла Маша и направилась к старику. — А почему Шарик все время спит? Он не хочет со мной играть.

— Старый он уже, Машунь, — улыбнулся старик. — Когда был щенком, любил играть, а вот сейчас, больше любит спать.

Из ванной вышла Оксана и подошла к Александру Петровичу.

— Дедушка Саша, я стиркой занялась. Может и вам что-нибудь надо постирать? В стиральную машину брошу, и к завтрашнему утру все высохнет.

— Да не стоит, Оксана. Я если можно, хотел бы только помыться, когда горячая вода появится.

— А она уже появилась, дедушка Саша.

— Ой, как хорошо, — Александр Петрович улыбнулся. — Вот помыться я не откажусь, только я бы хотел сначала Шарика перед сном выгулять. А то бедный целый день в квартире, пусть кости разомнет немного.

— Смотрите сами, дядя Саша. Я тогда достаю и вам ванную освобожу, — Оксана развернулась и ушла в ванную.

— Хорошо, Оксана, — сказал старик и снял с крючка пальто.

Шарик, заметив, что старик одевается, поднялся на ноги и посмотрел на Александра Петровича.

— Сейчас, мой дружок, — старик повернулся к собаке. — Пойдем, подышим свежим воздухом перед сном.

— Дедушка Саша, а можно мне с вами? — спросила Маша.

Девочка подняла голову и устремила взгляд своих голубых глаз на старика.

— Не сегодня, Машунь. На улице холодно и темно. Лучше тебе дома побыть, — Александр Петрович взулся и взял в руки поводок.

— А вы долго с Шариком будете гулять? — спросила девочка, усевшись на стульчик.

— Нет, милая, не долго. Немножко прогуляемся и вернемся.

— Тогда хорошо, — вздохнула девочка и посмотрела на Шарика, устремившегося к входной двери. — Я летом нашла на улице щенка и хотела его взять домой, но папа не разрешил и теперь мне не с кем дома гулять.

— А как же Лена? — улыбнулся Александр Петрович.

— Та Лена маленькая еще, чтобы гуляться.

— Ничего, она скоро вырастет и будет тебе с кем играть.

— Та когда она еще вырастет. Она еще очень маленькая. Все время спит, как ваш Шарик. Вот мне и не с кем гулять. У мамы всегда много работы, а папа... папа тоже всегда спит. Не знаю что делать. Тоже, наверное, надо много спать. Только я вот не хочу спать.

Александр Петрович подошел к Маше и провел ладонью по волосам девочки.

— Скоро, солнышко, ты пойдешь в школу, и там тебе будет с кем играть.

— Нет, не будет. В школе я буду учиться, а не играть... Дедушка Саша, а вы знаете, что я умею читать и немножко считать?

— Умница. Значит, в школе ты будешь лучшей ученицей.

— Буду, — сказала Маша, а потом добавила. — Наверное. Знаете, дедушка Саша. Я вам честно скажу, не хочу я учиться.

— Как так? А что же ты хочешь?

— Рисовать хочу. А знаете что, дедушка Саша, давайте я вам покажу свои рисунки? Мама говорит, что они очень красивые, — Маша поднялась со стула и собралась было уйти в детскую за рисунками, но Александр Петрович ее остановил.

— Подожди, Машунь. Давай, когда я вернусь с улицы, ты мне и покажешь рисунки. Хорошо?

— Хорошо. Тогда вы идите быстрее, тогда вы быстрее вернетесь, и я вам покажу рисунки.

— Договорились, Маша, — Александр Петрович открыл входную дверь и вышел с собакой в коридор.

Закрыв за собой дверь, старик направился к лестнице и спустя минуту был уже на улице.

— Какой мороз, — пробормотал старик, надевая шапку и перчатки. — Долго и не погуляешь. Идем Шарик, пройдемся немного.

Перехватив удобнее поводок, Александр Петрович двинулся с Шариком вниз по улице. Прохожих было мало. Старик ни встретил ни одного человека, пока не оказался на Киевском пути. Но даже и на главной улице города людей было немного. Александр Петрович посмотрел на часы. Часы показывали 18:36.

Александр Петрович остановился возле проезжей части и посмотрел на небо. Светлый, покрытый кое-где серыми пятнами диск луны, висел на небе в окружении редких звезд.

— Как красиво, — прошептал старик, созерцая красоту ночного неба. — В каком волшебном мире мы живем. Как же он удивительно устроен. День, ночь, солнце, луна. Какой же таинственной кажется луна. Мертвая, холодная и... и какая прекрасная. Разве не удивительно то, что я стою на земле, смотрю на небо и вижу космос? Вижу этот черный, безжизненный, бесконечный океан, в котором плавают миллионы разных планет, больших и маленьких, холодных и горячих, обитаемых и необитаемых. И ты являешься частью всего этого фантастического великолепия. Всего лишь маленькой, никчемной частичкой, но частичкой чего-то невероятного, удивительного и захватывающего. Почему человек ищет жизнь за пределами планеты и не хочет замечать ее здесь, на планете? Почему жизнь где-то там, над облаками, для человека дороже жизни здесь, под облаками? Почему человек не ценит то, что имеет? Почему человек так глуп? Есть ли истина в том, что делает человека глупым и невежественным? Есть ли истина в том, что заставляет человека убивать, а не беречь? Есть ли истина в том, что делает человека жестоким? Нет истины в невежественном человеческом разуме, истина только в мудром человеческом сердце.

Лай Шарика заставил Александра Петровича отвлечься от созерцания ночного неба. В десяти метрах от старика стояли двое мальчишек и кидали в Шарика снежки.

— Что вы делаете?! — воскликнул старик. — Или делать вам больше нечего?!

— Нечего, — рассмеялся один из мальчишек, развернулся и припустил вдоль дороги. Второй побежал за ним.

Старик притянул собак к себе и погладил по голове.

— Обидели тебя, мой дружок. Что же вырастет из этих двоих шалопаев, если уже в таком юном возрасте разум обрел над их сердцами полную власть? Прости их, Шарик. Они не ведают, что творят. Их разум юн, но уже невежественен. Но можно ли надеяться на что-либо иное, если в нашем саду бурьяна больше, чем цветов, наше гнилое общество растит гнилых людей.

— Мужчина, а почему ваша собака без намордника?

Александр Петрович повернулся на голос и увидел худощавого, невысокого ростом мужчину лет пятидесяти-пятидесяти пяти в черном пальто, брюках и норковой шапке. Тот стоял в стороне от старика и смотрел на собаку, сидевшую возле старика.

— А если она кого-то укусит, кто будет отвечать? — спросил мужчина, подняв взгляд на Александра Петровича.

— Вам не стоит беспокоиться, — улыбнулся старик. — Собаки никогда не кусают без повода.

— Это вы скажите тем, кого они уже покусали, а не мне. Куда только смотрит милиция? Почему их никогда нет, когда они нужны?

— Чем вам не угодили собаки, что вы хотите видеть их в намордниках? — спросил Александр Петрович. — Знаете, я думаю, что люди больше заслуживают носить намордники, чем собаки. Вот скажите, вам было бы удобно в наморднике?

— Мы сейчас говорим не обо мне и не о других людях, а о вашей собаке.

— Чем вам не угодил мой Шарик?

— Тем, что на нем нет намордника.

— Вам станет легче, если на собаке будет намордник?

— Безусловно. Собаки должны быть в намордниках. У себя дома можете не надевать, то на улице, извольте надеть намордник.

— Знаете, я думаю, человек, который придумал намордник, не любил животных.

— А мне что до этого? Я тоже их не люблю. Разносчики всякой заразы.

— Если вы не любите животных, то вряд ли любите и людей, — заметил старик, погладив Шарика по голове.

Собака сделала несколько шагов в сторону мужчины, остановилась и уселась на лапы, затем подняла переднюю лапу и махнула ею в сторону мужчины.

— Видите, собака с вами хочет подружиться, а вы на нее намордник хотите надеть.

— Глупое животное, — пробормотал мужчина и посмотрел на собаку. — Если я еще раз увижу вашу собаку без намордника, обращусь в милицию, и тогда пеняйте на себя. Я вас предупредил, — сказав это, мужчина развернулся и двинулся вверх по дороге.

Шарик посмотрел вслед удаляющейся фигуры и гавкнул, затем подошел к старику и уселся у его ног.

— Видишь, Шарик, и такие на свете живут люди. Разум этого человека преобладает над его сердцем. Он не любит ни животных, ни людей, ни себя. Этот человек очень сильно страдает и даже не понимает, что является причиной его страданий. Бедный, бедный. Такие люди страдают сами, и из-за них страдает планета. Пошли мой дружок, нам пора возвращаться.

Александр Петрович собрался вернуться на улицу Нахимова, когда его взгляд остановился на магазине, том самом возле которого он увидел Владимира, мужа Оксаны.

— Постой, Шарик. Давай зайдем в магазин. Не хорошо идти в чужой дом с пустыми руками. Хоть хлебушка, но надо купить.

Сопровождаемый Шариком, старик направился к магазину. Привязав собаку за поводок к дереву, он вошел в магазин.

— Долго же вы идете, — сказала продавщица, заметив Александра Петровича.

— А вы что все еще меня ждете? — старик подошел к прилавку и посмотрел на продавщицу.

— А то как же. Я всегда жду покупателей... И куда вы отвели того пьянчужку? Я видела, как вы его куда-то повели. Не в милицию случайно? Таким как он самое место в милиции.

— Нет, ни в коем случае, — улыбнулся Александр Петрович. — Домой отвел.

— Домой? Видно вам делать больше нечего, как пьянчужек по домам разводить. Нужен он был вам. Как вы только не побоялись

подойти к нему. Они не соображают, что делают. А если бы побил? Что тогда? Хотя бы немножко о себе подумали. Вам же не тридцать лет. В возрасте уже. Что за странный человек!

— Любой, как вы говорите пьянчужка, для меня остается человеком. У него, как и у нас с вами, есть сердце, к сожалению, его сердце в клетке, построенной разумом. Вы не думайте, этот человек хотел бы не пить, но не может противиться желаниям своего разума. Он в его власти. Он не понимает, что убивает себя, свое тело и душу. Его жизнь проходит, словно в тумане. Иногда туман рассеивается, когда алкоголь покидает тело, но затем возвращается, у человека нет сил противостоять желаниям разума и он снова и снова вливает в себя эту гадость. Он раб, всего лишь раб своего разума. Не злитесь на таких людей. Их жизнь — ад, из которого они хотели бы выбраться, но не могут. Проявите к ним сострадание. Жестокость по отношению к другому человеку еще никого и никогда не делала счастливым.

— Еще чего! — воскликнула продавщица. — Буду я еще проявлять сострадание к какому-то пьянчужке. Вы за кого меня принимаете? За мать Терезу что ли? Увольте.

— Ну, если так, ваше дело... Дайте мне булку черного хлеба, пакетик вот этого корма для собак. Посмотрим, что Шарик скажет. А еще... еще вот эту шоколадку, вон ту коробочку конфет, в розовой коробке и килограмм вон тех печеней, в форме сердечек, — старик показал на сладости на полке за спиной продавщицы.

— Что-то еще?

— Нет, спасибо.

— С вас восемьдесят гривен и сорок четыре копейки.

— Одну минутку, — Александр Петрович полез за кошельком во внутренний карман пальто. — Вот, держите, — старик отсчитал необходимую сумму и спрятал кошелек.

Продавщица забрала деньги и передала старику кулек с продуктами.

— Всего вам хорошего.

— И вам всего хорошего, — ответил старик и двинулся к выходу из магазина.

На улице Александр Петрович отвязал Шарика и отправился вверх к улице Нахимова, к дому под номером четырнадцать.

— Дедушка Саша, — улыбнулась Маша, когда старик вернулся в квартиру. — Долго же вы гуляете. Я уже рисунки приготовила.

— Сейчас, Машунь, сейчас, — сказал Александр Петрович, снимая ботинки. — Вот держи пока гостинцы.

— Гостинцы? — девочка взяла из рук старика кулек и заглянула внутрь.

— Зачем же вы тратитесь, дедушка Саша. Вам же, как никому другому нужны деньги, — укорила старика Оксана, выглянув из кухни.

— Ничего, ничего, — махнул рукой Александр Петрович. — Мне хватит.

— Мамочка, а можно мне шоколадку? — Маша вытянула из кулька шоколадку и принялась вертеть в руках.

— Можно, но не сейчас. Скоро будем кушать. Вот когда покушаешь, тогда и будешь кушать шоколадку. Давай сюда кулек, — Оксана забрала у Маши из рук кулек и шоколадку и отнесла на кухню.

— Ну, Машутка, давай показывай свое творчество, — сказал Александр Петрович, сняв с себя верхнюю одежду.

Оставив Шарика лежать на дорожке, старик отправился вслед за Машей в зал.

— У меня много рисунков, — сказала Маша, усаживаясь на диван рядом с Александром Петровичем. — Вот в этом альбоме, в этом и вот в этом, — девочка переложила с дивана себе на колени три альбома. — Какой вам показывать первым?

— А любой показывай, — улыбнулся старик. — Все равно все буду смотреть.

— Точно все? — Маша обратила на старика свои голубые глаза.

— Точно.

— Ну, тогда смотрите вот этот альбом. Он мне не очень нравится.

— Почему?

— Не знаю. Рисунки мне не очень нравятся. И маме тоже не очень нравятся.

Александр Петрович открыл альбом и принялся рассматривать детские рисунки. Он ожидал увидеть палочки, кружки, домики, но вместо этого на него с бумажных страниц смотрели лошадки, медвежата, птицы, деревья, какие-то сказочные герои, среди которых

Александр Петрович узнал и бабу-ягу, и колобка, и кощя бессмертного. Конечно, нельзя было не заметить, что эти рисунки были нарисованы детской рукой, тем не менее, не надо было быть большим специалистом в искусстве, чтобы понять, что у девочки был талант.

— Машунь, а почему тебе не нравятся эти рисунки? По-моему, они очень красивые, — сказал Александр Петрович, листая альбом.

— Вы, правда, так думаете? — девочка нахмурила лобик и задумалась.

— Не знаю, — наконец-то сказала Маша, ерзая по дивану попой. — Просто рисунки из других альбомов мне нравятся больше, и маме тоже.

— Ну, давай посмотрим другие рисунки, — предложил старик, откладывая в сторону первый альбом.

— Давайте, — Маша положила старику на колени второй альбом.

Александр Петрович оперся спиной о спинку дивана и принялся листать альбом. Чем дальше он смотрел на рисунки второго альбома, тем больше убеждался в том, что рисунки первого альбома мало чем уступают рисункам из этого альбома. Тематика рисунков не изменилась, правда, техника их исполнения немного была лучше, но Александр Петрович подумал, что это, скорее всего, было связано с тем, что рисунки из первого альбома рисовались раньше. Чтобы убедиться в этом Александр Петрович спросил у Маши:

— Маша, скажи-ка мне, какие рисунки ты нарисовала перее, те, которые в этом альбоме, — Александр Петрович ткнул пальцем в альбом на коленях, — или из этого, — палец старика устремился к первому альбому.

— Нет, рисунки, которые вы смотрите, я нарисовала летом, а те которые смотрели — давно нарисовала. А вот эти, — девочка пододвинула старику третий альбом, — осенью, которая была, и немножко этой зимой.

Александр Петрович взял в руки третий альбом. Да, несомненно. Мастерство Маши улучшалось от альбома к альбому.

— Знаешь, Маша, твои рисунки все очень красивые.

— Честно? — девочка заглянула в глаза старику.

— Честно, — кивнул старик. — Но с каждым новым рисунком у тебя получается все лучше и лучше. Тебе нравится рисовать?

— Очень, — улыбнулась Маша. — Я люблю рисовать.

— Это чудесно, — улыбнулся старик. — Если любишь, тогда тебе следует это делать и дальше, а еще, я думаю, было бы очень хорошо, если бы ты начала посещать кружки, где учат рисовать, и когда-нибудь, пройдет много лет, и ты станешь очень известной художницей.

Александр Петрович заметил, как загорелись глаза девочки. Рот приоткрылся, а взгляд устремился куда-то далеко-далеко, возможно, в будущее.

— Дедушка Саша, вы, правда, так думаете? — Маша посмотрела на рисунки, затем перевела взгляд на старика.

— Конечно, солнышко, — улыбка тронула губы старика. — Никто на целой планете не знает, что для тебя лучше всего, ни мама, ни папа, ни дедушка Саша, никто кроме твоего маленького сердечка, которое бьется у тебя в груди. Если ты любишь что-то — это значит, что это что-то находит отклик в твоем сердечке. Твое сердечко ведет тебя по жизни, и если ты слушаешь его, то всегда будешь счастливым человеком, даже когда встанешь взрослой.

— Дедушка Саша, а вы счастливый человек?

— Конечно, Машунь, — заулыбался Александр Петрович.

— Значит, вы слушаете, что говорит вам ваше сердечко?

— Да, ведь иначе быть счастливым, солнышко, невозможно.

— Дедушка Саша, а что значит быть счастливым?

Александр Петрович улыбнулся и задумался. Быть счастливым. И правда, что значит быть счастливым? Старик часто говорил о счастье, но никогда не задумывался о том, а что же это значит, хотя бы для него самого. Александр Петрович понимал, что испытывать от жизни удовлетворение — обязательная составляющая счастья, но как объяснить это пятилетнему ребенку?

— Быть счастливым, солнышко, — начал старик, вздохнув, — это значить чувствовать тепло в груди, тепло от того, что ты делаешь в жизни для себя, от того, что делаешь для других людей, для животных, растений, всего, что тебя окружает. Быть счастливым — значит жить с солнышком в груди и это солнышко, в отличие от солнышка, которое обогревает нашу планету, никогда не заходит. Быть счастливым — значит любить себя, любить и заботиться о том удивительном существе, которым ты являешься, любить окружающий мир, животных и растения, заботиться о них и беречь. Быть счастливым — значит

нести добро в мир, защищать добро и думать о том, чтобы этим добром насладились и люди, которые придут на эту планету после тебя. Быть счастливым — значит быть благодарным за то, кем ты являешься или что ты имеешь. Быть счастливым — значит всегда идти вперед по жизни, не оборачиваться назад, а если и останавливаться, то только для того, что взять небольшой отдых. Быть счастливым — значит быть любопытным и жадным к знаниям, как маленький ребенок, даже когда вырастаешь и становишься взрослым. Быть счастливым — значит мечтать и делать все для того, чтобы твои мечты сбывались, даже если для этого приходится преодолевать трудности в жизни. А если, Машунь, объединить все что я сказал, то получится, что быть счастливым — это значит жить сердцем, дарить добро себе и окружающему миру, не совершать того, что причиняет боль и страдания сердцу.

Александр Петрович замолчал, улыбнулся и посмотрел на Машу. Девочка сидела и слушала старика. Руки девочки лежали на коленках, взгляд скользил по стенке, уютившейся напротив у стены.

— Дедушка Саша, а почему взрослые плачут? — девочка посмотрела на старика.

— На это есть разные причины, солнышко, — старик повернулся к Маше. — Часто взрослые плачут, потому что кто-то другой им сделал больно. А ты почему спрашиваешь?

Маша наклонилась к старику и зашептала.

— Я видела, как мама плачет. Это из-за папы, да?

Александр Петрович вздохнул и положил руку девочке на голову.

— Понимаешь, Машунь, очень многие взрослые делают больно другим взрослым. К сожалению, даже взрослые часто не понимают, что делают, не понимают, какую боль причиняют другим.

— Но они же взрослые. Они должны понимать, что делать.

— Да, Машунь, должны и они знали бы, что делать, если бы чаще слушали, что говорит им их сердце.

— Значит, мой папа не слушает свое сердце? — Даша закусила губу и заглянула в глаза старику.

— Твой папа хотел бы слушать свое сердце, солнышко, только не может этого сделать. Ему очень трудно, он живет будто в тумане. Ты смотрела мультфильм про ежика, который ходил в тумане и звал лошадку?

Маша задумалась на какое-то время.

— Да, смотрела, — кивнула она. — Только он мне не понравился. Он очень страшный.

Едва заметная улыбка тронула губы Александра Петровича. Но лишь на мгновение, когда старик продолжил, его лицо было серьезным.

— Твой папа, как тот ежик, ходит в тумане и не может из него выбраться. Только твоему папе нравится этот туман. Ему нравится бродить там. Там тихо и спокойно, там не надо думать о том, как кормить тебя, Лену и маму, там нет разочарований, нет страданий и боли, которые окружают его в этом мире, в мире за туманом. Поэтому он и не хочет возвращаться в этот мир, ведь этот мир делает ему только больно, заставляет его страдать.

— Дедушка Саша, а почему мир делает папе больно?

— Это не мир делает папе больно, солнышко. Мир, в котором мы живем, очень красивый и очень добрый. Но твой папа думает, что мир делает ему больно. Твой папа не знает, что единственный, кто делает ему больно — он сам. Однажды твоему папе не хватило терпенья, и он сдался, вот поэтому он сейчас и ходит в мире, где только один туман.

— Дедушка Саша, а папа когда-нибудь выйдет из тумана? Ежик вышел, может и папа выйдет?

— Я верю, что выйдет, солнышко. Если будет слушать свое сердце, тогда обязательно выйдет.

— Дедушка Саша, — в зал заглянула Оксана. — Берите Машу и давайте на кухню, ужинать.

— Ужинать, значит, ужинать. Пойдем, Машунь, — Александр Петрович отложил в сторону альбом и поднялся на ноги.

— Ужинать, значит, ужинать, — повторила Маша, после чего спрыгнула с дивана и побежала на кухню.

Старик улыбнулся и двинулся следом.

Глава 15

Поцелуй

Чье-то присутствие в зале заставило старика проснуться. Александр Петрович заворошился под одеялом, пытаясь разглядеть время на часах. 8:19.

— Пора вставать, — подумал Александр Петрович, раскрываясь.

Недалеко от себя он увидел Владимира. Тот сидел в кресле и смотрел на старика. Лицо его было гладко выбрито. Одет он был в темный спортивный костюм. Из-под кофты проглядывала футболка.

— Доброе утро, — добрая улыбка появилась на лице мужчины.

— Доброе утро, Владимир. Как вы себя сегодня чувствуете?

— Спасибо, лучше, чем вчера.... Я вот уже с час сижу в зале и размышляю над тем, что сказала мне Оксана.

— И что вам сказала Оксана? — Александр Петрович сбросил с себя одеяло и поднялся на ноги. Затем подошел к стулу, на котором была сложена его одежда и оделся.

— Она рассказала мне о вас, о вашей болезни, о том, что вы ушли из дома, — Владимир устремил взгляд в пол, губы дрогнули, руки сжали колени. — Сначала я подумал, что вы сумасшедший и хотел даже устроить скандал из-за того, что Оксана приютила у нас дома вас...

— Вам не стоит так расстраиваться. Оксана не приютила меня, она предложила мне кров на одну ночь. Совсем скоро я покину вас, и мы больше никогда не увидимся, — Александр Петрович улыбнулся, почувствовав неловкость.

— Нет, нет. Вы не поняли меня, — Владимир поднял руки в примирительном жесте. — Прошу вас, дослушайте меня до конца. Я не собираюсь никого прогонять. Я... я... Знаете, это... это первое утро, когда я не спешу нажраться, как скотина... И..., - Владимир тряхнул головой, словно пытаясь собрать мысли воедино. — Сначала я подумал, что вы сумасшедший, но потом я кое-что понял... Вы даже не представляете, как сильно вы помогли мне... помогли одним лишь своим присутствием... Я будто заново родился, — Владимир замолчал, пытаясь совладать с эмоциями. — Я... я хотел сказать вам большое

спасибо... Спасибо за то, что вы помогли мне... помогли понять, какой я был сволочью и... и как не ценил то, что имел... Я... я, — Владимир смахнул с глаз слезы. — Давно я не плакал. Последний раз это было, когда... когда забирал Оксану с Машкой из роддома, — Владимир сделал слабую попытку улыбнуться. — Только тогда... тогда я плакал от счастья.

— А сейчас вы разве плачете от горя? — спросил Александр Петрович, опускаясь на стул.

— Нет, нет, вы правы. Мне... мне так стыдно. Я был такой свиньей.

— Неважно кем вы были, — улыбнулся старик, — важно кто вы есть сейчас и кем будете дальше.

— Да, наверное, вы правы, — Владимир набрал полную грудь воздуха и медленно его выдохнул.

— Владимир, могли бы вы объяснить мне, как вам помогло мое присутствие? К тому же, я вижу, настолько помогло, что вы даже побрились, — добродушная улыбка засветилась на губах Александра Петровича.

— Да, побрился, — Владимир улыбнулся в ответ.

Слезы перестали течь из его глаз. Улыбка стала более уверенной. Глаза ожили и засверкали.

— Целый час я сидел возле вас и размышлял. Признаться, давно я этого не делал. Оказывается, напрягать извилины бывает очень даже полезным занятием, — Владимир улыбнулся и посмотрел в окно, где из-за туч пробилась лучи солнца и теперь купали землю в ярком фонтане света, радости и счастья.

— Первое время, — продолжил Владимир после небольшой паузы, — мне было трудно понять, на кой черт вам, в вашем возрасте, к тому же с такой ужасной болезнью, уходить из дома. Я, в самом деле, подумал, что вы сумасшедший. Я даже попробовал поставить себя на ваше место, но это не помогло мне понять вас. Будь я на вашем месте, я бы, не отходил от семьи и врачей, пытался бы как-то подольше задержаться на этой грешной земле. Но вы сделали все наоборот, вы отказались от помощи врачей, оставили семью и отправились бродить по миру и все только для того, чтобы поделиться с людьми, как вы говорите, истиной. Как по мне это сумасшествие. Только вы не обижайтесь. Я не хочу вас обидеть. Так я думал раньше, а потом до

меня дошло. Когда вы принимали решение уйти из дома, вы не думали о себе, вы... вы думали о других людях, — Владимир снова разволновался. — Я же... я же думал только о себе. Я перестал заботиться о семье... Хотя вы знаете... знаете, у меня прекрасная жена и... и две чудесные дочки, — слезы опять появились на глазах Владимира, но, сейчас он не обращал на них никакого внимания, погружившись в водоворот своих мыслей. — Я... я испугался... забыл о семье... мне стало жалко себя... я себя возненавидел и... и водка, будь она проклята, стала моим спасением... вернее я увидел в ней свое спасение... спасение от себя, от того, кем становился... от того мира, в котором погряз по уши. Вы же, не смотря на возраст, не смотря на болезнь, на лишения, к которым себя приговорили своим решением, — набрались смелости уйти в неизвестность и все ради других людей... людей, которые... возможно, даже никогда не скажут вам спасибо, — Владимир наконец-то обратил внимания на слезы, бегущие по щекам и вытер их рукой. — Вам хватило мужества отринуть от себя прошлую жизнь и... и последовать за зовом своего сердца, я же... я же забыл о мужестве... мне было страшно заглянуть внутрь себя... я боялся увидеть там чудовище, которым был... боялся бросить ему вызов и вернуться назад к своей семье, — голова Владимира упала ему на колени и он зарыдал.

Александр Петрович вздохнул и поднялся со стула.

— Не важно, что было раньше, важно, что есть сейчас и что будет дальше, — сказал старик, присаживаясь на диван рядом с креслом, в котором сидел Владимир. — Вы осознали свою ошибку, а это сейчас самое главное, — старик положил руку на спину Владимиру и слегка похлопал по ней. — Все будет хорошо. Вам не стоит так переживать. Мы, люди, несовершенны, нам свойственно совершать ошибки, но это, пожалуй, и к лучшему, совершая ту или иную ошибку, мы учимся, получаем важный жизненный опыт, становимся более совершенным существом, чем были ранее. Знаете, Владимир, человек — очень удивительное существо, к сожалению, зачастую он не осознает этого. Он невежествен и в своем невежестве часто проводит всю свою жизнь. Человек думает, что от него ничего в этом мире не зависит, он верит в высшие силы, которые управляют его жизнью и волю которых он не в силах изменить. Он верит в судьбу, как нечто независящее от человека. Человек уверен в том, что если ему написано на роду быть бедным, он

таким и будет, положено быть алкоголиком, он им и будет. Человек невежествен, он верит в то, что находится вне его, в окружающем мире, и не верит в то, что находится внутри него, не верит в себя, не верит в то уникальное существо, которым является, и которое способно самостоятельно влиять на свою судьбу. Я убежден в том, что нет ничего более могущественного в этом мире, чем вера, но вера направленная не во вне, а во внутрь себя. Знаете, как говорят. Вера двигает горы. Так оно и есть. Только поверив в себя, в свои силы и возможности своего организма, только выйдя за пределы ореола невежества, которым многие из нас окружены, только разглядев в себе нечто большее, чем всего лишь организм, способный на воспроизводство себе подобных, человек сможет обрести себя, увидеть свет во тьме, стать творцом, в первую очередь, творцом своей судьбы.

— Владимир, — продолжил Александр Петрович, на мгновение замолчав, — у вас чудесная семья, прекрасная жена и замечательные дети. Счастье вашей семьи во многом зависит от вас. Прошу вас, не лишайте ее этого счастья, не лишайте свою жену любящего мужа, а детей — счастливого детства. Мы в ответе за тех, кому даем жизнь, в ответе за тех, кто каким-то образом связывает с нами свою жизнь, будь-то человек или животное. Но больше всего, мы ответственны за себя, свои поступки, мы сами выбираем, кем нам быть, умным или глупым, мудрым или невежественным, храбрым или трусливым, счастливым или несчастным. Когда человек поймет, что именно он в ответе за собственную жизнь, а не бог, дьявол, окружающий мир или планета, он обретет силы и знания, великую мудрость, способную полностью изменить его собственную жизнь.

Владимир оторвал голову от коленей и посмотрел на старика. Слезы перестали бежать из его глаз, взгляд прояснился, выражения глубокой заинтересованности появилось на лице мужчины. Сейчас он больше походил на увлеченного сказкой ребенка.

— И эти силы, эту мудрость, — старик, казалось, вошел в раж, охваченный вдохновением, идущим изнутри, — не сможет дать человеку ни одно божество, ни одно другое сверхъестественное существо, которое только может представить себе человек. Эти могущественные силы, эта великая мудрость появятся изнутри, вот отсюда, — старик ткнул себя в грудь, — из сердца. Вот где находится

истинное средоточие всех истин и знаний, необходимых человеку для жизни, счастья и удовлетворения.

— Невероятно, — пробормотал Владимир, уставившись взглядом в пол. — От ваших слов у меня мурашки бегают по телу.

— Полагаю, это хорошо, — улыбнулся старик. — Что вы намерены делать?

— Я? — Владимир взглянул на старика, затем пробежался взглядом по потолку, стенке, полу. — Что вы имеете в виду?

— Как вы собираетесь жить дальше?

— Могу вас заверить, что не так как раньше.

— Вам будет трудно первое время.

— Да, я знаю, — кивнул Владимир. — Но я не отступлю. Я не могу отступить. Как вы говорите, мы ответственны за тех, с кем живем. Я не могу подвести свою семью снова. Я никогда себя не прощу, если сделаю это.

— Прощайте, — задумчивое выражение появилось на лице Александр Петрович. — Простите себя за то, что делали раньше, простите себя за то, что вы сделаете в будущем. Помните, мы, люди, несовершенны, нам свойственно делать ошибки. Этой способностью наделила нас природа, чтобы мы могли развиваться, могли стремиться к совершенству. Не надо себя ненавидеть или отказывать себе в прощении. Делая это, вы лишаете себя собственной поддержки, любви к себе, а без этого быть счастливым невозможно. Миритесь со своими ошибками заранее, не избегайте их, учитесь на них, они призваны сделать нас лучше. Единственное что вам стоит опасаться делать — пренебрегать опытом, который вы получаете.

— Сколько в вас мудрости, — Владимир устремил на старика долгий, пронизательный взгляд. — Откуда она у вас? Нет, простите, я задал глупый вопрос, ведь говорят же, с возрастом человек становится мудрее, опытнее.

— Вам не стоит извиняться, Владимир. Ваш вопрос имеет право на жизнь, к тому же он не глуп, как вам может показаться. Ответ на него я уже озвучивал. Помните, я говорил о великой мудрости, которая исходит из нашего сердца? Начав жить сердцем, я начал больше размышлять, чувствовать, наблюдать. Я начал заново учиться жить. И чем больше я узнаю, чем больше мне открывается, тем ненасытнее я становлюсь. К сожалению, то, что мне открылось — это всего лишь

маленькая крупица в том океане мудрости, которой готово поделиться с нами наше сердце. От этого мне становится грустно, так как я понимаю, что мне не суждено познать ее всю. И не только из-за того, что мои дни на этой прекрасной планете сочтены. Скорее благодаря этому мне и открылась истина. Мне грустно от того, что эта мудрость бесконечна. Ее нельзя измерить, нельзя объять. Будь у меня впереди еще несколько десятилетий жизни и тогда мне вряд ли удалось бы познать ее до конца. Она как вода, льющая из бездонного кувшина. Она может литься веками, но последней капли так никто и не увидит.

— Знаете, как говорит Оксана: Такие люди, как дедушка Саша, редки на нашей планете. Но именно такие люди и способны изменить мир.

— Спасибо, Владимир. Но я бы предпочел изменить не мир, а людей, которые его населяют. Мне очень нравится мир, в котором мы живем. От одной мысли, что мне посчастливилось жить в нем, мое сердце наполняется радостью. Но от мысли, что его населяют невежественные люди, мое сердце страдает. Я надеюсь, что придет время и человек опомнится, оглянется вокруг и поймет, в какое невероятное место он пришел. И тогда чудо свершится — в совершенном мире будут жить совершенные существа, люди.

Дверь в зал скрипнула и на пороге появилась Оксана.

— Дедушка Саша, давайте с Вовой на кухню. Я завтрак приготовила. Давайте поедим, пока малышня спит.

— Хорошо, Оксана, мы уже идем, — сказал Александр Петрович и улыбнулся девушке. Краем глаза старик заметил, как Владимир опустил голову и устремил взгляд в пол, едва Оксана показалась в зале.

Оксана улыбнулась в ответ старику, после чего бросила встревоженный взгляд на мужа и вернулась на кухню.

Александр Петрович положил руку Владимиру на плечо.

— Не вините себя. Этим вы делаете себе только хуже.

— Мне стыдно, — попытался улыбнуться Владимир. — Как подумаю, что Оксанке довелось пережить из-за меня, жить не хочется.

— Ну, ну. Не говорите так. Оставьте прошлое в прошлом. Воспринимайте его, как дурной сон. Не больше. Живите настоящим, но не забывайте думать о будущем. Поверьте старику, для женщины нет ничего более прекрасного, чем видеть улыбку на лицах ребенка и

мужа. Не вчера, не завтра, а сегодня. Поэтому забудьте о прошлом и начните с этой минуты улыбаться жизни и тогда вместе с вами будет улыбаться не только ваша семья, но и весь мир... Идемте, не будем заставлять Оксану ждать, — Александр Петрович улыбнулся и поднялся на ноги.

— Да, не будем, — робкая улыбка тронула губы Владимира.

Владимир поднялся с кресла и направился вместе со стариком на кухню.

* * *

— Вы заметили, какое сегодня солнце яркое? — Оксана повернулась к Александру Петровичу, хрустевшему малосольным огурцом.

Старик сидел напротив Оксаны и улыбался. Словно мальчишка, он наслаждался теми удивительными ощущениями, что грели его сердце после разговора с Владимиром. Взгляд Александра Петровича устремился к стене за спиной Владимира, сидевшего сбоку от Оксаны и Александра Петровича. Но старика вряд ли интересовала стена. По правде говоря, он и не видел ее. Взгляд старика был отстраненным, даже чужаковатым, направленным внутрь себя, к тому свету, что горел в его груди. Голос Оксаны заставил старика вернуться в реальность.

— Да, да, вы правы, Оксана, — Александр Петрович посмотрел в окно. — Хорошо на улице.

— Хорошо и холодно, — улыбнулась Оксана, бросив взгляд в сторону мужа, елизившего вилкой по тарелке.

Сейчас Владимир походил на Александра Петровича минутной давности. Взгляд мужа Оксаны устремился к тарелке с макаронами, а на губах блуждала легкая полуулыбка.

— Мы с Шариком успели это проверить, — продолжила Оксана, бросая в рот кусочек отбивной.

— Что вы с Шариком? — Александр Петрович изогнул губы в улыбке и посмотрел на Оксану.

— Успели проверить холодно на улице или нет. Пока вы спали, я выгуляла собаку.

— Правда? — старик поддел вилкой макаронину и запустил ее в рот.

— Правда, — кивнула Оксана.

— Спасибо, Оксана.

— Не за что, бабушка Саша. Нам с Шариком эта прогулка даже понравилась. После нее он был такой голодный, что съел все, что я ему дала.

— О, Шарик, всегда голодный, — улыбнулся старик. — Я иногда удивляюсь его прожорливости. В такие моменты он напоминает мне меня, прошлого меня. Раньше я тоже любил хорошо покушать. Хотя, хорошо покушать, думаю, любит каждый мужчина. Недаром говорят, путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. О, сейчас, будь я помоложе, меня не просто было бы покорить, — рассмеялся Александр Петрович.

— Я заметила, — улыбнулась Оксана. — Мне кажется, что вы и одним куском хлеба способны наесться.

— Пожалуй, вы правы, Оксана. Временами жизнь заставляет нас взглянуть на многие вещи иначе... Кстати, я хотел с вами поговорить вот о чем. Вы никогда не думали о том, чтобы отдать Машу в кружок, где учат рисовать? Мне кажется, у девочки талант. К тому же, видели бы вы как горели ее глаза, когда я сказал, что в будущем она может стать знаменитой художницей.

— Нет, бабушка Саша, не думали, — Оксана смущенно улыбнулась и посмотрела на Владимира, продолжавшего безучастно елозить вилкой по тарелке. — Да и знаете. Я в детстве тоже неплохо рисовала, но вы же понимаете — это же детство. Взрослая жизнь требует иного подхода. Я знаю, Маша любит рисовать, но, думаю, со временем у нее это пройдет. Если честно, я бы не хотела видеть своего ребенка художником. Не та это профессия, которая способна принести деньги в семью.

— А кем бы вы хотели видеть своего ребенка?

— Не знаю. Я об этом еще не думала. Может экономистом или финансистом. Эти профессии престижные и хорошо оплачиваются, что, согласитесь, немаловажно в нашей жизни.

Александр Петрович вздохнул и отложил вилку в сторону.

— Посмотрите на меня, Оксана. Посмотрите на любого другого человека, которого встретите на улице. Как вы думаете, счастливы эти

люди? Получают ли они от жизни удовлетворение или страдают из-за того, что делают то, что им не нравятся? Еще в детстве я пробовал писать книги, и знаете, ничто мне доставляло столько удовлетворения, как это занятие. Но когда я закончил школу, то сделал то, что делают многие — забыл о желаниях своего сердца. Я выбрал профессию, которая мне приносила деньги, вполне хорошие деньги, как для Советского Союза, но я не получал удовлетворения от того, что делал. Я просто-напросто отбывал ежедневную каторгу, как сегодня делают миллионы людей, а все из-за того, что однажды они забыли о своих детских мечтах, поддались обещаниям лживого и корыстного разума и выбрали иной жизненный путь. Конечно, хорошо иметь работу, которая приносит деньги, но еще важнее иметь работу, занятие, которое приносит тебе удовлетворение, делает тебя счастливым. Знаете, Оксана, я не думаю, что мы приходим в этот мир отбывать ежедневную каторгу. Очень плохо, что многие современные родители вмешиваются в выбор ребенком своего будущего. Жизнь наших детей — это их жизнь. Мы не вправе решать за них, какой жизнью они должны жить. Никто не знает, что будет для ребенка лучше, кроме его сердца. Мы даже не вправе советовать, не то, что решать. Это его жизнь. Это его выбор.

Александр Петрович посмотрел на Оксану и продолжил.

— Оксана, не убивайте мечты вашего ребенка. Мечты — это самое дорогое, что у него есть. Не давайте своему ребенку повода в будущем для разочарований и страданий. Мы не вправе решать за наших детей. Мы помощники им, но не их хозяева. Нам бы со своими жизнями разобраться. Я вот только в шестьдесят лет набрался храбрости и все таки позволил себе делать то, о чем мечтал еще в детстве. А другие люди? Многие так и продолжают страдать изо дня в день, а все из-за того, что когда-то забыли о желаниях своего сердца, забыли о своих детских мечтах.

На какое-то время на кухне воцарилась тишина, которую нарушил Владимир.

— Вы правы, дедушка Саша, мы не хозяева своим детям, а их помощники, — Владимир поднял голову и посмотрел на Оксану, затем перевел взгляд на Александра Петровича. — Если Машке нравится рисовать, я, как отец, обязан поддержать все ее начинания в этом деле. Я лично займусь поисками кружка или курсов, где Машка сможет

раскрыть свой талант, если он у нее действительно есть. Не знаю, как Оксанка, но я совершенно не против видеть свою дочь знаменитой художницей, — Владимир улыбнулся и посмотрел на Оксану.

Губы Оксаны дрогнули, а на глазах блеснули слезы. Оксана посмотрела на мужа и улыбнулась в ответ. За какие-то несколько секунд на лице девушки промелькнула целая гамма чувств: удивление, сомнение, недоверие, надежда, радость.

Александр Петрович переводил взгляд с Владимира на Оксану, с Оксаны на Владимира.

— Выстоит ли Владимир? — думал старик, наблюдая за мужем и женой. — Хватит ли ему сил побороть алкогольную зависимость?

Но когда Владимир протянул руку и накрыл ладонь жены своей рукой, старик понял, что о Владимире он беспокоился зря. У старика появилась некая уверенность в том, что этот день станет переломным в этой семье.

Старик видел, как слезы скатывались по щекам Оксаны и падали на халат, видел он и то, как дрожали губы Владимира, старавшегося из последних сил удержать себя в руках и не дать предательским слезам показать его чувствительность. Улыбка тронула губы Александра Петровича. В эти минуты старик чувствовал удовлетворение, настолько глубокое, насколько и приятное. Александр Петрович смотрел на парочку перед собой и понимал, что теперь он здесь лишний. Он сделал свое дело. Теперь он мог уйти.

В какой-то миг Александр Петрович пожалел, что у него нет шапки-невидимки, которая помогла бы ему незаметно покинуть кухню, тем самым оставив эту парочку наедине. А так ему придется нарушить то чувство внутреннего единения, которое в эти минуты связало Владимира и Оксану прочнее железной цепи. Но с этим Александр Петрович поделать уже ничего не мог. Он надеялся лишь на то, что после его ухода у этой парочки будет более чем достаточно времени для того, чтобы наверстать упущенное.

Старик кашлянул в руку, привлекая к себе внимание.

— Спасибо вам за то, что позволили мне и Шарикуну провести ночь в вашей квартире, — сказал Александр Петрович, когда взгляды Оксаны и Владимира устремились к нему. — Но теперь я должен идти.

— Как идти? — спросил Владимир. — Оставайтесь у нас еще на парочку дней. Оксана тоже, думаю, не против, — Владимир перевел

взгляд на жену. Та только мотнула головой не в силах вымолвить ни слова. Девушка все никак не могла поверить, в то чудо, которое происходило на ее глазах с ее мужем. Оксана вытерла рукой глаза и посмотрела на старика. Во взгляде, которым она одарила старика, было столько благодарности, что старик не выдержал и прослезился сам, правда, постарался скрыть слезы, опустив голову и начав выбираться из-за стола.

— Спасибо, Владимир, но я не могу принять ваше предложение. Мое беспокойное сердце зовет меня вперед, заставляет двигаться. Кто знает, может, где-то нужна моя помощь, поэтому я должен идти.

Старик вышел из кухни. За ним кухню покинули и Владимир с Оксаной.

— Может, все же останетесь, хотя бы на один денек? — Владимир сделал еще одну попытку задержать Александра Петровича, когда оказался в прихожей.

— Я не могу, — старик потрепал Шарика за ухом и посмотрел на Владимира. — К сожалению, а может даже к счастью, но моя жизнь не вечна, а мне еще так много надо сделать.

Александр Петрович снял с крючка пальто и набросил на плечи, затем присел на стульчик и начал обуваться.

— Спасибо вам большое, — Оксана подошла к старику. — Не знаю, что вы сделали, но я очень сильно вам благодарна.

Александр Петрович обулся и поднялся на ноги.

— Да я ничего и не сделал, — улыбнулся он.

— Неправда, — улыбнулась Оксана в ответ. — Очень много сделали. Спасибо вам большое за это.

— Пусть будет так, — старик накинул на шею шарф и застегнул пуговицы пальто. Теперь он был готов двигаться дальше.

— Позвольте и мне выразить вам свою благодарность. Спасибо вам обоим за то, что позволили мне быть полезным... Ну, что, Шарик, будем идти? — старик повернулся к собаке, сидевшей рядом и барабанящей хвостом по полу.

— Мы с вами еще увидимся? — Александр Петрович услышал голос Владимира.

Старик вздохнул и посмотрел на Владимира. Что он мог сказать? Что мог сказать человек, жизнь которого с дня на день могла закончиться?

— Я не знаю, — улыбнулся старик. — Это единственное, что я могу сказать. Может быть, когда-нибудь.

— Нам бы это очень хотелось, — сказал Владимир, обняв за плечи Оксану.

— Мне тоже. Спасибо вам и..., - старик готов был сказать «прощайте», но вовремя остановил себя и сказал, — до свидания.

Старик взял Шарика за поводок и открыл входную дверь.

— До свидания, — услышал он, оказавшись в предбаннике.

Александр Петрович развернулся и улыбнулся, после чего, сопровождаемый собакой, направился к лестнице. Как ребенок радовался старик тем ощущениям, что возникли в его груди, и как ребенок он надеялся, что они никогда не исчезнут.

Старик не спеша спустился по лестнице, вышел из дома и двинулся вниз по улице. Перед его глазами еще долго стояло видение того, что он увидел, когда развернулся, чтобы в последний раз посмотреть на Владимира и Оксану. И это видение наполняло его сердце удивительными по силе верой и надеждой — видение того, как Владимир, притянул к себе Оксану и поцеловал.

Глава 16

Нож у шеи

Два дня прошло с тех пор, как Александр Петрович попрощался с Владимиром и Оксаной. В тот же день старик покинул Борисполь и двинулся по трассе в сторону Черкас. Почему старик решил направить свои стопы именно к Черкассам, а не по другой трассе в сторону Харькова, он и сам не знал. Старик давно отбросил какие-либо логику и рациональность и теперь действовал большей частью интуитивно или ведомый чувствами. И теперь он был на полпути к Переяслову-Хмельницкому. Совсем недавно он оставил позади село Старое и совсем скоро надеялся увидеть Переяслав-Хмельницкий. Правда, с тем темпом движения, который избрал старик, это «совсем скоро» могло наступить и через день, и через три, а может даже и через неделю. Но старик не спешил. Ему некуда было спешить. К тому же сказывался и возраст. Будь он юношей, может и двигался бы быстрее, а так передвигался так, как получалось. Да и часто старик останавливался, чтобы полюбоваться теми видами природы, которые открывались ему по мере его продвижения по просторам родной Украины. Будучи дома он любил смотреть передачи о других странах, часто удивлялся их красоте, красоте их природы, разнообразию животного и растительного мира. Теперь же, двигаясь по дорогам Украины, он с не меньшим удивлением смотрел на природу родной страны и испытывал еще больше восторга, осознавая, что и его стране есть чем гордиться. Видя перед своими глазами покрытые снегом густые леса и дикие просторы полей, скованные льдом речушки и проглядывавшую из-под снега черную землю, сердце старика наполнялось удивительными чувствами радости и гордости, гордости за то, что ему не просто повезло, а посчастливилось родиться в столь прекрасной стране, как любя ненька Україна. В такие минуты осознаний на глазах старика часто показывались слезы, сердце учащало свой ритм, а руки увлажнялись под перчатками. И если бы не Шарик, нисколько не желавший любоваться красотами природы, а рвавшийся вперед, к следующему столбу, то старик потратил бы на тот кусок дороги, который он уже осилил намного больше времени.

Впереди показалась бензоправка, одна из множества ей подобных, раскинувшихся на трассе. Александр Петрович какое-то время даже пытался считать бензоправки, но вскоре бросил это занятие, так как считать бензоправки не столь захватывающее занятие, как размышления или созерцание красот природы посещаемых мест.

— Очень кстати, — улыбнулся старик, заметив бензоправку.

С недавних пор он почувствовал давление в мочевом пузыре. Так как трасса проходила по открытой местности с минимумом деревьев, то сходить в туалет у старика никак не получалось. Старик был не из тех, кто без зазрения совести может справить нужду на глазах у других людей, в данном случае водителей и пассажиров машин, сновавших по дороге с завидным постоянством.

Испытав заметное облегчение при виде бензоправки, старик дернул Шарика за поводок, тем самым оторвав того от отбойника, и направился к бензоправке.

Оказавшись на месте, старик приметил работника станции, невысокого черноволосого мужчину в рабочем комбинезоне и подошел к нему.

— Вы не подскажете, где здесь у вас туалет? — спросил старик, окидывая взглядом пару-тройку машин на бензоправке.

— А вон там, за углом, — мужчина махнул рукой в сторону угла здания бензоправки.

— Спасибо, — поблагодарил старик и двинулся в указанном направлении.

— Подожди меня здесь, — старик привязал Шарика к железному столбику, находившемуся поблизости, оставил возле собаки кулек с продуктами, которыми он запасся в Борисполе, и направился к двери туалета. Оказавшись внутри, старик справил нужду и повернулся к умывальнику помыть руки. Едва он включил кран, как почувствовал, как скрипнула входная дверь. Старик не обратил внимания на вошедшего, увлекшись мойкой рук. Да и стоило ли отрываться? Мало ли кому из посетителей бензоправки приспичило, как и ему в туалет.

Но едва старик закрыл кран, как чья-то рука с ножом в ладони обняла его за шею. Старик вздрогнул, и хотел было развернуться, но мужской голос за спиной его остановил:

— Тихо, дед, — говоривший шмыгнул носом и прижал к шее острие ножа. — Смотри прямо перед собой, и без глупостей, если

жить охота. Мне тебя ножичком пырнуть, что два пальца обосцать.

— Что... что вам нужно? — прошептал старик, чувствуя сухость во рту.

Несмотря на холод в помещении спина его вмиг стала мокрой, голос дрогнул, а сердце пустилось в галоп. Старик не боялся смерти, он боялся глупой смерти, смерти, которая перечеркнет все его начинания. Он готов был умереть через полгода, но он не готов был умереть прямо сейчас.

— Дед, ты, конечно, меня прости, но сам понимаешь, жизнь штука дерьмовая. Я только с зоны недавно, денег нет, а жрать охота. В общем, деньги гони.

Александр Петрович потянулся к внутреннему карману пальто, где лежал кошелек. Сейчас он совершенно не думал о том, что без денег и ему нечего будет есть. Тех продуктов, что он купил в Борисполе, хватит ненадолго. А вот нескольких сотен гривен, которые у него еще оставалось, могло хватить старику на несколько месяцев. Но выбирать не приходилось. Старик хотел жить. Он не хотел умирать так глупо, из-за денег.

— Дед, ты так не спеши, медленнее, а то знаешь, я нервный. Сам знаешь, какая жизнь на зоне.

— Я не спешу, не спешу, — Александр Петрович почувствовал, как задрожали его руки. Старик чувствовал, как давит острие ножа на кожу шеи. Он не хотел умирать. Он хотел жить. Хотя бы еще немного. Он должен закончить книгу, должен поделиться истиной с людьми. — Вот... вот кошелек, — старик вытащил кошелек из-за пазухи и поднял над головой. — У меня немного денег. Это... это все что у меня есть.

— Та давай, дед. Не жлобись, — чья-то мозолистая грязная рука выхватила кошелек из руки старика. — Не спеши выходить. Посиди немного в туалете, успокойся, а не то, — острие ножа змеей впилося в шею, — вернись и пуцу кровишку.

— Хорошо, хорошо, — старик испытал огромное облегчение, когда рука с ножом исчезла. Скрипнула дверь. Старик остался один.

Ноги старика не выдержали его веса и, чтобы не упасть, он опустился на корточки. Тело его била крупная дрожь, лоб взмок, спина и руки покрылись испариной, в ушах зазвенело.

— Все хорошо, все хорошо, — бормотал старик, закрыв глаза.

Александр Петрович набрал полную грудь воздуха, на несколько секунд задержал дыхание, а затем медленно выдохнул воздух из груди. Старик вытер выступившие в уголках глаз слезы и открыл глаза.

— Что ж это такое творится-то? Как низко готов упасть человеческий разум ради денег? Невежественный человеческий разум. Сколько боли и зла ты несешь в этот прекрасный мир.

Скрипнула входная дверь и в помещение вошла женщина. Заметив старика, привалившегося к стене, она наклонилась к нему и спросила:

— Мужчина с вами все в порядке?

— Все хорошо, не волнуйтесь, — Александр Петрович попытался улыбнуться и поднялся на ноги. — Немного голова закружилась. Пойду, подышу свежим воздухом.

Старик покинул помещение уборной и оказался на улице. Легкий морозец и свежий воздух подействовали на него лучше всякого успокоительного, и вскоре он уже более уверенно мог держаться на ногах. Заметив Шарика, сидевшего рядом с кульком, старик направился к нему. Подойдя к собаке, старик положил руку собаке на голову и опустил на бордюр.

— Вот мы, Шарик, с тобой и приехали. Что нам делать дальше? Денег у меня нет. Продуктов тоже немного.

Старик заглянул в кулек. Булка хлеба, пакет кефира, пять пачек собачьего корма и шесть сарделек, но и они для собаки. Вот и весь его запас. Старик вздохнул и отложил кулек в сторону.

— Кто скажет мне, что мне делать? Неужто придется возвращаться домой? Как же жить без денег? Чем кормить себя и собаку?

Александр Петрович повернулся к Шарик.

— Что, мой дружок, пойдём домой?

Собака ткнулась мордой старику в колени, затем вильнула хвостом и гавкнула. Старик улыбнулся и окинул взглядом пустую бензоправку, работник станции и тот куда-то пропал. Александр Петрович оглянулся и обвел взглядом бескрайние просторы, покрытые белым нетронутым снегом.

— Хорошо-то как, — подумал старик. — Красиво и тихо.

— Нет, мой дружок, — старик повернулся к Шарик. — Не могу я вернуться домой вот так. Я не знаю, как мы будем жить дальше, но

мы должны двигаться вперед. Мы не можем отступить или остановиться. Мы не должны сдаваться. Моему сердцу не будет покоя, если я поверну назад. Я предам его, предам себя и свои мечты, если сдамся, — Александр Петрович смахнул с глаз вновь выступившие слезы. — Может то, что случилось, должно было случиться? Может это испытание, посланное мне, чтобы проверить насколько я предан своим мечтам? Прости меня, мой дружок, но я не могу повернуть назад, — старик обнял Шарика за шею и прижал к себе. — Надеюсь, ты простишь меня, простишь мое беспокойное сердце.

Какое-то время старик так и сидел, прижав собаку к себе. Слезы скатывались по его щекам и капали на собачью шерсть. Шарик поджал хвост и не двигался, позволяя старику обнимать себя. Наконец старик отстранился от собаки, вытер слезы и вытащил из кармана пальто тетрадку с ручкой.

— Я должен двигаться вперед, — пробормотал он. — Должен писать, должен продолжать жить. У меня нет денег, у меня вообще ничего нет, и я не знаю, как жить дальше, но я знаю, что должен жить, пока бьется сердце в груди, пока могу ходить, пока могу дышать. Иначе я не могу, не могу и не хочу.

Старик почувствовал, как странное спокойствие и умиротворение разливаются по телу. Волнение прошло, страх за будущее растворился. Старик улыбнулся и раскрыл тетрадку. Пробежав взглядом по последним страницам уже написанного, он вскоре забыл о настоящем, погрузившись в удивительный мир фантазии.

Пробыл старик в мире фантазий довольно таки долго. Солнце начало клониться к закату, когда он наконец-то закрыл тетрадь, при этом испытал чувство глубокого удовлетворения от проделанной работы. Его рукопись с каждым днем становилось все больше и больше и это не могло не радовать сердце старика.

— Выспался? — улыбнулся старик, взглянув на Шарика, который поднялся на ноги, зевнул, при этом, не забыв выгнуть спину.

Махнув хвостом, собака подошла к кульку с продуктами и ткнулась мордой в кулек.

— Вот ты какой, — рассмеялся Александр Петрович, хлопнув собаку по спине. — Сорванец. Проголодался. Ну, ничего, подожди, подожди. Уйдем с заправки и я тебя накормлю.

Александр Петрович засунул тетрадку с ручкой в карман пальто и поднял с земли кулек, затем ухватил поводок и зашагал прочь с бензоправки. На душе у старика было радостно. Другой на его месте жалел бы себя и вспоминал о несчастьи, свалившемся на его голову, но старик, казалось, уже и забыл о нем. Но мог ли он поступить иначе, если другим он советовал не вспоминать прошлое, жить настоящим и думать о будущем? Поэтому не было ничего удивительного в том, что старик постарался как можно быстрее позабыть о происшествии. И теперь, двигаясь вдоль трассы, старик мыслями был в будущем, а не в прошлом. И хотя его будущее могло для кого-то показаться туманным и лишенным радости, старику, жившему верой и надеждой, оно представлялось ничем не хуже настоящего. Когда же старик думал о рукописи, которая, он надеялся, когда-нибудь превратится в книгу, людях, с которыми ему еще предстоит поделиться истиной, в его голове рисовались яркие и радостные картины будущего, будущего, которое, он верил, ждало его впереди.

Спустя час Александр Петрович сошел с трассы и продолжил двигаться по грунтовой дороге, вившейся рядом с трассой. Еще через какое-то время, когда темнота опустилась над миром, старик решил отдохнуть, заметив небольшое строение остановки, приютившееся у трассы. Зайдя внутрь, старик присел на деревянную лавочку, после чего накормил Шарика и сам поел. Окинув взглядом разрисованные черной краской стены остановки, Александр Петрович повернулся к Шарика, лежавшему на лавочке возле старика, и сказал:

— Ты видишь, Шарик, сколько у нас оказывается есть в государстве художников и писателей. Ты только посмотри на стены. Кто кресты рисует, кто сердечки с колечками. Кто пишет «Дима плюс Света равно любовь», а кто «Мужики вы все козлы».

Александр Петрович рассмеялся и повернулся в сторону дороги, по которой то и дело сновали машины.

— Веселый у нас народ, Шарик, только вот некультурный совсем. Что ни слово, то мат. Говорят в Украине три языка: русский, украинский и суржик. А я вот скажу, что у нас не три языка, а четыре. Про мат забыли. И это называется Европа. Да нам до той Европы, Шарик, как до неба рачки. Ты только представь немца или француза, который через слово мат говорит. Возможно, конечно, если босяк какой. Но культурный человек у них всегда следит за чистотой своего

языка, а у нас и «культурный» человек, что ни слова, то крепкое словцо вставляет. Да-а-а... Что ни говори, Шарик, а такой человек Европы не достоин...

Шарик повернул голову к старику, затем наострил уши и принялся вслушиваться в звуки.

— Что это ты наострился? — старик посмотрел на собаку и сам обратился вслух.

На какое-то время машины перестали тревожить трассу, и Александр Петрович услышал за спиной скрип колес и покрякивания «но-но».

— Телега что ли? А ну пошли, дружок, может нас кто подвезет, — Александр Петрович взял собачий поводок в одну руку, кулек с продуктами в другую и вышел на трассу.

Обернувшись, старик увидел телегу, запряженную парой лошадей. Та не спеша катилась по грунтовой дороге.

Александр Петрович спустился с трассы на дорогу и начал дожидаться, пока возничий подъедет ближе.

— Добрый вечер, — сказал старик, когда телега поравнялась с ним. — Что ж это вам дома в такую пору не сидится?

— Тпру, тпру, — крикнул возничий, останавливая лошадей.

Возничий оказался старик в заячьей шапке, одно ухо которой топорщилось, фуфайке, латаных штанах и валенках. Одной рукой старик держал вишки, второй — самокрутку, которую время от времени подносил к губам.

— И вам добрый, — отозвался возничий. — Шо ж его сидеть, коли дома жития нет. Старуха моя любит буянить, когда я выпивши домой возвращаюсь, вот я и не спешу. Вот когда она спать уляжется, вот тогда можно домой возвращаться.

Возничий рассмеялся, после чего затянулся и выпустил в воздух колечко дыма.

— А вам, шановный, чего дома не сидится? Да и с собакой еще, как погляжу. И одеты вы не по-нашему. Не по-простому. Городской что ли будете?

— Да, так и есть, — улыбнулся Александр Петрович. — Городской я, хотя родом из села, из простых.

— А тут, как я погляжу, города рядом и нет совсем, — осклабился старик. — С какого ж вы города будете?

— С Киева.

— С самого Киева? С самой столицы шולי? Ну, занесло-то вас. Отсюда до вашей столицы далекова-то будет.

— Я, как и вы, домой не спешу, — улыбнулся Александр Петрович. — Пока что я держу путь от столицы.

— Ну, так, коли не спешите, может по пятьдесят грамм? — старик достал откуда-то бутылку водки, в которой оставалось еще полбутылки огненной воды.

— Нет, нет, спасибо. Я не пью.

— Шо, совсем?

— Совсем.

— Шо ж вы за мужик такой, шо стограм не уживаете? Это не по-нашему. Неужто в столице все такие, не пьющие?

— Нет, не все. Там не пьющих мало.

— Вот это я понимаю, по-нашему. А то я уж думал, шо там все такие, непьющие, — рассмеялся возничий. — Без водочки и жизнь была бы не жизнь. Она, родимая, и согреть может в холодную пору. Вот как сейчас, — старик отвинтил крышку и присосался к горлу.

— Ух. Хорошо пошла, родимая. Только вот закуски нет. Будь она неладна. Тпру, тпру... Я кому сказал, окаянные. Стоять. Не видите шо ли, я с человеком балакаю, — старик спрятал бутылку в карман фуфайки и посмотрел на Александра Петровича. — Не хошь пить, я не заставляю. Мне больше останется. Мне еще ехать и ехать, а она у меня, — старик похлопал по карману, — для сугреву. Хотя вот вам в вашем пальтишке для сугреву было бы хорошо выпить. Мож все же? — возничий подмигнул Александру Петровичу.

— Спасибо. Но откажусь.

— Ну, ваше дело. Я не заставляю... Мож вас хоть подвезти куда?

— А вы куда едете?

— В Ерковци путь держу.

— Знать бы, где эти самые Ерковци находятся, — Александр Петрович посмотрел вперед вдоль трассы. Судя по направлению, в котором ехал возничий, Ерковци должны были находиться именно в той стороне.

— Наши Ерковци прямо находятся, — старик махнул рукой вперед. — Вдоль дороги стоят родимые.

— Ну, если так то я был бы очень вам признателен, если бы вы подвезли меня до ваших Ерковецей.

— Подвезу. Че ж не подвезти хорошего человека? Забирайтесь ко мне на сиденье, а собаку можете за повозкой пустить.

— А можно и мой Шарик на телеге прокатится? А то старый он за телегой бежать.

— Шо ж вам двум старикам дома не сидится? Ну, добре, пускай стрыбают на повозку. А шо ж ви його за веревку привязали? Боитесь, что убежит?

— Нет, не боюсь, что убежит, — отозвался Александр Петрович, сажая Шарика на солому в телегу. — Боюсь, что под машину попасть может. Их тут на трассе, как тараканов у меня дома. Вот и посадил его на поводок, чтобы рядом был.

— Как говорите, поводок? Хороший, смотрю, у вас поводок, — старик взялся рукой за спинку седушки и обернулся, чтобы лучше рассмотреть собачий поводок. — И ошейник хороший. Дорогие мабуть. Мому Султану б такой ошейник, был бы першой собакой на сели, — старик отвернулся от Шарика и рассмеялся. — Я б даже такой ошейник и поводок на свою старуху повесил бы, может гавкать перестала бы.

— Что же вы так свою старуху не любите? — Александр Петрович бросил кулек на солому возле Шарика и забрался к старику на сиденье.

— А за шо ее любыты? Н-н-но, лошадки, н-н-но мои хорошие, — старик хлопнул вишками по крупу лошадей и пахнул на Александра Петровича перегаром. — Вона ж зла як собака. Мой Султан и тот добриший. Вона ж, падлюка, як бачить мене на пидпытку, одразу за палку хватается. Мене, стару людину и палкою по спыни, по спыни. Одного разу по голови мене огрила. Я ии тоди, суку, ледве не прыбыв. Ох, и дав я ии тоди. Не сыльно, але дав по хребту так, шо вона аж завыла и впала, — старик снова окатил Александра Петровича перегаром, повернувшись к нему. — Я подумав, вбыв. Та не, оклыгала. Таку вбьешь. Вона сама кого хош тою палкою, хай ии короста визьме, може вбыты. Ох, покарав мене бог такую жинкою. Де вона взялась на мою голову?

— Что ж вы такую себе жену выбрали? — рассмеялся Александр Петрович. Рассказ старика его позабавил.

— Та вона не була такою дурною в молодости. Любила мене и я ии любыв бувало, на печи, — старик рассмеялся. — О, е шо згадаты. Яки мы в молодости булы. Ох, и горяча молодыця була. Да, да, в молодости вона була инакша. А от постарила, одразу подурнила, хай ий грець. Геть клепку втратыла на старости рокив. А вот молодыцею була хороша, да, — старик поскреб подбородок, взгляд устремился куда-то вверх.

Александр Петрович не отвлекал старика разговорами, тем самым дав тому возможность вспомнить приятные моменты из своего прошлого. Какое-то время они ехали молча, старик предался воспоминаниям, Александр Петрович же принялся рассматривать лошадей в упряжи. Это были кобыла с жеребенком, довольно взрослым, но, тем не менее, все еще жеребенком, рыжей масти с белым пятном на лбу, точь-в-точь таким, как и у его матери, рыжей худощавой кобылы. Александр Петрович улыбнулся, вспомнив детство. В те далекие времена у его отца тоже была парочка лошадей. Будучи мальчишкой Александр Петрович часто ездил с отцом в лес по дрова или на сенокос. В такие часы он не раз держал в руках вишки, самостоятельно правя лошадьми. Он любил это занятие, так как в такие мгновения ощущал себя взрослым, чувствовал свою значимость, полезность. А еще старик любил лошадей, любил этих сильных и свободолюбивых животных. Мальчишкой он часто наблюдал за колхозными лошадьми, которые издавая громкое ржание, ветром носились по загону, в любой миг грозя оставить эти длинные деревянные жерди, отделяющие их от свободы, далеко позади.

— Оце, як прыиду додому, одразу в лижко, а може навить на пич зализу. Там зараз тепло, стара добре пич натопыла, — голос старика вернул Александра Петровича в настоящее. — Як вам тилькы не холодно в пальтишку. Мене мороз и через фуфайку пробырае, будь вин не ладный. Колы ж там та весна вже наступыть.

— Не скоро еще, — улыбнулся Александр Петрович. — Сегодня у нас какое число?

— Друге лютого.

— Второе уже? Ох, как время быстро бежит.

— Да, времечко бижить як навижене, хай йому грець. Так и життя проходыть. Мени вже симдесять скоро, а вам? Як вас звать-то?

— Александр Петрович меня зовут. Недавно вот шестьдесят отпраздновал. А вас как зовут?

— А меня дед Михайло все звать. Шейдесять говорите, молодой еще, мне в наступному роци симдесять буде. Охо-хо, симдесять, це ж подумать тилькы. А як час пройшов быстро. Ну, пройшов, то пройшов. Скильки кому бог назначив, стилькы йому и житы... А скажите мени, а куды вы писля наших Ерковцив збыраетесь иты дали. Пизнувано вже, автобусы не издать. Чы вы у Ерковци збыралысь?

— Нет, мне в Переяслов-Хмельницкий нужно.

— Далековато до Переяслава вид наших Ерковцив. Як же вы в ночи будете добыратысь?

— Та как-то оно будет, — улыбнулся Александр Петрович.

— И не страшно вам? Люды всяки бувають. Може у мене переночуете? Моя стара проты не буде? Все одно спыть, а зранку встанете и поидете у свий Переяслав. Як вам така пропозиция?

Александр Петрович улыбнулся. Все же люди не так плохи, как могут показаться на первый взгляд, особенно если слушают свое сердце. Похоже, эта ночь пройдет в тепле, а не в холоде, как это было прошлой ночью, когда старику пришлось спать недалеко от трассы, прислонившись спиной к дереву. Трудную старик для себя выбрал жизнь, очень трудную. Но иначе он не мог, а если точнее, иначе не могло его сердце, доброе и сострадательное, активное и неустанное.

— Если я вас не сильно обременю, то с удовольствием приму ваше предложение.

— Нет, нисколько, — ответил дед Михайло, погоняя лошадей. — Нисколько.

Глава 17

Укус

— Только не шумиты, — предупредил Александра Петровича дед Михайло, когда они подъезжали к воротам его усадьбы. — А то моя стара проснется и зробыть мени вырвани яйца, — дед Михайло хихикнул и почесал нос.

— Хорошо, не буду, — ответил Александр Петрович, рассматривая хаты, выглядывающие из-за деревянных заборов.

— Как красиво, — пробормотал Александр Петрович.

Взгляд Александр Петрович перебежал с изрезанных тропинками дворов на сады, укрытые белым одеялом. Мягкое сияние луны серебрило присыпанные снегом крыши хат, деревья, огороды. Тишина вокруг стояла невероятная. Село спало, лишь изредка его сон тревожил лай собак, ни в какую не желавших поддаваться общему молчаливому однообразию.

— Да, в нас гарно. Тихо, тилькы, он чуєте, собаки гавкають, спаты не дають.

Вдалеке залаяла собака, за ней еще одна и еще.

— Шоб их, — услышал Александр Петрович. — О, чуєте, чуєте? Мий Султан не втрымався, сучий сын, стару розбудыть. Шоб його дидько вхопыв.

Лошади остановились у ворот небольшого, но уютного поместья, состоявшего из хаты, летней кухни, хлева, нескольких сарайчиков и погреба. За хатой раскинулся сад, а немногим в стороне виднелся огород.

— Прыихалы. Злазьте з возу.

Александр Петрович спустился на землю, после чего забрал с воза кулек с продуктами. Шарик не стал дожидаться, пока и его спустят, самостоятельно прыгнул с воза и тут же занялся любимым занятием — обнюхиванием предметов.

Дед Михайло слез с воза вслед за Александром Петровичем, после чего распахнул ворота.

— Вы побудьте тут, а я заиду на подвирья и закрыю свого Султана, а то вин не дуже любыть чужих собак, хиба що любыть им

бока трохы помяты, — дед Михайло ухмыльнулся и вернулся к возу.

Александр Петрович взял Шарика за поводок и притянул к себе, чтобы тот случаем не очутился у лошадей под ногами. Заметив у ворот лавочку, Александр Петрович направился к ней.

Дед Михайло же забрался на воз и спустя некоторое время был уже во дворе вместе с лошадьми. Александр Петрович слышал его чертыханья во дворе, когда тот закрывал в будке собаку, но не обращал на них внимания, так как снова устремил взгляд на спящие под снегом сады, испещренное звездами ночное небо и струйки дыма, поднимавшиеся над некоторыми крышами.

— Шо ж вы тут, заснули чи шо? — услышал Александр Петрович некоторое время спустя. — Я вже и Марфу з Зиркою розпряг.

На дорогу вышел дед Михайло с бутылкой в руках.

— Це шоб стара не бачила, — дед Михайло кивнул на бутылку и ухмыльнулся, после чего прислонил бутылку к губам и запрокинул голову.

Александр Петровичу только и оставалось, что смотреть, как старый пьянчужка укорачивает себе жизнь зеленым змием. Когда бутылка опустела, дед Михайло отбросил ее в сторону и повернулся к Александру Петровичу.

— Ну, заходьте, заходьте в подвирья, не стийте як бурьян при дорози, — сказав это, старик исчез во дворе.

Александр Петрович последовал за дедом Михайлом. Тот закрыл ворота и двинулся вглубь двора. Александр Петрович ни на шаг не отставал, ведя на поводке Шарика.

— Собаку треба буде зальшыты на подвирья, бо стара мене з вама и вашою собакою разом выжене на вульцю.

Александр Петрович посмотрел на Шарика, с любопытством разглядывавшего двор, и сказал:

— Как же я его тут оставлю? Такой мороз.

— Який там мороз, он мий Султан у буди спыть и взымку и влитку. И ничего не здох ще. Собаки не люди, можуть и на морози ночуваты.

— Да, собаки не люди, — подумал Александр Петрович, — но это не значит, что они заслуживают худшего обращения.

Александр Петрович посмотрел по сторонам и увидел летнюю кухню.

— А если я с Шариком в летней кухне переночую?

— Ну дывна людына, — шмыгнул носом дед Михайло и ухмыльнулся. — Не шоб у хати, де тепло переночуваты. Шо за люды пишлы. Як хочете, можете и там переночуваты, але там дуже холодно.

— Та ничего страшного. Холода мы не боимся.

— Ну й дидько з вами, — дед Михайло пожал плечами. — Хотите ночуйте у литнянці, а хочете на вульци, мени байдуже. Я хочу спаты, — словно в подтверждение слов, старик зевнул, после чего развернулся и поплелся к хате.

Александр Петрович смотрел ему в спину и улыбался, когда же дед Михайло закрыл за собой входную дверь, Александр Петрович повернулся к Шарикку.

— Ну что, дружок. Пора и нам спать ложиться.

В конце двора в буде послышался звон цепи и рычание. Шарик повернул голову на звук и наострил уши. Махнув хвостом, он собрался было побежать к буде, но Александр Петрович притянул собаку за поводок ближе к себе.

— Что это ты надумал, Шарик? Взбучки захотел? Ты же слышал, как старик говорил, что его Султан любит драться с другими собаками. Храбрец какой. Пошли спать, завтра рано вставать.

Дернув собаку за поводок, Александр Петрович заставил Шарика оторвать взгляд от будки и устремиться за стариком. Александр Петрович подошел к летней кухне. Входная дверь оказалась заперта только на защелку, поэтому попасть внутрь не составило большого труда. Оказавшись внутри, Александр Петрович закрыл за собой дверь и включил свет. Старик находился в небольшом помещении, разделенном на две части: в одной располагалась кухня, где стояла газовая плита, находилась груба, котел, небольшой подвесной шкафчик, в другой части помещения старик увидел деревянный стол, две лавки по обеим сторонам стола и кровать у стены.

— Вот здесь, Шарик, мы и будем ночевать эту ночь.

Александр Петрович закрылся изнутри на защелку, затем подошел к столу и положил кулек на лавку. После чего снял перчатки, шапку и бросил их на кулек.

— Давай, мой дружок, отцеплю поводок, — старик повернулся к собаке и освободил от поводка. — А тут прохладно, — пробормотал старик, чувствуя, как быстро холодеют руки. — Но ничего, все равно

это лучше, чем ночевать на улице, правда Шарик? — Александр Петрович улыбнулся, заметив, как собака принялась обнюхивать все углы, затем, должно быть удовлетворившись осмотром, подбежала к кровати и запрыгнула на нее.

— Хитрый какой, а мне где ночевать? Ну, ничего, думаю, мы с тобой и вдвоем поместимся на кровати... Пожалуй, не буду я раздеваться. Вот так в пальто и лягу спать, и даже шапку с перчатками надену, — сказав это, старик быстро воплотил задуманное в реальность, после чего выключил свет и лег на кровать.

В ногах послышался шорох, Шарик все никак не мог умаститесь на кровати.

— Как же давно я не был в селе. Хорошо-то как тут. Воздух свежий, чистый, легкий, не то, что в городе. Вдыхать сельский воздух одно удовольствие. Многие человек потерял, когда решил перебраться в город. Как прекрасно слушать сельскую тишину, дышать сельским воздухом, видеть окружающую природу, жить спокойной, размеренной сельской жизнью. Никто никуда не спешит, никто не гонится за карьерой, деньгами, материальными благами, пользы от которых, в большинстве случаев, как от быка молока. Разве не удивительно, что многие писатели прошлого творили, находясь рядом с природой, вдали от цивилизации, вдали от искусственного мира. Как же мудры они были. Истинное вдохновение приходит тогда, когда человек стремится к единению с природой, а не к ее отторжению. Недаром мне так легко пишется. Свежий воздух и близость природы. Разве нужно писателю еще что-то для того, чтобы творить? Не знаю, как другим, но лично мне этого вполне достаточно. Вполне, — повторил старик, зевая. — Все, пора спать. Спокойно ночи, Шарик. Спокойной ночи, мир. Увидимся завтра.

Уставшему за день Александру Петровичу понадобилось немного времени, чтобы уснуть. Но этого нельзя было сказать про Шарика. Едва старик заснул, собака соскочила с кровати и подошла к двери. Звон цепи, тревоживший тишину двора, все никак не давал ей покоя. Шарик ткнул мордой в дверь и принялся вслушиваться в ночь. Видя, что сквозь дверь ей не пробраться, собака вернулась на кровать и улеглась в ногах у старика. Вскоре к тихому похрапыванию Александра Петровича примешалось тихое посапывание Шарика. Но в отличии от спокойного сна старика, сон собаки был тревожный,

Шарик то и дело издавал во сне тихий скулеж и дергал лапой. Но вскоре собачий кошмар закончился, Шарик успокоился и оставшуюся часть ночи проспал как щенок.

* * *

Александра Петровича разбудил стук в дверь. Старик глянул на часы: 6:34.

— Видчиняй, хто там е? — послышался из-за двери голос. — А ну видчиняй!

— Та, шо ты бушуешь, стара. Дай людыни поспаты, — узнал Александр Петрович голос деда Михайла.

— Як зара дам поспаты палкою по ребрах, довго спаты будешь не хотиты. Старый пропойця. Дружкив понаводыть, а я бидкаюсь.

Александр Петрович поднялся с кровати и подошел к двери. За ним побежал и Шарик. Александр Петрович открыл дверь и увидел старуху с палкой в руках. Старуха, одетая в длинную шерстяную юбку, несколько кофт и валенки искоса глянула на Александра Петровича. Выражение на ее лице не предвещало ему ничего хорошего. Александр Петрович посмотрел за спину старухе и увидел деда Михайла, стоявшего на веранде.

— Доброе утро, — поздоровался Александр Петрович со старухой.

Старуха осмотрела Александра Петровича с ног до головы, кривая улыбка появилась на ее лице.

— Добрый ранок. Таки не збрехав, старый пропойця. Бачу, не з наших вы. Одягнути по-миському, не так як мы у сели. А я думала, шо мий старый привив когось из своих дружкив, хай им бис ребра порахуе. Душогубы прокляти. Крим горилки ничего бильше не знают.

— Шо ж ты, барвыло, людыну до хаты не запросыв? — старуха повернулась к деду Михайлу.

— А я казав йому. Казав, — старик вышел на улицу и остановился недалеко от бабки, искоса поглядывая на палку в ее руке.

— Казав вин, — старуха погрозила старику палкой. — Холодно тут спаты. Бач, людына навить не роздягалася. Змерзлы мабуть?

Александр Петрович собрался было ответить, но не успел, слова застряли в горле, когда двор наполнился рычанием, визгом, лаем и последовавшим за ними скулежом. Сердце Александра Петровича екнуло, у него появилось плохое предчувствие.

— Шарик! — пронеслось в голове.

Александр Петрович принялся оглядываться надеясь обнаружить собаку в кухне, и тем самым развеять плохое предчувствие, но ее здесь не было. Между тем скулеж не прекращался. Александр Петрович встревожился не на шутку.

— Ага, вхопыв, — рассмеялся дед Михайло, первым увидевший, что произошло. — Ай, молодец Султан. Гарна собака, кому-хош може бока намьяты.

Александр Петрович выбежал во двор и поискал глазами Шарика. Ему все стало понятно, когда он увидел недалеко от огромной немецкой овчарки своего Шарика. Тот ковылял по двору в сторону Александра Петровича, поджав заднюю лапу и скуля.

Александр Петрович подбежал к собаке и опустился на колени.

— Дружочек, что с тобой?

Шарик ткнулся мордой в старика и заскулил. Александр Петрович почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

— Все хорошо, мой дружочек, все хорошо, — приговаривал Александр Петрович, глядя Шарика.

— Та все з ным нормально. Не переживайте вы так, — к Александру Петровичу подошел дед Михайло. — Султан з ным трохы погрався. Правда, Султан? — старик улыбнулся и повернулся к овчарке, ни на миг не прекращающей лаять и рваться с цепи.

— А й правда, шо вы так бидкаетесь? — послышался голос старухи. — Погрызлыся трохы. Це ж собаки. Их хлибом не кормы дай погрызтыся.

Александр Петрович прижимал к себе Шарика и что-то бормотал, ни на кого не обращая внимания. Скулеж собаки резал его ножом. Страдания Шарика, словно передались старику, и теперь ему было так же больно, как и собаке. Наконец Александр Петрович отстранился от Шарика и посмотрел на его поджатую ногу. Крови видно не было, но это обстоятельство нисколько не облегчало собачью боль. Александр Петрович прикоснулся рукой к раненой ноге Шарика, чтобы лучше ее осмотреть, в тот же миг Шарик заскулил сильнее и отдернул ногу.

— Прости, мой дружочек, — пробормотал Александр Петрович, вытирая слезы с глаз. — Я не хотел сделать тебе больно.

— А ну закрой пельку, Султан, — старуха замахнулась палкой на овчарку. Та, заметив палку в руках старухи, бросился в буду. Через миг из будки показалась собачья голова. Султан ни на миг не хотел терять из поля зрения противника.

— Шо за странна людына, — рассмеялся дед Михайло за спиной Александра Петровича. — З собакой як з людыною поводиться. Та живый ваш пес. Ничого з ным не трапылося. Поклыгае, поклыгае и буде бигаты. Ото люды е.

— Чого ты розбазикався, старе опудало? — старуха повернулась к старику. — А ну бижи нагодуй тварыну у хливу, бо ий богу дам палкою по спыни.

— От стара, дожدهшься, шо я твою палку у грубу кыну, — ухмыльнулся дед Михайло, направляясь к хлеву.

— Побалакай, побалакай мени. Не подивлюсь, шо люды в хати, як огрию палкою, бильше не захочешь.

— Мы пойдём, — Александр Петрович поднялся на ноги и развернулся к старухе. — Спасибо вам за ночлег.

— Куды ж вы пидете?! — воскликнула старуха. — Хоч поснидайте. Негоже так просто иты з подвирья.

Александр Петрович посмотрел на собаку, жавшуюся к его ногам. Нога Шарика все также была поджата. Долго ли он сможет так идти? Не дать ли ему немного времени отдохнуть, отойти от пережитого? Эти вопросы сейчас больше всего занимали Александра Петровича.

— Если вы настаиваете, мы побудем немного у вас в гостях, — сдался Александр Петрович.

— Звычайно настаиваю. Видпочиньте, поижте и потим идить. Як годыться.

— Пусть будет так, — Александр Петрович попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. — Вы не против, если я оставлю собаку в летней кухне?

— Конечно, я не против. Зальшайте, а потим прыходьте до хаты. Там тепло. Я грубу натопыла. А я пиду пораты, корову треба подоиты, кур, качок, кролив нагодуваты. Мий старый обовязково шось забуде. Знаю я його. Горе мени з ным. Ой, горенько-горе, — старуха помотала головой из стороны в сторону и пошкандыбала к хлеву.

Александр Петрович наклонился и взял Шарика на руки.

— Ой, беда-беда, — сказал он, прижав собаку к груди. — Как же так получилось? Что ж делать-то? Что делать?

Александр Петрович посмотрел в грустные глаза Шарика, и ему стало так больно, словно это его покусала собака. В уголках глаз старика вновь выступили слезы.

— Бедный, бедный Шарик, — пробормотал старик и направился в летнюю кухню.

Уложив Шарика на кровать, старик надел ему на шею ошейник и привязал его конец к быльцу кровати. Так, на всякий случай. Как бы Шарик у вновь не захотелось поискать судьбу.

— Отдыхай, мой дружок, — сказал старик и погладил Шарика по голове. — Будем надеяться, что рана не серьезная и ты быстро поправишься. Я бы очень этого хотел.

Александр Петрович вышел из кухни и прикрыл за собой дверь. Шум цепи привлек его внимание. Султан все так же сидел в будке, но теперь его взгляд был сосредоточен не на Шарике, а на старике. Александр Петрович хотел было пройти к хлеву и посмотреть живность, но для этого пришлось бы проходить рядом с будкой Султана. Старик не рискнул. Как-никак он здесь чужой, и собака его не знает. Здравый смысл взял верх над любопытством, Александр Петрович не спеша направился в дом. Старик подумал, что пока старик со старухой занимаются хозяйством, он может поработать над рукописью. Когда еще представится возможность поработать в тепле, с удобствами большими, чем лавка на трассе или в городском парке.

Александр Петрович разулся на веранде, после чего прошел через небольшие сени и очутился в небольшом коридоре, одна часть которого вела на кухню, где старик увидел большой деревянный стол, стулья, два подвесных шкафчика, — один для посуды, другой для кухонных принадлежностей, — и большую печь. На стенах висели образы, несколько свеч и керосиновая лампа. Вторая часть коридора вела в комнату, в которой Александр Петрович увидел три кровати, телевизор, стол и несколько стульев. На стенах кроме образов висели фотографии. У дальней стены Александр Петрович заметил грубу и недалеко от нее дверь, ведущую в другую комнату. Старик не стал заглядывать в эту комнату, удовлетворившись осмотром комнаты, в которой находился.

Александр Петрович достал из кармана пальто тетрадь с ручкой и положил их на стол, затем снял пальто и повесил на спинку стула. Бросив взгляд на тетрадь, старик сел за стол и накрыл рукой ручку, словно намеревался взять ее в руку.

— Пора творить, — улыбнулся Александр Петрович, чувствуя легкое возбуждение от предстоящего процесса.

Старик открыл тетрадь, пробежался взглядом по уже написанному, после чего закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Легкая улыбка появилась на его губах. Открыв глаза, старик взялся за ручку и начал писать.

* * *

Александр Петровичу повезло, часа два его никто не тревожил. Старик со старухой, занятые работой по хозяйству, казалось, забыли о госте. Когда же они вспомнили о нем, Александр Петрович успел исписать несколько страниц тетради.

— А шо вы робыте? — услышал Александр Петрович несколько часов спустя голос старухи. — Шось пышете дывлюсь?

Александр Петрович повернулся на голос и увидел в проеме дверей старуху.

— Да, книжку пишу.

— Кныжку? Ничо соби. А про шо?

— Про жизнь, — улыбнулся Александр Петрович и поднялся из-за стола. Закрыв тетрадь, он спрятал ее вместе с ручкой в карман пальто.

— Це ж треба таке. Яка розумна людына. Навить кныжки пыше, ще й про життя. Бачу, що вы не мий пропойця, якый тилькы пляшкою може пысаты. Хай його бис за дупу вхопыть... А мы снідаты збыраемось, идить до нас.

— Спасибо, — поблагодарил Александр Петрович, чувствуя посасывание в животе. — С радостью приму ваше предложение.

— То й добре, — сказала старуха и скрылась за шторкой, заменяющей дверь.

Александр Петрович последовал за старухой. В кухне их уже ждал дед Михайло. Он сидел во главе стола и поглядывал в сторону

бутылки самогонки, ютившейся между тарелками с отварной картошкой со шкварками и солеными огурцами.

— Сидайте ось тут, — старуха указала на свободный стул возле деда Михайла, — миж мною и моим старым.

Александр Петрович хотел было сесть на стул, как встрепенулся и сказал:

— Прошу прощения, мне надо выйти. Я недолго.

Александр Петрович вышел на веранду и обулся. Оказавшись на улице, старик двинулся к летней кухне. Войдя внутрь, Александр Петрович улыбнулся, увидев Шарика, повернувшего к нему голову.

— Здравствуй, мой дружок. О тебе совсем забыл.

Старик достал из кулька сардельку, хлеб и положил перед Шариком.

— Собрался кушать, а о тебе совсем забыл. Прости меня, мой дружок.

Александр Петрович подождал, пока Шарик доест угощение, затем напоил его кефиром.

— Вот теперь хорошо, — улыбнулся Александр Петрович. — Теперь отдыхай.

Оставив Шарика, старик вернулся в дом.

— Де вас дидько носыть? — старуха покачала головой. — Все захололо, поки вы десь бигалы.

— Прошу прощения. Не стоило меня ждять, — сказал Александр Петрович, присаживаясь на табурет.

— А мы и не ждали, — ухмыльнулся дед Михайло. — Я уже стопочку встыг упораты.

— От, паскуднык. Покры я до печи, вин встыг вже выпыты. Я ж дывлюся, шо у плящи було бильше горилкы ниж зараз. Дочекався б людыны и разом выпылы б.

— Вин не пье, — сказал дед Михайло и потянулся за бутылкой.

— Як не пье? — старуха повернулась к Александру Петровичу. — Зовсим?

— Совсем, — улыбнулся Александр Петрович.

— Ну тоди, геть руки, старый черт, — старуха схватила бутылку прежде, чем дед Михайло успел взяться за нее, и спрятала ее под стол. — Я ж то думала, шо людына пье, а тоби одному — иды дегтю напыйся.

— Шоб тебе бис ухопыв стара, — выругался дед Михайло, склонившись над тарелкой. — Ниякого життя з тобою.

— Ты мени ще поговоры, старый чортяко, без обиду зальшу.

Деду Михайло ничего не оставалось, как вздохнуть и молча сетовать на судьбу, при этом не забывая орудовать ложкой.

— А шо ж вы ничего не исте? — старуха повернулась к Александру Петровичу, с полуулыбкой на губах наблюдавшему за перебранкой стариков. — Чи може вам, сніданок не подобається? У мисти, мабуть, вы инакше исте.

— Нет, нет, что вы, — улыбнулся Александр Петрович. — Я просто задумался.

— Ну то переставайте думаты и ижте. Потим будете думаты, як з-за столу выйдете. Воно и так все давно похололо.

Александр Петрович улыбнулся и принялся накладывать себе на тарелку отварную картошку, затем положил несколько соленых огурцов, помидору, налил в чашку кислого молока из банки. Взяв хлеб с тарелки, старик принялся за еду.

— Вы хлеб сами печете? — спросил Александр Петрович у старухи, откусывая кусок хлеба, сдобного, ароматного, совсем непохожего на заводской.

— Звычайно сами. Воно й дешевше выходить. Де ж його на все грошей набратысь, з нашою-то пенсиєю. Та й наш хлиб смачниший за магазынный.

— Да, вкуснее, — согласился Александр Петрович. — Давно я не ел такого вкусного хлеба. Никакой заводской хлеб не сравнится с самоиспеченным.

— Моя стара добре вмие готуваты. Мастерыця на вси руки, — подал голос дед Михайло.

— А ты иж, иж, не пидлазь. Все одно не налью, — старуха зыркнула на деда Михайла и пригрозила ему ложкой. — Знаю я тебе... А скажить мени куды вы йдете? Старый казав, шо вы з самого Киева.

— Да, да с Киева. А иду я в Переяслав-Хмельницкий.

— А чого? У вас там родычи е?

— Нет, родственников у меня там нет.

— А чого ж вы туды йдете?

— О, это долгая история, — отмахнулся Александр Петрович. Он не хотел никого обманывать, особенно этих радушных стариков,

поэтому решил, что лучше не договорить, чем обмануть.

— Шо то за людына така? — покачала головой старуха. — И кныжки пыше, до собаки як до людыны ставыться и до Переяславу чогось йде. Треба ж таке. Яки люды на свити живут. Ты б хоч шось напысав бы, — старуха повернулась к деду Михайлу. — А то тильки до чаркы гаразд.

— Добре шо до чаркы, а не до чужих жинок, — рассмеялся дед Михайло.

— От поговоры мени ще, ий богу без обиду зальшу.

Остаток завтрака прошел в молчании. Александр Петрович смотрел в окно, где виднелся огород, за которым простирались поля, укрытые снегом. Ни человек, ни животное не тревожили их своим присутствием. Александру Петровичу захотелось оказаться там, посреди этих безлюдных просторов, наедине с природой, наедине с самим собой. Единственный кого старик хотел бы видеть рядом с собой, был бы Шарик, его дружок, который сейчас отдыхал в летней кухне, залечивая раны.

— Как же так получилось? — в который раз подумал Александр Петрович, вспомнив утренние события.

— Спасибо вам большое за угощение, — сказал Александр Петрович, когда с завтраком было покончено. — Не дали умереть старику с голоду.

— Пусте, — сказала старуха. Казалось, впервые со встречи с ней Александр Петрович видел на ее губах улыбку. — Мы люды не багати, але чим можемо, завжды допоможемо. Нас батькы з дытынства вчылы, шо треба несты добро у свит. Якцо ты будешь добрым з людьмы, то и воны з тобою добрымы будут. Вси мы люды, у всих у нас е сердце.

— Вы совершенно правы, — сказал Александр Петрович. — У всех у нас есть сердце, только вот, к сожалению, многие из нас забывают об этом.

— Правду кажете. Як включиш увечери телевизор, то за голову хапаешься скильки всього поганого у свити трапляеться.

— И виной этому люди, — вздохнул Александр Петрович.

— Люды, хто ж ще, як не люды. На шо свит перетворюють... Може вы ще шось поили б? Дывлюсь, зовсим вы мало зылы, ще и не доили, — старуха посмотрела на тарелку Александра Петровича, где лежало несколько недоеденных картофелин и надгрызенный огурец.

— Да вот аппетит пропал. Как-то и хочу есть, а как начнешь есть, то понимаешь, что и не хочется совсем.

— То може вы захворилы? До ликаря вам треба.

— Де нет, все хорошо, — улыбнулся Александр Петрович. — Пожалуй, буду идти. Дорога дальняя мне предстоит.

— Ну, то хай вам бог допомагае. На дорогу выйдить, там автобусы издять. До Переяслава швыдко доберетеса.

— Я люблю пешком. Люблю дышать свежим воздухом, осматривать окрестности.

— Та вы шо здурилы? — подал голос, закунявший дед Михайло. — До Переяслава пишки як... як до Стамбула.

— Шо правда пишки до Переяслава зибралыся? — старуха посмотрела на Александра Петровича как на умалишенного.

— Правда.

— Ей-йой, боженько, геть людына з глузду зыхала. Це ж скільки йты. Та вы мабуть шуткуете?

— Может и так. Пойду собаку заберу, — Александр Петрович поднялся с табурета и направился в комнату. Забрав пальто, старик вышел на веранду. Одевшись и обувшись, Александр Петрович вышел из дома.

— Как ты тут, мой дружок? — спросил старик у Шарика, едва переступил порог летней кухни. — Будем идти. Как ты себя чувствуешь?

Шарик стукнул несколько раз хвостом по кровати и поднялся на ноги. Александр Петрович заметил, что задняя нога собаки по-прежнему согнута.

— Ай, бедняжка, — пробормотал старик. — Как же ты идти будешь-то? Ну, пошли потихоньку, как-то справимся.

Александр Петрович вывел Шарика на улицу, где столкнулся со старухой.

— Я вам тут гостынець у дорогу прыготувала, — сказала она, протягивая Александру Петровичу литровую банку кислого молока и булку свежего хлеба.

— Право не стоило, — улыбнулся Александр Петрович.

— Берить, берить и не супротивляйтесь.

Александр Петрович взял из рук старухи гостинцы и положил их в кулек.

— Спасибо вам большое.

— На здоровья. Будете в наших краях, заходите в гости.

— Хорошо... Будем мы с Шариком идти. Спасибо вам за все.

— На здоровья, — повторила старуха.

— До свидания, — сказал старик и направился с Шариком к воротам.

— Бувайте, — ответила старуха и добавила, — шо за странна людына.

Александр Петрович вышел за ворота и медленно побрел по дороге. Рядом с ним, ни на шаг не отставая, на трех ногах ковылял его преданный Шарик.

Глава 18

Морозы

— Давай отдохнем, мой дружок, — сказал Александр Петрович, опуская Шарика на землю.

Старик присел на лавочку на остановке и перевел дух. Вот уже третий день он находился в пути, направляясь к Переяслову-Хмельницкому, городку, расположенному на юго-востоке Киевской области. Большую часть пути старик пронес Шарика на руках. Старику становилось больно каждый раз, как его взгляд опускался вниз, к прыгающей на трех лапах собаке. В конце концов, старик решил нести Шарика и нес его до тех пор, пока хватало сил, потом отдыхал и снова прижимал собаку к груди. Поэтому не удивительно, что он так долго добирался до Переяслава-Хмельницкого. В это же время в Украину пришли сильные морозы. Днем температура упала до минус пятнадцати-двадцати, ночью же опустилась до минус тридцати. Для Александра Петровича наступили трудные времена, укрыться от морозов старику с собакой было негде. Старик мерз, мерз и Шарик. Между тем, старик продолжал, словно осел, упрямо двигаться вперед к Переяславу-Хмельницкому, ставшему для него чем-то сродни вожделенному оазису в пустыне. Там старик надеялся найти для себя с Шариком теплое местечко, не на чердаке, так в подвале или подъезде одной из городских многоэтажек. Пока же старику приходилось довольствоваться остановками, внутри которых Александр Петрович прятался от обжигающих порывов февральского ветра. Ночи старик проводил также на остановках, лежа на лавочке и прижав к груди Шарика. Так было теплее, и ему, и Шарiku. Когда же солнце поднималось из-за горизонта, Александр Петрович продолжал идти вперед, с каждым пройденным километром становясь все ближе и ближе к Переяслову-Хмельницкому.

— Что ж с твоей лапой-то? — Александр Петрович натянул на нос шарф, защищаясь от мороза, и повернулся к Шарiku. — Что ж она никак выздоравливать не хочет?

Старик коснулся задней лапы Шарика. Тот, как и прошлые разы, отдернул ее от руки старика, словно от огня.

— Эх, — только и сказал Александр Петрович.

Взгляд старика заскользил по противоположной стороне дороги, где подлесок переходил в поле, тянувшееся к самому горизонту. Несколько ворон вышагивали по полю в поисках поживы. Какое-то время старик наблюдал за птицами, затем достал из кулька пакетик собачьего корма и высыпал его содержимое перед собакой.

— Ешь мой дружочек. Тебе надо кушать, чтобы выздороветь.

Собака понюхала подношение и принялась за трапезу.

Александр Петрович посмотрел на часы. 17:13.

— А я-то думаю, что ж оно так потемнело быстро, — пробормотал старик. — Как время-то бежит. Куда ж оно так торопится? Нет у него ни начала, ни конца. Оно бесконечно, но все равно несется вперед с такой скоростью, словно хочет как можно скорее добраться до конца своего пути. Нить нашей жизни, нить нашей судьбы. Почему нам никогда не хватает времени? Может, потому что не ценим его, не бережем. Как много глупцов стремятся убить свое время, не задумываясь о том, что убитое время, как и человека, ушедшего в мир иной, вернуть невозможно. Сколько времени мы тратим на то, без чего мы можем обойтись — телевизор и газеты, бессмысленные занятия и разговоры, чрезмерные сон и еда, а тут еще интернет придумали. Сколько ж людей там время-то свое убивают? Как же невежественен человек, как он не понимает, что потерянное время — потерянно навсегда. Дни, недели, месяцы, годы проходят. А сколько их проходит впустую? Когда же жизнь человеческая завершается, человек оборачивается назад, начинает сожалеть о потерянном времени, утраченных возможностях, несбывшихся мечтах. А почему? Потому что не ценил время, отведенное ему в этом мире. Вместо того чтобы поднять глаза и посмотреть вверх, человек, словно муравей, копошился внизу, забывая о том, что существует не только земля, но и небо и даже космос, звезды.

Александр Петрович запрокинул голову и посмотрел на небо, на котором высыпали звезды.

— Звезды, как мечты, — пробормотал Александр Петрович. — Также далеки и... и также прекрасны, — старик почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. — А как было бы прекрасно, если бы каждый человек стремился не к тому, что хочет его невежественный разум с его сиюминутными удовольствиями, а к тому что хочет сердце

— к жизненному удовлетворению, к воплощению своих детских мечтаний. Это же, наверное, так прекрасно, всю жизнь знать для чего ты живешь, всю жизнь идти к тому, о чем мечтает твое сердце, — Александр Петрович смахнул слезинку. — Воистину так. Каждый из нас рождается для того, чтобы зажечь свою звезду, маленькую или большую, неважно, главное зажечь, не прожить жизнь зазря. Не прожить жизнь зазря, — повторил старик, вытирая слезы, ручьем бегущие из глаз. — А если так подумать, то зачем же еще приходит человек в этот мир, как не зажечь на небосклоне свою звезду, оставить след на планете, оставить потомкам память о себе. Не в этом ли ключ к бессмертию человека? Не в этом ли ключ к бессмертию каждого из нас, каждого смертного, рождающегося на этой удивительной планете? Не для того ли мы приходим в этот мир, чтобы из смертного превратиться в бессмертного, стать божеством, сотворившим, в первую очередь, свою жизнь, божеством, оказывающим влияние на других, на окружающий мир, божеством, которое останется в памяти людей навеки? Вот оно истинное бессмертие! Лучше прожить короткую жизнь, но «божественную», чем долгую, но «смертную».

Александр Петрович выхватил из кармана пальто тетрадку, ручку и принялся записывать мысли, озарением снизошедшие на него.

— Именно так, — бормотал старик, водя ручкой по бумаге.

Похолодало. Ночной мороз уже сейчас дал о себе знать, заставив Шарика запрыгнуть на лавочку и улечься возле старика, тесно прижавшись к нему телом. Но старика, казалось, сейчас ничто не могло напугать или отвлечь от его занятия. Мороз, холод, ветер, снег, ночь или даже падение метеорита было не в силах этого сделать. Старик водил ручкой по бумаге, стараясь не упустить ни одну мысль, ни одно осознание, ни одну истину.

— Как же поздно я это понял, — через какое-то время сказал старик, закрывая тетрадь. — Но поздно ли? Для кого? Для меня, может быть, а для других? Мое дело передать истину людям. Думаю, именно это от меня и требуется. Должно быть, именно в этом и заключается моя миссия на этой прекрасной планете. Может для меня уже поздно зажигать свою звезду, но я могу помочь это сделать другим. Возможно, это также важно, как и зажечь свою звезду.

Александр Петрович посмотрел на небо, где перемигивались друг с дружкой звезды, большие и маленькие, яркие и тусклые, и

улыбнулся.

— Как звезда рождается, загорается и светит среди других звезд, так и человек должен рождаться, «загораться» и «светить» среди других людей.

Александр Петрович отложил тетрадь с ручкой в сторону и лег на лавочку. Положив под голову одну руку, второй он обнял собаку, свернувшуюся калачиком рядом. Перед глазами старика время от времени проносились машины, тревожа их с Шариком одиночество. Но старика это беспокоило. Его взгляд устремился вверх, туда, где все также перемигивались звезды.

* * *

Под конец следующего дня Александр Петрович наконец-то добрался до Переяслава-Хмельницкого. Городок оказался небольшим, но очень уютным, чистым и аккуратным. Старик решил познакомиться с городком на следующий день, так как близилась ночь и надо было найти ночлег. Благо это оказалось не так уж и трудно, как и в других городах здесь также были многоэтажки.

Первую ночь в Переяславе старик провел в подвале одной из многоэтажек по улице Богдана-Хмельницкого, главной улицы города. После нескольких ночей, проведенных на морозе, старик был рад теплу. Даже гнилостный запах и спертый воздух не могли поколебать решимости старика провести ночь в подвале.

Но едва солнце взошло над горизонтом Александр Петрович покинул свое временное прибежище и отправился смотреть Переяслав. Правда, старик старался не отходить далеко от главной улицы города, так как после длительного перехода у него болели ноги, да и, как-никак, возраст давал о себе знать. Поэтому как бы старик ни хотел посмотреть весь город, он ограничился только его центром. Но для старика, большую часть жизни просидевшего безвыездно в столице, и того, что он увидел, было достаточно.

Александр Петровичу понравился городок. Гуляя по его улицам, он ощущал себя путешественником во времени. На какой-то миг ему показалось, что он перенесся в прошлое и он гуляет не по улицам современного города, а по улицам старого города, города настолько

древнего, насколько и красивого. Вид старинных зданий, памятников, церквей приводил Александра Петровича в невероятный восторг, заставляя его сердце трепетать от счастья. Количеству же музеев, расположившихся в этом городке, мог позавидовать и его родной Киев. Старик жалел лишь о том, что у него нет денег, чтобы посетить их. В какой-то миг Александр Петрович даже ощутил родство с этим маленьким городком, и именно здесь он почувствовал гордость за то, что он украинец.

Прогулка по городу у Александра Петровича заняла всю первую половину дня. На большее старика не хватило, к боли в ногах добавилась усталость, да и сильный мороз давал о себе знать. Часто старику приходилось делать перерывы в прогулке и прятаться на какое-то время в подъездах домов, чтобы дать возможность отогреться себе и Шарику. Из-за морозов Александру Петровичу пришлось остаться в Переяславе еще на несколько дней, но и когда мороз пошел на спад, старик не спешил покидать приглянувшийся ему городок, продолжал гулять по его улицам, осматривать достопримечательности.

Как-то в один из солнечных февральских дней Александр Петрович сидел на лавочке возле торгового центра и рассматривал прохожих. В последнее время старик понял, что ему нравится наблюдать за людьми, за выражениями их лиц, жестами, разговорами. Ему это занятие казалось очень интересным и познавательным. Старику нравилось обращать внимание на эмоции людей, особенно детей. Наблюдая за детьми, он заметил, что дети более жизнерадостны, чем взрослые, более улыбкивы, они живут настоящим и совсем не думают о прошлом. Все их внимание направлено на настоящее и будущее. Как это непохоже на взрослых, которые большую часть своей жизни проводят в прошлом, немного в настоящем и очень мало в будущем. Да и то для многих взрослых вспомнить о будущем — это возможность на какое-то время отвлечься от настоящего, забыть о насущных проблемах и хлопотах. Для многих взрослых реальность их мечтаний чрезвычайно мала, для детей же их мечты, как и будущее в целом, было таким же реальным, как и настоящее.

— Как же удивителен человек, — прошептал Александр Петрович, наблюдая за маленьким мальчиком, гонявшим голубей. Его мама, девушка лет двадцати девяти в кожаной куртке, джинсах и

коротких кожаных ботинках, сидела рядышком на лавочке и разговаривала с подругой. Взгляд молодой мамы то и дело устремлялся к сыну.

Вскоре мальчику надоело гонять голубей, так как он заметил Шарика, дремавшего под лавочкой возле старика. Внимание ребенка вмиг переместилось с голубей на собаку. Мальчик посмотрел на Александра Петровича и сделал два шага в сторону собаки. Затем видя, что ничего с ним страшного не произошло, мальчик осмелел и подошел к лавочке, на которой сидел старик. Остановившись перед стариком, он присел и принялся рассматривать собаку. Шарик дремал, но услышав шаги ребенка, открыл один глаз, чтобы посмотреть кто вздумал потревожить его сон, но увидев маленького мальчика, закрыл глаз и продолжил дремать.

Александр Петрович смотрел на мальчика и улыбался. Любопытству детей можно только позавидовать. Они не знают, что их ждет впереди, но они идут вперед, без страха, без сомнений, идут вперед, влекомые неумным желанием познавать мир, в котором живут.

— Ну, что маленький храбрец, будем знакомиться? — Александр Петрович улыбнулся и протянул мальчику руку.

Мальчик отвлекся от рассматривания собаки, мирно дремавшей под лавочкой, и посмотрел на протянутую руку старика. Задержав на какой-то миг взгляд на руке, он посмотрел на старика и улыбнулся. Но спящий Шарик все же оказался более привлекательным объектом для изучения, так как спустя мгновение внимание мальчика снова устремилось под лавку.

— Ай, любопытный какой, — рассмеялся Александр Петрович и наклонился к Шарика. — Шарик, к тебе гости.

Собака, слышав свою кличку, подняла голову и посмотрела на старика. Хвост принялся колотить по земле, в глазах заплясали радостные огоньки.

— Говорю, гости к тебе, Шарик, поздоровайся, — Александр Петрович показал на мальчика.

Собака перевела взгляд на ребенка и гавкнула. Мальчик засмеялся и распахнул глаза. Руки потянулись к собаке.

— Максимка, ну, что ты делаешь?! Уйди от собаки! — крик матери заставил мальчика отдернуть руки от собаки и спрятать их в

карманы балоневой курточки. Виноватое выражение появилось на лице малыша. Но мгновение спустя улыбка вернулась на его лицо, а в глазках зажегся озорной огонек, ручки снова устремились к собаке.

— Максимка! — мама мальчика поднялась с лавочки и подошла к сыну. — Простите, — сказала она старику, взяла сына за руку и забрала с собой.

— Ну, вот мы снова остались с тобой, Шарик, одни, — старик потрепал собаку за ухом и окинул взглядом окрестности.

Внезапно до Александра Петровича донесся детский плач. Старик повернулся на звук. Оказалось, что плакал тот мальчик, который совсем недавно тянул ручки к Шарику.

— Сколько можно?! — воскликнула мать ребенка и шлепнула его по попе. — Достал уже! Нет от тебя спокойствия. Прошу посидеть спокойно, а ему не йметя, словно шило в заднице.... Маринка, давай вечером созвонимся и поговорим, — девушка повернулась к подруге, собравшейся уходить. — За этим несчастьем нужен глаз да глаз. Отведу его домой и спать уложу. Может, успокоится.

Девушка взяла сына за руку и направилась по тротуару в сторону Александра Петровича.

— Максимка, не надо плакать, — старик улыбнулся мальчику, когда тот проходил мимо.

Мальчик посмотрел на старика и замолк, на губах появилась улыбка, а взгляд устремился к Шарику. Мама мальчика услышав, что мальчик перестал плакать, остановилась и посмотрела на сына. Тот протягивал руку в сторону собаки и улыбался.

— Вы сделали невозможное, — девушка перевела взгляд на Александра Петровича. — Спасибо.

— Пожалуйста, — улыбнулся старик. — Позвольте задать вам вопрос.

— Задавайте, — девушка развернулась к старику. Мальчик же присел на корточки и снова увлекся собакой.

— Ваш Максимка просился на этот свет?

Девушка нахмурила брови.

— Думаю, нет, а что?

— Почему же вы относитесь к нему, словно он ваша собственность?

— Он мой сын.

— Я знаю, и знаете, у вас очень хороший мальчик, но то, что ребенок ваш сын, не означает, что вы можете называть его несчастьем, кричать на него или бить.

Девушка сконфузилась.

— Но... но это мой сын и я сама знаю, как его воспитывать.

Грустная улыбка появилась на лице старика.

— Простите, но таким образом вы не воспитываете своего сына, а дрессируете. Я когда-то видел по телевизору, как дрессируют животных — их или поощряют или запугивают. Если вы когда-нибудь были в цирке, то могли заметить, как боятся хлыста тигры и львы. Страх позволяет дрессировщику управлять таким опасными животными. Но наши дети не животные и не наша собственность, их надо воспитывать, а не дрессировать. Воспитывая так, как вы это делаете, вы запугиваете ребенка, делаете его жестоким и злопамятным. Говорят, если обидеть кошку, она обязательно когда-нибудь отомстит. Дети, как кошки, если вы будете их обижать, они отомстят, если и не вам, то кому-нибудь другому. Почему дети вырастают жестокими? Потому что взрослые жестокие, жесток человеческий разум.

— А что я могу поделать? Так все воспитывают. Меня мама в детстве тоже бывало по заднице лупила.

— И меня лупили, что скрывать, — сказал Александр Петрович. — Простите, как вас зовут?

— Кристина.

— Очень приятно, Кристина, а меня — Александр Петрович... Знаете, Кристина, что я вам скажу. К сожалению, мы очень часто повторяем ошибки родителей. Взрослея, мы наследуем их в воспитании собственных детей, в построении отношений со своей второй половиной, в манере поведения или общения. Будучи детьми, мы часто воспринимаем родителей в качестве эталона для подражания, как неких возвышенных существ, которые никогда не ошибаются и всегда правы. И мы учимся у них, учимся жить, общаться с другими людьми, с окружающим миром. Поэтому и говорят, что яблоко от яблони не далеко падает. Зачастую вырастая, мы становимся копиями родителей. Но родители — это такие же люди, как и мы с вами. Они тоже могут ошибаться. И эти ошибки очень часто повторяют их дети, которые учатся жить, подражая им. Вот вы, Кристина. Вы говорите, что воспитывать ребенка шлепками и криками — это правильно...

— Я не говорю, что это правильно, — перебила старика девушка. Заметив, что ее сын поглощен собакой, она села на лавочку рядом со стариком, продолжая не сводить взгляда с сына. — Я только говорю, так все воспитывают.

— Простите, — улыбнулся старик. — Должно быть я запамятовал. Ну, что поделаешь. Старикам свойственно иметь дырявую память... Но вы правы, Кристина, так воспитывают, если даже и не все, то многие. Но давайте подумаем, чему мы учим детей, обращаясь с ними подобным образом. Вот вы шлепнули Максимку по попе, накричали на него. На первый взгляд, в этом нет ничего страшного, не правда ли? Но если копнуть глубже, то таким поведением вы вот что сделали: вы помогли ребенку запомнить, что сила — это лучший способ для того, чтобы отстоять свою точку зрения. И я не удивлюсь, если ваш ребенок вырастет человеком, который не будет уважать мнение других людей, будет любыми способами, вплоть до применения силы, отстаивать свою правоту, будет жестоким в обращении с людьми, животными и даже с самим собой. Дело в том, что жестокий человек — это несчастный человек, он не любит ни себя, ни других людей. Жизнь такого человека — сплошные страдания от одиночества, в которое он загоняет себя своим поведением. Но человек жесток не потому что таким родился, а потому что его так воспитали, вернее даже выдрессировали — дома, в садике, в школе. И этот человек, будь у него другое воспитание, был бы совершенно другим человеком. Бедные родители, они даже не понимают, как могут своим примером испоганить будущее своего ребенка. К сожалению, к большому сожалению, многие родители безответственны и невежественны. Они не понимают, что фундамент, на котором строится жизненное счастье их ребенка, закладывается ими. Кристина, надеюсь, теперь вы понимаете, почему дети, а потом и взрослые, которые из них получаются, так жестоки? Думаю, понимаете, почему дети дерутся, почему делают больно животным? Понимаете, почему взрослые проявляют насилие к своим вторым половинам, к детям, другим людям, окружающему миру?

— Из-за воспитания в детстве?

— Я бы сказал из-за того влияния, которое на ребенка оказали в детстве, особенно родители. Если бы родители меньше проявляли насилия к своим отпрыскам, на нашей прекрасной планете не было бы

войн, не было бы столько жестокости, сколько есть сейчас. Посмотрите вечерние новости по телевизору, и вы увидите, к чему может привести со временем родительская жестокость. Человек убивает или калечит другого человека или даже беззащитное животное не из-за того, что этот человек изверг. Нет, просто когда-то в далеком прошлом этому человеку попались плохие образцы для подражания. След, который оставляет ребенок в этом мире, во многом зависит от того, был ли он любим в детстве или нет. Простите, Марина, но я не думаю, что вы любите своего ребенка, если позволяете себе кричать на него или бить его. Любовь не приемлет жестокости, — унылая улыбка скривила губы Александра Петровича.

Старик вздохнул и посмотрел на маленького мальчика перед собой, на ребенка, будущее которого творилось уже сейчас.

— Вы не правы, — нарушила затянувшуюся пауза девушка. — Я люблю своего сына. Просто... просто я его так воспитываю. Ладно. Простите, но нам надо уже идти. Идем, Максим, — девушка поднялась с лавочки и взяла малыша за руку. — До свидания, — сказала она и двинулась с малышом прочь.

— До свидания, — улыбнулся Александр Петрович, провожая взглядом мать с сыном.

— Люди учатся, чтобы получить аттестат в школе, учатся в вузе чтобы получить профессию, учатся зарабатывать деньги, но никто не хочет учиться тому, как воспитывать детей, как любить, как жить счастливо, в конце концов. Ведь это намного важнее, чем куча бумажек, за которые можно купить вещи, но нельзя купить счастье и жизненное удовлетворение. Безумен человек, безумен и последователен в своем невежестве, — старик замолк, пытаясь выловить из океана мыслей в голове одну, показавшуюся ему истиной.

— Это что же то получается? — прошептал старик. — Для чего мы учимся в школе? Для чего мы учимся в вузе? Знания, которые нам там дают, по большому счету, нам нужны только для того, чтобы зарабатывать деньги и... и все. Нас никто не учит, как быть счастливым человеком, как получать от жизни удовлетворение, как раскрыть и применить заложенный в нас талант. Безумие какое-то, самым важным для жизни знаниям нас никто не учит, а вот как стать хорошим специалистом, чтобы заработать больше бумажек на очередную безделушку, вот этого, пожалуйста, сколько угодно. Во что

же превращает этот прекрасный мир человеческий разум? В обитель, где единый бог — деньги? Что ж творится-то? В кого превращает человеческий разум человека? В существо, ищущее счастье в деньгах? Но не может быть такого, чтобы счастье зависело от того, сколько денег у тебя в банке: много — ты счастливый человек, мало — несчастный. Глупости это все. Неужели человек без денег не может быть счастливым? Может и еще как может. Было же время, когда на Земле не было денег, было, но разве человек был несчастен тогда? Не больше, чем сейчас. И счастливых людей в те безденежные времена хватало, значит, я все же верно думаю, деньги не могут быть основой для счастливой жизни. Не могут. Вот и здорово. Я вот что думаю, нельзя искать счастья в материальном мире, ведь счастье-то само по себе — это не материальная вещь, поэтому и искать его там, где его и быть не может, глупо. Охо-хо, глуп современный человек, охо-хо, невежествен человеческий разум... Пошли Шарик, пройдемся, а то моим исхудавшим ягодицам больно долго сидеть на таких твердых вещах, как лавочки.

Александр Петрович намотал на руку собачий поводок и двинулся с собакой вверх по улице.

Глава 19

Рыбалка

Александр Петрович двигался по улице, когда заметил впереди речку. Он видел ее и раньше. Речка была небольшой и называлась Альта и несла свои воды едва ли не через весь город. Правда, сейчас ее воды были скрыты льдом, на котором старик заметил рыбаков.

Александр Петрович спустился к реке и остановился на берегу. Недалеко от себя он заметил мужчину-рыбака, склонившегося с удочкой над прорубью. Постояв какое-то время в раздумии на берегу, словно размышляя о прочности льда, старик направился к рыбаку.

— Добрый день, — поздоровался старик с рыбаком. Им оказался мужчина лет пятидесяти, с небольшой бородой и усами. У мужчины были приятные черты лица, слегка раскосые, грустные глаза, нос с небольшой горбинкой, густые и широкие брови.

— И вам добрый, — взгляд мужчины оторвался от проруби и устремился к старику.

— Как рыбалка? Много рыбы наловили? — Александр Петрович остановился возле рыбака и заглянул в прорубь, словно хотел увидеть плавающих рыб в воде, но вместо них он видел только небольшую, но глубокую прорубь, по поверхности которой плавали тонкие пластинки маленьких льдинок.

— Есть немного. Клев не ахти, но все же лучше такой, чем никакой.

— Всегда удивлялся людям, которые готовы часами сидеть и в мороз и в жару с удочкой в руках на берегу реки. Это ж каким терпением надо обладать.

— А вы не рыбак?

— Когда-то был немного. Любил это дело. Правда, я увлекался летней рыбалкой, а не зимней. Зимняя рыбалка меня всегда отпугивала холодом. Кстати, меня Александр Петрович зовут, — старик улыбнулся и посмотрел на мужчину.

— А меня Леонид Романович. Мне что лето, что зима — всегда готов с удочками на речке сидеть. Иногда даже жена скандалит. Говорит, мало ей времени уделяю, но что поделаешь, страсть у меня

такая. Рыбалка — это как наркотик, если увлечен ею, то бросить это занятие очень трудно.

— Не могу с вами не согласиться, Леонид. Помню, будучи еще мальчишкой просыпался в пять утра, брал удочку и бежал на ставок. Целый день готов был там сидеть, особенно когда клевало, — рассмеялся Александр Петрович.

— Да, да, — кивнул Леонид Романович и улыбнулся, — когда клюет, можно и дневать и ночевать с удочкой в руках... А вы присаживайтесь на ящик, — Леонид Романович кивнул в сторону рыбацкого ящика, стоявший рядом. — Не стойте. Как говорят, в ногах правды нет. Я вот на стульчике устроился, а вы на ящик садитесь, только мне придется вас поднимать, когда улов будет.

Внезапно поплавок ожил и заходил ходуном по воде. Мужчина устремил взгляд в прорубь, мгновенно забыв о старике с собакой. Александр Петрович тоже не отводил взгляда от поплавка, словно замороженный наблюдая за его буйством. В памяти вмиг возникли картинки из далекого детства, затем — менее далекой взрослой жизни, когда он так же, как и мужчина, сидевший рядом, забывал обо всем на свете, стоило поплавку проявить малейшую активность.

Как только поплавок ушел под воду, Леонид Романович потянул удилице, леска натянулась, и крючок вылетел из воды.

— А-а-а, сорвалась! — воскликнул Леонид Романович, ловя рукой пустой крючок. — Ушла, бестия и наживку с собой прихватила.

— Не судьба, — улыбнулся Александр Петрович, присаживаясь на ящик.

— Так и есть. Как говорят, чему быть, того не миновать. Вот и мне, должно быть, не суждено было поймать эту рыбку, но ничего, не эту, так другую обязательно поймает, — сказал Леонид Романович, надевая наживку на крючок. — А что это у вашей собаки с ногой случилось?

— Другая собака укусила, — старик глянул на Шарика, свернувшегося рядом на снегу. — Все никак не заживет.

— Наверное, хорошенько цапнула.

— Да. Уже сколько дней прошло, а Шарик все на трех прыгает.

— Так вы бы его к ветеринару сводили.

— Да, неплохо было бы, — вздохнул старик, — только вот это денег стоит. Бесплатно собаку лечить никто не будет.

— Ну, а вы что хотели? Как говорят, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. В нашей жизни за все надо платить. Без этого никак. Хотя, признаться, не всегда это хочется делать, но тут выбирать не приходится. Или плати, или будем прощаться. Я вам скажу, слишком много у нас всяких халявщиков и лентяев появилось. Каждого второго можно назвать халявщиком. Хорошо ли это? Не думаю.

— А что вы понимаете под словом «халявщик»? Да и думаю халявщики тоже разные бывают. Не у всех доходы одинаковы.

— А я вам скажу, кто такие халявщики. Это те, кто хочет все получать даром, не заплатив ни копейки. Наш человек такой, ему бы все подешевле, а еще лучше бесплатно. Только вы не подумайте, я никого не осуждаю. Боже упаси! Как говорят, не суди и не судим будешь.

— Знаете, люди разные бывают, кто-то вынужден искать подешевле и даже бесплатно, а другой может себе позволить и дорогую вещь, но, тем не менее, хочет сэкономить. Никто не хочет поступать себе в ущерб, люди всегда ищут выгоду.

— Тут вы совершенно правы. На свой мозоль и я не хочу наступать. Зачем делать себе больно? Мы же не мазохисты какие-то. Каждый человек, в первую очередь, защищает свои интересы. И я думаю, в этом нет ничего плохого, если ты думаешь о себе, кто же о тебе еще подумает? Не правительство же? Эти как раз о тебе в последнюю очередь подумают. Им важнее свои карманы набить.

— Человек должен о себе сам думать. Вот что я вам скажу. Знаете в чем наша беда? В том, что мы все время надеемся на кого-то. В детстве мы надеемся на мам и пап, во взрослой жизни — на мам, пап, друзей, правительство. Человек не хочет быть ответственным за свою жизнь. Кто-то боится, кто-то ленится, кто-то невежественен, поэтому даже не подозревает о существовании ответственности. А потом мы удивляемся, почему у нас высокий уровень преступности и низкий уровень жизни или почему народ у нас неудовлетворенный.

— Вы хотите сказать, что если бы люди у нас стали более ответственными, то и жили бы мы в Украине иначе? Европа вон лучше живет, но я не думаю, что из-за того, что люди там более ответственны. У них там правительство иное. Хоть немного, но оно думает о людях.

— Ответственность — это не панацея от всех проблем в нашем государстве, — сказал старик, поглядывая на истертые носки ботинок. — И в Европе хватает безответственных людей. Везде они есть и будут, потому что безответственность это свойство невежественного разума. И до тех пор, пока мы, люди, будем хомо сапиенсами, мы будем невежественными.

— А это тут причем? — Леонид Романович оторвал взгляд от поплавок и посмотрел на старика.

— Знаете почему Европа живет лучше Украины?

— А я вам сказал свою точку зрения — у них правительство другое, думающее не только о себе, но и о людях.

— Не знаю, как там у них с правительством, но знаю, что оно у них, так же, как и у нас, состоит из людей. Верно? А если так, то проблема не в правительстве, а в людях. Другие люди — другое правительство. Там у людей менталитет другой, а значит иное отношение к жизни, к людям, к окружающему миру. Возможно, именно поэтому они живут лучше нас. То, в каких условиях мы рождаемся, растем, развиваемся, очень сильно влияет на то, кем мы, в конце концов, становимся.

— Вот-вот! — воскликнул Леонид Романович. — Условия, а создает нам условия для жизни кто? Правительство!

— А вот я бы сказал, что условия нашей жизни создаются все же обществом, а не правительством, — улыбнулся Александр Петрович. — Полагаю что правительство — всего лишь инструмент общества. Это как голова и рука. Голова — общество, а рука — правительство. Действительно, условия у нас неважные, но что-то мне подсказывает, что и в саду, где растет один чертополох, может вырасти прекрасная роза. Главное, чтобы семя розы попало в благодатную почву и тогда я не исключаю и того, что в скором времени сад чертополохов превратится в сад роз.

— Интересно вы говорите. Прямо философ, — улыбнулся Леонид Романович. — Это получается, что мы в нашей Украине все чертополохи?

— Ну, может и не все, но многие. К счастью, люди не растения, они не привязаны к одному месту, могут выбрать для себя другой сад, а могут и попытаться изменить его.

— Изменить условия, вы имеете в виду?

— Верно. Изменить условия.

— И как же они могут это сделать?

— Для этого им надо стать розами, — улыбнулся Александр Петрович.

— Всем сразу? Как же такое возможно? Мы с вами все же не в сказке живем?

— Кто как думает. Я же полагаю, что мы живем в мире не менее сказочном и волшебном, чем те, что рисуют нам сказки. Помните, я говорил, что и среди чертополоха может вырасти прекрасная роза? Для чуда очень часто достаточно одного человека. Где есть один человек, может появиться и два, где есть два — три и т. д. В нашей истории есть достаточно примеров того, как один человек менял жизнь многих. Вспомните хотя бы Иисуса, Мухаммеда или Будду. Последствия деяний этих людей мы ощущаем и сегодня. Или вот в наше время — Мать Тереза или Далай-лама. Такие люди оказывают очень большое влияние на других людей, в корне меняя их жизни.

— Ну вы сказали! Иисус, Мухаммед, Будда, Далай-лама, Мать Тереза. Куда нам смертным равняться с бессмертными?

— Не скажите. Эти люди не родились такими, но стали ими. Они мало чем отличались или отличаются от нас. У них так же, как и у нас с вами две руки и две ноги, одна голова и одно сердце. Видите? Они такие же, как мы.

— Ну, не знаю. Мне трудно поставить себя в один ряд с Иисусом или Буддой, — на лице Леонида Романовича появилось сконфуженное выражение. — Мы все же не они, а они — не мы.

— И вы правы, — улыбнулся Александр Петрович. — Мы — не они, а они — не мы. Я вам даже могу сказать почему. Не сочтите мои слова за бахвальство или всезнайство. По правде говоря, я очень мало знаю, и чем больше узнаю, тем больше понимаю, как мало знаю. Но то, что я уже узнал, дает мне повод делать некоторые жизненные выводы. И я вам хочу сказать, что не человеческий разум сделал Иисуса или Мать Терезу теми, кем они стали.

Леонид Романович переложил удилице с одной руки в другую и задумчиво поджал губы. Похоже, он не совсем понимал, о чем говорил этот странный старик.

— Их сделало такими их сердце, — продолжал Александр Петрович, почесывая отросшую бороду. — Почему о таких людях

память остается на века? Потому что своими деяниями они обращаются не к разуму человека, а к его сердцу. Такие люди говорят о добре, а не о зле, о сострадании, а не о жестокости, о помощи, а не об эгоизме. Они говорят о том, что чувствуют, о том, что находят понимание в их сердце. Они следуют потребностям бескорыстного, доброго и отзывчивого сердца, а не прихотям эгоистичного, корыстного и тщеславного разума. А деяния, которые основаны на потребностях сердца, всегда найдут понимание у другого человека, ведь у каждого из нас есть сердце. И если бы мы все жили своим сердцем, а не разумом, мы все были бы прекрасными цветущими розами, а не сухим чертополохом.

Александр Петрович замолчал. Молчал и Леонид Романович, обдумывая сказанное стариком.

— Хорошо вы говорите, — нарушил затянувшуюся паузу Леонид Романович. — У каждого из нас есть сердце, но и у каждого из нас есть разум. Я вот не совсем понимаю, с чего вы взяли, что сердце доброе и сострадательное, а разум злой и корыстный. Почему вы так решили? Может все как раз наоборот?

— А вы сами как думаете?

— Ну как я думаю. Я пока никак не думаю. Мне интересно, что вы скажите.

— Это трудно объяснить. Это надо почувствовать. Проявите к кому-нибудь милосердие или сострадание, совершите любой добрый поступок и обязательно почувствуете тепло. И когда вы его почувствуете, обратите внимание, откуда это тепло исходит.

Александр Петрович заметил, как улыбка появилась на лице сидевшего рядом мужчины.

— Так и сделаю, — сказал тот и добавил, заметив, как поплавок опять заплесал по воде. — Клюет.

Спустя мгновение на снегу забила маленькая плотвичка.

— А чтоб тебя, — пробормотал Леонид Романович, взглянув на улов.

— Совсем малек, — заметил Александр Петрович.

— Такую и домой нечего нести, — мужчина снял плотвичку с крючка и бросил Шарику. — Собака у вас рыбу ест?

— Ест, — ответил Александр Петрович, наклонился и накрыл рыбку ладонью, прежде, чем Шарик успел ее схватить. — Но давайте

мы сделаем иначе. — Если вы не возражаете, я предлагаю эту малышку отпустить.

Не дождавшись какой-либо реакции на свои слова, старик бросил плотвичку назад в прорубь, где та спустя миг скрылась под водой.

— Это тоже, как вы ее называете, жизнь сердцем? — спросил Леонид Романович у старика.

— Конечно. Добро, сострадание, забота, — все это наше сердце испытывает не только к людям, но и к животным и даже растениям. Сердцу неважно кому нести добро, но ему важно видеть улыбку на лице другого человека, важно находить отклик в других сердцах, важно любить и не обязательно взаимно. Наше сердце понимает, что ему никто ничего не должен, никто ему ничем не обязан. Наше сердце по своей природе альтруистично. Нет в нем ни грамма эгоизма. Все зло, которое совершается человеком, исходит от невежественного разума.

— Вы думаете, что разуму не свойственна доброта?

— Хороший вопрос. Об этом я не думал. Но давайте подумаем вместе. Сразу скажу, я не ученый и даже не философ. Я всего лишь человек, который стремится понять жизнь, познать истину, поэтому то, что я говорю, — это результаты моих, скажем так, чувствований и размышлений. И именно поэтому не воспринимайте мои слова, как научно доказанные факты. Нет, это всего лишь, повторю, результаты моих чувствований и размышлений. И вот что я думаю по поводу нашего разума. Если нашему сердцу от природы свойственна доброта, то разум, я полагаю, нейтрален. Он не зло, но и не добро. Ведь ребенок, когда приходит в этот чудесный мир, не владеет никакими знаниями, умениями. У него никаких ограничителей в голове, например, правил поведения. Он не знает, что хорошо, что плохо, что можно делать, что нельзя. Разум ребенка подобен чистому листу бумаги. Ваш разум или мой был когда-то таким же листом бумаги, а все те знания, умения, которые у нас есть на сегодняшний день — все это мы получили уже в процессе жизни, общаясь с другими людьми, с окружающим миром. Каждый прожитый день на этой прекрасной планете давал нам новые знания, новую информацию, которая и формировала нас на протяжении годов. Если мы видели больше добра, то не удивительно, что мы сами стараемся нести добро в мир, если же нас окружало зло, то и здесь нет ничего удивительного в том, что

человек становится злым. Мне кажется, что наш разум как губка, он впитывает информацию из окружающего мира, а потом на ее основе мы совершаем всевозможные поступки — хорошие или плохие, — это уже зависит от полученной ранее информации. К сожалению, я никогда не интересовался тем, как устроен человеческий разум, как он работает. Это большое упущение с моей стороны. Думаю, это очень интересно, знать, что находится у тебя в голове — бомба замедленного действия или сокровище, способное превратить тебя в гения.

— А тут, наверное, как уже повезет, — Леонид Романович подергал удилице, заставляя поплавок ожить. — Были же в истории и люди, способные разрушать, были и те, кого можно назвать творцами. Взять того же Иисуса. Этот человек нес добро в мир и даже, когда другие люди заставляли его страдать, он отвечал добром на зло. Или взять Гитлера. Сколько людей погибло из-за него?

— А это то, о чем я вам говорил. Иисус был добрым и сострадательным, так как его сердце было таким. А вот Гитлер и думать не хотел о том, что у него есть сердце, хотя его сердце ничем не было хуже вашего сердца, моего или того же Иисуса. Прислушивался бы он больше к своему сердцу, он не стал бы тем, кем стал — убийцей миллионов. Но он не хотел слушать сердце, так как находился во власти разума, тщеславного, жестокого, эгоистичного, который управлял им, его поступками, управлял всей его жизнью в целом. Я даже вот что только что подумал. Зла не существует в природе, как впрочем, и добра.

— Это как так?

— Ну вот покажите мне добро или зло.

Леонид Романович повертел головой, словно пытался найти возле себя зло и добро, затем нахмурился и почесал нос.

— Вы не можете этого сделать, — продолжил Александр Петрович. — Это же не какая-нибудь вещь, которую мы можем увидеть или пощупать, как то же удилице, что вы держите в руке. Зло не живет в реке, как карась, или в лесу, как волк или заяц, оно не летает в небе, как самолет, или в космосе, как комета. Вы его нигде не найдете, как бы вы ни старались, нигде кроме своего разума. Наш разум рождает зло, несет разрушения и смерть. Вот что я вам скажу.

— Вас послушать, так в человеческом разуме нет ничего хорошего. Он одно сплошное зло. Но ведь именно разум сделал из

обезьяны человека.

— А кто вам сказал, что разум — сплошное зло? Я такого не говорил. Я вообще полагаю, что разум надо рассматривать как инструмент, но инструмент, который может как разрушать, так и создавать. Нельзя сказать, что разум — это сплошное зло, так как благодаря разуму, который создает, мы имеем на сегодняшний день и много чего хорошего, например, высокий уровень медицины, науки. Но опять же, та же наука создала атомную бомбу. Чтобы вы ни говорили, но я не думаю, что это хорошее изобретение. Такое изобретение направлено на разрушение, а значит на творение зла. Вспомните Хиросиму и второй японский город, забыл, как его, ну да ладно, это не столь важно. Порой мне кажется, что лучше бы люди и дальше прятались по пещерам, по крайней мере, планета сейчас бы не страдала от человеческого ига. Я даже думаю, что человек — единственный организм на планете, исчезновение которого для планеты окажется благом. Это о чем-то да говорит. Не думаю, что это пустые слова. Я уверен, что никто и никогда не причинил столько зла планете, как человек. И что интересно, чем больше человек становился человеком, чем более развитым становился его разум, тем больше зла он нес в этот мир.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы сравните количество погибших в любой из войн древнего мира с их количеством во Второй мировой войне. Если в первом случае счет шел на тысячи, то во втором уже на миллионы. Вот вам и высокоразвитый человеческий разум. Мне страшно предположить, сколько погибнет в Третьей мировой войне.

— Ну это если она будет, в чем я сомневаюсь.

— А я нет, если человек и дальше будет жить разумом.

— Но человек не может не жить разумом. На то он и человек разумный.

— Вы правы. Конечно, не может, но он может управлять своим разумом, а не быть его рабом.

— И как же он это может сделать?

— Контролировать себя. Не потакать его эгоистичным и тщеславным прихотям.

— Легко сказать, — ухмылка появилась на лице Леонида Романовича.

— Человеческий разум обладает очень хорошей способностью, он умеет приспосабливаться к условиям, к сожалению, как к хорошим, так и плохим. Но человек, я вам говорил, не растение, он можем менять условия, может создавать новые. Положите в основу своей жизни свое сердце, направьте свой разум на творение и вы ни дня не будете сожалеть, что поступили так.

— А у вас это хорошо получается?

— Что именно?

— Жить сердцем, создавать, а не разрушать, контролировать свой разум.

— Хорошо, но трудно.

— А почему трудно?

— Потому что я живу в мире, в котором большинство людей живет разумом, при этом разумом, направленным на разрушение, а не созидание. Кто-то разрушает окружающий мир, планету, кто-то — свою жизнь или жизнь другого человека, а кто-то — свой организм. Человеческий разум невежественен, таким он делает и своего обладателя. Человек не ценит ни тот мир, в котором живет, ни то уникальное существо, каким является.

— А вы говорите, что вы не философ. Вы самый настоящий философ, — рассмеялся Леонид Романович. — Этаким проповедник жизни сердцем. Вам надо выступить перед большой аудиторией. Вы не думали об этом?

— Нет, не думал.

— Обязательно подумайте. Конечно, то о чем вы говорите слишком идеально, но думаю, ваши взгляды найдут поддержку у людей.

— Спасибо, подумаю, — улыбнулся Александр Петрович и окинул задумчивым взглядом берега речки.

Часть 2

Весна

Глава 1

В парке

— Ты посмотри Шарик красота-то какая! — воскликнул Александр Петрович.

Старик стоял на мосту, соединяющим левый и правый берег Днепра и смотрел на раскинувшееся перед ним Кременчугское водохранилище. Яркие солнечные лучи весеннего солнца скользили по водной поверхности, заставляя ее сверкать. Далеко впереди Александр Петрович заметил несколько островков, поросших кустами и небольшими деревцами, чахлыми, с искривленными стволами, голыми, лишенными листвы, ветвями. Кое-где лед все еще сковывал воды Днепра, но такие островки холода были редки, большая часть Днепра уже избавилась от зимних оков.

За спиной старика проносились вереницы машин, но старик не обращал на них внимания, как и на тот шум, который они издавали. Все внимание старика было охвачено необъятными просторами бегущей на юг воды, красивыми речными видами, природой, пробуждающейся от зимнего сна.

Зима закончилась, вместе с ней ушли холода и морозы. Долгие зимние недели, наполненные холодом и голодом, канули в прошлое, оставив после себя одни лишь воспоминания.

Старик улыбнулся, почувствовав на лице лучи теплого весеннего солнца. На душе у него было легко и светло. Старик радовался приходу весны, как ребенок, которому купили давно желанную игрушку. Наступила весна, а он все еще был жив и чувствовал себя неплохо, хоть и очень сильно исхудал.

Зима прошла, но лишения, никуда не делись. Купленные когда-то продукты питания давно закончились, а купить новые старику было не за что. Часто он сам удивлялся тому, что они с Шариком все еще живы и даже могут радоваться первым, но уже теплым лучам весеннего солнца. Тому, что старик все еще был жив, во многом он был обязан собаке, на какое-то время именно она стала его кормилицей.

Когда старику стало нечем кормить собаку, он освободил ее от поводка, предоставив ей свободу и позволив ей самостоятельно

заботиться о своем пропитании. Но Шарик не был бы Шариком, доброй и преданной собакой, если бы покинул старика. Конечно, он его покидал, но ненадолго, только для того, чтобы найти что-то съедобное. Удивительно, но собака, казалось, понимала в каком тяжелом положении оказался старик и очень часто, возвращаясь к нему, приносила с собой что-то съестное и для него. Местность, по которой проходил старик, была людной, село следовало за селом, поэтому Шарик было где разжиться едой. Однажды собака принесла старику кусок сала, но Александр Петрович не стал его есть и отдал собаке, он не мог изменить себе, не мог изменить своему сердцу, не желавшему, чтобы он принимал в пищу плоть живого существа. В следующий раз Шарик приволок целую котомку творога, которому старик был очень рад. Творожной еды Александру Петровичу хватило надолго. Потом были ломти хлеба, яблоки и даже пластиковая бутылка с молоком. Шарик занимался мелким воровством, но старик не мог гневаться на собаку, ведь именно благодаря этому воровству он все еще был жив. С этих пор дружба собаки и человека стала еще крепче, приобрела новых форм, к словам, которыми старик называл собаку, добавилось еще одно слово — слово «братишка».

— А вот там, братишка, Черкассы, — старик перевел взгляд вправо, где дневное солнце искрилось на золотистых куполах церквей. Ряды многоэтажек выстроились друг возле друга, словно солдаты на параде. Но не они привлекли внимание старика. То, что было создано человеком, старика мало интересовало, другое дело, если творцом выступала природа, как в этом случае — на окраине города Александр Петрович заметил парк, раскинувшийся рядом с Днепром.

— Вот там мы и отдохнем, братишка, — старик повернулся к собаке, сидевшей у его ног. — Пошли, братишка. Устал я, ноги болят, да и шумно здесь очень.

Старик окинул напоследок Кременчугское водохранилище с моста и двинулся к видневшемуся вдали парку. Шарик вскочил на ноги и побежал за стариком.

* * *

Александр Петрович сидел на лавочке в парке и наблюдал за людьми, гулявшими по дорожкам. Шарик куда-то запропастился, но старик не волновался за него, так как знал, что рано или поздно, тот вернется. Александр Петрович расстегнул пуговицы пальто и снял с шеи шарф. На улице было тепло. Старику, одетому в отличие от многих гулявших в парке, все еще по-зимнему, было жарко. Но сменной одежды у старика не было, поэтому единственное, что он мог сделать в этой ситуации это снять свитер и хоть немного облегчить тело.

Александр Петрович положил шарф в кулек, где уже давно нашли свое пристанище перчатки, туда же он бросил и свитер. Набросив на рубашку пальто, старик улыбнулся и закрыл глаза.

— Теперь намного лучше, — подумал Александр Петрович, чувствуя, как ветерок принялся гулять по телу, приятно освежая его.

— Прощу прощения, вы не подскажите который час? — услышал старик женский голос.

Александр Петрович открыл глаза и увидел перед собой девушку. Одетая она была в короткую кожаную курточку, юбку и полуботинки на длинном каблуке. Девушка стояла возле старика и нервно покусывала губы. Девушка посмотрела на старика, затем повернула голову в сторону людей, гулявших по парку, затем снова посмотрела на старика.

— Конечно скажу, — Александр Петрович посмотрел на наручные часы. — Без двух минут двенадцать. А что вы так нервничаете, ждете кого-то?

— Та да, — девушка закусил губу и снова посмотрела в сторону. — Договорилась встретиться с другом в 11:45, а его до сих пор нет. И позвонить не могу, утром бежала на работу и забыла дома мобильник. А мне скоро назад на работу надо возвращаться.

— А где же вы договорились встретиться?

— Возле русалки, — девушка кивнула в сторону памятника русалке недалеко.

— Задерживается ваш друг, — сказал Александр Петрович. — Думаю, надо подождать.

— Та он и не друг мне совсем. Так, в интернете вчера познакомились и договорились встретиться.

— А я слышал, что люди в интернете знакомятся, а потом даже женятся, семьи создают. Мы раньше, по-стариковски, познакомились, кто

в клубе, кто в институте учился вместе с будущей женой или мужем. Современный мир, современная жизнь, — улыбнулся Александр Петрович. — Нам старикам этого не понять. Но, наверное, интересно?

— Та какое там, зато выбор большой и удобно, — улыбнулась девушка. — Не надо никуда идти, смотри фотографии и выбирай кого хочешь.

— Но неужели по фотографии можно понять, что за человек? Вы же по внешности выбираете, если я правильно вас понял, а как же внутренний мир человека? Вы же не знаете, каков этот человек, какой у него характер. Может в жизни, если бы вы его встретили, то обходили бы десятой дорогой.

— Для этого мы и встречаемся, чтобы понять, что за человек. Не понравится, всегда можно расстаться. Я уже не первый раз встречаюсь с ребятами из интернета.

— И что, так никого и не выбрали?

— Неа. По фотографии нравятся, а когда встречаемся в реале, перенравливаются.

— Так вы можете всю жизнь в интернете провести в поисках жениха, — заметил Александр Петрович.

— Ну да. Хотя у меня несколько подружек так нашли себе парней и довольны.

— Но пока ничего не получается я так понимаю.

— Ага.

— Тогда попробуйте поискать не в интернете, — улыбнулся старик.

— Та тоже пробовала.

— И тоже безрезультатно?

— Ну не совсем. С одним молодым человеком провстречалась год, с другим — три.

— Значит и эти ребята вам чем-то не угодили?

— Просто поняла со временем, что не мое.

— Не ваше. А можно полюбопытствовать, а как вы это поняли?

— Почувствовала. Хочется чего-то другого.

— И чего же именно знаете?

— Хочется быть любимой, хочется, чтобы о тебе заботились и помогали.

— Неужто наши мальчишки ничего этого не делают?

— Делают, но не так как хочется.

— А вы им говорили, как вам хочется? — Александр Петрович улыбнулся и посмотрел в большие карие глаза девушки.

— Неа.

— Почему?

— Не знаю. Я думаю, молодые люди сами должны понимать, чего хочет девушка. Без подсказок.

— Но как же они узнают, чего вы хотите, если вы им не говорите этого? Они же не умеют читать мысли.

— Я думаю, они должны просто знать и все, — девушка пожалала плечами и посмотрела в сторону каменной русалки.

— Позвольте узнать, как вас зовут?

— Наташа.

— Очень приятно, Наташа, а меня Александр Петрович. Наташа, знаете, почему распадаются многие семьи? Из-за непонимания и эгоизма. Когда в семье нет понимания между супругами, возникают скандалы, ссоры, обиды. Многие из нас думают, что нам все должны, нас должны обхаживать, как детей, любить, заботиться о нас, помогать нам. В семьях супруги любят тянуть одеяло каждый в свою сторону, но кроме разорванного на части одеяла, испорченных отношений и обиды, таким способом ничего не добиться. Любовь не терпит эгоизма, она рождается там, где есть взаимопонимание, поддержка и общение. Там, где появляется эгоизм, исчезает любовь, где прекращается разговор, возникает непонимание. Наташа, если вы хотите иметь крепкие отношения, никогда не замыкайтесь в себе, никогда не сосредотачивайте внимание только на себе, больше общайтесь с любимым человеком. Мы, люди, все разные. У каждого из нас свое понимание любви, того, как любить. Даже у нас с вами разные взгляды на те или иные вопросы, потому что у нас разное восприятие окружающего мира. Я смотрю на жизнь с оглядкой на свой жизненный опыт, вы на свой. Из-за этого у нас может возникнуть недопонимание. Я буду отстаивать свою точку зрения, а вы — свою. Я буду говорить, что я прав, а вы не правы, вы же будете утверждать, что я не прав, а вы правы. Также все может происходить и в ваших отношениях с молодым человеком. Поэтому мы должны говорить с людьми, спрашивать их, прислушиваться к их ответам. Общайтесь со своим молодым человеком, не ждите, что он с вами первый заговорит.

Так вы можете никогда этого не дожидаться. Современные ребята робкие, замкнутые, порой и слова не вытянешь. В таких условиях не надо ждать. Никогда не надо ждать, когда дело касается отношений. Поэтому не ждите особенного отношения от молодого человека, если вы не сказали ему что для вас значит «особенные отношения».

— Даже не знаю, что вам сказать, — Наташа посмотрела на старика и улыбнулась.

— А вы ничего не говорите, — старик вернул улыбку. — Слушайте свое сердце. Никто не знает, что для вас лучше, никто кроме вашего сердца. Главное не бойтесь слушать его, а оно вас никогда не обманет.

— Ой, а сколько время? — встрепенулась девушка.

— Двенадцать часов и пятнадцать минут, — сказал старик, взглянув на часы.

— Мне на работу пора. Так и не дождалась я друга.

— Не расстраивайтесь, — улыбнулся старик. — Что ни делается, все к лучшему. Кто знает, может именно сейчас, когда вы будете возвращаться на работу, вы встретите свою судьбу.

— Спасибо, — улыбнулась девушка. — И до свидания.

— До свидания, — попрощался Александр Петрович.

Старик смотрел в спину Наташе, пока та не скрылась за поворотом.

— Мужчина, можно с вами поговорить? — услышал Александр Петрович голос.

Старик повернул голову и увидел двух женщин бальзаковского возраста, сидевших на лавочке недалеко от лавочки старика. Одна из них, та что сидела ближе к старику, носила очки с большой оправой, из-за которых была похожа на строгую учительницу. Одежда также способствовала образу — длинное темное пальто, юбка, косынка на шее и коричневый берет на голове. Вторая женщина почему-то напомнила старику врача. Возможно из-за широкой белозубой улыбки, которой она одаривала прохожих. Одета женщина была в черные брюки и серый плащ. На шее был повязан голубой тонкий шарфик.

— Конечно можно, — улыбнулся Александр Петрович. — О чем вы хотели поговорить со мной?

— Вот вы говорили той девушке, что надо слушать свое сердце, — сказала женщина с шарфиком на шее. — А если сердце

ошибается? Не придется ли жалеть потом о содеянном?

— Сердце никогда не ошибается, поэтому вы никогда не будете жалеть о содеянном.

— Вы думаете? — спросила женщина с косынкой на шее. — У меня есть знакомая, которая тоже считает, что надо слушать сердце, правильнее будет сказать, какое-то время назад считала, но после некоторых событий она старается меньше прислушиваться к сердцу, так как поняла, что сердце порой приводит к несчастью.

— Прежде чем я вам отвечу, давайте познакомимся, — предложил Александр Петрович. — Мне неловко разговаривать с человеком, имени которого я не знаю. Меня зовут Александр Петрович. А вас, дамы, как?

— Меня зовут Татьяна, — сказала женщина с шарфиком на шее.

— А меня — Галина, — сказала женщина с косынкой на шее.

— Очень приятно, — улыбнулся старик. — Теперь совсем другое дело. Галина, вот вы говорите, что ваша знакомая одно время слушала сердце, но после некоего события решила больше этого не делать.

— Нет, она слушает его, но не так часто как раньше.

— Хорошо, пусть будет так. Это не столь важно. А вы могли бы сказать, почему она стала реже его слушать?

— Ой, там очень долгая история. Если коротко, то познакомилась она как-то с мужчиной. У этого мужчины была семья, жена, дети — мальчику на то время было пять лет, девочке — семь. Моя подруга также имела детей, приблизительно такого же возраста, но с мужем она давно развелась и жила сама с детьми. Но по этому поводу она не переживала, у нее был свой бизнес, и она вполне хорошо себя чувствовала без мужика. И вот как-то она познакомилась с мужчиной. Удивительно, но он не скрывал того, что у него семья. С первых дней знакомства она уже знала об этом. И головой она понимала, что не стоит связываться с этим мужчиной, но пошла на поводу у сердца и знаете, к чему это привело? Жена того мужчины, как только узнала об измене, наложила на себя руки и теперь тот мужчина сам растит двух малолетних детей. Представьте, как ему знать, что он повинен в смерти супруги. Но это еще цветочки. Мне интересно будет узнать, как будут развиваться его отношения с детьми, когда они вырастут и поймут, почему умерла их мать. Ну и естественно, моя подруга сразу порвала с ним отношения после трагедии. И теперь она не так глупа,

чтобы идти на поводу у чувств, хотя и я ей и тогда говорила, не глупи, не играй с огнем, но она никого не хотела слушать и вот результат. Знаю, что после трагедии ей было очень тяжело. Как-никак и она повинна в смерти той женщины. Вот теперь вы мне и скажите, зачем слушать сердце, если оно лживое и безответственное?

— Галина, — Александр Петрович улыбнулся и посмотрел на женщину. — Вот вы рассказали историю, но я так и не понял в чем же повинно сердце?

— Как это в чем? Да в том, что не пойдя моя подруга на поводу у него, никакой трагедии и не было бы. Та женщина был бы жива и радовалась бы жизни, живя со своими детьми и мужем.

— Простите, Галина, но вы зря обвиняете сердце. Оно ни в чем не повинно. Если кто-то и виновен в той ситуации, то только та женщина, которая умерла. Вот кто-кто, а она отказалась слушать свое сердце и пошла на поводу у своего обидчивого и эгоистичного разума. Будь она мудрее, она бы никогда не позволила себе даже думать о смерти. Наше сердце жаждет жить, двигаться вперед, несмотря на жизненные препятствия и неприятности. Это во-первых. Во-вторых же, ваша подруга, решив завести роман, не шла на поводу у сердца, только на поводу у разума. То, что заставляет нас разрушать, идет от разума, то, что помогает нам творить — от сердца. Действия вашей подруги были направлены на разрушение, в нашем случае, чужой семьи, поэтому в ответе за это не сердце, а разум, который всегда стремится испытать удовольствия, даже не смотря на последствия. Но и тут мне сложно говорить о какой либо вине со стороны вашей подруги.

— Почему? Она же разрушила семью, — Галина приподняла бровь.

— Ничего она не разрушала, — улыбка на устах Александра Петровича стала шире.

Старик поднял голову и посмотрел на голубое небо. Безоблачное, чистое и нежное, оно казалось обителью совершенной красоты, океаном мудрости и добродетели.

— Как так? — чуть ли не одновременно спросили Галина и Татьяна.

— Как красиво, — пронеслось в голове у старика.

— Смею предположить, — Александр Петрович снова посмотрел на женщин, — что та семья уже была разрушена. Там не было любви.

Не было, потому что в отношениях между мужем и женой было много эгоизма. Если бы это было не так, муж не пошел бы налево, а жена не ушла бы из этого прекрасного мира.

Александр Петрович увидел, как глаза женщин округлились, а рты приоткрылись, словно у рыбы, вытащенной из воды.

— Думаю, та семья задолго до встречи вашей подруги и того мужчины была обречена. Те люди не были созданы друг для друга. Кто знает, может ваша подруга и тот мужчина создали бы лучшую семью.

— Безумие! — воскликнула Галина. — Как вам такое в голову только пришло? На них вина за смерть женщины, а вы о создании семьи говорите. Глупости какие!

— Ну, почему же? — услышал Александр Петрович мужской голос.

Старик поискал глазами говорившего, но растерялся, заметив возле себя несколько человек, привлеченные беседой старика с двумя женщинами.

— Вы не возражаете, если мы присоединимся к вашему разговору? — спросил мужчина в длинном пальто, шляпе с круглыми полями и кейсом в руках.

— Конечно же нет, — расплылся в улыбке старик. — Больше людей, больше мнений, ближе истина.

— Я вот что думаю. Вы вполне можете быть правы, — мужчина в шляпе указал на Александра Петровича. — У моей дочери муж пошел налево. Так она на развод подала и сейчас живет еще лучше, чем прежде с новым мужем. Жалует только о том, что раньше с ним не встретила. Но и это еще не все. Бывший муж моей дочери женился на любовнице и тоже вполне доволен жизнью, несмотря на то, что у любовницы тоже была семья. Правду говорят, мы предполагаем, а бог располагает.

— Часто люди безответственно подходят к созданию семьи, — сказал Александр Петрович, окидывая взглядом собравшихся вокруг — уже говоривший мужчина в шляпе, парень с девушкой, две девушки и две пожилые женщины.

Странное чувство появилось в груди у старика. Неведомое ему ранее, но набирающее силу с каждой новой минутой его пребывания в окружении других людей. Он понял, что ему нравится ловить на себе

заинтересованные взгляды людей, нравится видеть, что люди его слушают, даже если не согласны с ним.

— Многие из нас вообще не понимают, что такое семья. Они думают, что для того, чтобы создать семью достаточно найти партнера.

— А это разве не так? — спросил парень, который был с девушкой.

— Конечно не так, — Александр Петрович провел ладонью по подбородку, после чего принялся теребить пальцами волоски бороды. — Представьте, что человек заблудился в лесу. К счастью, ему на пути встретился другой человек. К несчастью, он тоже заблудился. Вы начинаете вдвоем бродить по лесу в поисках выхода, но не находите его, так как не знаете, в какую сторону двигаться, чтобы выбраться из леса. Многие люди, решившие создать семью, находятся в таком же положении, как двое заблудившихся в лесу. Их разум невежественен, он не владеет знаниями, необходимыми для создания крепкой семьи.

— И что же это за знания? — спросила одна из девушек, рыжеволосая, невысокого роста с веселыми глазами и веснушками на лице.

— К сожалению, эти знания не дают в школе, не преподают их в институте. В нашем чудесном мире есть только одно место, где хранятся такие знания, по правде говоря, в этом месте хранятся любые знания, которые нам необходимы для жизни. Люди — удивительные существа, с первого дня своего рождения у них уже имеются знания, необходимые им для жизни, но они не желают ими пользоваться. Разве стоит после этого удивляться, что человек — самое несчастливое существо на планете?

— Вы не сказали, где эти знания находятся, — заметила подружка рыжеволосой девушки, большеглазая брюнетка с большими глазами и полными губами.

— Неужели? — улыбнулся старик. — О, это очень близкое место. Чтобы к нему добраться, вам даже двигаться не надо, потому что оно находится, — старик сделал паузу, чтобы обвести взглядом окружающих, — вот здесь, — старик ткнул себя в грудь. — В сердце. Ваше сердце знает ответы на все вопросы о жизни, которые у вас могут появиться на протяжении жизни. Главное слышать свое сердце и прислушиваться к тому, что оно вам говорит.

— Философствование, — пробормотал парень. — А без него никак? Не проще ли просто сказать, что за знания и все, без лишней мороки.

— Проще, — сказал Александр Петрович. — Но то, что проще и легче не всегда значит лучше. Человек всегда старается найти самый легкий путь, самый беззаботный. Человеческий разум ленивый, человеческое сердце деятельно, в отличие от разума оно не боится трудностей и препятствий, хоть порою медленно, но оно преодолевает их и двигается дальше. А вот разум, едва заметит трудность, стремится ее обойти или даже вернуться назад. Человеческий разум труслив и ленив, человеческое сердце — не знает страха и всегда активно... Вот вы хотите получить знания без лишней мороки, — Александр Петрович повернул голову к парню. — Вы их получите без лишней мороки. Давайте сделаем так. Ударьте меня.

Парень посмотрел на старика, как на умалишенного.

— Не хочу я этого делать, — сказал он.

— Почему?

— Просто не хочу. Вы мне ничего плохого не сделали.

— Хорошо. А вы что-то почувствовали, когда я вас попросил ударить меня.

— Неприятие вашего предложения. Какое-то внутреннее сопротивление. В конце концов, я же не браток какой-нибудь, чтобы людей ни с того ни с сего избивать.

— Для вас это неприемлемо?

— Конечно неприемлемо. Я добряк по натуре.

— Вот вам еще знания. Кроме того, что человеческое сердце деятельное и не знает страха, оно еще и доброе, сострадательное, стремится проявлять заботу. Мы все, как вы говорите, по натуре добряки. Только вот порою мы забываем об этом, идя на поводу у своего невежественного и эгоистичного разума. Поэтому я и говорю, что жить надо сердцем — дома, общаясь с семьей, на работе, общаясь с коллегами, в транспорте или на рынке, общаясь с чужими людьми, неважно где, неважно с кем. Везде и со всеми. Только так можно стать по-настоящему счастливым человеком. Только так можно получить от жизни истинное удовлетворение.

— Вы, правда, верите в то, что говорите? — спросила старика Галина. — Как можно жить сердцем в таком жестоком мире, в котором

мы живем? Вы только посмотрите, что происходит в мире? Вокруг одно насилие и зло. О какой жизни сердцем, о каком добре вы говорите? Не забивайте людям головы чепухой.

— Вот из-за того, что многие не видят иной жизни, кроме жизни разумом, в нашем мире столько зла. Даже люди, обладающие хорошим зрением, очень часто становятся близорукими и не видят дальше своего носа. А все из-за того, что их разум ограничен, он не видит прекрасных горизонтов, о которых может поведать сердце, безграничное и искреннее.

— Все это чепуха, — Галина поправила очки и поднялась с лавочки. — Идем, Танюша, я еще хотела в магазин зайти.

Старик посмотрел вслед удаляющейся парочке и сказал:

— Когда человек не хочет видеть, каким бы зрячим он ни был, он не увидит, особенно тот, кто смотрит разумом. Смотреть надо сердцем, только так можно познать истину.

Спустя мгновение старика оставили все за исключением двух девушек-подружек.

— А можно у вас спросить? — рыжеволосая девушка посмотрела на старика и улыбнулась.

— Можно, — старик кивнул и улыбнулся в ответ.

Старик давно уже понял, что с молодыми намного легче найти общий язык, чем с людьми, которым перевалило за третий или четвертый десяток.

— А вы не из этих, ну типа, из разных сект?

— Нет, я далек от какой-либо религии, — Александр Петрович расплылся в улыбке. — Не бойтесь, я не стараюсь обратить вас в какую-либо веру. Единственное, что я пытаюсь сделать — открыть людям глаза, пробудить их, показать, что в этом прекрасном мире человек может не только страдать и жаловаться на судьбу, но и быть счастливым, радоваться каждому прожитому дню, как последнему, а главное получать от жизни чистое и искреннее удовлетворение.

— Тогда понятно, — сказала девушка. — Просто многое, что вы говорите, лично мне кажется правильным.

— Вы не воспринимайте на веру мои слова или слова любого другого человека. Слушайте только свое сердце и оно вам подскажет, в какую сторону идти, чтобы найти истину. Если вы чувствуете, что мои

слова находят отклик у вас в груди, значит истина близко. Она там, где соединяются сердца людей.

— А меня вот заинтересовали ваши слова о семье, — подружка рыжеволосой девушки захлопала ресницами, окружавшими глаза, словно лес озеро. — Вы говорили, что многие не знают, что такое семья, а что для вас семья?

— Если бы мне задали этот вопрос в прошлом году, я сказал бы что семья — это самое главное в жизни человека, союз двух любящих друг друга людей, решивших заботиться друг о друге, как говорится, пока смерть не разлучит их. Я всегда думал, что человек рождается для того, чтобы создать семью, родить и вырастить детей. Оставить таким вот образом память о себе.

— А разве это не так? — спросила рыжеволосая девушка.

— Не совсем, — старик поджал губы и посмотрел куда-то вдаль. — Сегодня я думаю несколько иначе. Семья — это нечто большее, чем просто союз людей, семья — это союз людей, готовых быть отцом и матерью.

— Это как? — нахмурила лоб большеглазка.

— Очень просто, — улыбнулся старик. — Люди, готовы быть отцом и матерью только тогда, когда родили и вырастили самого главного ребенка в своей жизни — самих себя.

— Ничего не понимаю, — скривилась рыженькая.

— Я все объясню, — сказал старик. — Человек рождается, в первую очередь, для того чтобы дать жизнь самому себе и только после этого — другому человеку. Дать жизнь другому человеку несложно, намного сложнее дать ее самому себе.

— А что значит дать себе жизнь? — спросила рыженькая.

— Дать жизнь себе — значит найти себя в этом мире, понять, зачем ты пришел сюда. И здесь очень важно слушать свое сердце, так как именно оно помогает обрести себя. Не сделав этого, вы рискуете всю оставшуюся жизнь провести в душевных муках и частых разочарованиях. Семья — это продолжение человека. Каков человек, такова и будущая семья. Если ты дал жизнь себе, ты сможешь дать жизнь и другому человеку, своему ребенку. При этом дать жизнь ребенку — это не только родить его, но и заложить в нем семена мудрости, необходимые ему для того, чтобы он в будущем смог вырастить себя. Семья — это место, в котором ребенок черпает

необходимые для жизни знания. Семья — это место, которое раскрывает его таланты. Семья — это место, где ребенок начинает выращивать себя, того взрослого, которым он когда-то станет. Но что еще более важно, семья — это место, где взрослые люди продолжают совершенствовать себя, стремясь в полной мере стать людьми, которыми они решили стать еще до создания семьи.

Дорога, которой идет большинство людей — создание семьи с целью продолжения рода. Но для того чтобы продолжать род достаточно достичь половой зрелости. Этого достаточно для продолжения рода, но недостаточно для создания семьи. Именно поэтому многие семьи сегодня распадаются. Люди, которые создают такие семьи, следуют ошибочным целям. Мне более верной видится вот такая цель создания семьи — обретение знаний, необходимых для продолжения своего совершенствования и передача их своим детям. Многие люди следуют, я бы назвал ее материальной, цели создания семьи, в то время как важнее следовать духовной.

— У меня мозг сейчас взорвется, — простонала большеглазка, взглянув на рыжеволосую подругу.

— Но тогда и партнер нужен соответствующий, — сказала рыженькая, пропустив мимо ушей жалобу подруги. — Получается, с кем-нибудь семью не создашь.

— Настоящую нет, — заметил старик. — Лучше создавать семью с тем, кто не только разделяет твои взгляды на жизнь и цель создания семьи, но и соответствует твоим взглядам по поводу того, каким должен быть избранник.

— Мда, тогда всю жизнь придется в девках ходить, — большеглазка поправила сумку, свисавшую с плеча, и посмотрела по сторонам.

— Если искать именно такого человека, то не придется, — заметил старик, улыбнувшись. — Не надо бояться остаться в девках. Лучше создать семью позже, но с подходящим человеком, чем раньше — но с неподходящим.

— Это точно, — сказала рыженькая. — Я бы не хотела разводиться. Зачем тогда создавать семью?

— Может, пойдём уже, — предложила большеглазка, повернувшись к подруге. — Итак надолго задержались.

— Ага, надо идти, — сказала рыженькая, взглянув на мобильник, вытасченный из сумочки. — Мы пойдем. Спасибо вам. До свидания.

— На здоровье, — улыбнулся Александр Петрович. — И до свидания.

Старик остался один. Но долго быть одному ему не довелось. Едва девушки попрощались с ним, Александр Петрович услышал шорохи под лавкой и спустя мгновение перед ним возник Шарик с яблоком в зубах. Собака положила яблоко у ног старика и посмотрела на него снизу вверх.

— Братишка, — рассмеялся Александр Петрович, заметив, что принес ему Шарика. — Хороший мой, — старик наклонился и обнял собаку. — С тобой мне ничего не страшно. Ты мой ангел-хранитель. Но знаешь, надо что-то придумать и мне, где найти пропитание. У меня же, в конце концов, и руки есть, и ноги, и голова на плечах, а главное сердце в груди. Не совсем уж я и беспомощный.

Старик отстранился от собаки и поднял с земли яблоко, большое и красное.

— Где он, интересно, его нашел? — подумал Александр Петрович, разглядывая яблоко.

Подул прохладный ветерок. Старик вздрогнул, почувствовав, как холод коснулся шеи и устремился вниз по спине. Александр Петрович поднял голову и посмотрел по сторонам. Вечерело. Солнце замерло над краем горизонта, словно прощаясь с этим миром перед тем, как покинуть его. По небу побежали стайки облаков, гонимые ветром.

— Ну, неважно, — сказал Александр Петрович, после чего поднялся с лавочки и направился к видневшемуся неподалеку бювету, чтобы помыть яблоко.

Глава 2

Слезы осознания

Александр Петрович брел по набережной Днепра. Грусть и страдание сковали сердце старика. Вот уже третий день он находился в Черкассах. Из этих трех дней последние два его мучили сильные боли в желудке. Прежде они никогда не были такими продолжительными. Теперь же старик чувствовал, что что-то внутри изменилось. И судя по обострившейся боли, эти изменения вряд ли можно было назвать положительными. Старик понимал, что болезнь прогрессировала. Они никуда не делась и никуда уже не денется. Словно Домоклов меч нависла она над ним, грозя обрушиться на него невероятные страдания и мучения, следом за которыми последует неизбежное — его посетит старуха с косой.

Старик давно уже свыкся с мыслью, что рано или поздно умрет, поэтому не боялся смерти. Так или иначе, для него это в какой-то мере будет избавлением от тягот и лишений, боли и страданий, преследующих его в настоящем и ожидающих в будущем. Тем не менее, старик был еще не готов отправиться в мир иной, он еще не все сделал из того, что задумал. Мысль о том, что врачи могли ошибиться с прогнозами и его смерть не за горами, заставляла старика тревожиться за свои начинания, начинания, которые могли не увидеть своего завершения. И это старика пугало больше всего. Он не боялся смерти, так как давно понял, что смерть — это всего лишь иная форма бытия, но умереть именно сейчас, когда не закончена рукопись, когда об истине знают единицы, он не мог. Старик не боялся смерти, но боялся преждевременной смерти. Он готов был и дальше терпеть боль и страдания, лишь бы пожить на этом свете еще несколько месяцев. Он готов был, поэтому двигаясь сейчас по набережной Днепра старик в сотый раз мысленно обращался к болезни, моля ее, словно некое живое существо, отсрочить неизбежное, дать ему эти жалкие несколько месяцев, после которых он готов был с чувством полного удовлетворения за прожитую жизнь покинуть этот чудесный мир. Но не раньше.

За последние два дня, два дня наполненные болью, муками и мыслями о приближающейся смерти, старик осознал насколько важно закончить задуманное, ведь именно это и было ключом к жизненному удовлетворению. Старик понял, что каждый приходя в этот удивительный мир, приходит для того, чтобы успеть. В который раз старик ощутил ценность времени, ценность каждой секунды, проведенной на планете, и в который раз пожалел о том, что не ценил и не берег время в прошлом. Приближаясь к завершению своей жизни и видя, что он может не успеть воплотить задуманное в реальность, старик испытывал невероятные муки раскаяния за бездарно растратенное в прошлом время. Угроза оказаться у разбитого корыта, угроза не получить того, что так жаждало его сердце, сейчас, в конце собственной жизни, заставила старика лить слезы.

Прохожие диву давались, замечая бредущего по улице бородатого старика, который то и дело шмыгал носом и размазывал по щекам бегущие из глаз слезы. Но старик не обращал на них внимания, погрузившись в водоворот собственных мыслей. Да и какое ему было дело до этих несчастных людей, большей частью непонимающих ценности жизни, ценности времени, ценности себя и своих мечтаний. Какое ему было время до людей, живущих примитивными желаниями и потребностями, не видящих дальше собственного носа, ищущих удовольствия вместо того, чтобы стремиться обрести удовлетворение. Какое ему было дело до людей, живущих ограниченным разумом вместо того, чтобы жить безграничным сердцем.

По правде говоря, и другим людям не было никакого дела до старика, ковыляющего в сопровождении старой собаки, к тому же накульгивающей на заднюю ногу. Какое-то время они все же уделяли ему внимание, ровно настолько, чтобы метнуть в него, словно стрелу, безразличный или недоуменный взгляд и спустя мгновение успешно забыть о его существовании, отправившись своей дорогой. Удивительно, но среди этих людей оказался один человек, который заинтересовался стариком больше, чем другие. Это была девушка лет двадцати пяти, среднего роста, стройная, с длинными вьющимися волосами и пронизательным взглядом. Короткое серое пальтишко подчеркивало достоинства ее фигуры, а длинный каблук полуботинок делал ее выше, чем она была на самом деле.

Девушка какое-то время смотрела старику вслед, затем нахмурилась и двинулась за ним следом.

— Что с вами? — спросила она, поравнявшись со стариком.

Но старик был настолько поглощен своими переживаниями, что даже не заметил девушку, идущую с ним рядом.

— С вами все в порядке? — девушка тронула старика за плечо.

Старик вздрогнул и остановился. Какое-то время он растеряно смотрел на девушку, не понимая, что от него хотят.

— Что с вами? — девушка заглянула в заплаканные глаза старика.

Старик оглянулся по сторонам, словно пытался понять, где находится. Затем, по-видимому, вспомнив, он смахнул с глаз слезы и посмотрел на девушку.

— Со мной все хорошо. Не беспокойтесь.

— Вы уверены? Человек, у которого все хорошо не будет лить слезы.

Старик попытался улыбнуться, но вместо улыбки на лице появилась страдальческое выражение.

— Не обращайтесь внимания, — вздохнул старик. — Я просто задумался о времени?

— О каком времени?

— О времени, которое нам отведено в этом прекрасном мире.

— О, судя по тому, что вы плачете, с ним видимо что-то не так.

— С ним все так, только вот с людьми не совсем все так. Скорее даже с ними совершенно все не так.

— Вы философ?

— Вряд ли. Я просто человек, который хочет успеть завершить начатое, прежде чем за ним придет старуха с косой.

— А кто вам мешает завершить начатое? И почему это так важно, что вы хотите это завершить? Простите. Наверное, я задаю много вопросов, но я журналист и у меня это профессиональное.

— Журналист? — старик посмотрел на девушку. — С журналистами я еще не общался, — улыбка тронула губы старика. — Знаете, я мог бы вам рассказать свою историю, но она столь длинная, что я боюсь, вам не хватит терпения.

— О, насчет этого не беспокойтесь. Я же журналист. Вы забыли? У нас работа связана с выслушиванием разных историй, и одна

длиннее другой. Так что, если ваша история окажется такой же интересной, как и длинной, то я с удовольствием ее послушаю.

— Вы настойчивая девушка, — улыбнулся старик. — И очень симпатичная.

— Мерси, — девушка вернула старику улыбку.

— Если вы не возражаете, я бы хотел где-то присесть. Последнее время я довольно много нахожусь на ногах. По сути, значительная часть моей истории связана с тем, что я больше двигаюсь, чем сижу.

— Вы еще ничего мне не рассказали, но уже заинтриговали. Хм, мне кажется, мне понравится ваша история. Я не возражаю. Давайте присядем. Если хотите, можем вон на тех лавочках расположиться, — девушка указала на ряд лавочек на набережной.

— Да, я не против. Идем, братишка, отдохнем, — старик повернулся к Шарику и подозвал того к себе.

— Братишка? — тонкие полосы бровей девушки взметнулись вверх.

— Братишка, — улыбнулся Александр Петрович. — Это тоже часть моей истории.

— Надо же, — только и сказала девушка, взглянув на собаку.

— Как вас зовут? — поинтересовался Александр Петрович у девушки. — Меня Александр Петрович.

— Меня можете звать Викой или Викторией. Как вам будет угодно. Родители назвали Викторией, друзья сокращают и зовут Викой.

— Хорошо Вика-Виктория, — улыбнулся старик. — Очень приятно.

— Взаимно, — отозвалась девушка.

Спустя несколько минут старик сидел на лавочке возле Виктории и смотрел на спокойные, оживавшие от зимнего сна, воды Днепра, вяло текущего к Черному морю.

— Сколько жил рядом с Днепром, а никогда не видел и не понимал, насколько он прекрасен. Действительно, чтобы понять, насколько прекрасен мир, в котором мы живем, надо оказаться одной ногой в могиле.

— Как все грустно, — Виктория поджала губы. — Но, знаете, вы правы. Мы не ценим то, что имеем. Когда же теряем, плачем и сожалеем, но прошлое не вернешь.

— Прошлое не вернешь, — вздохнул старик и начал рассказывать Виктории о своей жизни, о болезни, об истине, о желании поделиться ею с другими.

Александр Петрович рассказывал девушке обо всем, что с ним произошло с той самой минуты, как он переступил порог родного дома и отправился в неизвестность. Он ничего не утаивал, да и не хотел этого делать. Старик верил в то, что искренность и честность — это основа доверия и понимания, поэтому рассказал даже о том, как Шарик стал его кормильцем, по случаю чего старик и начал называть его братишкой.

Девушка слушала старика и молчала все то время, пока старик говорил, не перебивая и не комментируя. С истинно журналистским терпением она выслушала его историю с начала и до конца. Когда же старик замолк и устремил взор на Днепр, она какое-то время продолжала молчать, обдумывая сказанное стариком. Возникла пауза, но она была не из тех, что тяготят, скорее это была пауза позволяющая собраться с мыслями перед тем как продолжить беседу.

Старик любовался Днепром, когда услышал, как Виктория сказала: «Вау». Старик повернул голову к девушке и улыбнулся.

— Я вас не утомила своей историей? Она оказалась довольно таки длительной.

— Нисколько, — ответила девушка, принявшись обмахивать лицо ладонями, словно желая остудить его. — Знаете, что я вам скажу, это и впрямь вау. Такого я не ожидала. Иногда я себя ловила на том, что надо закрыть рот, дабы вы не увидели пломбы у меня во рту. Я чувствовала себя девочкой пяти лет, слушающей увлекательную сказку. То, что вы рассказали, кажется невероятным, даже каким-то сумасшествием с вашей стороны. Только вы не обижайтесь, я не со зла. Но ваша жизнь сердцем — это нечто особенное и выходящее из разряда обычного, а такое очень привлекает внимание. Вы не возражаете, если я кое-что запишу? Я как-никак журналист.

— Пожалуйста, — улыбнулся старик. — Если вы считаете нужным что-то даже записать из того, что я сказал, то этим вы только меня порадуете. Многие слушали, что я говорил, но вы, Виктория, первая, кто пожелал записать мои слова.

— Ха! — воскликнула девушка. — Да я хотела бы записать всю вашу историю. Дура. Никак не могу купить новые аккумуляторы к

диктофону, поэтому и пылится дома вместо того, чтобы лежать в сумочке на подхвате. Ну да ладно. Понадеюсь на свою девичью память, авось не подведет. Как вы смотрите, если я напишу статью о вас и ваших, э-э-э, приключениях?

Смущенная улыбка появилась на лице старика. Рассказать свою историю одному-двум людям — это просто, но вот рассказать ее тысячам, а может даже миллионам, это совсем другое. Тут надо было проявить недюжинную храбрость.

— Не этого ли ты хотел? — подумал Александр Петрович. — Ты хотел познакомить людей с истиной? Так знакомь. Прочь сомнения, прочь страхи. Сердце не ведает страха, ему чужды сомнения.

— Я не против, — сказал Александр Петрович после небольшой заминки.

— Замечательно, — сказала Виктория и достала из сумочки блокнот и ручку. — Видите, я не совсем дура, — девушка улыбнулась.

— А разве кто-то говорит, что вы дура? Кроме вас самих, никто. Не будьте столь самокритичной. Критика убивает любовь. Человек, который не испытывает любовь к себе, не будет испытать ее и к кому-либо другому.

— А, жизнь сердцем. Я уже поняла. Хорошо не буду. Ну или хотя бы постараюсь этого не делать. Я попробую воскресить в памяти вашу историю и перенести ее на бумагу, а вы, если что, поможете мне, окей?

— Окей, — кивнул старик.

Девушка принялась чиркать ручкой по бумаге, время от времени уточняя у старика детали биографии или самой истории. Когда она закончила, то отложила ручку в сторону и принялась перелистывать страницы блокнота, чтобы убедиться все ли записала.

— Кажется все, — Виктория довольно улыбнулась и посмотрела на старика. — Теперь осталось задать вам несколько вопросов. Вы не против?

— Нет, — рассмеялся старик. — Но рядом с вами я себя чувствую, словно нахожусь на допросе.

— О, простите.

— Ничего, ничего. Не беспокойтесь, мне даже приятно, что кто-то интересуется моей жизнью.

— Ну если так, тогда давайте проясним некоторые моменты. Куда вы собираетесь идти дальше? Или вы пока решили остановиться в

Черкассах?

— Знаете, мне настолько понравилось путешествовать, что теперь не могу долго сидеть на одном месте. Мое сердце побуждает меня двигаться вперед, поэтому не сегодня, так завтра, снова отправлюсь в путь. Вы знаете, у нас очень красивая страна, поэтому пока я еще жив, хочу увидеть как можно больше мест. А вот куда пойду дальше, этого никто не знает, даже я, пока что иду вперед, хотя умереть я хочу дома, в Киеве.

Виктория вздохнула.

— Вы поразительный человек. Если бы я не видела вас, а только слышала о вас, то подумала бы что вы сумасшедший. Вы очень мужественный и целеустремленный. Я уважаю таких людей. Именно такие люди и творят историю. Тем не менее, мне трудно вас понять, трудно понять, зачем человеку бросать все и следовать, как вы говорите, зову сердца. Сидели бы себе в тепле и уюте дома...

— И доживал бы свой век, — Александр Петрович, казалось, загрустил.

— Ой, простите, — Виктория закусил губу и скривилась.

— Ничего страшного, Виктория. Просто, когда я думаю, что если бы сидел сейчас дома в тепле и уюте, то доживал бы свой век, с ужасом встречал бы каждый новый день, и, — старик вздрогнул, — с ужасом ложился бы спать, думаю, что могу не проснуться или следующий день последний. Нет, Виктория, оглядываясь назад, я могу сказать, что я рад, что ушел из дома. Сегодня я не боюсь умереть, я наслаждаюсь каждым новым днем и стараюсь не думать, что он может быть последним. Я чувствую, что делаю великое дело, и осознание этого наполняет мою жизнь счастьем и удовлетворением. Кроме того, со мной Шарик, — старик улыбнулся и погладил собаку, лежащую у ног. — У меня интересная жизнь, Виктория. Мне не приходится скучать. Каждый день я вижу что-то новое, каждый день я делюсь с людьми истиной. Знаете Виктория, такую жизнь я не променял бы ни на какие уют и тепло, — Александр Петрович почувствовал, как на глаза набежали слезы.

Виктория что-то записала в блокнот и посмотрела на старика.

— Александр Петрович, у меня просто нет слов, чтобы выразить вам свое восхищение. Я все сделаю для того, чтобы люди узнали о вашей истории. Украине есть кем гордиться.

— Спасибо, — старик отвернулся от девушки, чтобы она не заметила слезинку, скатившуюся по щеке.

— Может у вас есть все же какие-либо предположения, куда вы пойдете после Черкасс?

— Мне нравится Днепр, — сказал Александр Петрович. — Я никогда не замечал его красот. Знаете, Виктория, я хочу и дальше двигаться вдоль Днепра.

— Тогда, Александр Петрович, вам одна дорога — на Чигирин и дальше на Кременчуг, в общем, на юг. А когда собираетесь вернуться домой в Киев?

— Хотел бы я знать, — старик окинул взглядом противоположный берег реки. — На дворе только март. Ушел я из дому в январе. Январь, февраль, март, — старик принялся загибать пальцы на руке. — Врачи говорили, что у меня есть полгода, значит, в апреле надо будет возвращаться домой, если я все же хочу увидеть родных перед..., - Александр Петрович не договорил, взгляд его устремился вверх, туда, где кучки облаков медленно плыли по небу.

— Я все хотела спросить вас, Александр Петрович, — Виктория что-то чиркнула в блокноте и взглянула на старика. — А почему вы решили уйти из дому? Можно же было и не покидая Киев делать то, что делаете вы — делитесь с людьми истиной. Почему вы решили, что для этого надо обязательно уходить?

— Даже не знаю, что вам ответить на это, Виктория, — растерялся Александр Петрович. — Я не помню, чтобы раньше задумывался о том, почему мне надо уйти из Киева. Наверное, я просто хотел убежать от цивилизованной жизни с ее отупляющими и разнеживающими человека всевозможными благами, комфортом и уютом. А еще причина, полагаю, и в том, что я хотел, чтобы о жизни сердцем узнало как можно больше людей. Мне хотелось, чтобы не только люди в Киеве узнали о жизни сердцем, вернее не столько в Киеве, как в других городах. Знаете, Виктория, Киев — хороший город, но в нем особенно много людей, живущих разумом. Сама атмосфера города, его статус, высокий уровень жизни, разнообразие всяких удовольствий, — все направлено на то, чтобы человек и дальше укреплялся в своем невежестве. Боюсь, что бороться с невежеством столичных жителей одному человеку не под силу. Жители Киева слишком невежественны, эгоистичны и корыстны. Они не любят и не

ценят знания, поэтому и не стремятся к овладению ими. Они полагают, что достаточно знают о жизни, в то время как они совершенно ничего о ней не знают. Но самое ужасное, они не хотят ничего знать, кроме того, как заработать побольше денег или что сейчас идет по телевизору. Нет, отведенного времени мне вряд ли хватило бы, чтобы хоть как-то изменить ситуацию. Я рад, что ушел из Киева. Именно этого хотело мое, не желающее признавать какие-либо границы, сердце. Все границы, видимые или нет, в человеческой жизни создаются разумом. У сердца нет границ, оно слишком свободлюбивое, чтобы иметь их, — старик вздохнул и умолк.

— Я все поняла, — сказала Виктория, продолжая что-то записывать в блокноте. — Вы не материалист. Вас материальные вещи совершенно не интересуют.

— Вы правы Виктория. Сейчас я себя могу назвать антиматериалистом, — улыбнулся Александр Петрович. — Я убежден, что большинство материальных вещей человечеству не нужны, так как они направлены не на его развитие, а на деградацию, а еще на разрушение природы, разрушение того удивительного мира, в котором ему посчастливилось появиться. Может мир, в который я вскоре попаду, будет больше соответствовать миру, который часто вижу в своих снах — идеальный мир, где не будет места разрушению, ненависти, корысти и страху, где человек любит и понимает, принимает и оберегает, сострадает и покровительствует, мир, в котором человек живет не ограниченным разумом, а безграничным сердцем.

— Вы верите в жизнь после смерти? — Виктория оторвалась от блокнота и посмотрела на старика.

Александр Петрович устремил взгляд на Днепр и задумался. Какое-то время старик молчал, обдумывая ответ на вопрос девушки. Молчала и девушка, давая ему возможность подумать над ее вопросом. Наконец-то старик отвернулся от реки, в красоте которой, казалось, искал вдохновения и произнес:

— Я не знаю. Мне кажется, что жизнь после смерти невозможна. В мире нет ничего постоянного, все циклично и бесповоротно, что-то умирает, что-то рождается, но ничего не остается навеки.

— У меня есть подруга. Она буддистка. Как-то мы с ней общались на тему религии, так она убеждена в том, что жизнь после смерти

существует, возможно, в ином теле, но существует.

Улыбка тронула губы Александра Петровича.

— Я не являюсь последователем какой-либо религии, разве что религии под название «сердцежитие». Но насколько я знаю, такой религии не существует, а если и существует, то только в моем воображении и я ее единственный последователь. Мне хотелось бы верить в то, что жизнь после смерти возможна, но чувствую, что это не так, по крайней мере, если она и существует, то не в этом мире и не в этом теле. В этом мире мы живем только раз, и что-то подсказывает мне, что так и должно быть. Не должно существовать вторых жизней, как и вторых шансов. Мы приходим в этот мир один раз и за это время должны успеть сделать все для того, чтобы достичь совершенства человечества организма.

— А как же слова «достичь совершенства невозможно»?

— Эти слова сказал человек, руководствуясь убеждениями своего ограниченного, погрязшего в роскоши и невежестве, разума. Если природа может быть совершенной, тогда почему ее дитя, человек, не может быть таким? Все движется, все меняется, также и человек может быть лучше того организма, которым является сейчас.

— Но если природа уже достигла совершенства, то, как это вяжется с вашими словами, что все движется и меняется. Нет ли здесь противоречий?

— Нисколько. Природа не статична, она не находится в постоянном состоянии. Я убежден в том, что совершенство, как и гармония, о которой многие говорят, не недвижимы, они находятся в непрерывном движении, движении, которое я назвал бы бесконечным. Совершенство — это не какой-то конечный результат, предел, после которого нет никакого развития. Нет, это не так. Как и наше сердце, совершенство безгранично, оно не имеет пределов. И это великолепно, я вам скажу, нашему развитию не будет конца.

— Но если не знать куда идти, то можно никуда и не придти, — заметила Виктория.

— О, на этот счет не беспокойтесь. Есть нечто, что не позволит вам сбиться с пути. Ваше сердце, — старик нацелил указательный палец на левую часть груди девушки. — Главное слушать его и слышать, что оно вам говорит.

— Александр Петрович, что я вам могу сказать? Да вы философ!

— Вы думаете? — улыбнулся старик. — Я же считал себя человеком, который стремиться познать истину.

— А разве вы ее еще не poznали? Вы же уже делитесь истиной с людьми.

— Истина безгранична, — рассмеялся Александр Петрович. — Так же, как и...

— Также как и сердце, — закончила за старика девушка, поддержав свои слова звонким смехом. — Я уже запомнила.

— Вы совершенно правы, Виктория. Но это так и есть, чем больше я узнаю, тем больше понимаю, что то, что открывается мне — всего лишь капля в безграничном океане вселенской мудрости. А когда понимаешь это, то чувствуешь, как в тебе просыпается неукротимая, льющая через край, жажда познания, жажда настолько мощная, что ты ничего с ней не можешь поделать, ты не в силах ее утолить полностью, но ты и не хочешь этого делать, так как эта жажда питается энергией твоего сердца, а ее даже малейшее утоление доставляет ему неопишемую радость. Как же я благодарен, как рад тому, что со мной произошло! Могу ли я быть еще счастливей, чем сейчас, счастливым от осознания того, что живу сердцем!

Виктория сидела возле старика и хлопала ресницами не в силах поверить в то, что видела перед собой. Старик, которому осталось жить от силы несколько месяцев, хлопал в ладоши от радости, словно маленький ребенок. Глаза старика сияли, словно купола церквей, отражавшие солнечные лучи, а губы растянулись в улыбке настолько широкой, что их широте мог позавидовать Днепр, раскинувшийся перед глазами старика.

— Вы не шутите? Вы, правда, рады тому, что с вами произошло? Рады болезни, тем лишениям и страданиям, которые пережили? — Виктория недоверчиво посмотрела на старика.

— Конечно! Ведь не будь ничего этого, я и дальше жил бы разумом, а мои страдания были бы еще ужаснее, чем сейчас. Разве может быть что-либо хуже, чем вид человека, живущего бессмысленной жизнью, человека, думающего, что он живет, а в действительности всего лишь существует, человека, лишенного жизненного удовлетворения и счастья. Виктория, разве существуют лишения более ужасные, чем эти? Не знать, что такое удовлетворение

собственной жизнью, что такое истинное счастье? Мне трудно даже представить, что есть что-либо ужаснее этого.

— Не знаю, — пожалала плечами девушка. — Я о таких вопросах не сильно задумываюсь, и без них хватает поводов для раздумий — работа, отношения с родителями, друзьями, молодым человеком. Ой, всего и не перечесать, — сказала Виктория и глянула на наручные часы. — Ничего себе! Мы с вами проговорили больше двух часов. Как хорошо, что у меня сегодня выходной.

— И правда, хорошо, — улыбнулся Александр Петрович. — Вы многое узнали обо мне.

— Даже слишком, — улыбнулась Виктория и пошелестела страницами блокнота. — Уверена, получится отличная статья.

— Надеюсь.

— Буду собираться, — сказала девушка, пряча блокнот и ручку в сумочку. — Мне еще надо по делам зайти. Возьмите, — девушка протянула Александру Петровичу визитку. — Если понадобится, только позвоните. А у вас мобильного нет? Ах, да, простите, вы же его продали еще в Киеве. Оставьте на всякий случай хотя бы свой домашний. Мало ли.

— Непременно, — сказал старик и продиктовал Виктории номер домашнего телефона.

— А еще знаете, что, — девушка записала в мобильник номер домашнего телефона Александра Петровича и полезла в сумочку. — Возьмите это. Вам это может понадобиться, сможете купить Шарикку собачьего корма, да и себе что-то покушать.

Старик растерянно посмотрел на купюру в сто гривен, которые ему протягивала девушка, и сказал:

— Спасибо, Виктория, но...

— Никаких «но», — отрезала девушка. — Сердце разве вам не говорит, что нельзя отказывать людям, которые хотят сделать другому добро? Считайте это гонораром за статью.

Старик улыбнулся и взял деньги из рук девушки.

— Большое вам спасибо, Виктория.

— Пожалуйста, Александр Петрович. Рада была с вами познакомиться.

— Взаимно, Виктория. Всего вам хорошего.

— До свидания, Александр Петрович. Пока, Шарик, — девушка махнула рукой собаке, лежавшей возле старика, затем взяла сумочку и, улыбнувшись старику на прощание, двинулась по набережной.

Старик улыбнулся в ответ и проводил девушку взглядом, после чего спрятал свалившийся с неба подарок в виде ста гривен во внутренний карман пальто и погладил собаку по голове.

— Мир не без добрых людей, братишка. Не без добрых, — старик смахнул выступившие на глазах слезы и, достав из кармана тетрадку с ручкой, устремил взор на спокойные воды реки. Наконец, оторвавшись от созерцания реки, он улыбнулся и принялся за рукопись.

Глава 3

Мужчина и женщина

Под вечер того же дня Александр Петрович гулял по Черкассам и рассматривал город. Далеко от Днепра он старался не отходить, дабы не сильно утруждать итак измученные частыми походами ноги. Он как раз проходил возле огромного офисного здания, когда его внимание привлекла девушка в сером деловом костюме, высокая и стройная блондинка с красивыми глазами, но мрачным лицом. Девушка стояла возле иномарки и разговаривала по мобильному телефону. Разговор был не из приятных; девушка часто сжимала скулы да так, что желваки под кожей ходуном ходили. Едва закончив разговаривать, девушка сжала в руке телефон и чуть было не запустила им в стоявшую рядом мусорку. Вместо этого девушка топнула ногой и принялась прохаживаться возле машины. Взгляд ее устремился вниз, плечи поникли, зубы начали покусывать губы. Мгновение спустя девушка подняла голову и посмотрела по сторонам. Заметив недалеко от себя кафе, а рядом с ним столики со стульчиками, она подошла к одному из столиков и плюхнулась на стул, после чего уронила голову на руки. Александр Петрович заметил, как дрогнули плечи девушки. Не надо было быть большим провидцем, чтобы понять, что девушка плакала.

Александр Петрович подозвал к себе Шарика, решившего познакомиться с ближайшим столбом, и направился к девушке.

— Не надо так убиваться, — сказал старик, положив руку на спину девушке.

Девушка голову и взглянула заплаканными глазами на старика.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она, достала из сумочки салфетку, зеркальце и вытерла слезы с глаз.

— Я бы не обратил, если бы не видел вас, но я увидел, — улыбнулся старик и добавил. — Могу я присесть рядом с вами?

— Можете. У нас свободная страна и вы можете делать все что пожелаете.

— Вы правы, наша страна свободна, но люди живущие в ней несвободны. Если бы это было не так, они не лили бы слезы тогда, когда надо радоваться.

— Нечему радоваться, — девушка вздохнула и спрятала в сумочку зеркальце. Салфетку же она скомкала и бросила в пепельницу, стоявшую на столике.

— Мне трудно поверить, что вам, такой красивой и, судя по виду, успешной леди, нечему радоваться.

Услышав слова старика, девушка скривилась и сказала:

— Если бы счастье в жизни зависело от красоты и успеха, я была бы одним из самых счастливых человек мира.

— А разве счастье не зависит от ваших жизненных достижений? — старик лукаво улыбнулся и посмотрел на девушку.

— По-видимому нет, — грустная улыбка появилась на лице девушки. — Хотя, когда-то думала, что деньги, достижения, успех в целом сделают меня счастливой. Но теперь понимаю, что чем больше у меня денег, чем успешнее я становлюсь, тем менее счастливой себя чувствую. Проклятье какое-то, — пробормотала девушка.

Из сумочки девушки послышалась музыка. Девушка достала из сумочки мобильный телефон и взглянула на его экран.

— Достали уже, — процедила девушка и нажала кнопку «отбой», после чего выключила телефон и вернула в сумочку.

— Но теперь вы так не думаете? — спросил старик, возвращаясь к прерванному звонком разговору.

— Что? — не поняла девушка и тут же добавила, вспомнив о чем шла речь. — Ах, вы о счастье. Нет, сейчас я не думаю, что счастье хоть каким-то боком зависит от этих вещей. Вот посудите сами. У меня есть собственная машина, квартира, высокооплачиваемая работа. Я могу позволить себе многое из того, о чем простой человек только мечтает. Но я не чувствую себя счастливой. Мало того, что нахожусь под постоянным эмоциональным прессингом руководства, так еще у меня напрочь отсутствует личная жизнь. А часики-то тикают. Мне не двадцать лет и даже не двадцать пять. В этом году исполнится двадцать девять лет, а я не могу ни на свидание сходить, ни с друзьями увидеться, ни к родителям съездить. Попросила у шефа отгул взять на завтра, думала отдохнуть от работы, расслабиться немного, с друзьями увидеться. Ага, размечталась, — девушка закатила глаза и уронила голову на руки.

Через мгновение она подняла голову и взглянула на старика.

— Как в таких условиях можно быть счастливым? У меня нервы не выдерживают. Я даже на прием к психотерапевту записалась. Может он чем-то поможет.

— Нет, не поможет, — улыбнулся старик.

— Почему? — удивление отразилось на лице девушки.

— Будете что-то заказывать? — спросил подошедший официант.

— Дайте мне фруктовый коктейль, неважно какой. Можете принести любой, — ответила девушка.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Больше ничего не хочу.

— А вы что-то будете заказывать? — официант повернулся к Александру Петровичу.

— Нет, нет, я, пожалуй, обойдусь, — улыбнулся старик.

— Тогда один фруктовый коктейль. Хорошо, сейчас принесу.

Когда официант удалился, Александр Петрович посмотрел на девушку и сказал:

— Психотерапевт вам не поможет, потому что, как вы заметили, в таких условиях быть счастливым трудно. Я не психотерапевт, но могу вам сказать, что причина всех ваших душевных мук кроется в вашей работе. Вы не чувствуете себя свободной, а когда человек не чувствует себя свободным, он не может быть счастливым. Ваша работа связала вас по рукам и ногам. Как вампир она вытягивает из вас жизненные соки. Как и многие люди, вы гоняетесь за деньгами, надеясь, что чем больше у вас их будет, тем счастливее будете вы. Но это не так. Совсем не так. Знаете кого я считаю одним из самых счастливых людей когда-либо живших на нашей прекрасной планете?

— Кого?

— Может помните когда-то в Древней Греции жил один чудак по имени Диоген. Чудаком он был, потому что жил в бочке, при этом ходил по улице совершенно голый. Бочка была его домом, единственным домом. Больше у него не было ничего. Но этого человека я считаю одним из самых счастливых людей, живших на планете. А все потому что счастье не зависит от того, сколько у нас денег на банковском счету, есть ли у нас автомобиль или дом. Вещи не могут сделать человека счастливым, так как они имеют свойство портиться, изнашиваться, терять свою привлекательность. Человека это расстраивает. На замену он покупает новую вещь, но и она в

скором времени ему надоедает. Тогда он снова совершает покупку и так до бесконечности. Человек глуп. Он гоняется за тем, что никогда не сделает его счастливым, сколько бы денег он ни потратил или заработал. Человеческий разум корыстен, ему всегда будет мало. Я уверен, что истинное счастье не в том, чтобы иметь.

— Вы хотите сказать, что счастье в бедности?

Вернулся официант и поставил на стол фруктовый коктейль, после чего развернулся и ушел.

— Спорный вопрос и требующий долгих размышлений, — сказал Александр Петрович, когда ушел официант. — Но могу вам сказать прямо сейчас, что бедность в нашем, сошедшем с ума из-за денег, обществе, может привести к плачевным результатам, особенно тогда, когда человек руководствуется в жизни головой. Чувствую, что истинное счастье в том, чтобы слушать свое сердце, искать удовлетворение, а не удовольствие в жизни. Когда мы любим себя, окружающий мир, любим то, что делаем, мы чувствуем себя счастливыми, когда же ничего или части этого нет, мы несчастны. Еще для счастья важно наличие у человека определенной доли свободы, возможность жить так, как он и хотел бы жить, а не так, как приходится это делать.

— Мне всегда казалось, что чем больше у тебя денег, тем больше у тебя свободы. Знаете, есть даже такое понятие как «финансовая независимость». Нам на всяких тренингах хорошо по этому поводу мозги прокачивают.

— У вас э-э-э... простите, как вас зовут?

— Надя.

— Надежда значит. Очень красивое имя, имя, которое олицетворяет собой силу духа. Очень приятно Надя, а меня зовут Александр Петрович. Так вот, Надя. Как я понял, у вас есть деньги, правильно? Но чувствуете ли вы себя свободной?

— Денег у меня хватает, но свободной я себя точно не чувствую. Может это из-за того, что я работаю на дядю, а не на себя. Может мне стоит открыть свой бизнес?

— Ну это только вам решать, Надюша. Но мне кажется, что и тогда вы не будете чувствовать свободу, так как будете зависимы уже не от работы, а от бизнеса. Любая зависимость — это посягательство

на свободу. Кстати, вот почему Диоген был счастливым — он ни от чего не зависел.

— Но если так, то можно ли вообще быть свободным, ведь мы всегда от чего-то зависимы?

— Хороший вопрос, — улыбнулся Александр Петрович. — Очень хороший. Вы правы, мы всегда от чего-то зависим, например, от употребления еды, хотим мы или нет, но мы обязаны кушать, иначе просто умрем. Но тогда получается, что свобода это иллюзия и в этом мире достичь ее невозможно. Как же интересно, — старик провел рукой по бороде. — Тем не менее, — продолжил он после маленькой паузы, — стремиться к ней стоит, возможно не к абсолютной свободе, а к какой-то ее части, например, той, которая помогает нам испытывать счастье. Так или иначе, но человек создан свободным, если и не от физиологических потребностей, то уж от всевозможных общественных или личностных ограничений точно. Поэтому не стоит отказываться от свободы, хотя это вряд ли получится сделать, если учесть что у человека свободолюбивое сердце. Я думаю, Надюша, что какую-то частичку счастья вы обязательно обретете, когда будете зарабатывать деньги тем, что находит отклик в вашем сердце. То, чем вы зарабатываете себе на жизнь сейчас, приносит вам деньги, но не счастье. Когда же вы займетесь тем, что найдет в нем отклик, вот тогда счастье не обойдет вас стороной. И счастье не обойдет, и удовлетворение от прожитой жизни, — добавил старик и улыбнулся.

— Вы знаете, я кроме денег от этой работы действительно больше ничего не получаю. Нет ни свободного времени, ни личной жизни, ничего нет.

— А чем вы бы хотели заниматься в жизни, Надя?

— Я даже не знаю, Александр Петрович, — девушка пожала плечами, а потом добавила улыбнувшись. — Может детей растить. Но как же их растить, когда надо деньги зарабатывать, жить-то за что-то надо. Да и детей без денег тоже не вырастишь — за садик плати, за школу плати, и одеть ребенка надо, и накормить. Сегодня за все надо платить. Но действительно, лучше бы я детей растила, чем деньги зарабатывала. Я же женщина, в конце концов. Материнский инстинкт еще никто не отменял.

— Вы не первая, Надюша, кто так говорит. Очень давно я слышал такие же слова от других женщин. Не знаю согласитесь ли вы с тем

что я вам сейчас скажу, может посчитаете меня старомодным, но я думаю, что работа не для женщины, как и роль добытчика в целом. Нет, я не хочу сказать, что женщина только то и должна делать, что сидеть с детьми. Ни в коем случае. Я хочу сказать, что женщина не должна ломать голову над тем, как прокормить семью. Добытчиком всегда был и должен оставаться мужчина. Это его роль, но не роль женщины. Конечно, если женщина хочет это делать, ей никто этого не запрещает, но если ей милее забота о детях и семье, то именно этим ей и следует заниматься. Но также женщине никто не запрещает и заниматься параллельно чем-то другим, например, уделять время какому-либо творческому занятию, писать книги или вышивать. Я хочу сказать, что женщине следует заниматься только тем, что находит отклик в ее сердце, а не тем, что она вынуждена делать, так как больше некому кормить семью.

— Александр Петрович, если бы вы знали, как вы правы, но сегодня, если положиться на мужчину, можно ноги протянуть с голоду. Мало мужчин готовы обеспечить семью и еще меньше, которые хотят это делать самостоятельно. Современный мужчина далек от женского идеала.

— В этом не стоит винить мужчину, — вздохнул Александр Петрович. — Если кто-то и повинен в том, что происходит, так это общество, которое уравнило всех и вся, не обращая внимания на человеческую природу — мужчины как добытчика и кормильца семьи, и женщины как матери и хранительницы очага. Поэтому люди и страдают, поэтому они и несчастливы. Они вынуждены делать то, что не соответствует их природе. Стоит ли после этого удивляться, что современный мужчина слаб и безволен, а современная женщина видит своего ребенка только по вечерам, когда приходит с работы, да и то зачастую уже перед отходом ребенка ко сну? Будут ли такие люди счастливы? Будет ли мужчина счастлив, если он не чувствует себя мужчиной? Будет ли женщина счастлива, если она не чувствует себя матерью?

— Но что же тогда делать? Неужели это нельзя как-то изменить?

— Пока человек находится в плену у своего разума, нет надежды на изменения. Большинство людей не видит трагедии в том, что происходит, так как считает, что так и должно быть. Они думают, что сравнив женщину с мужчиной, они сделали ее счастливой. Не

подумайте, Надя, я не отрицаю того, что женщина имеет равные с мужчиной права в государстве, не говорю и о том, что женщина подлжит каким-либо ограничениям из-за того, что ее пол физически слабее мужского. Женщина ни в чем не уступает мужчине, а в чем-то даже и превосходит его, например, она выносливее, мудрее и терпимее. Но я уверен, что природа создала мужчину и женщину разными не случайно. Ничего не происходит случайно в этом прекрасном мире. На все есть причина, даже тогда, когда ее нельзя заметить с первого взгляда. Почему природа создала мужчину физически сильным, а женщину физически слабой? Почему природа плюнула на равенство полов? Скажите, что природа глупа или женоненавистница? Чушь! Нет никого более мудрого, чем природа. Давайте попробуем разобраться, Надюша, в чем же мудрость природы. Я не ученый, поэтому не могу оперировать фактами или результатами научных исследований, но я могу наблюдать, могу рассуждать, могу чувствовать. Может кто-то скажет, что этого не достаточно. Может быть, тем не менее, вот что я думаю по этому поводу. Создай природа два пола физически слабыми, они бы не выжили в те далекие времена, когда человеку приходилось жить в постоянном страхе за свою жизнь. Но тогда почему природа не создала два пола физически сильными? Не было бы так даже лучше для выживания человека? Я уверен, что нет, и в этом проявилась великая мудрость природы, мудрость на которую сегодня все плюют и стараются не замечать. Надюша, когда встречаются два сильных человека, что происходит по большому счету?

— Кажется, я поняла, что вы хотите сказать, — улыбнулась девушка. — Для этого достаточно вспомнить, как ведут себя мужчины. Они во всем соревнуются, они стремятся во всем превзойти друг друга.

— Чудесно, Надюша, — рассмеялся старик. — Вы все верно подметили. А как вы думаете, в таких условиях растить потомство было бы легко?

— Конечно, нет. Ребенок подвергался бы постоянному стрессу из-за противостояния родителей.

— Наша матушка природа очень мудра. Она в первую очередь заботится о потомстве, а здоровое потомство невозможно вырастить в «военных» условиях, — улыбнулся Александр Петрович. — И что

делает природа, — продолжил старик спустя мгновение. — Она создает мужчину и женщину неравными, но она ничего в этом плохого не увидела, а вот слишком умный человек увидел и запротивился. Ему, видите ли, равенство полов подавай, хотя даже матушка-природа решила иначе. Но я не думаю, что природа сделала это со злым умыслом, она слишком мудра, чтобы поступать как глупый человек. Задумка матушки-природы была в том, чтобы глупый мужчина (я говорю так, потому что мужчина руководствуется в жизни разумом) заботился о мудрой женщине (а женщина мудра, так как она больше доверяет сердцу, правда, в современном мире это не совсем верно), заботился о женщине, как физически более слабом существе. Я думаю, что матушка-природа создала женщину такой, потому что слабому существу более присущи сострадание, забота, любовь, а именно это необходимо для того, чтобы потомство росло здоровым. В слабости женщины ее сила, сила как мудрой матери, подруги, жены. Матушка-природа поступила очень хитро, она соединила глупого, но физически сильного мужчину с мудрой, но физически слабой женщиной. Разве матушка-природа не мудра? Она дополнила нас, недостатки одного дополнила достоинствами другого, тем самым, можно сказать, создав одно существо, существо, которое способно вырастить здоровое потомство. Не знаю как вы, Надюша, но я уверен, что если когда-либо и существовал создатель всего сущего, то это был не мужчина, а женщина, — старик приглушенно рассмеялся.

— А теперь, Надюша, давайте посмотрим, что происходит в современном мире? — продолжил старик, перестав смеяться. — Давайте посмотрим, к чему привела уравниловка. В современном мире мужчине уже нет нужды защищать себя и женщину от опасностей окружающего мира, как это было на заре становления человечества. Сегодня нас не подстерегает из-за угла саблезубый тигр или как-либо иная тварь. Можно сказать, что мы в какой-то мере прогрессом защищены от опасностей окружающего мира. В этом, казалось бы, нет ничего плохого, но есть одно «но». Прогресс привел к тому, что физическая сила сегодня не так важна, нет, сегодня она даже вообще не нужна для того, чтобы обеспечить семью пропитанием. Условия изменились. В этих условиях женщина сравнялась с мужчиной. По сути, она стала такой же сильной, как и мужчина. В результате этого вот что случилось. Условия-то изменились, но природа мужчины и

женщины осталась такой, как и была тысячи лет назад. И это надо учитывать, но никто этого делать не хочет, так как все кричат, что на дворе двадцать первый век и надо жить в ногу со временем. К чему привела жизнь в ногу со временем мы можем посмотреть на примере современных мужчины и женщины... Ах, да! Я забыл сказать еще одну важную вещь. Мужчина силен физически, но слаб, назовем это так, психологически. Женщина же слаба физически, но сильна психологически. Такой она и должна была быть по задумке матушки-природы, так как для того, чтобы защитить потомство от опасностей окружающего мира, необходима не только сила физическая — мужчина, но и психологическая — женщина. Из-за того, что сила мужчины в современных условиях бесполезна и в силу того, что мужчина слаб психологически, он становится, как это не прискорбно звучит, слабым звеном. Думаю, именно поэтому мужчины и живут сегодня меньше женщин и спиваются часто. Их создали физически сильными существами, но сегодня их сила никому не нужна. Мужчина все еще старается жить в условиях, которых давно уже нет. Женщины же приспособились к современным условиям лучше благодаря тому, что имели психическую силу. Более того, решив сравняться с мужчинами они тем самым добились итак полудохлых мужчин и сами стали «мужчинами» — в современных условиях они способны самостоятельно выполнять роль добытчика. Но, как мы, Надюша, помним, условия изменились, но природа-то наша не изменилась. Начав играть роль добытчика, женщина перестает играть роль матери и хранительницы очага, из-за чего и страдает. Выражаясь простыми словами, нутро у нее материнское, а не отцовское.

— Хотели как лучше, а получилось как всегда, — улыбнулась Надежда.

— Все дело в том, что человек часто забывает, что он дитя природы. Как бы он не пытался отделиться от нее, у него ничего не получится. Связь, существующая между матушкой-природой и человеком, также сильна, как связь между матерью и ее ребенком.

— Александр Петрович после разговора с вами психотерапевт мне уже совершенно не нужен, — улыбнулась девушка.

— Он вам и раньше был не нужен. Слушайте свое сердце. Чем чаще будете его слушать, тем счастливее будете.

— Для себя я поняла, что если жить как раньше, ничего не изменится, поэтому надо что-то менять в своей жизни.

— Конечно надо, — кивнул Александр Петрович. — Но что именно, решать надо только вам. Никто лучше вас самой не знает, что в действительности вам нужно в жизни.

— Семья, дети и любящий муж, — вздохнула Надежда. — Этого для меня будет вполне достаточно.

— Тогда вперед, — улыбнулся Александр Петрович. — Идите навстречу тому, о чем мечтаете, и ваша мечта с каждым шагом будет становиться к вам все ближе и ближе. Главное, не бойтесь. Забудьте про страх. Идите навстречу своей мечте с улыбкой на лице и верой в сердце. И будьте готовы встретиться с мечтой. День, когда это произойдет, может изменить всю вашу жизнь.

— Я бы даже не пошла, а побежала, если бы... если бы не было так страшно.

— А чего вы боитесь, Надюша?

— Даже не знаю. Может, боюсь что-то менять в жизни, а может, вы ошибаетесь и я вместе с вами.

— Вы не слушайте меня, Надюша. Слушайте только свое сердце. Оно никогда не обманет. А вот что касается страха что-то менять в жизни, то не стоит бояться. Наша жизнь — это череда постоянных изменений. Каждый день мы встречаем новых людей, каждый день мы узнаем что-то новое, каждый день мы становимся старше. Изменений бояться не нужно. Посмотрите на природу, там одно изменение на другом. Сегодня солнце, завтра дождь, сегодня весна, завтра лето, сегодня на дереве есть листья, завтра они опадут, чтобы на их месте выросли новые. Изменения нужны, так как без них жизнь невозможна. Поэтому бояться изменений, все равно, что бояться жить. Но жить-то вы не боитесь, правда?

— Иногда боюсь, — улыбнулась девушка.

— А вы не бойтесь, — улыбнулся в ответ старик. — Единственный страх, который приносит пользу — это страх, который появляется у нас, когда возникает угроза нашей жизни или здоровью, все другие виды страха — это наши враги. Гоните их прочь из своей жизни. Выбирая путь страха, вы выбираете путь, ведущий в противоположную от счастья сторону.

— Постараюсь выбрать тот путь, который ведет к счастью, — сказала Надежда.

— Постарайтесь, но лучше сразу его выбрать, чем стараться это делать. Больше уверенности, больше желания и тогда получите больше истинного счастья.

— Если так, тогда мне ничего не остается, как выбрать путь, который ведет к счастью.

— Выбор за вами, Надюша. Каким будет выбор, такой будет и жизнь.

— Спасибо вам, Александр Петрович. После разговора с вами у меня даже настроение улучшилось.

— Всегда рад помочь, — улыбнулся старик.

— Буду ехать. Рада была с вами познакомиться, — девушка помахала официанту, подзывая того.

— Можно счет?

— Сейчас минутку, — отозвался официант и скрылся внутри кафе.

Спустя мгновение официант вернулся. Девушка взглянула на счет, открыла сумочку и достала пятнадцать гривен, после чего положила их на стол и поднялась со стула.

— До свидания, Александр Петрович. Еще раз спасибо вам, — девушка улыбнулась на прощанье, после чего развернулась и зашагала к машине.

— До свидания, Надюша. Всего вам хорошего, — сказал старик.

Старик смотрел вслед девушке и улыбался. На сердце у него было тепло и радостно. Машина девушки отъехала от бордюра и устремилась по улице. Она давно уже скрылась из виду, а старик все также смотрел ей вслед. Как и прежде на устах старика играла добрая улыбка.

Глава 4

Когда уходит друг

Дни бежали за днями, неделя тянулась за неделей. Наступила вторая половина весны, а Александр Петрович и Шарик все также колесили по дорогам родной Украины. После Черкасс старик посетил Чигирин, где с удовольствием провел несколько дней, знакомясь с бывшей резиденцией Богдана Хмельницкого. После Чигирина последовал Светловодск, небольшой городок в Кировоградской области. Куда бы старик ни приходил он везде знакомил людей с жизнью сердцем. В Чигирине ему даже пришлось вступить в дискуссию со священником, который даже пригласил старика в церковь выступить перед прихожанами. Александр Петрович выступил, а потом пожалел об этом, так как понимания среди прихожан не нашел, да и с пригласившим его священником он едва не поссорился. Годы, отданные служению религии, не прошли для священника даром. Цитаты из библии, которые часто использовал священник в разговоре со стариком («Лукаво сердце человеческое, более всего и крайне испорчено; кто узнает его?») и «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления») заставили старика распрощаться с близоруким священником и покинуть в скором времени Чигирин. Тем не менее, благодаря общению со священником и прихожанами старик понял, каким слепцом был всю свою прошлую жизнь. Для него стало очевидным, что любая религия — источник угрозы в мире, придерживаясь взглядов той или иной религии, люди теряют себя, становятся ограниченными и неспособными объективно смотреть на мир. Для таких людей существует только одна истина — та, которую проповедует их религия, все остальное относится к ереси и богохульству. Старик устал жалко этих людей, в их жизни напрочь отсутствовала свобода мышления.

Чигирин остался позади. Позади остался и Светловодск, а еще множество сел, через которые проходил путь старика. И теперь Александр Петрович сидел на берегу Днепра и водил палкой по воде. Совсем недавно они с Шариком покинули Светловодск и двинулись в

сторону Кременчуга. Заметив издали Кременчуг, раскинувшийся на левом берегу Днепра, старик сошел с трассы и спустился к реке. Старик не спешил попасть в город, так как только начал отходить от шума и многолюдности предыдущего города. Этот день Александр Петрович решил провести на берегу Днепра, а завтра, когда солнце окрасит горизонт золотом, он отправится в Кременчуг, после которого собрался вернуться домой к семье.

Александр Петрович скользнул взглядом по противоположному берегу Днепра, затем перевел взгляд на собаку, лежавшую у его ног.

— Завтра, Шарик, мы посетим с тобой Кременчуг, а послезавтра, может даже и завтра, отправимся в обратный путь, только вот идти мы уже будем не по правому берегу Днепра, а по левому, — старик махнул палкой куда-то вперед, словно показывая собаке предстоящий путь. — Не будем нигде задерживаться. Пойдем прямо домой. Нечего нам с тобой медлить. Ведь так?

Старик погладил собаку и улыбнулся. Улыбка получилась грустная. Вот уже второй день Шарик отказывался есть. Старик заметил, что за последнюю неделю собака стала какой-то вялой и пассивной, больше предпочитала лежать и спать, чем двигаться. Даже сейчас, когда старик ее приласкал, единственной ее реакцией было едва заметное движение хвоста. Шарик положил голову на ноги старику и устремил взгляд на Днепр. Казалось, то, что говорил старик, его нисколько не заботило.

Старик вздохнул и посмотрел на город справа, огромный и серый, шумный и многолюдный. словно щупальце неведомого чудовища, часть города перекинулась на правый берег реки, тем самым отвоевав у природы значительный кусок земли.

Отвернувшись от серой массы города, старик снова посмотрел на собаку. Волнение за Шарика ни на миг не отпускало его. Он не так боялся за себя, как за собаку, своего единственного друга, который теперь мало походил на того Шарика, с которым он покинул дом. Таким как сейчас старик его никогда не видел и это пугало. Шарик был не здоров. Старик понимал это, но сделать ничего не мог.

Старик перевел взгляд на воду и провел концом палки по поверхности. По воде пробежалась рябь, и спустя мгновение поверхность вновь стала гладкой, как зеркало.

— Я знаешь, что подумал, Шарик, — сказал старик и полез к кульку. — А давай-ка перекусим. Я последний раз ел вчера утром, да и ты давненько не ел. Поешь, так может, и здоровье поправишь.

Старик достал из кулька остатки хлеба, кефир и пачку собачьего корма. Открыв пачку с кормом, старик высыпал его содержимое на землю рядом с собакой.

— Давай, братишка, покушай, — сказал старик и слегка подтолкнул голову Шарика в сторону корма.

Собака приблизила голову к корму и принялась, затем отвернулась и вернула голову на колени старику.

— Что ж это такое? — пробормотал старик. — Давай, Шарик, поешь хоть немного.

Но все уговоры старика были напрасны. Собака закрыла глаза и, казалось, заснула.

— Может, еда тебе не по душе. А давай я тебе кефирчика налью с хлебом. Может, такая еда тебе больше по душе будет.

Старик достал из кулька одноразовый стаканчик, который купил еще в Борисполе, и наполнил его кефиром, затем накрошил туда хлеба и подсунул под нос собаке.

— Давай, дружок, поешь.

Собака открыла глаза и принялась, после чего лизнула содержимое стакана и снова закрыла глаза.

— Ну, вот видишь, — обрадовался старик. — Давай еще поешь, потом поспишь.

Радость старика пошла на убыль после нескольких безуспешных попыток накормить собаку. Шарик не желал есть. Старик почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

— Что ж с тобой такое-то? — всхлипнул старик, поглаживая собаку по холке. — Хоть немного поел бы. Ну да ладно. Не хочешь, значит, не хочешь. Может, потом поешь.

Старик отставил стакан в сторону, после чего взял ломоть хлеба и засунул в рот. Сделав несколько жевательных движений челюстью, он понял, что и ему наполнять желудок не слишком-то охота. Тем не менее, старик заставил себя доесть кусок хлеба, затем сделал два глотка из бутылки, закрыл ее крышкой и бросил на кулек.

Перекусив, старик лег на спину и закрыл глаза. На душе было тревожно. И не только из-за Шарика. На дворе стоял апрель. Старик

думал о том, успеет ли он вернуться домой прежде, чем смерть настигнет его. Прогнозам врачей, обещавших ему полгода жизни, он не слишком доверял. Старик знал, что врачи — обычные люди, им свойственно ошибаться, как и другим людям. Поэтому полгода жизни могли превратиться для него в пять месяцев жизни, а то и меньше, но могли — в семь и даже восемь. О последнем раскладе старик мог только мечтать. Тогда бы он, конечно же, успел вовремя вернуться домой. Но все дело в том, что старик не был провидцем, он не мог видеть будущее, хотя бы свое, поэтому единственное, что ему оставалось это верить и надеяться. Старик так и поступал, он верил и надеялся, что увидит семью прежде чем...

Старик открыл глаза и посмотрел на нежно-голубое небо, словно необъятный океан раскинувшееся перед взором. Мелкие поросли белых облаков были настолько редкими, что совсем не защищали от теплых лучей полуденного солнца, которые, словно водомерки скользили по телу старика, ни на миг не желая упускать его из виду.

— Жизнь, — пробормотал старик. — Для кого-то ты борьба, для кого-то — игра. А для меня ты познание. Не потому ли человек и создан любопытным существом, чтобы познавать? Ведь только через познание он может развиваться, только через познание он может познать истину. Не создай матушка-природа человека таким, каким создала, стал бы он тем, кем стал — существом, способным через познание и развитие достичь совершенства. Если лишить ребенка какого-либо развития, что с ним случится в будущем? Будет ли это человек или всего лишь неразумное животное в человеческом облики? Нет, кроме тела от человека там больше ничего не будет, разве что сердце. Но и от сердца толку никакого, если разум невежествен. Лучшее тому доказательство, то, что происходит в современном мире. Когда разум стоит на пути сердца, ни познание, ни развитие невозможны. Если бы мой разум до сих пор был препятствием моему сердцу, многого бы я достиг? Так бы и сидел в четырех стенах, ожидая с дня на день прихода старухи с косой. Какое человек все же удивительное существо. Как много в его жизни зависит от него самого. Он же может достичь невероятных вершин, конечно если захочет, не побоится трудностей, откинет прочь сомнения и двинется дорогой, уводящей его далеко за горизонт.

— За горизонт, — повторил старик, поглаживая бороду. — Как мало людей могут заглянуть за свой горизонт, но еще меньше стремятся там оказаться. Не поэтому ли в современном мире так мало великих людей? Интересно, каково это, быть великим человеком? Каково быть человеком, который не побоялся устремиться за горизонт? Какие чувства он испытывает, когда понимает, что он находится не здесь, среди массы, а где-то там, где лишь дорога, уводящая тебя все дальше и дальше. Может, такие как и я? — старик улыбнулся.

Несколько следующих часов старик провел в размышлениях и работе над рукописью, которая из нескольких исписанных страниц, какой она была некогда, превратилась в объемный труд, труд настолько большой, что старик временами переживал, как бы не закончились чистые листы тетради прежде, чем он завершит работу над рукописью. Старик даже отложил на всякий случай десять гривен. Но чистые листы в тетради все еще были, тогда как чернила в ручке закончились уже к концу этого дня. Старику ничего не оставалось, как отложить работу над рукописью до лучших времен, которые, по его мнению, должны были наступить, когда он окажется в Кременчуге, где он сможет купить стержень для ручки. Благо деньги у него еще остались.

Остаток дня Александр Петрович пролежал рядом с Шариком, смотря на Днепр. Старику нравилось наблюдать за неспешным, даже вялым течением реки. Лежа на берегу реки, старик чувствовал некое единение с рекой, с природой. Здесь было тихо и спокойно, жизнь текла в размеренном и неспешном ритме, не было того безумного хаотичного ритма, больше похожего на гонку на выживание, который так часто сопровождает жизнь едва ли не каждого города. Здесь, на берегу Днепра, вдали от цивилизации, старик в который раз осознал мудрость размеренного ритма жизни, которым живет природа, и глупость того ритма жизни, которым живет человек. Куда он спешит? Неужто боится опоздать на свои похороны? Или надеется, что благодаря такому безумному ритму его жизнь будет счастливее? Глупец. Он рискует так и не узнать, что такое настоящая жизнь. Зазнавшийся ребенок, он думает, что мудрее матери. Не поэтому ли его жизнь так быстротечна?

Старик положил руку на спавшего Шарика и закрыл глаза. Почему-то ему стало грустно. Может мысли навеяли грусть, а может почувствовал быстротечность своей жизни. Казалось, только совсем

недавно он был ребенком, а теперь уже стоит на пороге смерти. Может человек, и правда, мало живет? Кто знает, может и мало. Последней мыслью старика перед тем, как он заснул, была «цени человек время, отведенное ему на этой планете, жил бы дольше».

* * *

Старик медленно двигался по городу. Недоумение застыло на его лице. Что за странное место? Что это за город? Уже час как он двигался по его улицам, но до сих пор ни встретил ни одно живое существо, вездесущие вороны и те куда-то пропали. Вокруг было тихо и жутко, как на кладбище в темную пору времени. Старик то и дело оглядывался, словно чувствовал на себе чей-то сверлящий взгляд. Но вокруг никого не было видно, только ветер гонял по пустынным улицам мусор.

— Должно быть почудилось, — подумал старик.

Но старик был не единственный, кому чудилось в этом городе. Шарик жался к ногам старика и также вертел головой, будто и он ощущал на себе взгляд невидимого наблюдателя.

Над городом, словно гигантское неведомое чудовище, нависла черная туча. Где-то вдалеке послышались раскаты грома. Спустя мгновение молния разрежала небо на части прямо перед стариком, заставив того вздрогнуть от неожиданности. От последовавшего за молнией раската грома старик на минуту оглох и следующий раскат уже не слышал. Не слышал он и воя, раздавшегося сразу же после раската грома.

Едва Шарик услышал вой, наострил уши и посмотрел куда-то в сторону. С неба упали первые капли дождя. Над городом снова пронесся вой. Шарик остановился. Вместе с ним остановился и старик, к которому вернулся слух. Грязно-серые, покосившиеся, словно от возраста, многоэтажки с выбитыми окнами и отвалившейся от стен штукатуркой, выстроились по бокам улицы, как гробы в ожидании покойников. От этой картины старику стало жутко. Дрожь пробежала по телу, а по спине прошелся холодок. В который раз ему пришлось задуматься о том, куда его занесло.

Внезапно из-за ближайшего дома выбежала стая собак. Завидев старика с Шариком, собаки остановились и принялись разглядывать чужаков. Удовлетворившись тем, что увидели, они завyli, развернулись и побежали назад. Шарик отбежал на несколько метров от старика и остановился. Взгляд собаки устремился в сторону убежавших сородичей. Собака повернула голову и посмотрела на старика. Издали донесся вой. Шарик запрокинул голову и завыл. Да так жалобно, что у старика сердце екнуло.

Капли дождя сильнее забарабанили по мостовой. Старик посмотрел на небо, затем перевел взгляд на собаку. Нехорошее предчувствие поселилось в груди.

— Шарик, дружок, что ты задумал?

Собака повернула голову к старику и снова завыла. Далекий вой был ей ответом. Один, за ним второй, третий.

— Шарик, иди ко мне, — позвал собаку старик. — Иди сюда, дружок.

Собака подошла к старику и ткнулась тому мордой в ноги.

— Хороший, мой, — пробормотал старик, трепля собаку по холке.

Шарик поднял голову и посмотрел старику в глаза. Старик почувствовал, как на глазах появляются слезы, столько боли и грусти он никогда не видел в глазах собаки. Шарик снова ткнулся мордой старику в ноги.

Едва слышимый вой донесся издалека. Шарик запрокинул голову и завыл в ответ. Перестав выть, собака отбежала от старика на несколько метров и снова завыла, после чего бросив долгий взгляд на старика, бросилась вдогонку за сородичами.

Старик почувствовал, как перехватило дыхание.

— Шарик... дружок..., - выдохнул он и сделал несколько шагов вслед собаке.

Сердце заколотилось с такой силой, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Голова пошла кругом. Ноги отказывались держать тело.

— Шарик, куда же ты? Зачем же ты меня оставляешь? — старик упал на колени и посмотрел вслед, исчезнувшей за домом, собаке.

Старик вытер с глаз, то ли слезы, то ли воду, не разберешь уже. Дождь стучал по мостовой, барабанил по подоконникам окон.

— Дружок, что ж ты так? — старик упал на асфальт.

Исхудалые стариковские плечи затряслись от рыданий. Сердце старика сжалось от боли, закололо, да так, что старику стало трудно дышать. Поднявшись на колени, старик схватился за сердце и пробормотал:

— Неужто это конец? Неужто моя жизнь уходит вместе с тобой?

Превозмогая боль, не обращая внимания на воду, заливающую глаза, старик поднялся на ноги и закричал:

— Шарик... Шарик...

* * *

— Шарик, Шарик, — закричал старик и проснулся.

Сердце колотилось. Кровь стучала в висках. Старик набрал побольше воздуха в грудь и медленно выдохнул, затем оперся на руки и сел. Рядом, свернувшись клубком, спал Шарик.

— Это всего лишь был кошмар, — сказал старик. — Всего лишь кошмар. Успокойся. Рядом Шарик твой. Рядом.

Старик снова набрал воздух в грудь и выдохнул, после чего осмотрелся. Сквозь тучи на мгновение выглянуло солнце и засверкало на поверхности реки. Налетел прохладный ветерок и зашевелил волосы на голове у старика. Издалека, должно быть с трассы, несся шум, издаваемый машинами.

Старик посмотрел на часы. 7:21.

— Перекусим Шарик и пойдем дальше, — пробормотал старик и потянулся к кульку.

Старик собрался было разбудить Шарика, но передумал, решив, что пусть собака поспит, пока он будет кушать. А потом, когда придет время двигаться, вот тогда он и разбудит собаку.

Старик достал из кулька остатки еды и быстро перекусил, доел остатки хлеба и допил кефир в бутылке. Затем, бросив пустую бутылку в кулек, он поднялся на ноги и принялся за сборы. Правда, сборы были недолгими, уложить пальто, на котором он провел ночь в кулек, не заняло много времени.

— Ну, давай, дружок, просыпайся, — старик наклонился к Шарик и погладил того по голове. — Потом поспишь. Доберемся до города, там и поспишь. Давай, вставай, соня.

Шарик никак не отреагировал на слова старика. Он все так же лежал, свернувшись в клубок и спрятав морду под хвост.

— Что ж ты вставать не хочешь, соня? — старик улыбнулся и легонько потрусил тело собаки. — Подъем, дружок, подъем. Не добудишься тебя никак.

С запозданием старик понял, что что-то не так. И это не так проявлялось не только в том, что Шарик никак не реагировал ни на слова, ни на тряску. Но вот в чем еще, старик никак не мог сообразить.

Тревожное предчувствие закралось в сознание старика.

— Шарик, — пробормотал он и сильнее потрянул тело собаки. — Шарик.

На какой-то миг старик дольше задержал руку на теле собаки, осознание вспышкой вспыхнуло в сознании. Тело собаки было холодным. Холодным!!!

— Шарик? — прошептал старик. — Дружочек, просыпайся.

Старик снова потрянул тело собаки, теперь намного сильнее, чем прежде. И опять безрезультатно. Сон собаки был глубок, очень глубок. Старик упал на колени возле собаки и положил руку ей на голову. Змеей в сознание просочилась мысль, от которой старику сделалось дурно.

«Его дружочек был мертв. Мертв!!!»

— Шарик, ты слышишь меня? — голос старика задрожал, слезы, готовые ринуться водопадом, застыли в глазах. — Проснись, прошу тебя.

Старик провел рукой по телу собаки, не желая мириться с мыслью, устроившей хаос в его сознании. Этого не может быть. Шарик спит и сейчас он почувствует руку старика на своем теле и проснется.

— Это всего лишь сон, — пробормотал старик. — Сейчас я проснусь и пойму, что это всего лишь плохой сон.

Старик забрал руку с тела собаки и закрыл глаза. Спустя мгновение он открыл их и снова положил руку на тело собаки, словно желая убедиться в том, что тело теплое и Шарик спит. Но нет, тело все также было холодным, слишком холодным, чтобы быть живым.

Слезы ринулись из глаз старика. Старик упал на тело собаки и зарыдал. Шарик оставил его, оставил, чтобы никогда не вернуться. Старик зарылся лицом в шерсть собаки и поливал ее горячими

слезами. Сердце колело, тело ломило, боль в желудке ожила и грозила заполнить собой все тело, но старик не обращал на это никакого внимания, забывшись в своем горе.

— Что ж ты оставил меня, братишка. Как же я теперь буду без тебя? — шептали губы.

В вышине раздался удар грома. Капли дождя забарабанили по земле. Казалось, мир оплакивал вместе со стариком его утрату. Когда же слез не осталось, старик лег рядом с телом собаки и замер. Отстраненный взгляд блуждал по телу собаки. В голове возник хаос, мысли встrepенулись, словно стадо потревоженных оленей, и пустились наутек, в глухие дебри подсознания. Хаос сменился пустотой, черной, глубокой и тревожной.

Час прошел, два, но старик по-прежнему лежал возле собаки. Дождь барабанил по телу, вода стекала по лицу и падала на землю. Старик промок. Одежда намокла и прилипла к телу. Налетевший ветер заставил тело старика дрожать от холода. Но если тело старика реагировало на окружающий мир, то разум заволокла пелена печали и скорби, отрешенности и безразличия. В отличии от тела, находящегося в этом мире, мысли старика унеслись в далекое прошлое. Вместо безжизненной равнины перед глазами старика проносились давно забытые видения: маленький грязный щенок в руках его сына Сашки, которого тот только принес с улицы, разодранные тапочки Надюши, лужи собачьей мочи по всей квартиры, ссоры с женой из-за щенка. Далекое воспоминание стали ближе, обрели яркость и четкость, отчего стало еще больнее.

Из глубин подсознания выплыли мысли, от которых старик хотел бы избавиться как можно быстрее, но не мог. Словно похоронный звон метались они в голове старика, заставляя его сердце разрываться от горя: воспоминания были частью прошлого, им никогда не суждено обрести плоть и кровь, и Шарик тоже стал частью прошлого, частью, о которой также скоро останутся одни лишь воспоминания. Прошлое не вернешь, не воскресишь. Когда оно умирает, то умирает навсегда. Оно не есть часть реального мира, оно часть мира воспоминаний, иллюзий, часть мертвого мира.

Оцепенение прошло. Старик протер покрасневшие глаза, смахивая с них остатки слез, и поднялся с земли. Он учил людей не думать о прошлом, дать ему покой и не тянуть в настоящее. Так и он

должен поступить. Что произошло, то произошло. Изменить ничего нельзя, горевать бессмысленно. Это жизнь и этим все сказано. Жизнь непредсказуема, порой кажется несправедливой, но от этого она не становится менее прекрасной.

Старик взял пальто и накрыл промокший и окоченевший труп собаки. Как оказалось, беспокоился он зря, дождь закончился, едва пальто скрыло труп собаки от внешнего мира. Ветер разогнал тучи и солнечные лучи упали на мокрую землю. Капельки воды на траве засверкали бриллиантами, заиграли всеми цветами радуги. В другое время такая картина вызвала бы всплеск радости у старика, но сейчас он не обратил на нее никакого внимания. Время радости прошло, стало частью прошлого, прошлого, которое не вернешь. Наступило время скорби, тихой и незаметной, скорби, о которой ведомо только близкому и родному сердцу.

Старик посмотрел по сторонам. Надо было похоронить собаку. Только как это сделать? Чем выкопать яму? Оставить труп на произвол судьбы он не мог, да и не хотел. Это же Шарик, его братишка.

Кроме палки, на которую старик опирался во время ходьбы, у него больше ничего не было. Поэтому он решил копать яму руками. У воды земля оказалась мягче, благо и дождь помог, еще больше размягчив землю.

Старик опустился на колени и погрузил руки в землю. Какой же холодной она оказалась. Как же холодно должно быть в ней лежать. Как холодно лежать в этом царстве тьмы, холода и сырости, в царстве, где только черви живут.

Старик зачерпнул руками мокрую землю и выгреб ее наружу. Раз, другой, третий. Снова и снова старик погружал в землю худые руки с иссохшими от времени пальцами. Спустя какое-то время старик решил передохнуть. Он вымыл руки в реке и присел возле трупа собаки. Старик согнул колени и уронил на них голову. Он подумал о будущем. Что ему делать дальше? Совсем недавно он собирался вернуться домой, но сейчас, когда Шарик покинул этот мир, желание возвращаться домой исчезло, словно мираж в пустыне. Теперь, когда Шарика больше не было рядом с ним, старик почувствовал себя одиноким. Таким одиноким он никогда прежде не был. Несмотря на то, что его окружал мир, населенный огромным количеством живых существ, старик чувствовал себя так, будто находился в лодке посреди

океана, где даже чайки не кричат над водой. Но холод одиночества не пугал старика. Старик воспринял его как нового друга, друга, который никогда тебя не покинет, который останется с тобой навсегда, до последнего твоего взгляда, до последнего твоего вздоха.

Старик вздохнул и поднялся с земли. Пора было возвращаться к прерванному занятию. Старик подошел к выкопанной яме и увидел, что на ее дне собралась вода, должно быть, сказалась близость реки.

— Мокрое же место я выбрал для тебя, братишка, — пробормотал старик, опускаясь на колени.

Старик зачерпнул пригоршню воды и выплеснул ее из ямы, воды не стало меньше. Старик снова погрузил ладони в холод и сырость и принялся вычерпывать воду. Он не сразу осознал бессмысленность своего занятия. Сколько он не погружал руки в воду, воды меньше не становилось. Она все пребывала и пребывала.

— Это не дело, — сказал старик и принялся засыпать выкопанную яму. — Лежать в холоде, да еще и в воде — не лучшая участь для того, кто был дорог. Ничего, выкопал одну яму, выкопаю и другую.

Закопав яму, старик переместился дальше от реки, ближе к тому месту, где провел ночь и снова принялся рыть землю. Здесь земля была тверже, но у старика была палка, которой он помогал себе разрыхлять землю. В конце концов, проведя за рытьем не один час и изрядно намучившись, старик выкопал яму, которой суждено было стать могилой для его Шарика.

Старик сбросил с собаки пальто, чтобы последний раз посмотреть на друга, затем вытащил из карманов пальто тетрадь, ручку, остатки денег и завернул в пальто тело собаки.

— Тебе там не будет холодно, дружок... не будет, — старик бережно положил тело собаки в могилу и замер на какое-то время, сосредоточив на ней взгляд.

— До свидания, братишка, — пробормотал старик. Хотел бы он всплакнуть да слез не осталось. Все выплакал. — Если и существует мир по ту сторону жизни, то мы скоро увидимся. Жди меня, я не задержусь в этом мире. Пусть земля тебе будет пухом.

Старик поднялся на ноги и принялся закидывать могилу. Покончив с этим делом, старик сел рядом на землю и прошептал:

— Вот и все. Вот и нету братишки.

Остаток дня и ночь старик провел, сидя у могилы Шарика. Он не спешил покидать могилу, так как понимал, что это место больше никогда не увидит. Да и куда ему было спешить? Со смертью Шарика линия судьбы старика устремилась в новом направлении.

Глава 5

Николас

На могиле Шарика старик провел два дня. Жизнь замерла для него на какой-то миг. Время перестало существовать для старика. За все это время, проведенное на могиле собаки, старик ни разу не взглянул на часы, поэтому не удивительно, что они остановились, когда закончился завод. Но старик по этому поводу не переживал, по правде говоря, он вообще перестал переживать по какому-либо поводу. Старик понял, что многое в человеческой жизни зависит от человеческого восприятия. Именно восприятие определяет реакцию человека на то или иное событие, именно оно заставляет человека плакать или смеяться, страдать или радоваться, а если так, то у человека всегда есть выбор. Старик отказался от душевных мук и страданий. Это и был его выбор. И в этом ему помогло отличное от прежнего восприятие окружающего мира. Старик понял, что мир нейтрален, он ни добр и ни злой. Он не помогает человеку, но и не ставит ему палки в колеса. Он всего лишь место обитания, в частности, человеческого организма. Плюете вы на него или молитесь ему, ему все равно, как все равно квартире, в которой вы живете.

Боль, страдания, печаль или радость не существуют больше нигде, кроме как в человеческом восприятии. И если не воспринимать страдания, как страдания или горе, как горе, то они и не будут, ни страданием, ни горем. Вся человеческая жизнь — это всего лишь результат человеческого восприятия. Возможно, именно поэтому порой она кажется такой несправедливой и жестокой.

Многое изменилось внутри старика за те два дня, что он провел на могиле Шарика. Некоторые взгляды на жизнь утратили былую крепость, но многие окрепли, получив подтверждение в результате размышлений и чувствований старика. Старик осознал, что жизнь сердцем невозможна сама по себе, невозможна без участия в ней разума. Природа наделила человека холодным разумом и горячим сердцем не без причины. Старик чувствовал, что эти два мощных энергетических центра в человеческом теле должны дополнять друг друга, а не противодействовать. Но для этого важно не позволять

разуму своим невежеством нарушать гармонию, заложенную в человеческом организме природой. Именно нарушение гармонии, появление внутреннего дисбаланса, преобладание логики над чувствами, невежества над мудростью, и заставляет человека становиться на путь разрушения собственного Я и окружающего мира в целом.

Но в то же время старик осознал, что эта гармония не подразумевает под собой наличие некоего равновесия между разумом и сердцем в деле управления человеческой жизнью. Эта гармония изначально негармонична ибо такой была задумка природы. Причин такой задумки старик не понимал, но в ее существовании не сомневался. В той настоящей жизни, которое рисовало ему его воображение, не существовало догмата разума, как это происходило в реальности. Старик воспринимал такую ситуацию, как искусственное искажение, появившееся в результате развития человеческого разума. Сам же он полагал, что в жизни вообще не должно быть никаких догматов и непререкаемых норм, так как сама жизнь с ее текучестью и изменчивостью, свидетельствует о том, что какая-либо устойчивость иллюзорна, а стабильность нестабильна.

В то же время для старика было очевидно, что существует некое смещение от человеческого разума в сторону человеческого сердца, и это также была задумка природы. Одним из подтверждений этой мысли для старика было то, что человеческая жизнь начинается с первым ударом сердца и прекращается с его последним ударом. Для старика сердце выступало своего рода землей обетованной, местом, где рождаются знания, которые должны использоваться разумом для продвижения человека по жизни. Сердце рождает, разум претворяет — такой старик видел формулу истинной человеческой жизни.

Позволив себе предаться размышлениям на могиле Шарика, старик, в конце концов, попрощался с собакой и отправился в Кременчуг, куда некоторое время спустя и прибыл. Кременчуг встретил старика дождем, но старика это несколько не беспокоило. Он даже не потрудился найти себе какое-нибудь укрытие от дождя, так и просидев под дождем несколько часов на лавочке на одной из улиц города. Старик не боялся промокнуть. Он знал, что в этом чудесном мире все преходяще, рано или поздно ветер разгонит тучи, дождь

прекратится, выглянет солнце и мокрая одежда высохнет, одно состояние сменится другим.

Со стороны, старик, сидевший под дождем, мог показаться ненормальным, но о том, каков он со стороны старик вообще не думал. Да и что такое нормальность? Кто мог сказать, что нормально в этом мире, а что всего лишь подобие нормальности? Может сидение под дождем это самая что ни на есть нормальная вещь, ведь не прячутся же от дождя воробьи, которых старик видел на ближайшем дереве, так почему это должен делать человек? Старик делал то, что чувствовал в ту или иную минуту, нисколько не задумываясь о том, правильно это или нет. Если у него возникал какой-нибудь стимул, он понимал, что это произошло неспроста, а если так, то это и было для него правильным, именно это и следовало ему делать.

Когда дождь закончился и из-за туч выглянуло солнце, старик поднялся с лавочки и двинулся вверх по улице.

Проходя один из перекрестков, старик заметил магазинчик, куда и решил заглянуть, чтобы купить на оставшиеся деньги что-нибудь съестное. Войдя внутрь, старик увидел, что это даже не магазин, а мини-маркет с системой самообслуживания. Старик спрятал кулек, в которой находилась рукопись и некоторые из вещей, в шкафчик и направился внутрь магазина, но попасть туда не успел, так как дорогу ему преградил охранник.

— Покиньте, магазин, — сказал тот, нацепив на лицо маску безразличности.

Старик остановился и улыбнулся.

— Почему я должен это сделать?

— Мы не обслуживаем таких как вы, — был ответ охранника.

— Таких как я? — удивился старик. — А что со мной не так?

— Вы давно смотрелись в зеркало?

Старик окинул себя взглядом сверху донизу. Может охраннику не понравилась грязь на его одежде и обуви? Или всклокоченная борода, среди волосков которой затерялись кусочки хлеба и травы. Но разве это все важно? Разве стоит обращать внимание на такие мелочи? Не чрезмерное ли акцентирование на мелочах убивает человеческое счастье?

— Я вас не понимаю, — улыбнулся старик.

— Мы не обслуживаем... э-э-э бомжей, — поморщился охранник.

Удивительно, но старик не расстроился, услышав ответ охранника, скорее даже позабавился.

— А с чего вы взяли, что я бомж?

— Мне достаточно одного вашего вида.

— Вы судите о человеке по внешнему виду? Но разве можно узнать, кто перед тобой только по внешнему виду? Это все равно что судить о вкусе конфеты только по ее обертке.

— Это не ваше дело по чем я сужу. Я попросил вас покинуть магазин. Вы пугаете своим внешним видом клиентов.

Старик коснулся рукой бороды, затем посмотрел по сторонам. Многие из покупателей, действительно, сторонились старика, когда проходили рядом. То и дело старик ловил на себе укоряющие или брезгливые взгляды окружающих. Недалеко от себя он заметил высокого худощавого парня в деловом светлом костюме. Тот смотрел на старика и охранника и хмурился. Старик решил, что ему, и правда, лучше было бы покинуть магазин. Нет нужды в спорах, нет нужды в том, что разрушает. Еду можно купить и в другом месте.

— Хорошо, — сказал старик, растянув губы в улыбке, — я покину магазин, но могу я сначала задать вам вопрос?

— А без него нельзя? Или вы думаете, мне больше делать нечего только на ваши вопросы отвечать?

— Нет, что вы. Я всего лишь прошу вас о небольшой услуге.

— А мне что с этого? Я вам разве что-то должен? Нет, поэтому повторяю еще раз, покиньте магазин. Обойдетесь без вопросов.

— Вижу, у нас не получится с вами разговора, — опечалился старик.

— Не старик, ты вообще нормальный? Буду я с тобой еще разговаривать. Давай отсюда да поживее.

Старик пожал плечами, развернулся и направился к шкафчику, в котором оставил вещи.

— Невежественный разум слеп, — пробормотал старик, достав вещи из шкафчика. — Он не хочет видеть, он не хочет слышать, он только требует. Горе... горе тому, чей разум невежественен. В невежестве живешь, в невежестве и у...

Голоса привлекли внимание старика. Повернув голову, он увидел охранника и парня в светлом костюме. Поглядывая на старика, молодой человек что-то говорил охраннику. Выражение лица парня

говорило о недовольстве. Охранник отвечал тем же. Скрестив руки на груди, он вызывающе смотрел на парня и бросал в его сторону короткие реплики.

— Что бы это могло значить? — подумал старик, наблюдая за молодыми людьми.

— ... неважно кто он, если у человека есть деньги, — услышал старик, приблизившись к парочке, слова парня в костюме.

Парень говорил с небольшим акцентом и старик подумал, что он иностранец.

— А мне плевать на его деньги, — огрызнулся охранник, ухмыльнувшись.

— Может вам плевать и на свое место работы?

— А вам какое дело? На что хочу, на то и плюю.

— Я хочу поговорить с вашим начальством.

— Нету начальства... Вы еще здесь? — спросил охранник, заметив старика. — Я вам что говорил?

— Если нет начальства, тогда позовите администратора, — потребовал молодой человек.

— А нету его, — осклабился охранник. — Никого нету.

Привлеченная перепалкой, вокруг спорящих начала собираться толпа.

— Молодой человек, — старик повернулся к парню в костюме, — вам не стоит заступаться за меня. Я могу купить еду и в другом месте. Поберегите свои нервы. Не спорьте с человеком, который находится во власти невежественного разума. Это...

— Слышь, дед, ты начинаешь меня доставать. Давай проваливай отсюда, — охранник сморщился, когда схватил старика за шиворот и, словно нашкодившего ребенка поволок к выходу из магазина.

Старик не сопротивлялся, лишь грустная улыбка появилась на его лице да глаза заблестели.

— Эй, вы что себе позволяете?! — услышал старик голос молодого человека. — Вы слышите меня?

Охранник распахнул входную дверь и выставил старика на улицу, сам же повернулся к парню, уперев руки в бока.

— Тебя что вслед за бомжем отправить?

Сквозь приоткрытую дверь, старик увидел, как побагровело лицо молодого человека, руки сжались в кулаки, скулы заходили под кожей.

Старик почувствовал, как сильнее забилося сердце. Он почувствовал неловкость, осознав себя причиной конфликта и беспомощность из-за невозможности его остановить. Разве помогут слова, когда невежественный разум не приемлет слов?

Парочка готова была наброситься друг на друга, когда появилась девушка в короткой черной юбке и белой блузке. У нее на груди старик заметил бейджик с надписью «администратор Людмила».

— Что здесь происходит? — спросила девушка, взглянув на охранника.

— Та ниче, Люд. Все нормально. Тянет сюда бомжей всяких, а потом у людей вещи пропадают.

— Какие бомжи? Что-то я не вижу здесь ни одного бомжа.

— Я его на улицу выставил, а этот, — охранник кивнул на молодого человека, — заступиться решил. Так я и его сейчас выставлю.

— Я бы на вашем месте сменил охранника, — сказал молодой человек, взглянув на девушку.

— Если хотите, можете сделать запись в книге жалоб, — предложила девушка.

— Спасибо, не хочу. Единственное, что я сейчас хочу, так это убраться с вашего чертового магазина, — сказал молодой человек и покинул магазин.

Желваки продолжали играть на его скулах, когда он вышел на улицу. Потупив взгляд в землю, он двинулся к машине, стоявшей неподалеку. Он настолько погрузился в себя, что даже не расслышал слова благодарности, сказанные стариком, когда тот проходил рядом. Заметив это, старик улыбнулся и последовал за парнем.

— Я хотел бы поблагодарить вас за то, что заступились за меня, — сказал он, догнав парня.

Парень, услышав голос за спиной, развернулся и посмотрел на говорившего. Увидев, что это старик, он махнул рукой и сказал:

— Не стоит благодарить. Я ничего не сделал.

— Вы заступились за... э-э-э... бомжа, — напомнил старик.

— Надо было дать ему по морде, — парень, казалось, мыслями все еще был в магазине и выяснял отношения с охранником.

— Забудьте о том, что произошло. Это уже прошлое. Не омрачайте настоящее прошлым. Часто оно не стоит того.

— Легко сказать... Ну, да ладно. Черт с тем охранником. Хотя такие, как он, не должны работать с людьми. Таких надо подальше от людей держать. Где-то в лесу. Пусть лучше деревья валят. Если бы кто-то из моих подчиненных повел себя как он, был бы уже уволен. Эти идиоты не понимают, что таким отношением только отталкивают людей. Удивительно, как их магазин не развалился до сих пор.

— Прошлое не дает вам покоя, — улыбнулся старик.

— А, не обращайтесь внимания. Но я бы с удовольствием все же заехал бы в челюсть тому засранцу. Может это научило бы его тому, как вести себя с людьми.

— Вы думаете насилие — это лучший способ для решения проблем?

— Нет, но для той ситуации, думаю, это был бы лучший способ. С таким как тот идиот только так себя и надо вести. Такие люди не понимают нормального человеческого языка. С такими говорить, все равно что разговаривать со стеной. Я знаю таких людей. В Украине их много. У нас во Франции такие нелюди тоже есть, но все же их там меньше.

— А я вижу, что у вас акцент небольшой есть, дай думаю, иностранец. Значит, вы с Франции? Но знаете, вы очень хорошо разговариваете по-русски.

— Спасибо. Да я из Франции, из Парижа. В Украине два года уже живу. У меня здесь свой бизнес.

— Знаете, меня всегда удивляло, почему иностранцы переезжают жить в Украину и даже вот бизнес свой начинают. Может вы мне подскажите почему так происходит? Неужто, например, во Франции жизнь хуже, чем в Украине? Но это же неправда.

— Украина, конечно же, не Франция, но и здесь можно деньги зарабатывать. Только взятки часто требуют. У нас такого во Франции нет, но в Украине зато, если есть деньги, можно любой вопрос решить на свою пользу. Главное, были бы деньги, тогда любой ваш чиновник готов стать тебе лучшим другом.

— Вы правы, если есть деньги, любой готов быть твоим другом, но если их нет, то... — старик развел руки в стороны. — К сожалению, многие люди любят деньги больше, чем самих себя. Сегодня мне трудно понять, как можно испытывать такую привязанность к ним. Ведь это же простая бумага.

— Без этой, как вы говорите, бумаги в современном мире долго не проживешь. Даже хлеба без денег не купишь, не говоря уже про что-то более дорогостоящее.

— Так и есть, — старик сокрушенно кивнул головой. — Так и есть, и это не может не печалить.

— Почему же это вас печалит? Вы думаете, что деньги это зло?

— Позвольте узнать, как вас зовут?

— Николас.

— Николас. Какое необычное имя для человека, впервые разговаривающего с иностранцем, — улыбка тронула губы старика. — Очень приятно с вами познакомиться Николас. Меня зовут Александр Петрович. Я вот что вам скажу. Деньги — это не зло, но и не добро. Для меня это просто бумага, вещь. Даже несмотря на то, что деньги — довольно таки могущественная вещь в современном мире, они, тем не менее, остаются вещью, поэтому я не могу говорить о них, как об орудии зла или добра. В любом случае, быть деньгам злом или добром, решает человек, в руках которого они находятся.

— Вы хотите сказать, что от поступков человека зависит будут деньги добром или злом?

— Можете и так понимать мои слова, — кивнул старик.

— Я с вами согласен. Деньги можно пустить на разработку ядерного оружия и тогда они станут злом, а можно с их помощью накормить голодающих, тогда они станут добром... Я вам хочу сказать, Александр Петрович, что, несмотря на внешний вид, вы не кажетесь мне бомжем. Еще в магазине вы мне показались каким-то странным бомжем, — Николас улыбнулся. — Возможно, именно из-за этого я и решил вступить за вас. У вас мудрые глаза и говорите вы не как бомж. Скорее как философ. О, знаете, кого вы мне напомнили?

— Нет, — улыбнулся старик.

— Я недавно вернулся с Черкасс. Так там только и разговору что о старике с собакой, который ходит по Украине и проповедует жизнь сердцем. Я сначала не поверил, но после того, как мне показали газету со статьей, пришлось поверить. Вот того старика вы мне и напомнили.

— Сумасшедший, наверное, какой-то, — улыбнулся старик.

— Я тоже сначала так подумал, только вот, по словам журналиста, вполне нормальный старик. Ой, там целая история. Я когда прочитал статью, секунд тридцать говорить не мог, настолько был поражен его

историей. Не знаю, кто он, но я хотел бы пообщаться с этим стариком. Знаете, Александр Петрович, мне интересны такие вещи, как духовное развитие, мечты, доброта, а его жизнь сердцем, как я понимаю, именно на эти вещи и направлена. В мире много глупых людей, много умных, а вот чем мне понравился тот старик из газеты, тем, что он говорит о том, как стать мудрым. На мой взгляд мудрый человек или умный — это одно и то же, но, как я понимаю, для того старика это разные вещи. Может он и прав, не знаю.

— Неважно, Николас, прав тот странный старик или нет. Просто послушайте свое сердце. Вот что оно вам скажет, то для вас и будет истиной.

— Тот старик тоже говорит, что надо слушать свое сердце, — широкая улыбка появилась на лице парня. — Вы, наверное, тоже о нем слышали?

Старик посмотрел на небо и улыбнулся. Ветер разогнал тучи, голубое небо океаном раскинулось над его головой, и в этом океане, словно корабль по волнам, плыло золотое солнце.

— Я не только слышал об этом старике, но и видел его, — загадочная улыбка появилась на лице старика.

— Правда? И где же вы его видели?

— В этом городе.

— Интересно, а когда это было?

— Сегодня, не более чем несколько минут назад.

Николас недоверчиво глянул на старика, затем обернулся и посмотрел по сторонам.

— Я чего-то недопонимаю или вы меня обманываете? Как вы могли его видеть, если в это время разговаривали со мной? Или вы видели, как он проходил здесь недавно?

— О, он до сих пор здесь, — улыбка засияла на лице старика.

Николас снова посмотрел по сторонам в поисках загадочного старика.

— Вы меня, наверное, разыгрываете?

— Нисколько.

— Тогда где же он? Что-то я его здесь не вижу, — Николас в который раз принялся крутить головой.

— Вы его не только видели, но и разговаривали с ним.

Николас приподнял бровь и глянул на старика внимательнее. Казалось, он раздумывал над тем, насколько стоящий перед ним старик ненормален.

— Я не знаю, о чем вы вообще говорите, — сказал он, начиная сердиться.

— Вы даже сейчас его видите и разговариваете с ним.

Николас сомкнул брови, догадка блеснула в его глазах. Он недоверчиво посмотрел на старика и улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что он это вы?

— Да, я не хочу больше водить вас за нос. Тот старик, о котором вы говорили, это я и есть.

Николас, прищутив глаз, какое-то время смотрел на старика и о чем-то раздумывал, затем нахмурился и выпалил:

— Вы мне показались честным и открытым человеком, но сейчас я вижу, что вы самый настоящий лжец. Вы не можете быть тем стариком.

— Не могу? — старик, казалось, удивился. — Почему же?

— Все очень просто. У того старика была собака. У вас же, как я погляжу, ее нет.

— Вы правы, Николас. У меня нет собаки, — сказал старик, вмиг погрузнев.

— Вот видите. Я в вас разочаровался, скажу вам откровенно.

— Вы правы, Николас, — повторил старик, уставившись в землю. — У меня нет собаки. Нет, потому что мой Шарик умер несколько дней назад.

Николас замер. Его рот медленно открылся и также медленно закрылся.

— Простите, — только и сказал он.

— Не надо извиняться, — старик вздохнул и посмотрел на молодого человека. — Вы ни в чем не виноваты. Все мы смертны и все когда-нибудь покинем этот мир. Вот и мой Шарик, мой братишка, его покинул.

— И как давно это произошло?

— Несколько дней назад.

— Соболезную. Я знаю, как вы были с ним близки.

— Были, — старик снова вздохнул. — Но это все уже в прошлом. Пусть там оно и остается. Сегодня же есть настоящее, и совсем скоро

его сменит будущее. Вот об этом и надо думать. Ведь жизнь — это дорога, ведущая из настоящего в будущее.

— А как же прошлое? — поинтересовался Николас.

Едва он узнал, кем является стоящий перед ним старик, его отношение к старику изменилось. Теперь он смотрел на старика так, словно тот был единственным гласом мудрости в этом мире.

— Ни секунды мы не живем в прошлом. Оно существует в нашей памяти, но и только.

— Но тогда и будущего не существует, — мягкая улыбка коснулась губ Николаса.

— Это совсем другое, — старик вернул улыбку. — Смотрите.

Старик замолчал и замер.

— То о чем мы разговаривали до этого времени, — нарушил он паузу, — стало прошлым. Того разговора между нами уже не существует нигде, кроме нашей памяти. А теперь..., — старик снова замолчал.

Спустя несколько секунд он продолжил.

— А вот начался наш новый разговор. Мы уже с вами Николас в будущем. В недалеком, но все же будущем. Этого разговора между нами раньше не было, некоторое время назад этот разговор был будущим, которое уже наступило. В отличии от будущего прошлое невозможно изменить, так как его не существует. Будущее же мы можем изменять, можем, влиять на него следуя внутренним побуждениям. Будущее, в отличии от прошлого, не существует в нашей памяти, но оно существует вне ее, существует вне нашего тела.

— Охо-хох! — воскликнул Николас. — Александр Петрович, у меня сейчас мозги закипят. Давайте оставим этот разговор в прошлом. Я не совсем... э-э-э... вникаю в то, что вы говорите.

— Конечно, Николас. Прощу прощения. Иногда я забываю, что мне, чтобы понять многое из того, что я знаю сейчас, понадобились долгие часы размышлений и чувствований.

— Я бы хотел с вами как-то еще встретиться, если вы не возражаете. Долго вы еще пробудете в Кременчуге?

— Не знаю, — старик пожал плечами.

— Тогда может, мы с вами встретимся завтра? Вы же завтра еще будете в городе? Где вы остановились? Я мог бы заехать за вами на машине.

— Я не знаю, что вам ответить, Николас, на ваши вопросы. Я словно перекатил поле, нигде не задерживаюсь. Я даже не знаю, где буду ночевать.

— Ах да, я и забыл, вы ночуете, где придется, — Николас на какой-то миг растерялся, не зная, что сказать.

Николас задумался. Старик же улыбнулся и сказал:

— Если хотите, я завтра могу быть на этом самом месте.

Николас свел брови над переносицей и посмотрел на старика.

— А знаете что, — улыбнулся он. — Я вам предлагаю пожить некоторое время у меня.

Старик улыбнулся.

— Я не хочу быть для вас и вашей семьи обузой, Николас...

— О, насчет этого не переживайте. Я не женат и отношений пока тоже никаких нет. Бизнес все время забирает. Поэтому вы никого не беспокоите, разве что тараканов, которые время от времени заглядывают ко мне на кухню, — рассмеялся Николас. — К тому же у меня вы сможете привести себя в порядок, побриться, помыться... э-э-э... с дороги, да и одежду постирать сможете. У меня и стиралка есть.

Как это было заманчиво. Смыть с тела грязь и пот, умыться, дать возможность старым костям погреться в горячей ванне.

— Это, и правда, заманчиво, — улыбнулся старик. — Пожалуй, я соглашусь на ваше предложение.

— Отлично. Тогда садитесь в машину. Я заеду на работу, а затем отвезу вас домой, — Николас открыл перед стариком дверцу машины, приглашая того забраться внутрь.

— Боюсь, я запачкаю вам сиденье, — сказал старик, увидев чистое кожаное сидение в машине.

— Бросьте, — Николас махнул рукой. — Сиденье всегда можно почистить.

Старик улыбнулся и забрался в машину.

Глава 6

«Научите меня жить сердцем»

Как же было приятно понежиться старое тело в теплой воде! Старик уже и не помнил, когда он последний раз предавался такому удовольствию. Сейчас, лежа в ванной у Николаса дома, он чувствовал себя на вершине блаженства. Глаза старика были закрыты, дыхание было спокойным и глубоким. Тело старика было расслабленно, голова упиралась в стену, руки покоились на ручках, вделанных изнутри в ванну. Даже мысли в голове старика, никогда не знавшие ни покоя, ни отдыха, успокоились и перестали тревожить старика своим неумным присутствием. Старик ни о чем не размышлял, ни о чем не вспоминал. Словно вакуум поглотил старика, вакуум, отгородивший его от окружающего мира.

Со стороны могло показаться, что старик спал. Но это было не так. Если тело и мысли его бездействовали, то ощущения нет. Старик лежал в ванной, погрузившись по грудь в воду, и прислушивался к своему телу, к той физической оболочке, что оберегала его внутренний мир от посягательств окружающего мира. Улыбка появилась на лице старика, когда он почувствовал, как понемногу затекают ладони от долгого лежания на ручках ванны. Но старик забыл о затекших ладонях, когда его внимание привлекло легкое пощипывание кожи бедер, но и про это он забыл, когда зачесался локоть. Старик почувствовал, как проснулось его любопытство. Локоть остался в прошлом, когда старик почувствовал, как заурчал его желудок. Старику нравилось наблюдать за собой, за реакцией организма на воздействие окружающего мира или на происходившие процессы внутри тела. Старику такие наблюдения казались забавными и увлекательными. Благодаря им он лучше понимал, насколько сложен и невероятен тот мир, что сокрыт от посторонних взглядом внутри него, мир удивительный и неповторимый, загадочный и живой. Старику казалось, что внутри него, как и внутри любого другого человека, находится целая вселенная и внутри этой вселенной существует жизнь.

На лице старика появилась широкая улыбка, едва он представил, что во вселенной внутри него живут маленькие жители, живики, как

он их назвал. Каждому из живиков старик даже подыскал подходящую для него работу. Самый трудолюбивый и выносливый живик отвечает за биение человеческого сердца. У этого живика есть молоточек, которым он стучит в барабан и благодаря этому бьется человеческое сердце. Другой живик плавает на лодке по артериям, словно по канализации, и чистит их от всякого мусора. А есть злой живик, который сидит у человека в голове и складывает человеческие воспоминания. Часто он любит доставать из хранилища одни и те же воспоминания, особенно не очень хорошие.

Старик понавыдумывал много разных живиков. Это занятие ему настолько понравилось, что он собрался даже придумать живикам имена, да покаяние в желудке заставило его повременить с этим. Едва почувствовав боль, старик открыл глаза и сел. Рука соскочила с ручки ванны и легла на живот.

— Должно быть живик, живущий в моем желудке, умер и теперь некому заботиться о нем. Вот и происходят там разные неприятности. Но ничего-ничего, как-то оно да будет.

Старику стало дурно. Голова закружилась, его начало подташнивать.

— Что ж это такое-то, — пробормотал старик и поднялся на ноги.

Ноги задрожали, старик едва не упал, благо успел ухватиться рукой за ручку ванны. Едва выбравшись из ванны, он склонился над раковиной. Тело его затряслось, спазмы сдавили бока и грудь, лоб покрылся испариной. Старика начало рвать, но из-за того, что он почти ничего не ел за последнее время, рвать было нечем, разве что... Старик как-то безразлично взглянул на сгустки крови и какой-то белесо-желтой слизи, устилавших дно умывальника, затем когда рвотные спазмы прекратились он распрямился и вытер тыльной стороной ладони кровь и слюни с губ.

— Все хорошо, — пробормотал он, глядя в зеркало, висевшее перед ним. — Скоро все закончится. Еще немного. Чуть-чуть.

Старик опустился на ягодицы и сел на пол.

— Скоро, дружок, совсем скоро, мы снова встретимся, — прошептал старик, ложась на бок.

Старик свернулся клубком на полу и закрыл глаза. Он чувствовал, как боль, словно неведомое чудовище, просыпается внутри его тела, чувствовал, как она ширится, заполняя каждую клеточку его

организма. Старик не боялся, хоть и никогда ничего подобного не ощущал. Спокойствие и уравновешенность не покидали его ни на секунду.

— Смерть, ты пришла за мной? — легкий укор чувствовался в интонации старика, когда он говорил эти слова. Он не готов был умирать. Его рукопись не была закончена и многие люди еще не знали о жизни сердцем. Он не хотел умирать, но понимал, что не все в его жизни находится под его контролем, не на все он способен влиять. Смерть, погода, время или падение метеорита, — эти вещи находятся вне контроля человека.

— К счастью, — подумал старик.

Какое-то время он тихо лежал на полу, прислушиваясь к тому, что происходило где-то там, внутри его вселенной. Тьма окутала его мир одеялом жгучей боли, настолько сильной, что терпеть ее было невозможно. И все же старик терпел. Он отстранился от всего, — от мыслей, от ощущений, от боли, и сосредоточился на сердце, ставшим для старика в эти минуты неким оплотом спокойствия, веры и территорией без боли. Старик чувствовал, как бьется его сердце, чувствовал его уверенные ритмичные удары, удары, наполнявшие его надеждой и радостью. Старик знал, пока бьется его сердце, он будет жить. Его сердце говорило ему, чтобы он надеялся и верил, и старик так и поступал — он надеялся и верил. Он слушал свое сердце, он верил своему сердцу. Он знал, оно не обманет, оно не подведет. Может когда-то, но не сейчас, не тогда, когда он еще не все успел сделать.

Когда боль поутихла и ему стало лучше, старик поднялся на ноги и набросил на плечи банный халат, который ему дал Николас. Вымыв после себя ванну, старик покинул ванную комнату и побрел в зал.

— Александр Петрович, вы себя нормально чувствуете? Какой вы желтый, — сказал Николас, когда старик очутился на пороге зала.

— Все хорошо, — сказал старик. — Голова немного закружилась. Ничего. Уже все прошло.

— Может вам таблетку какую дать или скорую вызвать?

— Нет, нет, ничего не надо. Мне уже легче... намного легче, — старик опустился на диван. — А что ты смотришь?

— Пока рекламу, — ухмыльнулся Николас. — Сейчас должна по Дискавери передача начаться, о том, как появился на планете человек.

— Интересно, — улыбнулся старик. — И что ты думаешь, как он появился?

— А черт его знает. Кто-то говорит про бога, кто-то про обезьян. Не знаю, кто прав. А вы что думаете?

— Я думаю, что никто не знает, как все происходило на самом деле. Есть лишь догадки, мнения, но нет истины.

— А как же Библия?

— Библия — всего лишь книга, такая же, как и миллионы других, местами мудрая, местами жестокая. Если судить по Библии, то бог был своенравным, непостоянным, жестоким существом. То он говорит «не убий», а то вдруг уничтожает тысячи людей, разрушая Содом и Гоморру. Если бог завещал людям не убивать, то, как он смог сам стать убийцей? Что за жестокое существо? Он полная противоположность своему сыну Иисусу. Если такой человек когда-то жил, то он был одним из немногих, кто действительно знал что такое жить сердцем. Часто он именно так и поступал. Но вот бог. Если он столь жесток, то я не удивляюсь тому, что человек такое жестокое существо, ведь он создан по образу и подобию бога. Нет, здесь должно быть что-то другое. Я думаю, что ошибаются и те, кто твердит, что человека создал бог, и те, кто убежден, что человек — дело рук эволюции. Если два варианта тебя не удовлетворяют, значит должен быть третий. К сожалению, я не знаю, каков этот третий вариант, возможно, человека создала матушка-природа. Но тут возникает другой вопрос, а что есть природа? Мне представляется, что природа — это некая таинственная сила, очень организованная и мудрая. Но эта сила, почему-то мне кажется, не разумной, то есть не имеющей разума. Она словно некий налаженный механизм, система, запрограммированная на выполнение определенной программы. Например, возьмем дерево. Из семени появляется росток, со временем он становится деревом, которое, проходит время, умирает, но на его месте вырастает новое дерево и этот процесс повторяется снова и снова. Так же и у животных: рождается животное, вырастает и умирает, оставляя после себя потомство. И здесь все повторяется. У человека происходит все тоже самое. В этом удивительном мире все происходит по какой-то программе. Но если так, то кто создал эту программу? Кто, если можно так выразиться, вложил ее в природу? Кто был творцом этой

программы? Ах, если бы я знал, — вздохнул старик. — Если бы я мог разгадать эту невероятную загадку.

Старик подергал за бороду и уставился в окно. Николас выключил телевизор и оперся спиной о спинку кресла. Выражение лица молодого человека было задумчивым. Он тоже не против был бы разгадать эту удивительную загадку вселенной.

— Но может, — старик повернул голову к Николасу, — может, никакого создателя программы и не было? Может, так было всегда, испокон веков? Какой бы абсурдной не казалась эта мысль, но мне она нравится. Хотя кто-то может возразить, что если есть плод, творение, то должен быть и творец. Это кажется логичным, но к черту логику! В логике не может быть истины. Мир устроен иначе. Я это чувствую! Возможно, логика есть снаружи, но ее не может быть внутри! — старик скривился, словно от боли, и заломил руки.

Николас с удивлением воззрился на старика. Может, этот старик действительно сумасшедший? Но его глаза не были глазами безумца. Да и не выглядел старик сумасшедшим. Его движения, жесты, мимика лица, — все говорило о том, что единственным желанием этого человека является желание познать истину. Для Николаса это было откровением. Он никогда не видел человека так страстно желавшего докопаться до истины, как этот странный бородатый старик, высушенный словно таранька, но с поразительно живыми и мудрыми глазами. Огонь, горевший в груди старика, был настолько страстным, настолько мощным, что Николас даже позавидовал этому человеку, сидевшему недалеко от него, за что поспешил себя мысленно укорить. Но разобравшись в себе, он понял, что его зависть было белой завистью. Хотел бы и он желать так страстно, как старик. В отличие от старика он никогда не испытывал такой всепоглощающей страсти, ни к вещам, ни к людям. А этого старика переполняло от чувств. И что удивительно, испытывал старик эти чувства не к людям, не к вещам, а к знаниям. Николас несколько не удивился, поняв, что восхищается этим странным стариком, бомжем, как назвал его охранник в магазине. Но не такими ли были мудрецы древности, не такими ли должны быть и современные мудрецы? Николас с прискорбием осознал, что когда этот старик умрет, мир потеряет не одного из миллиардов, а одного из единиц, одного из мудрецов, способных вести за собой человечество.

— Ах, если бы я знал, — между тем пробормотал старик и закрыл лицо ладонями. Просидев так несколько секунд, он положил руки на колени и сказал:

— Как много мы не знаем и как много нам не дано узнать. И, тем не менее, человек всегда будет стремиться познать истину, так как он создан любопытным существом. К сожалению, это будут делать не все. Многие думают, что они итак знают достаточно, ведь они учились в школе, затем в институте. А теперь чуть ли не единственный источник знаний для них — телевизор, который если и дает знания, то в большинстве случаев только те, которые направлены на разрушение, а не созидание.

При последних словах старика Николас поерзал в кресле, чувствуя неловкость. Для него телевизор зачастую был приятным способом скоротать время перед сном.

— А чем плох телевизор? — любопытно спросил Николас. — Чем плохи знания, которые он дает? Например, чем плоха передача, которую я собирался смотреть, про творение человека?

— Я не признаю телевизор как средство для получения знаний. Это убийца времени, к тому же благодаря телевидению твой разум становится невежественным, он наполняется негативом, становится зависимым от того образа жизни, который пропагандируется по телевизору. Лучше уж книгу почитать. Из книги знаний можно получить намного больше и разных. Книга дает тебе пищу для ума, заставляет мозги работать, там нет однобокости, как в телевизоре. Если одна книга однобока, ты всегда можешь пополнить свои знания знаниями из другой книги. У тебя есть выбор, по телевизору же тебе показывают только то, что захотят показать. Человек, который проводит свою жизнь у телевизора, умрет в печали и страданиях. Но кроме книг ты можешь учиться у природы или у своего сердца, как это делаю я. Для меня это самые правдивые и полезные носители знаний, поэтому им я доверяю намного больше, чем чему-нибудь другому, даже больше чем книгам.

— И как вы это делаете? Как вы учитесь у природы или сердца?

— Наблюдаю, прислушиваюсь к чувствам, ощущениям. Природа научила меня терпению, от нее я узнал о том, что все меняется, стабильность иллюзорна, а непостоянство стабильно. Сердце же меня научило делать то, что любишь, верить в себя, не бояться и не

сомневаться, когда стремишься навстречу своей мечте, научило меня быть добрым и сострадательным, помогать и заботиться, сердце расширило мои человеческие горизонты. Благодаря сердцу я познал и познаю удовлетворение от жизни, истинные счастье и радость. Жизнь сердцем изменила мою жизнь. Сегодня я не доживаю свой век в ожидании скорой смерти, трясясь от страха перед ней, а живу в спокойствии и умиротворении, веря в то, что моя жизнь после ухода из этого мира, не станет жизнью обычного человека, жизнью наполненной страданиями, страхами и сомнениями, прижимающими человека к земле и не дающим воспарить ему к звездам.

— О каких звездах вы говорите?

— О тех, что рождаются в нашем сердце, о мечтах, о жизненных свершениях и достижениях.

— О мечтах многие говорят. Но мне кажется, что человек итак неплохо воплощает их в жизнь. Я всегда мечтал о том, чтобы разбогатеть, иметь машину, дом и сегодня у меня шикарная иномарка, а во Франции есть и дом, у меня свой бизнес, который приносит мне неплохие деньги. Думаю, я достиг, как вы говорите своих звезд.

— Друг мой, ты так себя не любишь и не ценишь?

— Что вы хотите этим сказать? Как по мне я очень себя люблю, если позволяю себе жить так, как мало кто может себе позволить.

— Неужели стать богатым для тебя важнее всего на свете? Твое богатство делает тебя счастливым? Оно приносит тебе ежедневное удовлетворение? Ты уверен, что стать богатым — это все чего хочет твое сердце и сердце ли заставляет тебя стремиться к вещам?

Николас положил голову на спинку кресла и задумался. Взгляд его принялся блуждать по подвесному потолку, остановился на люстре, переместился к картинам на стене.

— Мне кажется, я счастлив, — наконец сказал он. — У меня есть многое из того, чего нет у других. Я могу себе позволить даже больше. Конечно, еще я хотел бы иметь семью, но с этим пока не получается. Бизнес забирает большую часть времени. А насчет удовлетворения, не знаю. Наверное, получаю.

— Николас, скажи мне, что делает тебя счастливым человеком?

Молодой человек открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл его, передумав. Взгляд его устремился к картине, на которой был

изображен закат солнца на море на дальнем фоне и лес, луг — на переднем.

— Думаю то, что у меня есть бизнес, деньги, я ни в чем не нуждаюсь и живу так как хочу.

— Хорошо, мой друг, — старик кивнул. — А если бы у тебя ничего не было? Был бы ты тогда счастливым?

— Если бы ничего не было, я был бы несчастлив, — хмыкнул Николас. — В бедности не может быть счастья. А так у меня машина, дом, деньги, бизнес. У меня много чего, что делает меня счастливым.

— Тебя делают счастливым вещи?

— Наверное, — Николас пожал плечами.

— Ты прав, мой друг. В бедности не может быть счастья, особенно если бедна твоя душа. Человек, у которого бедно тело, но богата душа, во много раз богаче того, у кого богатое тело, но бедна душа. Истинное счастье не зависит от того, что ты имеешь. Твое счастье зависит от денег, от машины, от бизнеса, но если ты все это потеряешь, ты потеряешь и свое счастье. Ты прав, ты будешь несчастным, если у тебя ничего не будет, потому что ты никогда и не был по-настоящему счастлив. Обладание не может сделать человека счастливым, но оно может сделать его несчастным. Твоя машина требует постоянных денежных вложений, твой бизнес забирает у тебя все время. Как и многие люди ты гонишься за деньгами и вещами в надежде, что имея все ты наконец-то станешь счастливым, но приходит момент и ты понимаешь, что вместо ожидаемого счастья твоя жизнь полна разочарований. Но иначе и быть не может, так как счастливым человека делает, повторю, не обладание, не машина, не бизнес и даже не семья. Счастливым человека делает понимание того, для чего он пришел в этот чудесный мир и следование зову своего сердца, желание во что бы то ни стало воплотить свою мечту в реальность. Не ту псевдомечту, о которых ты говорил — стать богатым, купить машину или дом, а ту прекрасную и тихую мелодию, что звучит в твоём сердце изо дня в день, из года в год, мелодию, которая делает тебя безумцем в глазах окружающих, и ради которой ты готов пуститься в путешествие в океане жизни, наполненное опасностями, трудностями и препятствиями. Следуя зову сердца, ты обретаешь не только счастье и жизненное удовлетворение, но и себя, ты начинаешь понимать, что же для тебя действительно важно в

жизни, ты начинаешь ценить и беречь время, отведенное тебе на этой удивительной планете, так как ты понимаешь, что жизнь не вечна, а тебе еще так много предстоит сделать. Осознание этого наполняет тебя удивительной трудоспособностью, жизненной энергией и целенаправленностью, о которых другие могут только мечтать. И что не менее важно, следуя зову сердца, ты обретаешь утерянную еще в далеком детстве уникальность, ты наконец-то покидаешь стадо и отправляешься в свободное плавание по жизни, плавание, совершив которого тебе никогда не придется плакать от того, что твоя жизнь прожита зря.

— Покинуть стадо? — повторил Николас. — Но почему вы думаете, что люди находятся в стаде? И о каком стаде вы вообще говорите? Можно ли вообще говорить, что человек находится в стаде, он же не животное какое-то.

— Нет, человек не какое-то животное, он разумное животное. Он покинул леса, поля, перебрался в города, и, тем не менее, он не перестал быть животным, он всего лишь сменил среду обитания. Как и прежде внутри человека живет животное, пугливое и слабое, как и прежде, это животное боится окружающего мира, где, как он думает, его, как и тысячи лет назад, подстерегают опасности, угрожающие его жизни. Как и прежде для защиты от этих опасностей человек объединяется с себе подобными, как говорят, вместе и отца бить легче. Только вот человек забывает, что современный мир — это не тот мир, в котором жили его предки, это не мир страха, боли и опасностей. Если человеку кто-то и угрожает в этом мире, то только сам человек. К сожалению, этот хищник часто бывает куда опаснее любого хищника живущего в природе, будь то лев или тигр.

Человек — социальное существо, так уж повелось, что он ищет спокойствия и уверенности в жизни в объединении с другими людьми. В этом не было бы ничего плохого, если бы современный человек смотрел на мир не глазами своих предков, а собственными глазами. Он продолжает видеть спасение в объединении, даже не смотря на то, что благодаря этому теряет свою уникальность, становится частью стада, при этом перенимает манеру поведения, общения и даже мышления стада. Он забывает о своих истинных ценностях и мечтах ради ценностей и мечтаний сообщества, в котором живет. Стоит ли после этого удивляться, что, в конце концов, он разочаровывается в жизни и

нередко кончает жизнь самоубийством. Строить жизнь на чужом фундаменте, все равно что строить дом на фундаменте из дерева, со временем дерево загниет, его изъедят червоточины и дом рухнет, погребая под обломками жильцов, — старик умолк. Взгляд его заскользил по потолку, пробежался по стенам и остановился на картине, висевшей над Николасом. Львиный прайд, отдыхающий под огромным баобабом был прекрасен, как и закат солнца, украсивший собой и без того великолепную африканскую саванну.

Николас поджал губы и посмотрел в окно. Многие из того, что говорил старик, ему казалось правильным, заставляло задуматься, давало повод для размышления, но что-то и вызывало внутреннее сопротивление его словам.

— Трудно принять мысль, что ты животное, — сказал молодой человек, оторвав взгляд от окна. — В моем понимании животные примитивны, они живут только инстинктами и рефлексам. Они и рядом не стоят с человеком по уровню развития. Мне всегда нравилось думать, что я — венец природы, что в мире нет никого более совершенного, более разумного, чем человек и, думаю, никого уже не будет.

— Часто мне кажется, что многие животные более совершенны, чем люди, хоть и не обладают таким высокоорганизованным разумом. Например, собаки. Когда я вспоминаю о своем Шарике, то понимаю, что столько искренней доброты, преданности и безусловной любви трудно найти в человеке, хотя она в нем, безусловно, есть.

— Так что не так с человеком? — Николас посмотрел на старика.

— Я думал над этим многие месяцы и со многими людьми делился своими мыслями. Я говорил и буду говорить, что человек — это уникальное существо, это удивительное существо, это существо, которое способно стать совершенным организмом, если только сумеет взять под контроль свой разум.

— А что не так с человеческим разумом?

— Он, если можно так сказать, чересчур разумен.

Николас нахмурился.

— Что-то я не понимаю, — пробормотал он.

— Человек слишком полагается на свой разум, а это опасно, так как человеческий разум — это средоточие страха и неуверенности, невежества и самолюбия, негатива и лени. Человек верит своему

разуму и не понимает, насколько его разум коварен. Коварство же разума в том, что из-за того, что внутри него сосредоточено столько негативного, он способен вводить человека в заблуждение. Например, молодые люди часто полагаются на разум при выборе будущей профессии. Они рассуждают здраво, работа, по их мнению, должна быть престижной и высокооплачиваемой, чтобы можно было прокормить будущую семью, иметь возможность покупать различные вещи, и желательно вызывать зависть у друзей и знакомых. При этом они совершенно забывают о том, что то, чему ты собираешься посвятить жизнь, в первую очередь, должно отвечать твоим задаткам, талантам, приносить удовлетворение, должно помочь тебе самосвершиться в этом чудесном мире. Поэтому очень часто современный человек имеет деньги, карьеру, дорогие вещи, но не имеет душевного спокойствия и удовлетворения. Из-за невежественного разума человек обрекает себя на существование, возможно обеспеченное, но, тем не менее, все же существование, в тревоге, сомнениях, страхах за собственную жизнь и жизнь близких людей.

— Вы знаете, — заметил Николас, улыбнувшись, — а ведь я в детстве мечтал о том, что стану когда-то путешественником, побываю во многих странах мира, а стал вот бизнесменом. Это тоже неплохо, если учесть, что благодаря бизнесу я зарабатываю хорошие деньги, которые могут позволить мне путешествовать, только вот пока что для путешествий нет времени. Может когда-то, в будущем.

— Очень часто, мой друг, происходит так, что то, что действительно важно для нашей жизни, отходит на второй план, уступая место насущным проблемам и заботам. Мы надеемся, что авось когда-то у нас будет больше времени, больше денег, больше возможностей, чтобы начать воплощать в реальность свою мечту, но истина в том, что в будущем забот и проблем не станет меньше, возможно, даже их количество увеличится, времени не станет больше, наоборот, его станет меньше. Многие из нас живут надеждами и ожиданиями лучшего и многие так и умирают, не дождавшись этого момента, их надежды и ожидания не обретают плоть и не могут обрести, потому что для человека их прежние мечты становятся второстепенными, неважными, умирают под грузом забот и проблем

настоящего. Настоящее убивает их будущее. Вот чего они достигают, в конце концов.

— Хорошо, если деньги не важны для жизни, что тогда важно?

— Нет, мой друг, ты меня не понял. В современном обществе без денег жить трудно и даже невозможно, по крайней мере, с тем восприятием мира, которое существует у большинства людей. Пропаганда, которая льется из телевизора, направлена на то, что настоящая жизнь — это жизнь, наполненная удовольствиями, дорогими вещами, вкусной едой и т. д. и т. п. Поэтому современному человеку трудно перестроится, ему трудно вообразить иную жизнь, трудно отказаться от того, что ему предлагает современная жизнь. Никто не хочет отказываться от того сонма удовольствий, который существует в современном мире. Но я не говорю, что надо отказываться от удовольствий, хотя многим из них хорошо было бы дать умереть. Это только пошло бы на пользу человечеству. Я говорю лишь о том, что, в первую очередь, надо искать в жизни удовлетворение, а не удовольствие. Мой друг, ты спрашивал, что важно для жизни. Вот тебе ответ. Удовлетворение. Только получая удовлетворение от своей жизни, мы будем счастливы. Но удовлетворение, эту великую радость от того, что ты есть, что ты не зря пришел в этот удивительный мир, можно получить только тогда, когда ты следуешь зову своего сердца. Жить сердцем — это не просто слова. Для меня это целая, если можно так сказать, жизненная философия. Возможно, следуя зову сердца, я кажусь людям странным человеком или даже сумасшедшим, но для меня это не имеет никакого значения, так как жизнь сердцем делает меня счастливым человеком, она наполняет мою жизнь удовлетворением. И даже то, что у меня сегодня ничего нет, — ни денег, ни отношений, ни дорогих вещей, — нисколько не омрачает мою жизнь. Я все равно продолжаю радоваться жизни. Именно сейчас я по-настоящему и живу.

— Я чувствую, что вы правы, — сказал Николас. — Но мне трудно принять мысль, что для того, чтобы жить сердцем надо стать бедным.

Старик посмотрел на молодого человека и рассмеялся.

— Нет, мой друг, тебе не обязательно становиться бедным для того, чтобы жить сердцем. Для того чтобы жить сердцем достаточно руководствоваться в жизни добротой и любовью, слушать и слышать

свое сердце. Чтобы жить сердцем тебе нет нужды быть таким же нищим как я. Но, тем не менее, я рекомендовал бы многим познать нищету, хотя бы на какое-то время. Знаешь, мой друг, это очень полезный жизненный опыт. Благодаря ему я узнал цену и важность для жизни всего, что нас окружает. Но главное, я понял, что для того, чтобы быть счастливым не надо ничего, кроме тебя самого. Для счастья у нас есть все и это все находится у нас внутри. Но повторю, чтобы жить сердцем тебе не надо отказываться от денег или удовольствий. Достаточно сместить акцент с удовольствий на удовлетворение, начать руководствоваться в жизни не разумом, а сердцем. Во всем чтобы ты ни делал надо руководствоваться сердцем — в отношениях с другими людьми, с животными, с окружающим миром в целом. Сказать проще, надо изменить свое восприятие окружающего мира и себя в нем. Это не сложно. Надо всего лишь открыть свое сердце навстречу миру, выпустить его из темницы, снять оковы, наложенные разумом, и тогда, — блаженная улыбка появилась на лице старика, — ты узнаешь, что такое жизнь, ты познаешь частичку истины, и от этого тебе станет так хорошо, что ты даже не сможешь описать свои ощущения. Как это не могу сделать сейчас и я.

Николас смотрел на старика и чувствовал, что внутри него происходит что-то непонятное. Старик казался таким счастливым. И Николас чувствовал, что его счастье искреннее. В нем не было ни грамма фальши и лжи, которые он так часто видел на лицах других людей. Казалось, старик аж светится изнутри, настолько счастливым он выглядел. Ни нищета, ни ужасная болезнь, ни смерть верной собаки, ничто не способно было потушить тот огонь жизнелюбия и счастья, что пылал у него в груди. В какой-то миг Николасу захотелось самому испытать все те ощущения, которые испытывал старик. Ему захотелось узнать, что же это такое, настоящее счастье, что же это такое, настоящая жизнь, что такое жизнь сердцем, что это за волшебство, которое зажгло столь мощный огонь в груди этого странного старика?

— Александр Петрович, ваши слова попали мне прямо в сердце, — сказал молодой человек, посмотрев старику в глаза. — Хотел бы и я почувствовать то, что чувствуете вы. Научите меня жить сердцем, — Николас почувствовал, как по его телу пробежала

непонятная дрожь, ладони почему-то взмокли, биение сердца участилось.

— Научить, — старик улыбнулся и посмотрел на еще одну картину, висевшую на стене над Николасом. Высокие пики неизвестных гор были укрыты снегом, пологие склоны утопали в буйной растительности, небольшое озеро раскинулось у подножья ближайшей горы, яркие лучи солнца скользили по его поверхности, заставляя его сверкать.

— Я не могу тебя научить, — сказал старик, но заметив разочарование на лице молодого человека, возникшее после его слов, поспешил добавить. — Никто кроме твоего сердца не сможет этого сделать, ни я, ни кто-либо другой. Я могу лишь подсказать, направить, помочь словом, но научить... — старик умолк и принялся тереть бороду.

— Меня это вполне устраивает, — улыбка появилась на лице молодого человека. — Предлагаю ненадолго прервать нашу беседу и переместится на кухню. Не знаю, как вы, но я после разговора с вами проголодался.

— Пожалуй, чаю я попил бы, — кивнул старик.

— Ну, я одним чаем не наемся уж точно. Идемте посмотрим, что там у меня в холодильнике, — Николас поднялся с кресла и направился на кухню. Старик улыбнулся и последовал за ним. Дурнота прошла, и он снова мог радоваться жизни.

Глава 7

Предложение

Николас открыл холодильник и принялся изучать его содержимое.

— Вообще-то я редко ем дома, — услышал старик его голос, доносившийся словно изнутри холодильника. Старик сидел на табурете и водил пальцем по столу.

— Я больше по кафешкам разным или ресторанам бегаю, — продолжал Николас, продолжая рыться в холодильнике. — Что у нас тут есть? Майонез, баночка шпрот и какого-то паштета. Ага, куриный, — Николас достал с полки баночку и начал вертеть ее в руках. Поставив ее на место, он вернулся к осмотру содержимого холодильника. — Кетчуп, есть немного сыра. Пожалуй, это все, — довольное лицо Николаса появилось из холодильника. — Холостяк он и в Африке холостяк. Хотя, — Николас открыл морозилку, — я время от времени покупаю что-то, что может долго лежать и не требует больших усилий для приготовления. Что здесь? — Николас достал из морозилки кулек. — Пельмени. О, это совсем другое дело. А есть еще вареники. С творогом, с картошкой и грибами и с... с вишней. Мы живем! — воскликнул Николас, поворачиваясь лицом к старику. — Вы что предпочитаете, Александр Петрович?

— Я не откажусь от вареников, с картошкой или с творогом.

— Окей, — кивнул Николас. — Я же возьмусь за пельмени. Творогом и картошкой я не наемся. Вот пельменями — другое дело. Только вот, — Николас заглянул в хлебницу. — Хлеба у меня нет. Придется без хлеба есть. Ну да ладно. Не беда. Съедем и без хлеба.

Николас бросил кульки на столешницу, достал из шкафчика две небольшие кастрюли и наполнил их водой из крана, после чего поставил их на камфорки.

— А может вам пельменей, Александр Петрович. — Николас зажег газ и взглянул на старика.

— Нет, нет, спасибо, — отозвался старик. — Я не ем мясо.

— Как это, не едите мяса?

— Мое сердце не хочет, чтобы я ел мясо.

— Ничего не понимаю. А при чем здесь сердце?

— Человек, который живет сердцем, никогда не притронется к мясу.

— Как так? Я без мяса жить не могу. Я скорее откажусь от всего другого, но только не от мяса. Для мужика жизнь без мяса — не жизнь. Мясо — это сила.

— Мясо — это жестокость, страдания и смерть, — старик вздохнул и уткнулся взглядом в столешницу стола.

— Что вы хотите этим сказать?

— Друг мой, ответь мне, пожалуйста, на вопрос: любишь ли ты животных?

— Конечно. Мне особенно собаки нравятся, а еще лошади.

— Ты говоришь неправду, — старик снова вздохнул. Взгляд его все также был устремлен в столешницу стола.

— Почему же?

— Человек, испытывающий искреннюю любовь к животным, никогда не позволит себе употреблять их в пищу. Сердце человека созидает, но не разрушает. Убийство живого существа — есть разрушение. Убийство — есть инструмент разума, лицемерного, невежественного и жестокого. Человек, который живет сердцем, никогда не причинит боль и страдания живому существу.

— Почему? — спросил Николас. — Вам сколько вареников?

— Мне штучки три. Этого будет достаточно.

— Сколько?! — Николас едва не выронил из рук кулек с варениками. — Александр Петрович, простите, но вы, наверное, издеваетесь? Кто ж наестся тремя маленькими варениками?

— Нет, я не издеваюсь, — старик мотнул головой и посмотрел на молодого человека. В глазах его застыли слезы.

— Простите, — пробормотал Николас. — Я не хотел вас обидеть.

— Нет, нет, не беспокойся. Я не обиделся. Я... я просто подумал о животных.

— А, ну тогда нормально, — Николас развернулся и принялся бросать вареники в кипящую воду. Старик улыбнулся, заметив, как Николас бросил в кастрюлю три вареника с картошкой, затем помедлил немного и бросил к ним еще три вареника с творогом. Воду в другой кастрюле он посыпал солью, затем открыл кулек с пельменями и высыпал их все в кастрюлю.

— Ты спрашивал, мой друг, почему человек, который живет сердцем, никогда не причинит боль и страдания живому существу? Я отвечу тебе. Потому что сердце — вместилище добра и мудрости, любви и сострадания. Желания сердца — творить и помогать, любить и заботиться. В сердце нет места желаниям сеять боль, страдания и разрушения. Если их и можно где-то найти, так только у себя в голове.

— Но я же не убиваю никого, не мучаю, не заставляю страдать, — попытался оправдаться Николас.

— Но разве человек, который помогает совершить преступление, не виновен так же, как и тот, кто совершает его? Разве может быть истина в том, что заставляет страдать? Говорят, животные, когда их ведут на бойню, чувствуют свою смерть. Мое сердце готово разорваться от боли, едва я представляю эту картину, — старик смахнул слезу со щеки. — Кто дал право человеку убивать живое существо? Не тот ли, кто разрушил Содом и Гоморру, показал пример? Когда человек ест себе подобного, его наказывают. Когда он ест менее разумное существо, его поощряют. Но существует ли здесь разница? Не одно ли и то же преступление совершает тот, кто поедает плоть любого живого существа? Разве мудро считать разумность критерием для определения того, что есть, а что не есть? Не мудрее ли руководствоваться критериями доброты: живой организм или нет, чувствует ли он или нет? Человек печется о правах человека, но плюет на права животных, в каждой подворотне кричит о равенстве и в то же время не признает равенства между собой и животными. Где здесь мудрость? Где здесь жизнь сердцем? Только разум, только он мог возвысить себя, только он мог поставить себя над другими. Человеческий разум, — жестокий, холодный, эгоистичный. Я же знаю одно: не я породил, не мне и убивать. Причиняя боль другому, я причиняю ее себе, своему сердцу, а я не хочу делать себе больно. Я слишком люблю себя, чтобы вытворять с собой такое. Я люблю себя, люблю животных, люблю окружающий мир, люблю других людей, даже тех, кто живет разумом. Я живу сердцем. Этим все сказано.

— Merde! — пронеслось по кухне восклицание Николаса. — Я же забыл про вареники и пельмени!

Николас стоял оперевшись о столешницу и слушал старика, когда резко развернулся к плите. Выключив газ, он схватил полотенце и снял

крышку с кастрюль. Бросив их на столешницу, молодой человек склонился над кастрюлями.

— Сойдет, — кивнул он. — Вареники немного разварились.

— Это не беда, — улыбка тронула губы старика.

Николас достал тарелки. В одну из них он выложил вареники, в другую — пельмени.

— На вид неплохо, — Николас ухмыльнулся и поставил перед стариком тарелку с варениками.

— Да, выглядят неплохо, — старик улыбнулся, взглянув на тарелку перед собой. В тарелке лежало шесть разварившихся вареника.

— У меня где-то была баночка с медом, — Николас открыл кухонный шкаф. — Где-то здесь была. А вот она.

— Не стоит беспокоиться, — продолжал улыбаться старик. — Мне и того, что в тарелке хватит.

— Та ну, Александр Петрович, не говорите глупости. Подсластите вареники, они вкуснее будут. Или есть мед — тоже противоречит жизни сердцем? — Николас закрыл дверцы кухонного шкафа и поставил перед стариком баночку с медом.

— Нет, против меда я ничего не имею.

— Вот и хорошо, — сказал Николас, затем достал из холодильника кетчуп, майонез и баночку шпрот. — Не знаю, как можно наестся шестью маленькими варениками. Мне и пельменей мало будет.

Николас поставил на стол тарелку с пельменями, обильно полил пельмени кетчупом, сверху майонезом, после чего открыл шпроты и сел за стол.

— Хлеба все же не хватает, но ничего завтра куплю.

Старик посмотрел на тарелку с пельменями перед Николасом и почувствовал, как ему снова становится дурно. Он закрыл глаза и медленно набрал полную грудь воздуха. Также медленно он его выдохнул. Дурнота ушла, но вид пельменей, укрытых майонезом и кетчупом, словно земля кровавым снегом, все еще стоял перед глазами. Старик не понимал, как можно есть такую еду. То, что она была вредной, он нисколько не сомневался. Только человек, который не любит себя может есть еду, которая разрушает его организм.

— О! — воскликнул Николас. — А как насчет выпить за знакомство. У меня есть в баре несколько бутылочек коньяка и вина.

— Спасибо, но я не пью, — отозвался старик и поискал глазами вилку. — Я слишком люблю себя, чтобы есть или пить, то, что разрушает мой организм... Мой друг, а где я могу взять вилку?

— Прошу прощения, — Николас поднялся из-за стола и достал из кухонного шкафчика две вилки. Вернувшись за стол, он положил перед стариком вилку и сказал:

— Это... э-э-э... тоже жизнь сердцем? Не употреблять алкоголь.

— Конечно. Без любви к себе не будет любви ни к кому другому.

— Хм, — Николас перемешал содержимое тарелки и принялся за еду.

Старик налил немного меда из баночки себе в тарелку и тоже начал есть. Ели молча. Старик время от времени отрывал взгляд от тарелки и смотрел в окно. На улице было тихо и темно. Солнце зашло, на небо высыпали звезды, среди которых сиял бледный диск луны. Прохладный ветерок ворвался в открытую форточку и всколыхнул тюль.

Николас вяло водил вилкой над тарелкой, вылавливая из красно-белого океана пельмени. Ел он без видимого удовольствия. Взгляд его ни на секунду не отрывался от тарелки. Когда же последний пельмень был выловлен, Николас положил руку на живот и пробормотал:

— Мне кажется, я переел.

Старик только усмехнулся. Он знал, что человеческий разум жаден. Чрезмерное употребление пищи наравне с жаждой наживы — лучшее тому подтверждение.

— Александр Петрович, — Николас посмотрел на старика. — Что значит любить себя?

— Любить себя? — переспросил старик. — Это значит относиться к себе так, словно ты самая редкая на планете драгоценность, принимать себя таким, какой ты есть, со всеми недостатками и достоинствами, стремиться к тому, чтобы раскрыть свою уникальность, в будущем стать более совершенным существом, чем являешься в настоящем, беречь себя, заботиться о себе, своем здоровье, чтобы прожить как можно дольше на планете, ведь так у тебя будет больше времени, чтобы достичь совершенства или, по крайней мере, приблизиться к нему.

— А что значит достичь совершенства? О каком совершенстве вы говорите?

— Я говорю о человеческом совершенстве. О том совершенстве, которое позволяет человеческому организму приблизиться к совершенству матушки-природы. За последнее время я много думал о человеческом совершенстве. Что это? Как узнать становишься ли ты совершеннее? Как узнать достиг ли ты совершенства?

— Очень интересные вопросы, — заметил Николас, вздыхая от переизобилия. — С удовольствием послушал бы ваши ответы на них. Но для этого предлагаю переместиться в зал, в более располагающее для беседы помещение. Признаться, мне захотелось полежать после еды.

— Хорошо, — старик кивнул головой. — Но сначала я хотел бы помыть посуду.

— Та оставьте, я потом помою.

— Потом может никогда не наступить, — улыбнулся старик, вставая из-за стола и направляясь к раковине с тарелкой в руках.

— Ваше дело, — Николас пожал плечами. — А я свою тарелку потом помою. Желудок разболелся. Пойду, прилягу, а вы не задерживайтесь. Мне очень интересно узнать ваши мысли по поводу совершенства. Мне кажется, я от него отдалился.

Николас покинул кухню. Старик же помыл свои тарелку и вилку, не оставив без внимания и тарелку с вилкой Николаса. Покончив с мытьем, старик вытер руки полотенцем, после чего спрятал баночку со шпротами в холодильник, а с медом — в кухонный шкафчик. Наведя порядок на столе, старик вышел из кухни.

Оказавшись в комнате, старик улыбнулся. Николас растянулся на кровати и спал. Похоже, беседа о человеческом совершенстве откладывается. Старик поднес руку к глазам и взглянул на часы: 8:12. Опустив руку, он снова посмотрел на спящего молодого человека. Взгляд, брошенный на столик у окна, на котором стоял будильник, заставил старика снова поднести руку к глазам. С его часами явно было что-то не так. Будильник показывал: 21:57. Улыбка появилась на губах старика, когда он понял свою оплошность. Его часы стояли. Он уже и забыл, когда в последний раз заводил их. Старик мог себе позволить такое неуважение по отношению ко времени. В какой-то миг его жизни оно утратило для него значение, стало иллюзией. Старик перестал о нем беспокоиться, так как понял, что время если и

заслуживает беспокойства, то только тогда, когда твоя жизнь бессмысленна. Жизнь же старика была наполнена смыслом, поэтому время утратило над ним власть. Делая каждый день то, что приносило ему удовлетворение, не отвлекаясь ни на что другое, старик, словно вознесся над временем, поэтому совершенно не обращал на него внимания.

Старик вышел на балкон и окинул взглядом окрестности. Прямо перед ним, метрах в ста от дома, раскинулась набережная Днепра. На набережной было пустынно, если не брать во внимание несколько парочек, сидевших на лавочках в обнимку. Старик вознес взгляд кверху и увидел миллионы звезд, поблескивавших в черноте ночного неба. Огромный диск луны, покрытый темными пятнами, отражался в водах реки, грозя обрушиться в нее. Тишина вокруг стояла невероятная. Ни звука не раздавалось вокруг. Казалось, мир заснул, укутанный темным саваном ночи. Старик зачаровано смотрел на ночное небо, спящую реку, редкие огоньки фонарных столбов на пристани, и боялся дышать, дабы не потревожить красоту и очарование ночи. Минуты бежали за минутами, а старик все стоял и стоял, любуясь видом. Когда же он покинул балкон, будильник показывал. 23:14.

Старик выключил в комнате свет и не раздеваясь лег на кровать, примостившуюся у стены напротив дивана. Спустя несколько минут старик уже спал.

* * *

Встав утром, Александр Петрович проводил Николаса на работу, а сам принялся за рукопись. Над рукописью он проработал весь день, время от времени чередуя работу над рукописью и чтение книг, которые ему дал Николас. Одна из них оказалась сборником афоризмов, другая — научно-популярной книгой о конце света 2012 года.

Когда же Николас вернулся домой, солнце давно скрылось за горизонтом, а звезды-корабли отправились в плавание по небу-океану, возглавляемые гигантским кораблем-месяцем.

Едва переступив порог квартиры, Николас буркнул:

— Merde!

Старик отложил книгу и вышел в коридор.

— Все хотел у тебя спросить, а что означает это твое мэрд?

— Черт, черт возьми. Французское ругательство. Я так говорю, когда что-то идет не так, как хотелось бы.

— И что же сегодня пошло не так?

— Да все очень даже так, — хмыкнул Николас и вошел в комнату. Упав в кресло, словно мешок, доверху наполненный тряпьем, он продолжил:

— Устал просто. Даже обедать не ходил, работа, как трясина затянула. С одной стороны радуюсь, вижу, что не зря пашу, товарооборот компании увеличился, выручка тоже, что не может не радовать. Но вот с другой стороны, после ваших вчерашних слов, я задумался о том, а на кой черт я вообще все это делаю? Встаю ни свет, ни заря, чтобы пораньше приехать на работу, возвращаюсь, когда другие люди давно дома и собираются ложиться спать. Ради кого я это все делаю? Ради чего? — Николас развел руками и посмотрел на старика с таким видом, будто хотел узнать у него ответы на свои вопросы.

— А ты, мой друг, как думаешь? Ради чего ты это все делаешь? — легкая улыбка колыхнула губы старика.

— Ради денег, — сказано это было с такой интонацией, что старик так и не понял, вопрос это был или утверждение. — Ради чего же еще, — продолжил Николас. — Вот скажите мне, Александр Петрович, чем вы сегодня занимались весь день?

— Большой частью занимался рукописью, иногда и книги читал, те, что ты мне дал.

— И как вы... э-э-э, что вы чувствуете? То есть я хочу спросить, вы довольны тем, как провели этот день? Получили ли вы от него удовлетворение?

— Конечно, — не раздумывая произнес старик. — Сегодня я очень хорошо потрудился. Сегодня я еще ближе стал к тому, что жаждет мое сердце.

Растерянное выражение появилось на лице Николаса, когда он услышал ответ старика. Он хотел было что-то сказать, но слово так и не вырвалось наружу. Вместо этого Николас положил голову на спинку

кресла и закрыл глаза. Грудь молодого человека подымалась и опускалась в такт дыханию.

Старик с улыбкой наблюдал за Николасом. Не смотря на кажущееся внешнее спокойствие молодого человека, старик был уверен, что внутри молодого человека царили тревога и озадаченность. По крайней мере, ему об этом сказали скулы Николаса, двигавшиеся под кожей.

— А я нет, — Николас открыл глаза и устремил взгляд на старика.

— Что нет?

— Я не чувствую, что получил удовлетворение от этого дня. Да я стал богаче, но, merde, это как вода, которую льют через дуршлаг, она все льется и льется, и все впустую да впустую. У вас нет ничего, но на вашем лице улыбка, у меня есть все, но на моем лице гримаса недовольства. Как такое возможно? Где я ошибся? Неужели чтобы стать счастливым, надо стать нищим? — в обращенном на него взгляде старик заметил боль, снедающую молодого человека изнутри.

— Не надо становится нищим, — теплая улыбка появилась на лице старика. — Достаточно найти то, что принесет тебе то, что наполнит твое сердце удовлетворением.

Николас положил руки на рукоятки кресла, набрал в грудь воздух и с шумом его выдохнул.

— Где же мне искать то, что наполнит мое сердце удовлетворением?

— В своем сердце, — коротко ответил старик и ободряюще улыбнулся.

— Кто б меня ткнул мордой в то, что принесет мне удовлетворение. Так было бы проще, а то все равно, что искать иголку в стоге сена.

— Тот, кто это сделает, сделает тебя еще несчастнее. Только твое сердце знает, что для тебя действительно важно. Все хотят легких решений, никто не хочет потрудиться, потрудиться ради своего же блага. Друг мой, не ищи легких путей, ищи истинных.

— Может мне пора в отпуск? Я три года не был в отпуске.

— Забыть на время о работе — было бы хорошо. Но еще лучше было бы провести это время вдаль от людных мест, где-то на природе, подумать, разобраться в себе, в том, что хочет твое сердце, а не разум.

— Надо будет подумать над этим на досуге, — пробормотал Николас. — Ладно, это все потом, а сейчас я хочу что-то бросить в рот. Предлагаю вам присоединиться ко мне на кухне. Обещаю, сегодня переваренных вареников не будет, — молодой человек улыбнулся и добавил. — К тому же мы вчера так и не выяснили, что такое совершенство.

— Если так, надо выяснить, — старик поднялся с дивана и двинулся следом за Николасом на кухню.

— Кстати, Александр Петрович, забыл у вас спросить, а как вы смотрите на то, что выступить на телевидении? — Николас остановился на пороге кухни и посмотрел на старика.

— На телевидении? Даже не знаю, что сказать.

— Почему бы и нет? У меня есть связи в Полтаве, можно устроить вам выступление на областном телевидении, расскажете о жизни сердцем. После вашего успеха в Черкассах вряд ли это будет сложно устроить.

Николас поставил на стол кулек, который принес с собой с улицы и снова посмотрел на старика, словно выросшего ногами в пол в прихожей.

— Смогу ли я? — подумал старик. — Я же никогда не выступал перед людьми, а тут аж телевидение.

Старик почувствовал, как затряслись ноги, а лоб взмок, словно в квартире была тридцатиградусная жара.

— Этого ли хочет мое сердце? — старик закрыл глаза и прислушался к себе. — Чтобы о жизни сердцем узнало, как можно больше людей, не этого ли я хотел? Не этого ли хочет мое сердце? Да именно так, именно об этом оно мечтает. Значит, прочь сомнения, прочь страх. Я знаю, вы слуги разума, но я живу сердцем, храбрым, не знающим сомнений, жаждущим идти только вперед. Только вот, почему же ноги так подгибаются? Прочь страх! Прочь сомнения! — старик ухватился за ручку входной двери, чтобы не упасть.

— С вами все хорошо? — Николас поспешил к старику.

— Все хорошо, мой друг. Небольшое недомогание, но оно уже прошло.

Николас помог старику добраться до табуретки на кухне и зашелестел кульком.

— Никогда не выступал на телевидении, — сказал старик. — Должно быть, это интересно.

— Наверное. Я тоже никогда не выступал. Но идея с вашим выступлением мне кажется довольно таки интересной.

— Если бы я знал, — пробормотал старик.

— В общем, — Николас достал из кулька бутылку молока, сыр, хлеб, пакет яблочно-морковного сока, фрукты, — я так понимаю, вы не против?

— Нет.

— Вот и здорово. Завтра же позвоню в Полтаву... Я тут закупил всякого, — рука Николаса снова исчезла внутри кулька. — Может вам такая еда больше понравится.

Из кулька появились баночки с консервированными огурцами, грибами, коробочки с салатами.

— Тебе не стоит переживать о том, что мне понравится или нет. Мне достаточно одного хлеба.

— Вам может и достаточно, но мне уж точно нет. Кстати, вы заметили, что я не купил ничего мясного? Я решил поэкспериментировать, надолго ли меня хватит с такой э-э-э... едой, — Николас ухмыльнулся и кивнул на продукты на столе.

— Кроме тебя самого на этот вопрос не знает ответ никто. Если для тебя отказ от мяса — всего лишь игра, не думаю, что тебя хватит надолго, но если это нечто большее, чем игра, то очень даже может быть.

— Поживем, увидим. Хотя, знаете, я все же доем шпроты и паштет, чтобы не пропали, — Николас достал из холодильника баночку шпрот и паштет.

Старик лишь улыбнулся. Что он мог сказать? Да и должен ли он был что-то говорить? Каждый сам выбирает, как жить. Он может только подсказать, направить, но выбор человек делает самостоятельно. Каким будет выбор, такой будет и жизнь. Свой выбор он сделал давно, и этот выбор ему более чем нравился.

Глава 8

Иллюзия счастья

— Так что там по поводу совершенства? — спросил Николас, когда они со стариком принялись за ужин.

Старик поднес к губам чашку с чаем. Сделав глоток, он поставил ее на стол и сказал:

— Друг мой, ты хотел бы быть совершенным существом?

— Если бы вы мне сказали, что значит быть совершенным существом, то здорово бы мне облегчили ответ на свой вопрос.

— Когда я смотрю на мир, в котором мы живем, на леса и поля, реки и озера, бегущие по небу облака и звезды, сияющие в ночи, то чувствую, что мир уже совершенен. И в этом совершенном мире живут уникальные организмы — животные, растения, насекомые. По какой-то причине матушка-природа ограничила их развитие, поэтому они не могут стать совершеннее, лучше, они живут инстинктами, которые, словно специальные программы, ограничивают всю их жизнь, заставляя их барахтаться на земле и не видеть чудес неба. Но что самое странное, опять же по какой-то причине, матушка-природа не сделал то же самое с человеком. Она позволила ему развиваться, позволила стремиться вперед навстречу звездам. И что самое забавное, развитие человека не имеет ни конца, ни края. Все ограничения сняты, дорога вперед открыта, тебя никто не удерживает на земле, позволяя лететь к небесам. Почему-то именно человеку матушка-природа определила стать совершенным организмом. А вот и ответ на твой вопрос. Что же такое совершенное существо? Это существо, которое никогда не останавливается в своем развитии, существо, которое стремится к высотам и не задерживается на низинах. Когда я смотрю на природу, то вижу совершенное нечто, но что интересно, совершенство природы не является чем-то конечным. Матушка-природа постоянно развивается, постоянно обновляется, создает что-то новое. Она никогда не стоит на месте, находится все время в движении, как бы своим примером показывает человеку, как надо жить, чтобы обрести совершенство. Наблюдая за матушкой-природой, я осознал, что совершенство не есть цель, совершенство — это дорога.

Никто не знает, куда она приведет, никто не знает, что окажется в конце. Да и наступит ли когда-нибудь этот конец? Вряд ли. Эта дорога бесконечна и это не может не радовать.

— Получается, достичь совершенства невозможно, как и узнать, достиг ли ты его.

— Знаешь, мой друг, я бы так не сказал. Став на путь стремления к совершенству, ты уже в какой-то мере достигаешь его и по мере движения, становишься более совершенным организмом, чем был до этого. Удивительно, но следуя зову сердца, мы раскрываем свою истинную природу, природу существа, обреченного быть совершенным.

— Интересно, — Николас доел бутерброд с паштетом и сделал себе еще один. — А как же узнать, стал ли ты совершеннее или нет?

— Для этого надо слушать и слышать свое сердце, — старик макнул ломоть хлеба в тарелочку с медом и поднес его ко рту. — Если ты изо дня в день делаешь то, что говорит тебе твое сердце, значит, изо дня в день ты становишься совершеннее, как организм.

— И сердце никогда не может замолчать? То есть, я хочу сказать, а может ли наступить в жизни момент, когда сердце перестает говорить с тобой?

— Конечно, — старик кивнул и сербнул из чашки.

— И когда это происходит?

— Когда ты умираешь.

— Вот оно как, — Николас почесал лоб и вернулся к еде.

— Я чувствую, что человеческое сердце — не просто орган. Это что-то большее, что-то более значительное, чем человеческий разум. Это целая вселенная с чувствами, мыслями, желаниями, потребностями. Мне кажется, именно в человеческом сердце находится самый мощный источник энергии в человеческом теле. Именно сердце питает человека жизненной силой и именно музыка сердца соединяет человека с музыкой матушки-природы.

— Я думаю, что жизнь сердцем — не такая уж и простая вещь, — заметил Николас. — Это довольно таки трудно, поэтому не каждый сможет так жить.

— Что тебе кажется трудным?

— Все. Тебе приходится постоянно следить за своими поступками, ограничивать себя в еде, стремиться к загадочному и

неуловимому совершенству и т. д. и т. п.

— Ты судишь о жизни сердцем с позиции человека, который живет разумом, поэтому она и кажется тебе трудной, непривычной, чем-то не от мира сего. Но когда ты живешь сердцем, ты смотришь на нее совершенно иначе. Она представляется тебе цветущим и благоухающим оазисом посреди пустыни, живительным ключом в дебрях непроходимого леса. Она словно последняя частица паззла, которой тебе так не хватало для счастья. Жизнь сердцем могла бы показаться чудом, если бы не была действительностью, по крайней мере, для меня. Если бы я мог прийти в этот мир еще раз, то даже не задумывался над тем, жить сердцем или как-либо иначе. К сожалению, я открыл для себя жизнь сердцем на закате жизни, к счастью, я все еще живу и могу наслаждаться ею.

— Меня удивляет, как вы спокойно воспринимаете свою смерть. Я бы так не смог.

— Каждый смог бы, если бы перестал бояться. Страх смерти — один из самых сильных человеческих страхов. Когда-то я тоже боялся умереть, но мой страх остался в прошлом, и сегодня я без суеты и волнений воспринимаю свою будущую смерть, так как понимаю, что смерть — это не зло и не благо, это всего лишь иная форма существования, которую я назвал бы формой несуществования.

— Значит, вы не верите в загробную жизнь?

— Когда-то удивительной девушке Виктории из Черкасс я уже отвечал на подобный вопрос. Не могу вспомнить, что точно говорил ей тогда, но не думаю, что ответ прошлый и нынешний будут сильно отличаться. Хотя возможно и это, что для меня не есть плохо, так как это значит, что я не стаю на месте в своем развитии, развиваюсь, обретаю новые знания, новые взгляды на жизнь. Что касается загробной жизни, то можно было бы сказать, что глупо верить в то, что не видишь или о чем не знаешь наверняка. Но таков ответ был бы близорук, ведь вера сама по себе — это нечто духовное, а не материальное, поэтому и отношение здесь должно быть другим. Я могу сказать, что никто не знает, что нас ждет в действительности, когда мы умираем, кроме того что тело разлагается, гибнет. Религия утверждает, что у человека есть душа и после смерти она попадает в рай или ад, в зависимости от того, кто как вел себя при жизни. В отличии от религии я не могу сказать есть ли у человека душа и если

есть, что с ней происходит после нашей смерти. Но, тем не менее, могу сказать, что не разделяю взглядов религии на загробную жизнь. Возможно, они истинны для человека одурманенного религиозным наркотиком, но для меня они не более чем предположение и предположение, по моему мнению, не совсем удачное, если не сказать больше. Для меня представления религии о загробной жизни кажутся слишком примитивными.

— Но почему?

— Они кажутся мне сказкой для несмышленного ребенка, сказкой для человека, не способного думать самостоятельно, поэтому и принимающее все на веру. Я думаю, такие представления родились из-за все того же страха перед смертью. Человек прошлого, как и современный человек также боялся умереть, и вполне вероятно его страх был более сильным, чем страх современного человека. Человек боялся смерти и его страхи нашли отражение в верованиях, в том числе в таких, как верование в загробную жизнь, существование ада и рая. Страх — это мощная сила, она способна заставить человека поверить во что угодно, в бога, в черта или второе пришествие. Это уже не столь важно. Но важно то, что человеческий разум слишком подвержен страху, так как воспринимает окружающий мир, как живущее инстинктами животное, но не как высокоразвитый организм. Не будь человеческий разум столь невежествен, многое из того, во что верит его обладатель, превратилось бы в пыль, в труху, изъеденную червями времени. По большому счету объекты веры человек выбирает в зависимости от того, насколько невежественен его разум. Чем более он невежествен, тем более верующим становится, более восприимчивым и внушаемым. Вера в ад и рай из этой же серии. Эта вера родилась из-за страха перед смертью, неизвестностью, непониманием окружающего мира и зачастую именно страх рождает человеческое невежество. И так будет всегда, пока человек не обретет знания, только вот все дело в том, что некоторые знания обрести не так-то просто. Может из-за того, что их не существует? Кто знает, но знания по поводу того, что происходит с человеком после смерти, я отношу именно к таким знаниям.

— Я так понимаю, что из-за того, что не знаете, есть ли у человека душа?

— Да. С человеческим телом все понятно, а вот с человеческой душой, по крайней мере, для меня, нет. Без сомнения, у человека есть внутренний мир, есть что-то, что управляет его мыслями, чувствами, поступками, рождает потребности, направляет его, побуждает, заставляет делать то, а не это, чувствовать это, а не то, думать так, а не иначе. Вот всего этого я не совсем понимаю, но чувствую, что эти знания у нас есть, только как их получить, вот этого я уже не знаю.

— И где эти знания находятся?

— Я более чем уверен, что в нашем сердце. Именно здесь находятся все знания обо всем, что нас окружает, что мы видим, а что сокрыто от нашего взора. Только вот дано ли нам узнать все или нет? И вообще, можно ли узнать все? Не являются ли знания безграничными, как вселенная? Способен ли человек познать все или в силу своего несовершенства его возможности ограничены? Как видишь, мой друг, у меня одни вопросы. Много я отдал бы, чтобы узнать на них ответы.

— Думаю, на это целой жизни не хватит, — ухмыльнулся Николас.

— Может быть, может быть, — старик отрезал половинку банана и очистил его от кожуры. — Тем не менее, хотел бы я прожить жизнь в поисках этих знаний. Даже если бы в результате я узнал бы не все, это бы нисколько не омрачило последний день моей жизни. Чем больше узнаешь, больше понимаешь.

— Но почему для вас так важны знания?

— Знания — это ключ к жизни, факел, разгоняющий своим светом тьму пещеры, тьму незнания. Человек рождается для того, чтобы учиться. Только получая новые знания, он может развиваться, может следовать программе, заложенной в него матушкой-природой. Человек так устроен, что не имея знаний, он не способен жить на этой чудесной планете. Долго ли проживет маленький ребенок, если оставить его один на один с окружающим миром? Взрослый, как раз и отличается от ребенка тем, что у него есть знания, приобретенные на протяжении жизни, правда, о качестве этих знаний я не говорю. В большинстве случаев знания, которыми владеет взрослый человек, ограничивают и замедляют его развитие. В большинстве случаев эти знания ограничиваются тем, что он получает в школе, институте, но, может быть, этих знаний достаточно для того, чтобы зарабатывать деньги, но их совершенно недостаточно для того, чтобы жить. Но беда

не в этом, а в том, что взрослый человек из-за своего невежества отказывается от того, чтобы учиться после получения образования. По большей мере, знания, которые он получает в учебных заведениях, бесполезны для жизни. Благодаря им ты не станешь счастливым, здоровым, не научишься любить, не узнаешь о том, что такое жизненное удовлетворение, не почувствуешь вкус жизни. Это мусор, который только засоряет твою голову, но благодаря ему ты можешь стать хорошим специалистом на предприятии, — старик ухмыльнулся и надкусил банан. — Те же знания, — продолжил он мгновение спустя, — которые ему действительно необходимы для жизни, в большинстве случаев так к нему никогда и не попадают. В нашем обществе действует ограничивающая человека система. Она противоречит человеческой природе, но на это, по всей видимости, большинству наплевать. И это неудивительно, их разум невежественен, такой он делает и человеческую жизнь. Человек — единственное существо на планете, которое обладая безграничным потенциалом, делает все для того, чтобы этот потенциал так никогда и не раскрылся.

— И как я понимаю, выход из этой ситуации в жизни сердцем?

— Да, но не одного человека, а миллионов. Сердце в силу своей активности позволяет человеку развиваться, стремится к большему, разум же в силу свойственной ему пассивности довольствуется тем, что есть.

— Те знания, которые у вас есть, откуда они у вас появились? Ведь раньше, я так понимаю, у вас их не было? — спросил Николас, взяв яблоко с тарелки.

— Не было, — согласился старик. — Но благодаря тому, что я начал жить сердцем, они появились. Я многим говорил, что мои учителя сегодня это матушка-природа и мое сердце. Я наблюдаю, чувствую, рассуждаю, часто появляются озарения. Много, что из того что я говорю людям, часто происходит, словно по наитию, как будто вспышка молнии озаряет тьму ночи. И тогда я думаю: «Это же так очевидно. Почему я раньше этого не понимал?». Знать бы ответ на этот вопрос. Может, мое прежнее невежество было по какой-то причине необходимым? Но есть ли хоть какая-нибудь необходимость в невежестве? Снова вопросы, на которые я не знаю ответы. Чем больше узнаешь, тем больше появляется вопросов.

— Знаете, Александр Петрович, я вот о чем подумал. Во тьме ночи ведь есть необходимость, почему бы ей не быть и в невежестве. Невежество — это же тоже в некотором роде тьма.

— Да, согласен, — старик поднес банан ко рту, да так и замер, обдумывая пришедшую в голову мысль. — Невежество — это тьма, которая владеет человеческими умами. Но если в невежестве есть необходимость, то в чем она заключается?

— Может в том, что благодаря ему человек способен развиваться?

— Да, — старик наконец-то донес банан до рта и отложил шкурку в сторону. — Невежество видится мне неким обязательным этапом в человеческом развитии. Ведь мы не рождаемся со знаниями, а приобретаем или раскрываем их на протяжении жизни. Да, так и есть. Невежество — начало человеческой жизни, обретение знания — ее расцвет, но что есть закат человеческой жизни? Может обретение истины? Хм... Интересно. Надо будет над этим поразмышлять. Знаешь, мой друг, размышления — такая занятная штука. Никогда раньше не думал, что размышлять — это так приятно, особенно если размышлять о жизни, а не перемалывать в который раз свое прошлое. Это очень полезное качество нашего разума, одно из многих между прочим.

— Значит разум — не такое уж и зло?

— Никто и не говорит, что разум это зло, ну, может быть, невежественный разум. Нет, и его я не могу назвать злом. Он, словно несмышленное дитя, заблудшая овца, которой необходимо показать дорогу. В разуме я вижу инструмент. Невежественный разум — это не подготовленный к работе инструмент, а таким инструментом, как и любым другим, можно и беды натворить. Мне Сашка, мой младший сын, когда учил меня работать на компьютере, рассказывал, чтобы я был осторожен, особенно когда пользовался интернетом. Там, говорил, вирусов много, а эти вирусы заражают компьютер и из-за этого он работает не так как должен или вообще не работает. Так вот. Невежественный разум — это, я бы сказал, разум, зараженный вирусами. Как компьютер надо лечить от вирусов, так и невежественный разум этого требует. Только вот мало, кто хочет это делать, а многие даже не понимают, что их разум заражен. Но тут уже ничего не поделаешь, если человек не стремится излечиться, его ни один врач не вылечит.

— Александр Петрович, вам стоит подумать над тем, чтобы заняться лечением человеческих мозгов, — рассмеялся Николас. — У вас это хорошо получается делать.

— В каком-то роде я этим уже занимаюсь, — улыбнулся старик. — Но в действительности от меня тут мало что зависит. Мое оружие, слова, могут подтолкнуть, побудить невежественного человека задуматься о жизни, но и только. И то это при условии, что человек захочет меня слушать. Но только человеческое сердце способно стать лучом света в царстве тьмы, охватившей невежественный разум. Только оно способно из невежественного человека сделать знающего, человека познавшего истину.

— Вы преуменьшаете свою роль, — улыбнулся Николас. — Ведь именно благодаря вашим словам человеческое сердце пробуждается. Я бы сказал, что вы спичка, которая зажигает факел.

— Может и так, — старик окинул себя взглядом. — Я очень подхожу на роль спички. Исхудал так, что и впрямь на спичку стал похож.

— Да ладно вам. Я слышал, что худые люди живут дольше полных.

— Здоровые может быть, — усмехнулся старик.

— О, merde! Простите, я забыл, — Николас виновато посмотрел на старика.

— Не переживай, мой друг. Волнения не добавят тебе годов жизни, а вот убавить — очень даже могут.

— Ага, — Николас ухмыльнулся. — Знаете, что мне сказал один знакомый врач: все болезни от нервов, один сифилис от удовольствия.

— Я согласен с твоим знакомым врачом. Удовольствия — это такая штука, которая способна обернуться страданиями. С ними надо быть поосторожней.

— Но как же без удовольствий? С ними и жить интереснее.

— Не спорю. На первый взгляд так и есть, но если копнуть глубже, можно увидеть обратную сторону удовольствий. И эта сторона мало кому понравится. Те же болезни. Многие из них — это результат того, что человек захотел получить удовольствие, например, сексуальное, как тот же сифилис, или удовольствие от поглощения пищи. Я в свое время язву именно так и заработал. Ел то, что не надо было есть. А аварии на дорогах из-за чего происходят? Тоже из-за

удовольствия — едь себе помаленьку, да нет, человеку, видите ли, хочется ощутить удовольствие от скорости. А к чему это может привести и говорить не стоит. Все всё знают, только вот человек и дальше продолжает искать удовольствия.

— Значит таков человек.

— Нет, таков человеческий разум. Он стремится к удовольствиям, из-за этого свойства разума, удовольствие часто оборачивается страданиями.

— Но как тогда жить без удовольствий? Что же это за жизнь такая будет? Скучотища какая-то, — Николас отрезал кусок батона и намазал его медом.

— Может так, а может и не так, — старик взял с тарелки ломоть хлеба и принялся его жевать. — Я вот что думаю. Удовольствия тоже разные бывают. Можно получить удовольствие от просмотра фильма по телевизору, а можно его получить от созерцания восхода солнца или прочтения хорошей книги. Должно быть, это из-за того, что удовольствие может получать и разум, и сердце. Только вот в последнем случае удовольствие я назвал бы удовлетворением. И если человек способен испытывать удовольствия, то, скорее всего, так и должно быть, и нет ничего плохого в том, чтобы стремиться к удовольствиям. Только вот, я считаю, что надо стремиться не к тем удовольствиям, которые обещает разум, а к тем, что может предложить сердце. Тогда человеческая жизнь будет более настоящей, чем есть на самом деле.

— А как же узнать, какое удовольствие предлагает разум, а какое — сердце? — Николас отпил из чашки с чаем и взглянул на старика.

— На этот вопрос я тебе дать ответ не могу, — старик взял в руки чашку с чаем и поднес к губам. — Прислушивайся к себе, к своим ощущениям, чувствам. Удовлетворение более продолжительно, более искренне, оно наполняет тебя светом. Твое сердце — лучший твой помощник в этом деле. Постарайся чаще прислушиваться к нему и тогда ты научишься отличать, где удовольствие, а где удовлетворение.

— Хм, интересно, — пробормотал Николас. — Надо будет подумать над этим как-то.

— Подумай, подумай, — кивнул старик. — Размышлять — это полезное занятие. Сказал бы даже, жизненно необходимое, так как оно развивает наши мозги, ведет нас из тьмы к свету. Я полагаю, что

провести жизнь в стремлении к свету намного приятнее, чем проводить ее во тьме. Будет не так болезненно жить, как живется современному человеку.

— Да не так уж ему и плохо живется, — Николас допил чай и отставил чашку в сторону. — Сегодня для человека созданы все условия для счастливой жизни. Границы исчезают с карт, уровень медицины то что надо, питание какое хочешь, отдыхай где хочешь и с кем хочешь. Не жизнь, а сказка я бы сказал.

— Не спорю. Для современного человека условия то, что надо, но для человека — хуже не придумаешь.

— Э-э-э... чето я вас не пойму, Александр Петрович, — Николас посмотрел на старика.

— Современный человек — слабое и ленивое существо. Он создает блага, по большому счету, только с одной целью — испытать в жизни как можно больше удовольствий, облегчить свою жизнь, сделать ее проще. Современный человек стремится избежать усилий, в то время, как жизнь требует усилий. Он стремится быть пассивным, вместо того, чтобы стать активным, как того требует его природа. Он живет ожиданиями, вместо того, чтобы жить свершениями. Он идет против своей природы, вместо того, чтобы следовать ей, следовать природе существа творящего, а не разрушающего, чувствующего, а не отторгающего чувства, существа ищущего, а не довольствующегося потемками. Стоит ли после этого удивляться тому, что имея всё современные люди не имеют ничего. Живя в роскоши материальной, они живут в нищете духовной. Я убежден, что за всю историю человечества именно современное общество породило больше всего несчастных людей. Что это? Судьба или всего лишь невежество, окутавшее планету и отдалившее человека от природы и истинного счастья? Для меня ответ очевиден.

— А для меня не совсем, — заметил Николас.

— Всему свое время, мой друг. Наступит день, когда ты все поймешь, конечно, если будешь стремиться к тому, чтобы понять. Как говорят, под лежащий камень вода не течет. Не будь камнем, будь водой, которая упорством и терпением способна выдолбить дырку в камне. Главное долбить в правильном месте. Именно такова и есть настоящая жизнь, жизнь не ради удовольствия, а ради удовлетворения.

— Мда, Александр Петрович, — Николас упер локти в столешницу и положил голову на кулаки. — Вам действительно надо выступать. Может именно такого человека, как вы не хватало человечеству, чтобы обрести утерянное когда-то счастье.

— Не знаю, мой друг, как я могу помочь обрести счастье всему человечеству, и могу ли я вообще претендовать на роль его проводника, но вот поспособствовать обрести счастье обычному человеку, это другое дело.

— А знаете что, Александр Петрович? Вы ведь во Франции ни разу не были?

— Не был.

— Тогда давайте я вам фотографии покажу. Увидите, где я жил до приезда в Украину.

— Я не против.

— Тогда идемте в комнату. Там ноутбук, а у меня все фотографии на ноуте, — Николас поднялся из-за стола и направился в комнату. Старик допил чай и последовал за ним.

В комнате Николас достал из сумки ноутбук и поставил его на стол. Раскрыв его, он нажал кнопку включения ноутбука и повернулся к старику, сидевшему на диване.

— Я парижанин, родился в Париже и большую часть жизни прожил там. Немного жил в Нанте и Бордо, но Париж, — блаженная улыбка появилась на лице молодого человека, — ни один город не сравнится с ним — город романтиков, город любви. Это один из немногих городов в мире, который обязательно стоит посетить... Эй, а это что такое? — растерянно пробормотал Николас и уставился в черный экран монитора ноутбука.

Спустя мгновение на экране появились слова, экран мигнул и погас, ноутбук перезагрузился, снова по экрану побежали слова и снова ноутбук перезагрузился.

— *Nique ta mère!!!* — крикнул Николас, выключая ноутбук и включая его снова. — Этого еще не хватало! У меня же там важная информация.

Экран ноутбука снова осветился буквами, мигнул и погас, чтобы перезагрузиться.

— Только не это, — Николас сел на стул и обхватил голову руками. — Отчеты, тексты, фотографии, — все коту под хвост.

Николас выругался и ударил кулаком по столу.

— Долбанная техника! Чтоб тебя! Давно надо было поменять эту кучу рухляди, а еще известная фирма. Халтурщики!

Старик некоторое время с улыбкой наблюдал за молодым человеком, затем поднялся на ноги и подошел к столу. Положив руку на плечо Николасу, он сказал:

— Я бы так не расстраивался на твоём месте. Может это даже и хорошо, что так произошло.

— Какое хорошо! — воскликнул Николас. — Отчеты, финансовые документы, договора, куча личной информации, — все уничтожено, а вы говорите «хорошо». Мне не так жалко ноутбук, как ту информацию, которая на нём была. Ноутбук всегда можно купить новый, а вот вернуть информацию, собираемую годами... Merde! Ну почему это произошло именно сегодня и вообще, почему это произошло со мной?

— И все же то, что произошло — благо, — улыбался старик, стоя возле молодого человека.

Николас посмотрел на старика и уронил голову на стол. Тихий стон прокатился по комнате.

— Вы не понимаете, — только и сказал Николас.

— Посмотри на это иначе. Если бы компьютер не сломался, ты и дальше жил бы иллюзией счастья.

— Да при чем тут счастье? — Николас скривился так, словно ему предстояло выпить горькую микстуру.

— Теперь ты понимаешь, что вещи не способны сделать тебя счастливым? Многие люди привязывают свое счастье к вещам и людям, вместо того, чтобы привязать его к себе и окружающему миру. А когда происходит нечто подобное тому, что произошло с тобой, «счастье» почему-то исчезает, а его место занимают разочарование и страдание. Привязывая счастье к вещам, мы теряем его. Воспринимай то, что случилось с тобой, как урок, который помог тебе стать ближе к истинному счастью.

— Чертов урок, — пробормотал Николас. — Нельзя ли обойтись без уроков, которые не уничтожают важные для меня вещи?

— Часто для того чтобы понять необходимо испытать на себе то, что люди называют страданиями, в действительности являющимися ничем иным, как негативным восприятием. Мир не так уж плох, если посмотреть на него чуточку иначе и не так уж плохо то, что произошло

с тобой. Просто посмотри на это иначе. Возможно, то, что ты расцениваешь как утрату, в действительности — ценное приобретение. Ты грустишь о потерянной информации, но информация — это всего лишь информация, некие данные, которые в большинстве случаев можно восстановить. Если бы ты потерял голову, вот это была бы проблема, а информация не стоит твоих переживаний.

— Если я и получил какой-либо урок, — услышал старик голос Николаса, — то заключается он в том, что всегда надо иметь копию информации.

— Это тоже неплохой урок, — улыбнулся старик и похлопал Николаса по плечу.

Глава 9

Снова в путь

Старик стоял, согнувшись над раковиной умывальника, и сплевывал кровь. Ему снова было плохо: температура повысилась, тело вспотело, руки и ноги дрожали, боль вернулась и теперь донимала его, сжигая нутро.

Старик вытер лоб и присел на край ванны. Закрыв глаза, он набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и выпустил воздух наружу.

— Все хорошо, — прошептал он. — Уже лучше. Еще немного и все пройдет. Потерпи немного, твое время еще не пришло. Это просто маленькое недомогание.

Словно опровергая слова старика, желудок взорвался новым приступом боли. Старик вцепился руками в раковину и «украсил» ее дно новой порцией слюней вперемешку с кровью и еще какой-то гадостью желтоватого цвета. Выплюнув остатки крови, старик положил голову на раковину и улыбнулся; холод раковины, казалось, остудил на какой-то миг его разгоряченное лицо. Даже боль в желудке поутихла и теперь тихо пульсировала где-то в районе печени.

— Вот видишь, — пробормотал старик. — Уже хорошо. Еще чуть и станет совсем хорошо. Не бойся, твое время еще не пришло. Ты не готов покинуть этот мир. Пока не готов. Смерть просто пугает тебя, но ты не должен бояться. Пока бьется твое сердце тебе нечего бояться.

Старик поднял голову и открыл кран с холодной водой. Набрав в рот воды, он прополоскал его, избавляя от остатков крови и желтой гадости.

— Жарко-то как, — прошептал старик.

Сложив руки лодочкой, старик набрал пригоршню воды и умылся.

— Ну вот, уже совсем хорошо.

Старик выключил воду, поднялся с ванны и взял в руки полотенце. Вытерев лицо и руки, он повесил полотенце на место и вышел из ванной.

За последние дни приступы боли участились, и это не могло не тревожить старика. Он чувствовал, что время, отведенное ему на этой

чудесной планете, подходит к концу. Старик вошел в комнату и лег на диван. Надо было подумать, что делать дальше. Он понимал, что не может больше задерживаться у Николаса. Надо было двигаться дальше, только вот куда. Несмотря на то, что он очень хотел увидеть родных, домой он идти не собирался. Пока что старик решил дожждаться прихода с работы Николаса.

Старик закрыл глаза. Сейчас он хотел только одного — немного поспать. Хороший сон мог ему пойти только на пользу. Но мысли по поводу неясного будущего все никак не желали покидать его, тем самым прогоняя такой желанный сон. В конце концов, спустя несколько безуспешных попыток остановить мыслительный процесс, старик все же заснул.

* * *

Старика разбудил скрежет ключа в замке. Старик открыл глаза и зевнул. Сон, и правда, пошел ему только на пользу. Он чувствовал себя отдохнувшим и готовым к дороге.

Входная дверь скрипнула, и в квартиру вошел Николас.

— Добрый вечер, Александр Петрович, — сказал молодой человек, заглянув в комнату. — Как ваши дела?

— Добрый, мой друг, добрый, — старик принял сидячее положение и снова зевнул. — Я тут решил немного поспать и теперь вот очень хорошо себя чувствую. А как твои дела? Что-то ты рановато сегодня. Сколько уже часов? Я лег часа в три и, кажется, совсем немного проспал.

— В три? — Николас вошел в комнату и улыбнулся. — Тогда вы очень даже неплохо поспали. Уже 22:30.

— Как 22:30?! Быть такого не может, — старик поднялся с дивана и подошел к столу, где стоял будильник. — И правда, — сказал он, взглянув на часы. — 22:33. Это же как долго я проспал, больше семи часов что ли? Здорово меня отключило.

— Так это же хорошо. Сон — это здоровье, — Николас открыл шкаф, достал вешалку и повесил на нее пиджак.

— Так-то оно так, — улыбнулся старик, только вот что же я делать ночью буду?

— Ну-у-у, — протянул Николас, снимая галстук и бросая его на спинку кресла. — Занять себя чем-нибудь это не проблема. Было бы желание.

— Да, да, было бы желание, — старик вернулся на диван и принялся наблюдать за Николасом.

— Кстати, Александр Петрович, — Николас набросил на плечи халат и сел в кресло. — Запомните сегодняшний день — 27 апреля 2012 года. С этого дня вас с нетерпением ждут в Полтаве.

— А по какой причине?

— Ждут вашего выступления на телевидении.

— Значит, ты все же звонил в Полтаву?

— Конечно звонил, — рассмеялся Николас. — А вы что думали, что не позвоню? Позвонил, договорился. Мне даже не пришлось никого упрашивать. От этих журналюг ничего не утаишь. В Полтаве о вас уже знают и безумно обрадовались, узнав, что вы гостите у меня. Они готовы были даже за вами машину прислать, только бы не потерять вас из виду. Вы же как перекатиполо, то здесь, то там. Но я отклонил их предложение с машиной, я и сам могу вас туда отвезти.

— Это что значит получается? Я буду выступать на телевидении? — старик почувствовал, как по телу пробежала легкая дрожь, и небольшое волнение охватило его.

— Конечно будете, — рассмеялся Николас. — Вы думали, я шутил? О жизни сердцем следует узнать как можно большему числу людей, ведь чем больше людей узнает, тем выше вероятность того, что мир станет хоть чуточку добрее.

— Значит я буду выступать на телевидении, — старик казалось не слышал того, что говорил ему Николас. Взгляд его был отстраненным, мысленно старик явно был не в квартире Николаса. Старик чувствовал, как страх перед выступлением покинул его, а на его место пришло легкое возбуждение. Понимание того, что о жизни сердцем узнает больше людей, заставило страх покинуть его сознание. Старик понимал, что боялся он не самого выступления, а того, как воспримут его идеи и его самого люди. Но старик был уверен, что главное быть самим собой, а то, как его воспримут другие не столь уж и важно. Важно было только то, что о жизни сердцем узнают тысячи людей.

— Я попросил их не спешить с передачей, так как неизвестно, когда мы приедем в Полтаву. Правильно я поступил? — словно

издалека донесся голос Николаса.

— Очень даже правильно, — старик кивнул. — Неизвестно, когда я доберусь до Полтавы. Путь все же не близкий.

— Эй, Александр Петрович, вы слышите, что я вам говорю? Мы поедем вместе на моей машине. Я буду вашим личным водителем.

— А как же бизнес?

— Бизнес и без меня сможет обойтись. У меня куча помощников, пусть поработают, а я пока возьму небольшой отпуск.

— Тебе виднее, мой друг, — старик пожал плечами. — Только вот, я бы не хотел ехать в Полтаву на машине.

— На чем же вы хотите туда попасть? На автобусе или на поезде? Или может быть на самолете?

— Нет, нет, что ты, мой друг. Я за последнее время отвык от транспорта. Мне лучше пешком.

— Пешком? — недоумение появилось на лице Николаса. — Но на то, чтобы добраться от Кременчуга до Полтавы пешком, понадобится уйма времени да и ночевать где-то надо. Может все же на машине?

Старик вздохнул и посмотрел на Николаса.

— Мои желания могут казаться странными, но я, и правда, хотел бы отправиться в этот путь пешком. Здоровье мое не ахти, и я боюсь, что это последняя для меня возможность побыть наедине с природой, полюбоваться еще раз ее красотой. Знал бы ты, как прекрасен восход солнца, как изумительны закаты, как чист воздух в лесах и на полях моей неньки Украины, как медленно начинает течь время, когда ты покидаешь шумный город и оказываешься в царстве тишины посреди полей, на берегу реки, в березовой роще или сосновом бору, — старик замолчал и устремил мечтательный взгляд за окно.

Николас смотрел на старика и чувствовал, как его охватывает странное чувство. Старик говорил о вещах, о которых он давно уже позабыл в суматохе жизни. Если он и видел в последние годы закат, то только по телевизору, тишина его комнаты была ему более привычна, чем тишина леса или поля, а о свежем, чистом воздухе он мог только мечтать. Слушая старика, он мысленно рисовал картины того, о чем тот говорил. И чем ярче были эти картины, тем острее становилось чувство утраты, утраты чего-то важного, важного и невозможного. Поля и леса, рощи и реки — для старика все это было намного важнее, чем волнения по поводу ночлега или долгого пути, усталости или

отсутствия какого-либо уюта. Именно в эти минуты Николас осознал, почему для старика так важна была жизнь сердцем — она не только приносила в его жизнь удовлетворение, но и позволяла ему видеть то, что не замечали, да и не хотели замечать другие люди. Среди моря хлама, в котором погряз современный человек, старик находил то, что наполняло его жизнь удивительными красками жизни. Именно в эти минуты Николас ощутил как где-то в глубинах его естества зарождается тяга к прекрасному и настоящему, тяга к жизни. Не той бессмысленной гонке за никому не нужным искусственным мусором, а к настоящей жизни — когда песня твоего сердца льется в унисон с дыханием природы, даря тебе счастье, осмысленность и удовлетворение. Именно в эти минуты в голове у Николаса рождалось решение, которого он поначалу испугался, но прислушавшись к музыке своего сердца, звучащей с каждой секундой все громче, молодой человек почувствовал, как страх ушел, а его место заняло предвкушение новизны, чего-то давно забытого и влекущего.

— Александр Петрович, — Николас посмотрел на старика. В его взгляде не было страха и сомнений, лишь твердая, нерушимая уверенность в истинности задуманного. — Вы не против, если я присоединюсь к вам в вашем долгом пути к Полтаве?

— Ты хочешь отправиться вместе со мной в Полтаву? Пешком?

— Да.

— Тебя не пугает, что усталость и сомнения в правильности принятого тобой решения станут верными твоими попутчиками? Не пугает, что ночевать придется на открытом воздухе?

— Нет, не пугает. Вас же это не пугает, значит и меня не испугает.

— Тогда не буду тебя отговаривать.

— У вас бы это не получилось, решите вы это сделать. Мне действительно хочется испытать себя, проверить, что я за человек, из какого материала сделан. К тому же вы согласились познакомить меня с жизнью сердцем. Думаю, для этого у вас будет больше, чем достаточно времени.

— Ты прав, мой друг. То, что я тебе рассказывал раньше — это капля в море по сравнению с тем, что ты можешь узнать, оставшись один на один с природой.

— Вы меня заинтриговали, — сказал Николас, рассмеявшись. — Готов учиться и познавать.

— Это хорошо. Учиться и познавать никогда не надо прекращать. Это одно из немногих занятий, которые способны наполнить жизнь красками, удивлением, интересом.

— Тогда решили. Когда выступаем в путь, учитель? — улыбнулся Николас.

При слове «учитель» улыбка на губах старика стала шире. Возможно, Николас сказал это слово в шутку, тем не менее, старик почувствовал, как странное чувство охватило его сердце, заставив его ускорить ритм. Признание, шуточное или нет, но оно способно вселить еще большую веру в сердце человека. Старик понял это сразу, едва услышал слово «учитель». Но мог ли он, и правда, быть учителем? Достаточно ли у него знаний для этого? Да и не отнимает ли он титул у природы и сердца, которые всегда считал своими учителями? Ответы на эти вопросы старик не знал, но то, что он испытал, услышав слово «учитель», разрушило все его сомнения, ведь его сердцу это обращение-то понравилось!

— Можем хоть завтра, мой друг.

— Хорошо. Тогда пойду, позвоню своему заму — в то время как я буду думать о красоте природы, ему придется думать о доходах компании, — Николас ухмыльнулся, взял мобильник с тумбочки и ушел на кухню, оставив старика наедине со своими мыслями.

* * *

На завтра отправиться в путь не получилось, с самого утра Николас уехал на работу, улаживать кой-какие вопросы, возникшие с его будущим отсутствием в офисе. Но вот на следующий день, едва солнце поднялось над горизонтом, старик и молодой человек оставили позади Кременчуг и двинулись вдоль трассы в сторону Полтавы.

Погода была чудесной. Дул небольшой ветерок, солнце было ласковым и по-настоящему весенним, одинокие белые облачка, подгоняемые неутомным ветром, медленно плыли по небу, радовавшим глаза девственной чистотой и нежной голубизной.

Старик и Николас сошли с трассы и двинулись вдоль нее по грунтовой дорожке, бегущей рядом с основной дорогой. Старик то и дело поглядывал на Николаса. Тот казался слегка взволнованным,

нечасто тому приходилось бросать все и пускаться в странствия, к тому же пешком. Старик часто замечал, как Николас вертел головой с интересом рассматривая местность, по которой они проходили. В такие минуты Николас напоминал старику маленького мальчика, делающего первые шаги в познании окружающего мира. Такой же ищущий взгляд, живость познания и безграничное любопытство. Старик вспомнил, что и он таким был тогда, когда только покинул Киев. Такими же глазами он смотрел на мир тогда, такими же он смотрел на него и сейчас. Старик давно понял, что природа никогда не бывает однообразной, каждый день и даже каждую минуту она предстает перед тобой в совершенно ином виде, главное было уметь замечать изменения. Старик замечал. Он научился этому благодаря своим странствиям, большая часть из которых прошла неотрывно от природы. И хотя острота восприятия окружающего мира снизилась, удивление и желание познавать никуда не делись, наоборот, усилились, превратились в некую жажду, стали страстью, исходящей из таинственных глубин сердца.

Два часа спустя старик предложил Николасу сделать привал, так как понимал, что любому горожанину, изнеженному современными удобствами, длительные пешие прогулки могут быть не в радость, а в тягость. Николас не отказался от отдыха и уже спустя десять минут они сидели под небольшим деревом, одиноко росшим недалеко от дороги.

Старик достал из кулька бутылку с водой и отхлебнул из нее.

— Как твои ноги, мой друг? — поинтересовался старик у Николаса, прислонившегося спиной к стволу дерева и жевавшего яблоко.

— Нормально, — сказал Николас. — Немного побаливают, но это с непривычки, ведь в городе я большей частью передвигаюсь на машине.

— Привыкнешь. Вот только завтра ноги будут сильнее болеть.

— Как-то переживу. День, второй, а там легче будет.

— Будет, — кивнул старик. — Ты молодой. Здоровье будет лучше моего. Это мне возраст иногда напоминает о себе. То болью в пояснице, то тяжестью в ногах. Благо, после того, как расхотелся, стал лучше себя чувствовать, а первое время было тяжело. Сам знаешь, городской образ жизни совершенно не способствует здоровью

современного человека. Раньше люди больше передвигались на своих двух, поэтому и здоровее были, а сейчас, если и передвигаются, то большей частью от дивана к холодильнику и обратно.

— Такова современная жизнь, — Николас пожал плечами. — Жить с удобствами намного приятнее, чем без них.

— Не могу с тобой согласиться, мой друг, — покачал старик головой. — Я считаю, что если удобства ухудшают или сокращают жизнь человека, им не место в этом мире. Как ты думаешь, мой друг, что лучше, прожить жизнь короткую, но наполненную всевозможными удобствами, или долгую, но лишенную удобств?

— Интересный вопрос, — Николас почесал висок. — Как по мне, лучше долгую и с удобствами.

— Так бы пожелали многие люди. Человеческий разум стремиться из любой ситуации выйти победителем, поэтому если его не устраивают два варианта, он ищет третий, более выгодный. Разум расчетлив и корыстен, только вот жизнь, мой друг, часто на это не обращает внимания, заставляет нас выбирать из двух одно. К сожалению, нередко люди выбирают совершенно не то, что следовало бы выбрать, поэтому и мучаются потом.

— Тогда я не знаю, что вам сказать. Жить долго, но в нищете, — это не по мне, но жить не долго, но в богатстве, также как-то не хочется. Зачем тогда богатство, если не успеешь им насладиться?

— Согласен, — улыбнулся старик и достал из кулька тетрадь. — Что толку от богатства, если жизнь коротка.

— Но и от бедности толку никакого, даже если жизнь долгая.

— Не так страшно быть бедным снаружи, как быть бедным внутри. Когда ты богат внутри, бедность снаружи — это показатель мудрости и умения владеть своим разумом. Посмотри на меня, мой друг, как видишь, я беден. У меня нет ничего, но это нисколько не мешает мне радоваться жизни и быть счастливым. Было бы намного хуже, если моя внешняя бедность была отражением моей внутренней бедности. Тогда меня можно было бы назвать даже пропащим человеком, человеком, у которого кроме облика человеческого нет более ничего человеческого.

Старик открыл тетрадь и начал что-то записывать.

— Вы это все написали? — Николас кивнул на тетрадь, исписанную вдоль и поперек.

— Написал, — улыбнулся старик.

— Я хотел еще дома посмотреть вашу рукопись, да вот времени все не было. Можно на нее взглянуть?

— Конечно можно, — старик протянул Николасу тетрадь.

Николас взял тетрадь в руки и принялся листать страницы, время от времени замирая над той или иной страницей.

— Это же сколько надо было написать, — пробормотал он. — Сколько труда вложено. Вашим терпению и усидчивости можно только позавидовать.

— Жизнь требует терпения. Есть чудесная поговорка: терпение и труд все перетрут. Я также думаю. Без терпения, без труда ничего не будет. Такова и матушка-природа. Ты посмотри сколько терпения и труда понадобилось ей, чтобы создать всю эту красоту, — сказал старик и раскинул руки в стороны так, словно хотел охватить ими весь мир.

— Природа — это что-то особенное, — не отрывая взгляда от тетради, произнес Николас. — Нам, простым смертным, до природы далеко. Я вот смотрю, у вас хорошо получается писать. У вас определенно талант. Я бы так не смог.

— Талант, — старик погладил бороду и уставился взглядом в землю. — Я думаю, что у каждого из нас есть какой-то талант и наша обязанность раскрыть его, ведь только так мы можем обрести себя в этом чудесном мире. Но талант бессмысленен, если нет труда и терпения, упорства и страсти. Быть талантливым человеком хорошо, но быть вместе с этим еще и трудолюбивым человеком, терпеливым человеком, еще лучше. Я чувствую, что упорный труд как раз и позволяет таланту раскрыться. Как говорят: без труда не выловишь и рыбку из пруда. Воистину так, но обычный труд, также как и талант без труда и терпения, бессмысленен. Труд должен согласовываться с талантом, только тогда он будет радовать человека и приносить ему удовлетворение. Если же этого не произойдет, человеческая жизнь наполнится страданиями и неудовлетворенностью. Сегодня я это хорошо понимаю. Ты думаешь, мой друг, мне нравилось работать всю жизнь на заводе? Нисколько. Поэтому не удивительно, что меня большей частью посещали душевные муки, а не удовлетворение. Моя жизнь была больше похожа на каторгу. А может ли такая жизнь сделать человека счастливым?

— Но вы же могли заняться чем-то другим, — Николас оторвал взгляд от тетради и посмотрел на старика.

— Может и мог бы, если бы слушал сердце, а не разум. Но это уже неважно, — старик махнул рукой. — Пусть прошлое остается в прошлом. Главное, что я все же осознал ошибку и сегодня живу совершенно иначе, что только радует мое сердце.

— Рад за вас, — улыбнулся Николас. — Вы не против, если я немного почитаю вашу рукопись? Или вы хотели что-то записать?

— Читай, читай, если разберешь мои каракули. То, что хотел записать, я потом запишу.

— Спасибо, — Николас достал из кулька еще одно яблоко и склонился над рукописью. Старик же оперся спиной о дерево с противоположной от Николаса стороны и устремил взгляд вперед, туда, где белесоватое небо соединялось с тонкой полоской темного леса.

Несколько часов спустя, когда солнце высоко поднялось над горизонтом, старик и Николас оставили одинокое дерево и снова двинулись в путь.

Глава 10

Уроки жизни

Старик и молодой человек сидели на траве в березовой роще и ели. Николас жевал ломоть черного хлеба и запивал кефиром. Изредка его рука тянулась к плитке шоколада и кулечку с черносливом, лежавшим рядом на траве. Старик же довольствовался хлебом и ряженкой. Взгляд его блуждал среди деревьев. Отстраненное выражение застыло на лице старика. Если его тело было здесь, то мысли унеслись куда-то прочь, скорее всего, в будущее, так как о прошлом старик вспоминал редко.

Николас доел хлеб и принялся рассматривать землю под ногами. Взгляд его задержался на муравье, штурмующем высоту травинки. Насекомое достигло верхушки, замерло на мгновение, словно в раздумье, и повернуло назад. Налетевший порыв ветерка заставил муравья снова остановиться. Выждав некоторое время, муравей устремился вниз и вскоре благополучно достиг земли. Молодой человек проследил взглядом за муравьем. Тот, быстро перебирая ногами, побежал в сторону видневшегося неподалеку муравейника.

— Учитель, — Николас повернул голову к старику. — Вы часто говорите, что учитесь у природы. Как вы это делаете?

Голос Николаса заставил старика вернуться в настоящее. В который раз Николас называл старика «учителем», и в который раз старик ощущал странное тепло в груди, слыша это слово. Оно возникало в районе сердца, ширилось и вскоре все тело как будто тонуло в тепле, от которого на его губах появлялась легкая полуулыбка. В такие минуты старик часто думал о том, что заставляет его сердце трепетать от этого, казалось бы, ничего не значащего слова «учитель». Ответ всегда приходил один и тот же. И заключался он в одном единственном слове — признание. Тогда старик понимал, что признание тебя, твоих трудов, взглядов — это еще один ключ к жизненному удовлетворению.

— Я наблюдаю, — ответил старик и поднес пакет с ряженкой к губам.

— Я вот тоже пытаюсь наблюдать, но ничего не получается.

— Почему же?

— Не знаю. Вот скажите, чему можно научиться у муравья? Хотя бы вот у этого, — Николас поднес палец к муравью, бегущему среди травы.

Старик проследил за пальцем Николаса и улыбнулся. Муравей остановился перед веточкой, преграждавшей ему дорогу и, казалось, задумался. Ветка была не ахти какая большая, тем не менее, представляла собой препятствие для насекомого. Муравей, выждав несколько секунд, словно собираясь с духом перед штурмом, и пополз к ветке. Мгновение спустя он уже карабкался по ней вверх.

— У этого малыша можно научиться очень многому, — сказал старик. — Целеустремленности, храбрости, упорству. Видишь, размеры этой ветки его совсем не испугали. Он не побежал искать обходные пути, а ринулся прямо на нее. И теперь он успешно спускается на землю, — сказал старик, заметив, как муравей спустился с ветки на землю и побежал дальше.

— Матушка-природа каждый день показывает нам, что необходимо для того, чтобы жить так, как хочет наше сердце, — продолжил старик, когда муравей скрылся в траве. — Но люди не хотят видеть, не хотят учиться, поэтому их жизнь — это всего лишь подобие того, что они могли бы иметь и кем быть, если бы не были столь невежественными. А у матушки-природы есть чему поучиться, как сам видишь.

— Значит, даже самая маленькая букашка может стать учителем человека?

— Да кто угодно или что угодно. Главное, чтобы этот учитель был частью матушки-природы. Я так считаю.

— Хорошо, — кивнул Николас. — Если вы говорите, что можно учиться у кого или чего угодно, тогда скажите мне, чему можно научиться у..., — Николас закусил верхнюю губу и принялся вертеть головой. — Что бы вам такое предложить. А вот! — воскликнул молодой человек, заслышав стук дятла, несшийся из глубины рощи. — Дятел. Чему он может научить?

Старик закрыл глаза и прислушался к монотонной дроби, издаваемой дятлом.

— У этой чудесной птицы, в первую очередь, стоит поучиться терпению, трудолюбию, настойчивости, а еще целеустремленности и

заботливости. Дятел — это прекрасный учитель.

— Что-то я не пойму. А с чего вы взяли, что у дятла можно поучиться заботливости?

— Ну, это очень просто. Дятел же не от нечего делать долбит ствол дерева. Или корм ищет, или гнездо делает, а если так, то заботиться о потомстве.

— Ах вот вы о чем, — Николас почесал щеку и устремил взгляд к земле. — Значит, у вас есть ответы на все мои вопросы? Хм. У животных действительно не сложно учиться, главное быть внимательным. Но что вы скажете, если я задам вот такой вопрос: чему вас может научить вот эта травинка? — Николас расплылся в улыбке. — Она-то тоже часть природы.

— Мой друг, твой вопрос не застал меня врасплох. У этой маленькой травинки следует поучиться терпению и гибкости. Качаясь под порывами ветра, она как будто говорит: будьте гибки, умеете приспособиться к окружающим условиям, будьте настойчивы, но не слишком упрямствуйте, иначе даже порыв ветра сможет переломать вас пополам.

— У вас на самом деле есть ответы на все мои вопросы, — Николас улыбнулся. — И все же задам вам еще один вопрос. Ветер. Чему он может научить?

— Свободолюбию и широте мыслей, упорству и находчивости. Ветер также может быть хорошим учителем, если, конечно, захотеть увидеть в нем учителя.

— Сдаюсь, — рассмеялся Николас. — Вы учитесь у всего, что вас окружает. Уверен, что даже камень или сухая ветка на земле способны стать для вас учителями.

— Конечно. Кто, как не камень поведаёт о том, как важно иметь терпение, быть устойчивым к жизненным трудностям, быть твердым и не спешить. И кто, как не сухая, изъеденная червоточинами, ветка способен рассказать о текучести времени, конечности жизни и слабости всего живого перед лицом смерти. Как видишь, мой друг, матушка-природа удивительна и щедра на знания. Надо лишь открыть пошире глаза и осмотреться.

— На протяжении веков люди стремятся познать тайну жизни, а тайна оказывается и не тайна совсем, — сказал Николас.

— Человек — забавное существо. Он любит раскрывать всякие тайны, которые по большому счету созданы им самим. Человек самостоятельно усложняет свою жизнь, а затем вязнет в придуманных трудностях. Удивляет меня человек. Удивляет своей близорукостью.

— Слушая вас, жизнь видится легкой, но она же не легкая. Приходится чуть ли не каждый день бороться за существование.

— Самая главная человеческая проблема — это сам человек. Человеческий фактор всегда играл и будет играть главную роль на нашей Земле, по крайней мере, пока на ней живет человек. К сожалению, человеческий разум стремится к соперничеству, а не к сотрудничеству из-за чего человек усложняет жизнь не только себе, но и другим людям. А в этом мире все достаточно просто — не знаешь, как жить, учишься у матушки-природы. Она тебя породила, она и подскажет, как научиться жизни. Главное, позволь себе стать мудрее, усмири невежественный разум и соедини мелодию сердца с музыкой природы, — старик наклонился и провел ладонью руки по траве. — Сегодня мне трудно понять, как человек может быть столь близоруким, что не замечает прелестей мира, в котором ему посчастливилось появиться. Мое же сердце радуется всё — и трава, и деревья, и голубое небо, и даже вот эта гусеница, — старик коснулся пальцем жирной зеленой гусеницы, ползущей по земле. Насекомое замерло на какой-то миг, когда старик коснулся его мягкого, сплошь покрытого волосками тела, затем ожило и продолжило прерванный путь.

— Какой бы страшной на вид ни казалась эта гусеница, но она часть матушки-природы, часть того совершенства, которое присуще ей, поэтому даже эта гусеница, — старик снова коснулся насекомого, заставив его вновь замереть, — для меня не менее совершенна, чем сама матушка-природа, не менее уникальна, чем ты, мой друг, или я, — старик замолчал и стал слушать трели птиц, несшиеся со всех сторон.

— Пожалуй, мне еще далеко до того понимания жизни, окружающего мира, которое присуще вам, — Николас устремил взгляд на дерево, росшее неподалеку, по веткам которого в эту минуту прыгала белка, и задумался.

— Все зависит от того, хочешь ли ты стать мудрее или тебя устраивает тот взгляд на мир, который у тебя сформировался к этому времени. Многие люди смотрят на мир как на свою собственность, они нещадно эксплуатируют природные ресурсы, загрязняют воздух и

уничтожают животный и растительный мир. Это ограниченный взгляд, но это меня несколько не удивляет, так как люди руководствуются в жизни ограниченным разумом. Конец света вряд ли наступит в этом году, как предрекают многие, но, тем не менее, рано или поздно, но он наступит, если человек и дальше будет стремиться разрушать, а не созидать. Пока что человек собственными руками роет себе могилу. К счастью, я не доживу до того момента, когда она будет окончательно вырыта.

— Но, учитель, неужели выход в том, чтобы вернуться в лоно природы, жить в лесах, как это делал первобытный человек и довольствоваться червячками и корешками?

— Когда я смотрю на те изуверства, которые вытворяет человек с матушкой-природой, мне хочется, чтобы так все и было. И все же стоит учитывать то, что современный человек уже не то примитивное животное, которым он был на заре своей юности, поэтому вернуться к первоистокам — это не лучший для него выход. Современный человек должен понять, что мир, планета — это не его собственность, что отношения партнерства и взаимовыгоды с матушкой-природой строить намного приятнее и полезнее, чем отношения вражды и потребительства. Человек лучше заботится о частном доме или квартире, в которой проживает, благоустраивая их и всячески приукрашая, чем о мире, в котором ему посчастливилось родиться. Но ведь это также его дом и этот дом более важен для человека, чем квартира или дом. Случись что-то с ним и какой толк от квартиры и дома? И, тем не менее, заботясь о кирпичном доме, человек забывает про иной дом, про дом, в котором находится его кирпичный дом. Разве это не близорукость? Разве это не ограниченность человеческого разума? Долго ли протянет человек, если что-то случится с этим домом? Или он надеется, что к тому времени, как он уничтожит эту планету, успеет перебраться на другую? Как же глуп человек, как невежественен его разум. Успеет ли он найти пригодную для жизни планету прежде, чем уничтожит эту? При всем многообразии планет, существующих в нашей солнечной системе, почему-то только на Земле зародилась жизнь. Даже если человек сможет найти подходящую для жизни планету, успеет ли перебраться на нее? Позволит ли ему это сделать уровень его технического развития? Да, это вполне возможно и на этот счет у меня нет никаких сомнений. Когда-то наступит момент,

когда человек сможет покорять космические дали не менее легко, чем морские дали, которые он бороздил в прошлом. Но вот в чем я действительно сомневаюсь, так это в том, что даже если человек найдет подходящую для жизни планету, научится строить космические корабли, способные летать от одной планеты к другой, он не сможет спасти все человечество. Спасутся единицы, возможно, самые богатые и влиятельные. Но большинство останется и дальше жить на Земле, и однажды встретят здесь свою погибель, погибель, которую можно было бы избежать.

— А ведь действительно не все спасутся, если что-то случится с Землей, — заметил Николас. — Миллиарды людей погибнут, самые бедные и даже те, что будут побогаче. Это же сколько надо космических кораблей, чтобы перевезти даже один миллиард людей, а их будет десятки.

— Теперь ты видишь, сколь ограничен человеческий разум при всех своих иных достоинствах? Он видит то, что у него перед носом, но не хочет посмотреть дальше, возможно и заглянуть за горизонт. Человек живет одним днем. Как не больно мне это признавать, но большинству из нас, людей разумных, плевать, что будет с планетой после их смерти.

— Я когда-то слышал слова, которые приписывают маркизе де Помпадур, любовнице Людовика XV: *Après nous le déluge*. Если перевести с французского, то получится: после нас хоть потоп.

— Даже не смотря на то, что маркиза сказала эти слова в столь далекие времена, они как нельзя лучше описывают отношение современного человека к миру, в котором он живет сегодня. Человеческий разум слишком эгоистичен, чтобы понимать всю ограниченность такого взгляда на жизнь. А ведь те, кто погибнет, будут их потомками, их пра-пра-пра-какими-то там внуками, их кровинкой, жизнь которой они убивают уже сейчас, в начале 21 века.

— Это действительно трагедия, — Николас казался приунывшим. Взгляд молодого человека заскользил по березам, окружавших их реденьким забором, по полям и лесам вдаль, вознесся к небу, удивительно нежному, чистому и светлому. Николас посмотрел на ладонь, на которой играли солнечные лучи, на молодые паростки травы, пробивающиеся из-под земли, муравьев, снующих под ногами. — На какой еще планете человек сможет найти такую

красоту?! — воскликнул Николас, пораженный открытием нового для себя мира. Осознания следовали за осознанием. Николас почувствовал, как затрепетало его сердце, отозвавшись на мысли, появившиеся в его голове. — Сможет ли он назвать другую планету своим настоящим домом, домом, где он родился, где жили его предки и могли бы жить его потомки, если бы... если бы... — Николас склонил голову над землей и обхватил ее руками. Слезинка скатилась по щеке молодого человека и упала на землю.

Легкая полуулыбка появилась на губах старика. Он понял, что сердце Николаса пробудилось и обрело новую жизнь. Старик чувствовал, как радуется его сердце, зная, что оно уже не одиноко в мире, где правит разум. Старик положил руку на плечо Николаса и слегка сдавил его.

— У нас еще есть время, чтобы не допустить того, что может произойти в будущем.

— Но что мы можем сделать?

— Будить человеческие сердца и верить, что разум человека когда-нибудь уступит желаниям сердца. До тех пор, пока в мире есть хоть один человек, живущий сердцем, надежда будет всегда. Поэтому не стоит расстраиваться, мой друг. Улыбнись миру и мир улыбнется тебе в ответ. Что бы ни происходило в твоей жизни, всегда улыбайся. Грустно на душе — улыбайся, боль терзает твое тело — улыбайся, разум рисует невеселые картины будущего или тянет тебя в прошлое — улыбайся. Живи сердцем, живи улыбкой, живи верой и надеждой. Тогда у твоего сердца не будет повода для грусти, не будет повода для страданий. Но будет очень много поводов для радости. Когда на твоём лице будет улыбка, когда лицо будет светиться от счастья, другие люди подойдут к тебе и обязательно спросят, что делает тебя таким счастливым. И когда ты скажешь им, что все это благодаря жизни сердцем, кто знает, может, услышав о жизни сердцем, они тоже захотят познакомиться с ней ближе. И тогда, передаваясь от одного человека к другому, жизнь сердцем восторжествует в этом удивительном мире. Зло, которое существует сегодня, уйдет в прошлое, не будет войн, не будет насилия и страданий, не будет ненужных смертей. Люди будут жить одной большой семьей, животные и растения станут частью этой семьи и не будут больше страдать из-за человеческого невежества и эгоизма. Я хотел бы жить в таком мире, и уверен, что каждый человек

на этой прекрасной планете хотел бы жить в таком мире. Именно к созданию такого мира и стремятся наши сердца. Наша же обязанность, как разумных существ, не препятствовать порывам нашего сердца создать идеальный мир, мир, в который мы приходили бы с радостью, а покидали с легкой грустью и чувством глубокого удовлетворения за ту жизнь, что осталась позади.

— Только сейчас, оказавшись вдали от цивилизации с ее иллюзией жизни, которая, я наконец-то понял, является не чем иным, как бессмысленной гонкой за вещами, бессмысленным поиском сиюминутных удовольствий, которые кроме разочарования ничего больше не приносят. Вот настоящая жизнь! — Николас вскочил на ноги и раскинул руки в стороны. — Жизнь, без никому ненужной гонки, жизнь в гармонии с природой и в гармонии с самим собой. Раньше мне казалось, что жизнь сердцем больше утопична, чем реальна. Теперь же я убежден, что она также реальна, как и эта березовая роща, в которой мы находимся. И вы тому наилучшее подтверждение, учитель. Я восхищаюсь вами, вашими мужеством, стойкостью и верой. Если мое сердце хоть немного обладает той мудростью, которая есть в вашем сердце, то я уже могу считать себя счастливым человеком. Я надеюсь, когда-нибудь и мое сердце будет также мудро, как ваше, учитель. Нет, я надеюсь, что этой мудростью будут обладать сердца всех живущих на Земле. И тогда действительно мир, о котором вы говорили, станет реальностью, только вот..., — Николас опустил на пенек, на котором сидел до этого, и улыбнулся, — только вот говорят, в этом году наступит конец света. Вы же читали ту книгу, которую я вам давал дома?

— Все это глупости, — улыбнулся в ответ старик. — Если бы человек меньше доверял мнениям, а больше себе, то ни о каком конце света даже не думал бы. Если где-то и наступит конец света, то в умах невежественных людей. Во что веришь, то и получишь, получишь иллюзию, которая скроет от тебя удивительную реальность, которой стоит наслаждаться, а не прятаться от нее в глухих дебрях невежественного разума. По правде говоря, мне жалко людей, которые верят в наступление конца света. Не ровен час, для них он, и правда, может наступить. Кто-то с испугу бросится с балкона, кто-то под машину или поезд метро, а кто-то объестся таблеток или вскрыет себе вены. И все из-за присутствующего им невежества. По большому счету

человек кончает жизнь самоубийством только из-за невежества. Это свойственно людям, которые живут разумом, но это недопустимо для человека, живущего сердцем. Я болен болезнью, которая часто становится причиной самоубийств. Другой на моем месте давно бы уже решил отправиться в мир иной. Конечно, и я вскоре отправлюсь туда, но только не по собственной воле. Я очень люблю себя, чтобы причинять телу страдания, лишая себя жизни. Любовь к себе заставляет меня любить и жизнь. Поэтому я безумно хочу жить, мой друг, — старик посмотрел на Николаса, чувствуя, как на глазах появляются слезы. — Да и как не хотеть жить, когда тебя окружает такая красота, — старик широким жестом руки обвел окрестности. — Как можно стремиться к смерти, когда твоя жизнь не пуста и не бессмысленна, когда ты всем сердцем жаждешь созидать, а не разрушать, когда ты идешь по жизни с улыбкой на устах и с солнцем в груди? Жизнь — это дар, который дается нам один раз. Желать себе смерти — не ценить этот дар, не ценить себя, не ценить то удивительное существо, познать которое нам пока что не дано. Сказать правду, никто не знает, что преподнесет нам будущее — конец света или начало чего-то нового. Но это не должно нас беспокоить, как минимум до того момента, когда это что-то наступит. Тревожиться о будущем также бессмысленно, как и погрязать в ловушках прошлого или настоящего. Жизнь такова, какой мы ее сами себе рисуем. Если видеть жизнь в черных тонах, такой она и будет, видеть в белых, такой она и будет. Какой видеть свою жизнь — выбор, по большому счету, всегда за нами. Главное сделать правильный выбор, тот, который наполнит твое сердце бурей восторга, океаном немыслимого счастья и волшебством настоящего удовлетворения.

— Пока что я не знаю, зачем пришел в этот мир, — Николас заскользил взглядом по небу. — Но и то, что я делаю сейчас, наполняет мое сердце непонятной для меня радостью. Такие ощущения могла бы испытывать рыба, выпущенная рыбаком назад на волю. Мне нравится видеть то, на что я никогда раньше не обращал внимания, так как считал, что есть нечто и поважнее всего этого, — Николас обвел взглядом окрестности. — Бизнес, деньги, друзья, девушки. Но черт подери! Ни бизнес, ни деньги, ни друзья, ни девушки не заставляли меня почувствовать то, что я чувствую сейчас — легкость жизни, радость от того, что я пришел в этот мир, от того, что видят мои глаза,

слышат мои уши, обоняет мой нос, чувствует моя кожа. Я словно заново родился! Как будто опять стал ребенком, у которого пока еще не украли его детство. Учитель, вы открыли мне глаза на жизнь, на мир. Merde! Да мне даже нравится та нищенская еда, которую я ем вместе с вами, — Николас рассмеялся и схватил в руки яблоко. — Кто мог подумать, что я смогу вот уже сколько времени обходиться без мяса?

— Я, мой друг, — улыбнулся старик. — Все зависит от твоего желания — если последуешь за своим сердцем, никогда больше не будешь есть мясо.

— Никогда?

— Никогда. Это не так уж и сложно, как может показаться. Я снова и снова готов повторять, что человек удивительное существо. Он способен на многое, если захочет. Отказ от употребления мяса — это мелочь по сравнению с тем, на что он способен, но часто и эту мелочь человек, погрязший в невежестве, не способен сделать. Человек стремится к удовольствию, а не к удовлетворению, к разумности, а не к мудрости, сеет зло, вместо того, чтобы сеять добро. В пору своего невежества, я часто слышал, какие муки испытывают животные, идущие на убой, в каких ужасных условиях их выращивают, но из-за разума, погрязшего в невежестве и эгоизме, был глух к словам и доводам других людей, людей более человеческих на то время, чем я. Но таких, каким я был тогда, сейчас миллионы. Эти люди едят плоть живого существа и даже получают удовольствие от этого. Это и не удивительно, ведь их невежественный разум ищет удовольствия, а не удовлетворение. Таким людям даже невдомек, что вместе с плотью в их организм проникает страх, боль и страдания убиенного животного. Я думаю, это одна из причин, почему люди так сильно погрязли в страданиях и страхе. Они наполнены страхом и муками животных, невинных животных, волею эгоистичного человека ставших пищей для него. Я верю, что это некое возмездие за зло, сотворенное человеком, когда он убил или съел невинного. Причем это возмездие, насылается на человека не кем-то там, а самим человеком, когда он идет на поводу у своего ограниченного разума. Человек сам себе судья и палач.

— Вы действительно верите в то, что вместе с плотью передаются те чувства, которые испытывало животное перед смертью? — Николас

казался растерянным. Его взгляд прыгал с одного дерева на другое, словно лягушка с кочки на кочку.

— Конечно! Ужас обреченной на смерть жертвы передается тому, кто вкусил ее плоть. Поглощая плоть, ты поглощаешь боль и страдания убиенного, чем обрекаешь себя на прижизненные муки.

— Но я часто слышал, что человеку жизненно необходим животный белок.

— Это говорят те, чей разум пропитан невежеством и эгоизмом, жаждой вкушать удовольствия, а не искать мудрости. Я не ученый, поэтому не могу говорить о том, что необходимо организму человека, а без чего он может обойтись, но я твердо верю в то, что матушка-природа, дав человеку доброе сердце, сердце, стремящееся к созиданию, а не разрушению, не могла не позаботиться о том, как такому человеку кормиться, причем кормиться так, чтобы не испытывать нужды в каких-либо важных для его организма веществах.

— Знаете, учитель, думаю, вы правы. У меня есть друг, индус. Он никогда не ел мяса. Меня это всегда удивляло. Я даже считал его ненормальным из-за этого, — Николас усмехнулся и виновато опустил глаза. — Он мне рассказывал, что его бабушке в этом году зимой исполнится сто восемь лет. Она тоже никогда не ела мяса, и дед его не ел и умер в сто два года. Я не поверил ему, видать из-за своего невежества. Кстати, он мне рассказывал такое, что вообще походило на фантастику. Говорил есть люди, которые вообще ничего не едят, питаются воздухом и живут годами. Как такое может быть?

— Все может быть, если руководствоваться не ограниченным разумом, а безграничным сердцем. Снова повторю, человек — уникальное существо. Это существо способно приспосабливаться к условиям. Вполне возможно, что можно приспособиться и так, что отпадет потребность в пище, каким бы это невероятным делом не казалось. Условия способны меняться, способен меняться и человек.

— Да уж, — пробормотал Николас и добавил весело. — Я тоже вот привыкать начал к условиям.

Николас принялся грызть яблоко, то и дело, поглядывая по сторонам.

— Эй, смотрите, — приглушенно воскликнул он, показывая пальцем в сторону молодых березок, выстроившихся в ряд недалеко от них.

Старик повернул голову и увидел парочку косуль. Животные вышли из рощи и принялись осматриваться.

— Разве эти милые животные достойны того, чтобы стать обедом или ужином человека? — старик смотрел на рыжих красавиц и улыбался. — Они слишком прекрасны для этого. К сожалению, их красота не остановит невежественного человека. Наоборот, послужит стимулом к тому, чтобы заполучить их в качестве охотничьего трофея. Насколько невежественным должен быть человеческий разум, чтобы разрушать то, что радует человеческий глаз своей красотой, наполняет сердце изумлением и восхищением.

— Они великолепны, — сказал Николас, наблюдая за косулями.

— Но они не будут такими, если станут мертвыми. Жизнь — вот, что наполняет их красотой. В смерти красоты нет, как и нет ее в трупах, вместилищах смерти. Жизнь наполняет красотой и нас, людей, но как часто мы забываем о той красоте, что находится внутри нас. И ради чего? Ради сиюминутного удовольствия, ради прихоти, способной убить в нас человека, великое существо с неограниченным потенциалом. А знаешь, мой друг, там, где царит жизнь, существует и красота. Посмотри на эти красивые березки, — старик кивнул в сторону молодых березок. — Разве были бы они красивы, будь они мертвы? Или эта трава, что у нас под ногами. Была бы она так очаровательна, если бы была мертвой? Не поэтому ли пустыни менее привлекательны, чем джунгли? Великая пустыня Сахара засыпана мертвым песком, поэтому и сама она мертва, джунгли же Амазонии покрыты живыми деревьями, которые и делают сами джунгли живыми. Сила в жизни и там, где прекращается жизнь, где наступает смерть, туда приходит запустение и унылость.

Старик посмотрел на косуль, щипавших траву на краю рощи, и улыбнулся.

— У меня возникла замечательная идея. Побудь тут, мой друг, — сказав это, старик отломал кусок хлеба, поднялся на ноги и не спеша двинулся к косулям.

Завидев старика, косули повернули к нему головы и наострили уши. Одна из косуль, с маленькими рожками на голове, развернулась и побежала к роще. Вторая же косуля посмотрела вслед первой и вновь устремила взгляд на приближающегося старика. На какой-то миг Николасу показалось, что животное вот-вот испугается и бросится

вдогонку за собратом, который достиг рожи и остановился, словно в ожидании.

Старик, вытянув руку с хлебом, медленно приближался к животному. Не больше десяти метров осталось до косули, когда она развернулась, готовая к бегству, но, услышав звуки издаваемые стариком, снова повернула к нему голову.

— Не стоит меня бояться, миленькая, — старик остановился недалеко от животного и улыбнулся. — Я не сделаю тебе больно. Я только хочу дать тебе хлебушка.

Николас с нескрываемым интересом наблюдал за стариком, гадая удастся ли тому приблизиться к животному. Он видел, как старик остановился в нескольких метрах от животного, вытянув руку, предлагая животному хлеб. Удивительно, но животное не убегало. Раз или два оно поворачивало голову в сторону собрата, словно ища у того поддержки, но убегать пока что не собиралось. Рот Николаса приоткрылся, когда он увидел, как косуля сделала несколько шагов в сторону старика и остановилась.

— Неужто подойдет? — пробормотал молодой человек, боясь оторвать взгляд от того, что происходило у него перед глазами.

Старик стоял спиной к Николасу, поэтому тот не видел, как шевелятся губы старика и не слышал его тихого, ровного и спокойного голоса, обращенного к животному.

Старик улыбался. Его голос, наполненный искренностью и добром, казалось творил чудеса. Косуля сделала еще несколько шагов в сторону старика, пугливо оглянулась и наклонила голову к земле. Коснувшись мордочкой травы, она мотнула головой и подняла ее верх. Ушки животного подрагивали, а взгляд был устремлен к старику и тому, что лежало у того на ладони.

— Не бойся, родная, — проговорил старик. — Я не заставлю тебя страдать. Верь мне. Если ты не веришь моим словам, поверь моему сердцу. Мы с тобой дети матушки-природы. Нам следует доверять друг другу, ведь матушка-природа наделила нас добрыми сердцами. Не бойся, милая.

Косуля сделала еще несколько шагов к старику. Николас с удивлением смотрел, как робкое животное приблизилось к старику и ткнулось мордочкой в раскрытую ладонь. Восклицание вырвалось с груди Николаса, когда он увидел, что животное все же подошло к

старика. Это могло бы показаться невероятным, если бы не было реальностью.

Сердце старика затрепетало. Солнце в груди засияло еще ярче.

— Вот видишь, милая, а ты боялась. Все будет хорошо. В этом чудесном мире еще есть люди, которые способны любить своих братьев меньших.

Животное доело хлеб и подняло голову. Взгляд устремился на старика. Старик протянул руку и коснулся головы косули. Животное ткнулось мордочкой старику в бок и принялось его обнюхивать.

— Еще хочешь, — догадался старик, тихо посмеиваясь, дабы не спугнуть животное. — Не взял я больше хлебушка. Кто ж знал, что ты не испугаешься?

Старик погладил животное по голове и произнес:

— Хорошая какая. Рожек нет, должно быть, девочка. Храбрая девочка. Не испугалась старика. Ну и правильно, старик и мухи не обидит, — старик почесал животному лоб и продолжил. — Хорошо тебе тут. Солнышко греет, чтобы тебе не было холодно, травка растет, чтобы ты не голодала, водичка течет, чтобы ты не испытывала жажды. Матушка-природа любит тебя, она позаботилась о том, чтобы тебе хорошо жилось в этом прекрасном мире. Ну, пойду я, а ты беги. Тебя вон дружок все никак не дождется. Пойди, расскажи ему, что люди не все жестокие, не все злые. Остались среди них еще те, кто желает вас видеть живыми и здоровыми, а не мертвыми. Беги, милая, беги, — старик похлопал животное по шее и развернулся, чтобы уйти.

Животное встрепенулось, ушки стали торчком, головка завертелась. Старик понял, что испугало животное, когда мгновение спустя услышал звук приближающейся машины. Животное посмотрело в ту сторону, откуда несся звук, бросило взгляд на старика и помчалось к роще, где вскоре и растворилось среди деревьев.

Старик посмотрел вслед убежавшему животному, улыбнулся и направился назад к Николасу.

Глава 11

Босоногий мудрец

— Как вам это удалось, учитель?! — воскликнул Николас, когда старик вернулся. — Я с трудом поверил своим глазам, увидев, как животное приблизилось к вам и начало есть из ваших рук. Вы ее околдовали что ли?

— Нисколько, — рассмеялся старик. — Мне самому трудно поверить, что это милое существо не испугалось меня и даже взяло хлеб из моих рук, но оно все же это сделало. Я думаю, животные чувствуют, когда к ним относятся по-доброму. Добро гонит страх и рождает в сердце уверенность. И человек также: если относиться к человеку со злом, страх станет его постоянным спутником, доверие умрет, и мир в глазах такого человека потемнеет, станет жестоким и злым. Видишь, мой друг, почему так важно нести добро в мир — неся добро, ты рождаешь в сердцах других людей веру в то, что мир — это все же прекрасное место для того, чтобы провести в нем всю свою жизнь.

— Вашими устами, учитель, глаголет истина, — Николас улыбнулся и посмотрел туда, где совсем недавно он видел косуль. — Что уж говорить, если из ваших рук едят дикие животные.

Звук мотора стал слышен отчетливее и вскоре старик увидел, как из рощи выехала машина и направилась в их с Николасом сторону.

— Ленд Крузер что ли, — пробормотал Николас, вглядываясь вдаль. — Неплохая машина. Самое то, ездить по лесам.

Когда машина подъехала ближе, старик разглядел в салоне четверку парней, одетых в камуфляжную форму.

— Здравствуйте, — машина остановилась возле старика и Николаса. Из окна показалась голова водителя, короткостриженного молодчика, крупнолицего, с плотным телосложением и глазами-пуговками. — Нам бы это... на трассу как выехать? Мы не местные. Мы эти... как их... охотники. Заблудились слегка.

При слове «охотники» старик почувствовал, как его тело задрожало, словно осиновый лист на ветру, а сердце защемило. Для него слово «охотники» были равносильны слову «убийцы», только

убийцами он их и воспринимал. Глядя на четверку в машине старик испытывал странное чувство, смесь негодования, разочарования, сочувствия и жалости к этим людям, живущими в угоду невежественному и эгоистичному разуму. И все же для старика даже эти люди были людьми, у которых, старик надеялся, все еще остались присущие человеку сострадание и доброта.

Старик посмотрел на водителя и спросил:

— Зачем вы убиваете?

Недоумение отразилось на лице водителя.

— Че за вопрос? Кого это я убиваю?

— Вы же охотник?

— И че?

— А охотник убивает.

— Не, дед, я чето недогоняю.

— Эй, Васек, — повернулся к водителю, сидевший рядом усач с копной рыжих волос на голове. — Че за треп?

— Колян, да хрен его знает, че за треп. Дед говорит, я кого-то убиваю.

— Дед, — Колян зыркнул на старика. — Че ты гонишь? Кого он убивает?

Старик вздохнул и сказал:

— Животных вы убиваете. Братьев наших меньших.

— А-а-а, — протянул Колян. — Ты бы так сразу и сказал, — Колян рассмеялся и хлопнул Васька по плечу. — Братьев своих меньших убиваешь Васек. Как нехорошо-то поступаешь. Ай-яй-яй.

Васек осклабился и повернул голову к старику.

— Дед, а ты че, этот... как его. Эй, Борька, — водитель обернулся. — Как этих клоунов зовут?

— Каких клоунов? — Борька оказался самым молодым из четверки, на вид ему было не больше двадцати пяти лет. Лысая голова блестела от пота, худое, болезненное лицо усеяли несколько прыщей, похожих на кротовни.

— Ну тех, шо защищают всех.

— Адвокаты что ли?

— Да сам ты адвокат! Не людей защищают, а животных.

— Хрен его знает. Лесники может.

— Да че ты треплешь? Те круче лесников. Оно по всему миру защищают. Животных типа, природу.

— Может гринпис, — Борька почесал подбородок и посмотрел на старика.

— Во! Они точно... Дед, ты гринпис?

— Нет, я человек.

— Ну так и мы человеки, — Васек хохотнул, массивная грудь заходила ходуном под рубашкой.

— Люди не убивают своих братьев. Настоящему человеку чуждо насилие.

— Дед, че ты заладил, убивают, насилуют? — Колян посмотрел на старика и скривился. — Жрать-то чето надо, правильно? Да и на кой хрен нужны твои братья меньшие, как не для еды человеков. Мы постреляли, порезвились, мяска напасли. Знаешь, какие шашлычки будут хорошие? Да с водочкой. Э-э-э, дед, ниче ты не понимаешь в колбасных обрезках, — Колян ухмыльнулся и оперся спиной о седушку. Зевнув, он мечтательно закатил глаза, представив то, о чем сказал.

Старик сокрушенно покачал головой. Что с такими говорить, если они не понимают, что творят? Легче общаться с животными, чем с такими людьми.

— Ну, че, дед-гринпис, ты нам скажешь, как на трассу выехать? — спросил Васек, поправляя переднее зеркало.

— Езжайте, как ехали, дорога выведет вас на трассу.

— Вот это нормальный базар, — Васек шмыгнул носом и добавил, ухмыльнувшись. — Гринпис е-ма-е.

Машина тронулась с места и, подымая клубы пыли, устремилась вперед. Старик посмотрел ей вслед, затем повернулся к Николасу.

— Видишь, мой друг, насколько невежественным может быть человеческий разум. Человек давно перестал быть обычным животным, живущим примитивными инстинктами, но многие этого не понимают, да и не хотят понимать, продолжают жить инстинктами дикого неразумного животного. Иногда мне кажется, что для человека нет ничего более важного, чем наполнить свой желудок. И ради этого он готов даже идти на убийство. Но есть ли разница в том, кого лишать жизни, человека или животное? Есть ли разница в том, кого заставлять

страдать, человека или животное? Есть ли разница в том, кого употреблять в пищу, человека или животное?

— Наверное, есть, учитель, — отозвался Николас.

— Нет, мой друг, нет никакой разницы, — грустная улыбка скривила губы старика. — Убийство есть убийство. Неважно кто жертва — человек или животное. Важно только то, что это живое существо, существо, способное испытывать страх, боль, страдание. Если ты убьешь человека, общество тебя осудит и накажет, но если ты убьешь животное, этого даже не заметят, а если и заметят, то воспримут, как само собой разумеющееся. Где справедливость? Невежественное общество рождает невежественного человека, а такой человек жаждет не справедливости, а удовольствия.

— Даже не знаю, что вам сказать, учитель.

— Знаешь, мой друг, какое свойство человеческого разума одно из самых опасных для того чудесного мира, в котором мы живем?

— Если вы мне скажите, то буду знать.

— Конечно скажу. Это лицемерие. Скажи мне, ты верующий человек?

Николас опустил взгляд к земле, будто пытался найти там ответ на вопрос старика.

— Ну да.

— И ты употребляешь в пищу живое существо.

— Употреблял, — улыбнулся Николас. — Как с вами связался, так перестал. Но как это связано с религией и лицемерием?

— Я все объясню, — улыбнулся в ответ старик. — В современном мире очень много верующих людей, не правда ли? Они ходят в церковь, молятся, соблюдают посты, празднуют религиозные праздники, но когда дело касается убийства живого существа, они вдруг забывают о своей вере. Ты помнишь десять заповедей?

— Не все, но некоторые помню.

— Не убий. Помнишь такую?

— Конечно.

— В Библии не сказано — не убий человека, сказано просто «Не убий», иными словами любое убийство — это грех. И, тем не менее, человек ради насыщения своего желудка убивает животных. Вот в этом я вижу лицемерие. Разве не будет лицемерием кричать на каждом углу о своей вере, а зайдя за угол — совершить убийство, неважно кого

— человека или животное. Убийство есть убийство. Лишая живое существо жизни ты становишься убийцей, бездуховным существом, не ценящим ни свою жизнь, ни жизнь другого. Даже животные, если убивают, то только ради пропитания или самозащиты. Даже они, которых называют неразумными, ценят жизнь, ведь жизнь — это самое святое, что есть в нашем прекрасном мире. Нет ничего более ценного жизни, — ни деньги, ни вещи, ни отношения, — ничто не может сравниться по ценности с ценностью жизни. До тех пор, пока невежественный человеческий разум этого не примет, наша родная планета и дальше будет захлебываться от крови, проливаемой каждый день из-за невежества человеческого разума. Но знаешь, мой друг, — старик перевел взгляд с земли на Николаса, — есть нечто, что намного хуже убийства.

— И что это?

— Когда-то я тебе об этом уже говорил. Не помнишь?

Николас задумался.

— Не могу вспомнить, — сказал он спустя мгновение. — Наверное, я невнимательно вас слушал, учитель.

— Здесь нет твоей вины, мой друг. Человеческой памяти свойственно забывать о важном и помнить о неважном... То, что страшнее убийства — это поощрение убийства. Миллионы людей сегодня из-за своего невежества являются не убийцами, а поощрителями убийства.

— Что вы имеете ввиду, учитель?

— Поедая плоть убиенного животного, нося одежду, сделанную из кожи животного, они тем самым поощряют убийц, компании, которые зарабатывают на убийстве животных деньги. Покупая плоть убиенного животного или одежду, сделанную из кожи животного, они как бы говорят: «Убивайте больше животных, ведь мы хотим вкусно питаться и красиво одеваться. С каждым днем нас рождается все больше, обеспечьте нас вкусной пищей и красивой одеждой, а мы отдадим вам за них свои деньги». Безумие. Многие люди не желают мараить кровью невинных животных свои руки, так как против этого восстает их сердце, и тогда, желая обмануть доброе сердце, они нанимают тех, кто ради денег способен закрыть глаза на желания своего сердца, таким образом, становясь заказчиками убийства. Те, кто питается плотью животного или носит одежду из кожи животного — это заказчики

убийства. Закажи они убийство человека, давно бы оказались в тюрьме, но животные, бедные животные, в человеческом обществе лишены какой-либо защиты. Каждый день их убивают тысячами, но никто на это не обращает внимания, ведь это же животные, тупые бессловесные твари, предназначение которых, по мнению человека, удовлетворять низменные желания самозваного владыки мира.

Взгляд старика скользнул к небу, затем спустился к земле, пробежал по траве и замер на ботинках старика.

— Что же ты творишь-то?! — воскликнул старик после минутной заминки.

Николас до этого мгновения слушавший старика, вперив взгляд в землю, поднял голову и посмотрел на старика в недоумении. Кроме его и старика здесь больше никого не было, поэтому молодой человек подумал, что восклицание старика касается его. Но нет, старик, казалось, совершенно забыл о нем, сосредоточив взгляд на собственных ботинках.

Старик заторможено смотрел на ботинки. Его лицо исказилось от ужаса и боли. Мгновение спустя он уже торопливо развязывал шнурки.

— Что вы делаете, учитель? — удивление застыло на лице Николаса.

— Избавляюсь от того, что делает меня заказчиком убийства! — воскликнул старик, сбрасывая с ног ботинки. — Они же сделаны из кожи! Как же я раньше не додумался до этого. Невежество все еще довлеет надо мной. Прости меня, прости, — забормотал старик, глотая слезы.

У Николаса сложилось впечатление, что последние слова старика были обращены к ботинкам.

— Но, — Николас открыл рот, закрыл его и снова открыл, став похожим на рыбу, вытасченную из воды. — Но, учитель, как... как вы будете ходить?

— Босиком, — старик вытер ладонью слезы с глаз и снял носки.

Теперь у Николаса не осталось сомнений в истинности стариковских намерений. На какой-то миг молодой человек забеспокоился, не сошел ли старик с ума? Но Николас быстро прогнал эти мысли, поняв, что старик делает то, что и должен делать человек, который живет сердцем. Разве ботинки на ногах старика, сделанные из

кожи животного, не противоречат жизни сердцем, жизни, направленной на созидание, а не на разрушение?

— Насколько же надо быть преданным идее, чтобы следовать ей не смотря ни на что, — подумал Николас, в который раз поражаясь мужеству и силе веры старика. — Или может это, всего лишь, безумие? Безумие старика, заболевшего смертельной болезнью, и теперь пытающегося хоть как-то зацепиться за жизнь... Нет, нет, — Николас мотнул головой, ни на миг не отводя взгляда от старика. — Если это и безумие, то я хотел бы, чтобы им заболело все человечество.

Николас упер локти в колени и закрыл нос ладонями. Взгляд его по-прежнему был устремлен на старика, на лице которого выражение ужаса сменилось радостью.

Старик поставил ноги на траву и теперь с улыбкой и любовью смотрел на них, наслаждаясь чувствами, возникшими в его груди. Ногами он чувствовал прохладу земли, чувствовал, как энергия земли передается ему, наполняя его сердце невероятным счастьем.

Старик поднялся на ноги и сделал несколько шагов по земле. Ступать он старался осторожно и в какой-то степени даже грациозно, словно боялся сделать больно траве, по которой ходил. Но волновался он зря, травинки под его ногами гнулись, но затем, едва старик делал шаг вперед, распрямлялась и вновь устремляли свои кончики к солнцу.

— Как же это прекрасно, — широкая улыбка сияла на лице старика. — И представить себе не мог, что это так прекрасно. Кожей ног ты чувствуешь каждую травинку, каждую веточку, каждый камешек. Ты как будто соединился с природой. Удивительное чувство. Оно заслуживает того, чтобы его испытывать ежедневно, ежечасно, даже ежесекундно. Как я раньше не додумался до этого? Теперь я, и правда, чувствую связь с природой. Словно дитя вернулось в лоно матери.

Улыбка появилась на лице Николаса, когда он в восхищении смотрел на старика, счастливого, радостного, в какой-то мере даже возвышенного. Таким Николас старика еще не видел. Кто бы мог подумать, что нищий, больной старик, которому и жить-то осталось неизвестно сколько, может быть настолько счастливым человеком. Как же он был не похож на всех тех людей, с которыми Николас был знаком. Как же он был непохож и на самого Николаса. С грустью

Николас подумал о том, что счастье, за которым он гнался всю свою взрослую жизнь, было, всего лишь, иллюзией счастья. Наблюдая за стариком, он понял, что этот кажущийся сумасшедшим старик прав, говоря, что истинное счастье не зависит от того, сколько денег у тебя лежит на банковском счету, какую одежду носишь, на какой машине едешь или как высоко ты поднялся по карьерной лестнице. У старика ничего не было, но он был счастлив. У него же было все, но вот счастье не спешило его посетить, особенно такое, как то, что переполняло в эти минуты старика.

— Сколько же мне предстоит еще узнать, прежде чем я наконец-то стану счастливым? — пробормотал Николас, наблюдая за стариком.

— Что ты говоришь, мой друг? — старик отвлекся от созерцания своих ног, услышав голос Николаса.

— Да это я сам с собой, — улыбнулся молодой человек. Улыбка получилась вымученная, грустные мысли все еще терзали сознание Николаса. Это не осталось незамеченным стариком.

— Почему ты так грустен, мой друг? Что беспокоит тебя? — участливо поинтересовался старик.

— Смотрю на вас, учитель, и понимаю, что вы самый счастливый человек на свете. Снова думаю, а смогу ли и я когда-нибудь стать таким же счастливым, как вы?

— Быть счастливым несложно, если жить сердцем, — ответил старик, подойдя к Николасу. Положив руку ему на плечо, старик продолжил. — Я живу сердцем, и это наполняет мое сердце счастьем, счастьем настолько невероятным, что порой мне кажется, что сердце не выдержит и разлетится на кусочки, — старик рассмеялся и провел раскрытой ладонью перед собой, охватывая жестом пространство вокруг. — Когда ты начинаешь жить сердцем, твое сердце раскрывается навстречу окружающему миру, энергия сердца выплескивается наружу и соединяется с энергией окружающего мира, благодаря чему происходит обмен энергией. Ты становишься еще счастливее, еще жизнерадостнее, чем был раньше. Твое сердце готово взорваться от переполняющей его энергии. Это удивительное чувство. Я хотел бы, чтобы каждый человек на нашей чудесной планете смог испытать то, что чувствую я. Поверь, мой друг, это чувство заслуживает того, чтобы его испытать.

— Глядя на ваше сияющее лицо, я в этом даже не сомневаюсь, — улыбнулся Николас. — И все же..., - взгляд молодого человека устремился вдаль, туда, где небо соединялось с горизонтом.

— Что «и все же», мой друг?

— И все же я думаю, а может вы один такой... такой...

— Сумасшедший? — веселая улыбка появилась на лице старика. В его глазах блеснул озорной огонек.

— Нет, нет, что вы, учитель.... Может только вам дано узнать, что такое счастье? Может тот, кто послал вам болезнь, решил таким образом... как бы это сказать... поделиться с вами истиной, чтобы скрасить, что ли, ваши последние дни на этой планете, — Николас скривился так, словно проглотил какую-то гадость. Ему показалось, что последними словами он мог обидеть старика. Но старик лишь шире улыбнулся.

— Я чувствую, что ты сейчас думаешь разумом, а не сердцем. Разум ограничивает человека, его мысли и поступки, сердце же не приемлет никаких ограничений. Когда ты говоришь, что только я способен познать истинное счастье, ты ошибаешься, но что хуже всего, ты унижаешь себя и других людей. Нет никого хуже или лучше меня или тебя, мой друг, ведь рождаясь, мы имеем только чистый лист бумаги, на котором нам суждено творить свою жизнь. В большинстве случаев шансы у всех равны. Могут у кого-то быть какие-то физические недостатки, но надо просто научиться справляться с тем, что у тебя есть, свою слабость превратить в силу. Это трудно, но осуществимо, надо всего лишь довериться своему сердцу и тогда будет легче. Так или иначе, но каждый человек уникален. У каждого есть что-то, что отличает его от другого человека и, тем не менее, сердце у нас одно. Я имею в виду то, что нашему сердцу свойственно испытывать одинаковые чувства — счастья, удовлетворения, сострадания или любви. Все мы хотим быть счастливыми, получить от жизни удовлетворение, любить, не правда ли? — старик мягко улыбнулся и коснулся рукой головы Николаса. — Но... но не все мы готовы быть такими, мой друг. Недостаточно одного желания для того, чтобы испытать истинное счастье. Ты, мой друг, как и любой другой человек на этой удивительной планете, можешь узнать, что это такое только тогда, когда ты будешь готов к этому. Этого не произойдет сейчас, завтра или через неделю, но рано или поздно это обязательно

произойдет, если, конечно, ты изо дня в день будешь стремиться к тому, чтобы в один прекрасный день обрести истину, которая перевернет твою жизнь. И когда это случится, ты узнаешь, что такое истинное счастье. И тогда у тебя появится еще один день рождения, день, более важный, чем тот, когда ты пришел в этот невероятный мир.

— Но случится ли это?

— Если будешь слушать свое сердце, случится, — старик кивнул и улыбнулся.

— За последние дни я многое что понял, но многого еще не понимаю, — задумчивый взгляд Николаса переместился на старика. — Я хотел бы жить сердцем, но..., - Николас замялся и опустил глаза.

— Но..., - старик ободряюще улыбнулся. — Продолжай.

— Но, если честно, я боюсь.

— Боишься? — старик удивленно вскинул бровь. — Чего же ты боишься, мой друг?

— Боюсь... боюсь показаться сумасшедшим.

— Ах вот в чем дело! — воскликнул старик и рассмеялся. — Посмотри на меня, мой друг. Как ты думаешь, сильно ли я беспокоюсь о том, что подумают обо мне другие люди?

— Как по мне, вы вообще об этом не беспокоитесь, учитель, — Николас посмотрел на старика и улыбнулся.

— Как ты думаешь, мой друг, что лучше: быть счастливым или таким как все?

— А вариант «быть счастливым, как все», прокатит?

— Хороший вариант, — кивнул старик, — но осуществимый ли? Всегда найдутся люди, которые будут чувствовать себя неудовлетворенными и несчастными. Они всегда будут обвинять и завидовать. Иными словами, всегда найдутся люди, которые будут жить разумом. Каким бы я ни был оптимистом, но я хорошо осознаю, что жить сердцем — это удел, хотелось бы сказать многих, но скажу то, что чувствую, — немногих. Жизнь сердцем требует изменений, изменений себя, своего мировосприятия, но человеческий разум боится каких-либо изменений, так как убежден в том, что изменения влекут за собой страдания и боль. Часто так и происходит, не спорю, особенно тогда, когда ты начинаешь жить сердцем. Но с этим стоит сразу смириться, принять как данность, так как в нашем обществе, обществе поощряющем жизнь разумом, жить сердцем без страданий и

боли не получится, по крайней мере, какой-то период времени. Условия, созданные в нашем обществе, по большому счету, созданы для людей, живущих разумом. Но это не должно пугать человека, решившего жить сердцем, так как однажды наступит время, когда жизнь сердцем сделает этого человека независимым от каких-либо условий, а главное, он получит то, к чему стремится его сердце — счастье и удовлетворение прожитой жизнью. Полагаю, это достойная награда за храбрость, проявленную когда-то человеком, последовавшим зову своего сердца.

— Более чем, — вздохнул Николас. — Только вот понимание этого не избавляет меня от страха и сомнений.

— Жизнь сердцем — это выбор, — сказал старик. — Более того — это выбор, для которого надо созреть. Как желудю надо время, чтобы стать дубом, так и человеку требуется время, чтобы осознать необходимость для него жизни сердцем. Принять решение жить сердцем — это не одно и то же, что принять решение пойти в магазин за продуктами. Оно больше похоже на решение переехать жить в другую страну, поэтому нет нужды торопиться, бояться или сомневаться. У тебя еще вся жизнь впереди. Когда ты действительно захочешь жить сердцем, ты начнешь жить сердцем. Страх не будет, сомнений не будет, — ничего не будет из того, что способно помешать тебе жить сердцем. Сейчас же просто наблюдай за мной, учись и когда-нибудь ты узнаешь, что такое жизнь сердцем, жизнь, которая дарит человеку счастье и удовлетворение даже тогда, когда мир рушится на твоих глазах, а смерть дышит тебе в спину и готова вонзить в нее свои когти. Наберись терпения. Если ты действительно что-то хочешь, обязательно это получишь. Вот эти слова тебе стоит хорошенько запомнить.

— Я запомню, учитель. Запомню, — сказал Николас, роняя голову на руки и запуская пальцы в волосы.

Глава 12

Яблочное семя

Старик сидел на берегу Ворсклы и работал над рукописью. Николас полулежал рядом и листал недавно купленный на заправке журнал. Дни бежали за днями, а они со стариком все еще были в пути. Расстояние от Кременчуга до Полтавы было не очень большим и проходя по десять километров в день, они давно уже могли быть в Полтаве, но старик не хотел никуда спешить, наслаждаясь минутами, а то и часами единения с природой. В те минуты, когда старик не работал над рукописью, он подолгу сидел на земле и задумчивым взглядом скользил по окрестностям. В такие минуты лоб его морщился, брови вздрагивали, а пальцы рук устремлялись к бороде и начинали теревить ее. Старик погружался в себя, отстранялся от окружающего мира и мог бы сойти за каменное изваяние, если бы не движение пальцев среди волосков бороды.

С каждым новым днем старик становился молчаливее. Если раньше он мог разговаривать с Николасом часами, то сейчас часы сократились до минут. В конце концов, Николасу стало скучно. Мысли о том, что пора оставить старика и вернуться домой к нормальной жизни, стали частыми посетителями его сознания, но дальше мыслей дело не заходило. Николас понимал, что оставить больного старика одного, если бы даже и захотел, то не сможет. Его сердце все чаще подававшее признаки жизни не позволило бы ему совершить столь жестокий и бесчеловечный поступок. Поэтому Николасу ничего не оставалось, как бороться со скукой с помощью журналов и газет или по примеру старика раздумывать о собственной жизни. Но в отличие от старика Николасу не хватало терпения уделять этому занятию много времени и тогда он снова возвращался к чтению журналов и газет.

Когда же и журналы с газетами становились ему безразличными, он откладывал их в сторону и скользил взглядом по необъятным просторам его второй родины. Он давно жил в Украине, но только сейчас, когда вместе со стариком стал колесить по дорогам этой страны, понял, что истинная Украина не в городе, а за его пределами, среди множества сел с покосившимися от времени хатами, красивыми

садками и дряхлыми стариками и старухами, сидящими на лавочке у ворот своего поместья и провожающими тебя любопытными взглядами, среди бескрайних полей, где жужжат над клевером пчелы, стрекочут в траве кузнечики и носятся в воздухе майские жуки, среди густых зеленых лесов, лесов настолько тихих, что падение старого дерева воспринимается как выстрел из пушки.

В такие минуты Николас часто вспоминал родную Францию с ее великолепными альпийскими лугами, живописными долинами, изумительными виноградниками и тихими деревушками. И тогда Николас понимал, что истинная Франция это не роскошные Елисейские поля или строгая Триумфальная арка, не собор Нотр-Дам-де Пари, не самый известный в мире музей — Лувр и не неподобный Версаль. Как и в Украине, истинная Франция находится не в городах, а за их пределами, вдали от искусственной городской жизни.

В конце концов, Николасу пришлось мысленно поблагодарить старика за то, что тот позволил ему сопровождать его в Полтаву. Николас понимал, что если бы не старик, ему еще долго пришлось бы жить в неведении о том, что за порогом дома находится мир, от созерцания которого сердце наполняется радостью.

Шорох отвлек Николаса от чтения журнала, заставив его посмотреть на старика. Тот отложил в сторону тетрадку с ручкой, поднялся с земли и направился к реке. У реки он опустил на колени и зачерпнул пригоршню воды, после чего поднес ее к лицу и ополоснул его. Поднявшись на ноги, старик какое-то время смотрел на реку, затем, почувствовав слабость сел на землю и закрыл глаза. Тошнота подкатила к горлу старика, а правом подреберье ожила боль. Старик склонился над рекой и его вырвало.

— Я ж и не ем почти ничего. Откуда же оно все берется? — пробормотал старик, вытирая губы.

Взгляд его помутнел, тело прошиб пот, руки задрожали, словно у алкоголика.

— Учитель! — Николас подбежал к старику и склонился над ним. — Что с вами?!

— Все то же, мой друг, все то же, — ответил старик, чувствуя новые позывы к рвоте.

Тело старика сотряслось. Николас заметил, как река поглотила кроваво-желтое пятно стариковской рвоты. Николас коснулся рукой

спины старика и ощутил жар, исходящий от его тела.

— Учитель, вам срочно надо к врачу.

— Нет, мой друг, — старик зачерпнул ладонью воду и брызнул ею на разгоряченный лоб. — Мне уже никакой врач не поможет. Я хочу, чтобы ты запомнил то, что я тебе сейчас скажу, — старик омыл водой лицо и отвернулся от реки. Тошнота отступила, но боль все еще была здесь. Старик чувствовал, как она, словно огонь, в который бросили поленья, пылает все ярче и ярче. В правом подреберье, а теперь вот уже под самой грудью.

Режущая и беспощадная, боль грозила заполнить собой каждую клеточку стариковского тела. Но старик не боялся ее. Он почувствовал, как в груди, ближе к сердцу, нарождается новый огонь, огонь настолько мощный, что его пламя было бы способно сжечь иссушенное тело старика, если бы это был настоящий огонь. Но этот огонь имел иную природу, не физическую, а духовную. Это был светлый огонь, он не обжигал, не ранил, не причинял боль и страдания, как тот, что терзал его правую часть тела. Нет. Это был другой огонь, огонь, который наполнил старика верой, добавил ему сил, избавил от страха. Нет, ему еще рано было умирать. Его время еще не пришло.

Старик наполнил грудь воздухом и вытер рукавом пот со лба.

— Я хочу, чтобы ты знал, что у нас внутри есть силы, способные излечить нас от любых болезней, — старик посмотрел на Николаса и улыбнулся сквозь боль, терзавшую его тело. — К сожалению, я это осознал слишком поздно, чтобы излечить себя. К счастью, я это все же осознал и своими знаниями могу поделиться с людьми. Силы, которые дремлют внутри нас и которые только и ждут момента, чтобы прийти к нам на помощь, находятся в нашем сердце. Жизнь сердцем помогла мне понять это, чему я несказанно рад. Поверь мне, эти силы способны излечить нас от любой болезни, если мы только поверим в их существование, доверимся своему сердцу. Я всегда говорил, что человеческий организм — это уникальный организм, организм с невероятными способностями, о которых большинство из нас, людей, даже не догадываются. Когда люди смотрят в зеркало, они видят свою физическую оболочку и думают, что вот эта оболочка это и есть они. Но это не так. Физическая оболочка — это всего лишь оболочка, это

как кожура у яблока или у апельсина... У нас остались еще яблоки? — старик встрепенулся и посмотрел на Николаса.

— Парочка должна быть. Вы хотите яблоко, учитель?

— Мой друг, принеси мне, пожалуйста, яблоко. Я хочу поделиться с тобой истиной, одной из главных в жизни, если не самой главной.

— Сейчас принесу, учитель, — Николас развернулся и направился к кульку с продуктами. Найдя среди остатков продуктов яблоко, он вернулся к старику.

— Возьмите, учитель, — Николас протянул старику яблоко. — Но его стоило бы помыть. Оно грязное.

— Это неважно, мой друг, я не собираюсь его есть. Садись рядом. Я хочу, чтобы ты видел все, что я буду тебе показывать.

Николас опустился возле старика на ягодичы. Взгляд его перебегал с лица старика на яблоко в его руках. Старик казался слегка взволнованным. Глаза его раскрылись, в них заплясали огоньки, очень похожие на те, что появляются в глазах безумцев. Таким Николас видел старика редко, только в минуты озарений, поэтому быстро понял, что то, чем хочет поделиться с ним старик очень важно.

Старик покрутил яблоко в руках, словно примеряясь с какой стороны лучше вонзить в него зубы, после чего поднес яблоко к глазам и замер.

— Вот эта шкурка, — старик постучал указательным пальцем по яблоку, — как наша кожа, наша физическая оболочка, она ценна, так как защищает то, что находится внутри, но то, что находится внутри — намного ценнее, чем то, что находится снаружи, — старик ухватился двумя руками за яблоко, напряг мышцы и разломал яблоко пополам. — То, что находится внутри — это первооснова всего, это то, что рождает жизнь, то, без чего жизнь невозможна. Вот эта мякоть, — старик провел пальцем по белой мякоти яблока, — это наши мышцы, ткани, они также защищают то, что находится внутри, то, что находится еще глубже, скрыто от глаз под кожей и мышцами. А вот и суть всего, первоисточник, из которого рождается жизнь, — старик достал из яблока яблочное семя и сжал его двумя пальцами, большим и указательным. Положив яблоко на землю, он продолжил:

— Вот из-за чего весь сыр-бор. Вот, что скрывается от посторонних глаз. Вот где скрывается сердце яблока, которое его питает и дает ему жизненные силы. Вот что такое человеческое

сердце, которое питает человека и дает ему силы справиться со всеми жизненными трудностями, будь это поиск счастья или болезнь. Но это еще не все, — старик разломал семя и положил на ладонь белую кашицу. — Вот. Это и есть истина, которую должен узнать мир. То, что скрывается внутри яблочного семени, как и внутри человеческого сердца, и есть те силы, о которых я говорил, силы, благодаря которым можно излечиться от болезни, стать пророком или даже богом. И что не менее важно, именно эти силы соединяют нас с матушкой-природой, через них мы получаем от нее помощь и поддержку, подпитываемся ее энергией.

— Но что это за силы, учитель? — Николас казался растерянным. — Я никак не могу понять, о каких силах вы говорите? Как узнать их?

— Тебе трудно понять, так как эти силы невидимы. Их нельзя увидеть, как эту кашицу на моей ладони, их можно только почувствовать, но чтобы их почувствовать, надо жить сердцем. Видишь, все в этом чудесном мире упирается в жизнь сердцем, в истоки, соединяющие нас с матушкой-природой. Мне легко понять то, о чем я говорю, так как я живу сердцем, чувства раскрыли передо мной мир, о существовании которого я раньше и не догадывался. Поэтому не почувствовав ты не сможешь понять то, о чем я говорю, но сейчас это неважно. Главное, что ты знаешь о том, что внутри нас дремлют силы, способные исцелять, вдохновлять, направлять. Когда-нибудь ты поймешь, о чем я говорю, сейчас же тебе достаточно просто знать, — старик лег на траву и закрыл глаза. — Сейчас я хочу немного поспать, мой друг. Сон — это то лекарство, которое сейчас мне необходимо больше всего. Немного посплю, и пойдем дальше.

Николас смотрел на старика и думал о том, что тот ему сказал. Он действительно не понимал, о каких внутренних силах говорил ему старик. Может старик все же прав, говоря, что всему свое время и когда-нибудь он обязательно обо всем узнает.

Николас поднял с земли половинку яблока и принялся за ее изучение. Шкурка, мякоть, семя. Достав из яблока семя, он поднес его к глазам и принялся рассматривать. Совсем обычное, ничем не примечательное, коричневое, каплевидное. Таких семян он видел тысячи за свою жизнь. Николас вспомнил, что кто-то ему рассказывал, что мыши, чтобы добраться до семян, прогрызают в яблоке дырку. Они

не едят яблоко, но стремятся съесть его семя, так как оно очень полезное, — Николас разломал семя и высыпал его содержимое на ладонь, затем поднес ладонь ко рту и слизнул кашицу языком.

— Горькое, — подумал Николас, чувствуя горечь на языке и добавил тихо вслух, так, чтобы не потревожить сон старика. — Забавно. Мыши не хотят есть сладкую мякоть яблока, но стремятся съесть его горькие семена, стремятся добраться до того, что как говорит учитель, сокрыто от посторонних глаз. Интересно, а что же делает человек? В отличии от мышей он с удовольствием поедает сладкую яблочную плоть, но не обращает внимания на горькие яблочные семена. О чем это говорит? Что бы сказал по этому поводу учитель? — Николас задумался. Взгляд его перебежал с яблочной мякоти на яблочное семя, с яблочного семени на яблочную мякоть. — Мда, — пробормотал он разочаровано. — В размышлениях я не так силен, как учитель. И все же это должно что-то означать. Почему глупые мыши стремятся добраться до семени, а умный человек игнорирует его, довольствуясь мякотью? Учитель наверняка пришел бы к какому-то ответу. Надо будет спросить у него, когда он проснется, — Николас поднялся на ноги и вернулся к тому месту, где оставил журнал. Пока старик спит, он может почитать. — И все же, как учитель приходит к этим своим истинам? — пробормотал Николас, усаживаясь на землю и беря в руки журнал. — Почему у меня это не получается? Может из-за того, что я не готов к этому? Забавно, однако.

* * *

Старик проспал несколько часов. Когда же он проснулся, то почувствовал себя значительно лучше. Как всегда сон для него оказался тем лекарством, которое было способно снова поставить его на ноги. Старик поднялся с земли и улыбнулся, увидев недалеко от себя спящего Николаса.

— Неужто это я так утомил его своими истинами? — подумал старик.

Он снова улыбнулся, затем подошел к реке и умылся.

— Теперь, и правда, чувствую себя намного лучше, — сказал он, разглядывая свое отражение в воде. — Никто не способен вернуть

человеку жизненные силы, никто кроме него самого и матушки-природы... Неплохо было бы тебе, мой друг, расчесать бороду, а не то этот дремучий лес скоро станет непроходимым, — старик хихикнул и коснулся рукой отражения длинной бороды в реке. Круги побежали по воде, едва его рука погрузилась в воду. — И помыться тебе было бы неплохо, — сказал старик, учуяв запах пота, исходящий от тела. — Последний раз ты мылся у Николаса дома, а это было давненько. Любить себя — значит любить и свое тело, а любит ли человек свое тело, если содержит его в грязи? Другое дело, если негде помыться, но тебе-то есть где, — старик взглянул на реку перед собой. — Так что, давай, снимай с себя тряпье и шагом марш в воду омыwać свои стариковские телеса. Держишь в чистоте нутро, изволь держать в чистоте и тело.

Старик сбросил с себя одежду и ступил в воду. Несмотря на то, что солнце стояло высоко и хорошо прогревало воздух, вода была холодной. На какой-то миг разум старика засомневался в целесообразности омовения, но старик быстро справился с сомнениями, отошел дальше от берега и погрузился в воду по шею. Холодная речная вода огнем обожгла тело, но старик не испугался холода. Губы его тронула довольная и гордая улыбка — он снова победил трусливый разум. Теперь ему это удавалось делать намного чаще. За последние месяцы старик научился контролировать разум, и хотя тот все же время от времени пытался бунтовать, пробуждал к жизни страхи, сомнения, лень, старик все равно выходил победителем из противостояния с разумом. Тому ничего не оставалось, как смириться с поражением и лелеять надежды на то, что в следующий раз ему удастся победить. Но наступал следующий раз, и разум снова оказывался повержен стариковским сердцем, которое с каждой новой победой становилось все сильнее и сильнее.

Старик оттолкнулся от дна и, загребая воду руками, поплыл вдоль берега. На сердце у него было радостно и светло. Он ощущал странную легкость в теле. Оно казалось ему таким же невесомым и легким, как перышко. Минуты проходили за минутами, а старик все плавал в речке, погрузившись в водоворот ярких ощущений. Только когда холод крепко-накрепко сковал его тело, а усталость бетоном надавила на его мышцы, старик выбрался из воды и, дрожа от холода,

принялся вытирать тело рубашкой. Одевшись, старик прилег на траву и принялся наблюдать за облаками, улиткой ползущими по небу.

Проснулся Николас. Поднявшись на ноги, молодой человек потянулся. Услышав кряхтение Николаса, старик перевернулся на другой бок и посмотрел на молодого человека.

— Ты уже проснулся, мой друг? Надеюсь, твой сон был крепок?

— Настолько, что я даже не помню, что мне снилось, — улыбнулся Николас. — Как вы себя сейчас чувствуете, учитель?

— Сон хорошо подействовал на меня, настолько, что я даже искупался в реке.

Николас бросил взгляд на реку, затем перевел его на старика.

— Искупались? Как по мне, с этим вы поспешили. На дворе только май месяц, так и заболеть можно.

— Все возможно, — пожал плечами старик. — Но будем верить, что этого не произойдет. Мне захотелось освежить тело, смыть грязь и пот. Любовь к себе требует чистоплотного отношения к телу. Заботится о внутренней чистоте и брезговать внешней — лицемерие.

— Здесь вы правы, учитель. Походить на зловонную яму как-то не очень хорошо. Мне бы тоже следовало помыться, только вот лезть в холодную воду... Бррр... Меня уже от одной мысли об этом бросает в дрожь.

— Водичка, и правда, прохладная, — кивнул старик, — но иногда нам приходится делать то, что не хочется, приходится переступить через себя. Часто только так можно достичь желаемого. Пожалуй, одно из лучших свойств нашего разума — сила воли. Именно она заставляет нас делать то, что необходимо, когда нет желания это делать.

— Но не будет ли делание того, что тебе не хочется насилием над собой?

— Не думаю. Все зависит от того, какие у тебя намерения — направлены они на созидание или на разрушение. Делая себя сильнее, более стойким — это созидание. Проявляя силу воли, ты не разрушаешь себя, свое тело, но благодаря этому становишься лучше. Страдания, которые могут возникнуть при этом — не разрушают тебя, а закаляют, совершенствуют.

— Я так понимаю, вы хотите, чтобы я полез в воду, — Николас скривился, взглянув на реку.

— Не важно, чего хочу я, — отмахнулся старик. — Важно чего хочешь ты и что ты готов сделать для того, чтобы получить желаемое. Не бойся испытать страдание, особенно такое, которое направлено на созидание.

— Мне как-то трудно принять мысль, что страдание способствует созиданию.

— Часто это так, но еще чаще страдание — это иллюзия, которую создает невежественный разум, чтобы остаться на том уровне развития, на котором он находится в данное время. Поэтому очень часто страдание — это благо, только воспринимаемое разумом как зло.

— Страдание — это благо. Никогда так не думал.

— Более того, страдания — это необходимость, без которой жизнь невозможна. Страданий не стоит бояться. Их надо просто иначе воспринимать, воспринимать не как страдания, не как нечто негативное и ужасное, а как силу, движущую тебя вперед, ведь по большому счету так и происходит. Давай я покажу тебе это на примере, мой друг. Вот скажи мне, хочешь ли ты быть здоровым, жить долго и умереть от старости, а не от болезней?

— Хотелось бы, — сказал Николас.

— Хорошее желание, но это всего лишь желание. В современном мире быть здоровым трудно, так как большая часть того, что создается, направлена не на поддержание человеческого здоровья, а на его ухудшение.

— Что вы имеете ввиду?

— Хотя бы продукты питания, которыми сегодня завалены продуктовые супермаркеты. Много ли ты там сегодня найдешь продуктов, которые помогут тебе сохранить здоровье на долгие годы? Единицы. Овощи, фрукты, крупы. Хотя и овощи с фруктами, говорят, уже не те, что были раньше, много в них разных гадостей, которые убивают наш организм. Но еда не должна убивать нас, мой друг. Еда — это то, что нас питает, наполняет энергией и способствует жизни, а не приближает смерть. Но люди этого не понимают, они по привычке гонятся за удовольствиями и мало обращают внимания на вредность или полезность того, что они едят. Люди не любят себя, иначе они бережно относились бы к своему телу. В своем невежестве они не понимают, что то, что они суют себе в рот, может и убивать. Стоит ли удивляться тому, что в современном мире больных людей больше, чем

здоровых. Жили бы люди сердцем, и сами были бы здоровы, и планета была бы здорова. А так, — старик вздохнул и потупил взгляд в землю. — Что поделаешь, мы живем в мире людей живущих разумом... Или вот возьми автомобиль, — старик поднял глаза на Николаса. — Это изобретение способствует здоровью? Если бы. Человек должен двигаться, если хочет долго радоваться жизни, а не проводить большую часть жизни в сидячем или лежащем положении. Но как я говорил, человек живет разумом, он ленив и невежественен. Ах, какой может быть жизнь, если жить сердцем! — воскликнул старик и хлопнул ладонями по коленям. — Каким бы невероятным был мир! Когда я думаю о мире, в котором мы все можем жить, на мои глаза наворачиваются слезы и мне хочется плакать от радости, настолько прекрасен этот мир. Если бы только человек начал жить сердцем. Ах, если бы он только начал жить сердцем! — старик заломал руки и устремил взгляд на небо. — Чтобы это была за жизнь, — старик покачал головой и посмотрел вдаль, после чего вытер слезы, заблестевшие в уголках глаз, и повернулся к Николасу. — Но давай вернемся к нашим баранам, — старик улыбнулся.

— К каким баранам? — не понял Николас.

— Не обращай внимания, мой друг. Так говорят, когда отвлекаются от основной темы. Сегодня чтобы быть здоровым надо страдать. Что я имею ввиду? Надо следить за тем, что ты ешь, больше двигаться или заниматься зарядкой, а для этого надо заставлять себя делать вещи, которые мало кто хочет делать. Поэтому отказ от вредной еды будет расценен разумом, как действие, которое приведет к страданиям, ведь придется отказаться от огромного количества всяких вкусовностей, которыми ты наслаждался раньше. Или вот делать зарядку. Мало кто хочет ее делать, ведь надо заставлять себя каждый день делать то, что совершенно не хочется делать, да и удовольствия от этого занятия можно не получить. Поэтому я и говорю, что для того чтобы быть здоровым надо страдать, надо преодолевать сопротивления своего ленивого и невежественного разума. В действительности, страданий-то здесь никаких и нет. Есть всего лишь сопротивление разума делать что-то непривычное или даже болезненное, например, какое-то физическое упражнение. Как видишь, страдания — это иллюзия, это результат восприятия нашим разумом реальности.

— А как же страдания людей, которые теряют близких, людей, которые болевают неизлечимыми болезнями или терпят нужду?

— Человек — это существо, которое очень хорошо приспособливается к окружающим условиям. Но он не только приспособливается к ним, но и привыкает. Привыкает к людям, к вещам, к еде. Когда ситуация меняется, например, близкий человек умирает, человеческий разум впадает в ступор, он шокирован, ситуация вышла из-под контроля, она изменилась, то к чему ты привык, исчезло из жизни. В результате человек страдает. Здесь также большую роль играет восприятие человека. Если человек воспринимает ситуацию как трагедию, то для него это трагедия.

— Но как же не воспринимать смерть дорогого человека, как трагедию? Ведь это и есть самая настоящая трагедия.

— Повторю, если воспринимать ситуацию, как трагедию, она и будет трагедией. Смерть близкого человека — это трагедия для того, кто видит в этом трагедию. Трагедия — это результат восприятия, сила привычки, возможно, страх за будущее, напоминание о том, что все мы смертны. Поэтому чтобы видеть не страдание, а радость, нам следует иначе смотреть на мир, смотреть более мудро, смотреть с пониманием, что ничто не вечно, кроме вечности. Все течет, все меняется. Жизнь — это не результат, жизнь — это путь. Поэтому столь важно жить сердцем, находиться все время в движении, а не стоять на месте.

— Учитель, но как можно воспринимать смерть близкого человека, как радость?! — воскликнул Николас. — Да и не сердце ли страдает, когда умирает близкий человек?

— Я не говорю, что смерть близкого человека должна вызывать у нас радость, мой друг, хотя кто-то может воспринять это и как радость. Я говорю лишь о том, что то, над чем мы не властны, не должно заставлять нас страдать, не должно восприниматься нами, как наступление трагедии, ведь все в этом мире есть результат нашего восприятия. Страдать или нет — это мы выбираем самостоятельно. А что касается страданий сердца, то большая часть страданий в нашей жизни — это иллюзии страдания, которыми нас награждает разум из-за своей пугливости или привыкаемости. Когда умирает близкий человек, как раз страдает не сердце, а разум. Разум отказывается понимать и принимать, поэтому и страдает. Сердце же не страдает, так как понимает и принимает. Сердце сострадает, а лучше сказать,

сочувствует, то есть понимает чувства другого, но не страдает вместе с ним, так как оно знает истину, оно мудро и стремится к счастью, а не к иллюзорному страданию, к движению, а не к стоянию, к дальнейшей жизни, а не к преждевременной смерти.

— Необычное у вас понимание сочувствия, учитель, — пробормотал Николас. — Я всегда думал, что сочувствовать, сострадать — значит страдать, переживать вместе с другим человеком его горе.

— Мне видится, что это заблуждение, — старик запустил руку в бороду и улыбнулся. — Сострадать, а лучше, сочувствовать — это понимать и принимать чувства другого, но никак не убиваться вместе с ним, иначе мы рискуем лить слезы из-за чужой иллюзии.

Николас лег на спину и посмотрел на небо. Облака-овечки бежали вперед, подгоняемые пастухом-ветром. Солнце клонилось к закату.

— Не знаю, учитель, что и сказать. Мне не привычно то, о чем вы говорите.

— А ты не слушай меня, — улыбнулся старик. — Слушай свое сердце, наблюдай за матушкой-природой и истина откроется тебе.

Взгляд старика устремился вперед, туда, где в нескольких километрах от них с Николасом виднелась дорога, ведущая к Полтаве.

— Надо спешить, — подумал старик, глядя вдаль. — Жизнь-то, и правда, не стоит на месте. Она несется вперед, вперед навстречу смерти, чтобы слиться с ней в экстазе и подарить нечто особенное, восхитительное и невероятное — подарить вечность.

Старик скользнул взглядом по окрестностям. Улыбка продолжала играть на его устах. Солнце закатилось за горизонт, и мир погрузился во тьму, но то солнце, что сияло в стариковской груди, и не думало покидать старика, продолжало освещать его путь к истине, такой загадочной, светлой и непостижимой.

Глава 13

Светлана

— Розсошенці, - прочитал Николас надпись на дорожном указателе несколько дней спустя. — Можно сказать, что мы уже в Полтаве учитель. Насколько помню, сюда даже троллейбус из Полтавы идет.

— Думаю, мы и без троллейбуса справимся, — улыбнулся старик.

— После того как я с вами пешком прошагал больше сотни километров, учитель, мне никакой уже троллейбус не нужен, — рассмеялся Николас. — Скоро будем в Полтаве. Кстати, вы не против, если я позвоню, сообщу, что мы на подходе.

— Конечно звони, — старик почувствовал, как им овладевает легкое волнение от мысли, что совсем скоро он будет выступать на телевидении. Боится ли он? Старик и сам не знал, чем вызвано это волнение — страхом или предвкушением. Но решив покопаться в себе, он пришел к выводу, что страх есть, но небольшой, а вот предвкушения — выше крыши, совсем скоро о жизни сердцем узнают многие.

Старик присел на лавочку и принялся наблюдать за Николасом, который отошел на некоторое расстояние от старика, чтобы не мешать ему разговором, достал из кармана спортивных штанов мобильник, включил его и поднес к уху.

Старик улыбнулся. За время, проведенное с ним в дороге, Николас изменился. Старик чувствовал это, да и внешних причин так думать, было хоть отбавляй. Николас стал уравновешеннее, наблюдательнее, мудрее, начал больше размышлять, больше прислушиваться к ощущениям и чувствам, а главное, он выглядел счастливым человеком. Улыбка теперь редко сходила с его уст, а в глазах горел огонь жизни.

— Да, он, и правда, изменился, — подумал старик, глядя на молодого человека. — Надеюсь, тот путь, который он выберет после нашего с ним совместного путешествия, будет приносить ему не меньше истинного счастья, чем тот, которым он прошел вместе со мной. Хотелось бы в это верить.

До старика донесся звонкий смех Николаса. Игривый огонек в глазах молодого человека и кокетливая улыбка на губах подсказали старику, что собеседник Николаса, скорее всего, женского пола.

Старик почувствовал тепло разливающегося по телу. Ему нравилось видеть улыбки на лицах других людей. Они наполняли его сердце еще большим счастьем, еще больше разжигали огонь, пылавший в его груди. Видеть людей, на лицах которых свет, а не тьма, вот чего больше всего хотел старик. Пока что тьмы на лицах людей было больше, чем света. Старику ничего не оставалось, как тешить себя надеждами о том, что в будущем ситуация изменится, правда, это уже будет без его участия. Тем не менее, до тех пор, пока его ноги топчут землю этого удивительного мира, он постарается сделать все от него зависящее, чтобы свет озарял лица как можно большего количества людей.

Николас закончил говорить по мобильнику и направился к старику. Широкая улыбка сияла на его лице.

— Учитель, я отбивался как мог, но ничего не вышло, — хитринка появилась в глазах Николаса. — Нам велено сидеть в Россошенцах и ждать машину. Через полчаса она будет здесь. Вы не против? — Николас скривил губы в виноватой улыбке. Сейчас он походил на школьника, который ждет, что его вот-вот отчитает учитель за плохое поведение.

Губы старика расплылись в ответной улыбке. Внутреннее чутье ему подсказывало, что Николас, если и возражал против машины, то очень слабо.

— Не против. Полагаю девушка, с которой ты разговаривал, оказалась очень напористой, — теперь уже в глазах старика заплясали хитрые огоньки.

Глаза Николаса округлились, морщины избородили лоб.

— Учитель, как вы догадались, что я разговаривал с девушкой?!

— Не составило большого труда догадаться. — рассмеялся старик. — Весь твой вид говорил об этом. Ты, мой друг, во время телефонного разговора был похож на петуха, танцующего перед курицей.

— Правда? Вы правы, учитель, — рассмеялся Николас. — Я разговаривал с девушкой. Зовут ее Светлана и она скоро будет здесь.

— Так это она будет нашим водителем?

— Ну, да, — только и сказал Николас, сияя широкой улыбкой.

— Значит будем ждать Светлану, — заключил старик.

— Будем, — кивнул Николас. — Только вот я бы чего-то перекусил, пока мы ее ждем, — Николас посмотрел по сторонам. Заметив дальше по трассе несколько маленьких табуреток, на которых стояли ведерки с яблоками, выставленные предприимчивыми владельцами на продажу, он кивнул, указывая на ведерки и сказал. — Хотя бы вон теми яблоками... Пойду-ка куплю парочку.

Николас двинулся в сторону ведерок с яблоками. Старик же проводил его взглядом, попутно заметив, что владельцев яблок нигде не было видно, и положил руку на живот. Он почувствовал, как боль снова ожила и устремилась к его горлу рвотными позывами. Живот вздулся, что-то заурчало внутри. Старик лег на лавочку и закрыл глаза. Рука легла на живот и погладила его.

— Я слышу тебя, — мысленно обратился старик к черному образу, возникшему в сознании. — Дай мне еще немного времени. Совсем немного, прошу тебя.

Боль запульсировала внутри и океаном распростерлась по телу. Внезапно острая резь полыхнула огнем в животе, заставив старика содрогнуться от боли. Рвота подкатила к горлу, грозя вырваться наружу. Испарина покрыла лоб старика, спина взмокла, руки задрожали, разноцветные круги поплыли перед глазами.

— Прошу тебя! — взмолился старик. — Дай мне еще немного времени!

Новая вспышка рези в желудке была ему ответом. Тьма перед глазами сгустилась. Старик завалился на бок и принялся рвать. Судороги пробежались по его немощному телу. Один раз, второй. Пробежались и растворились в море покоя и тишины, охватившей старика. Боль ушла, тьма рассеялась, оставив после себя легкое покалывание в кончиках пальцев.

— Все позади, — прошептал старик, обтирая рот рукой. — Уже все хорошо. Не волнуйся.

— Эй, учитель, с вами все хорошо?! — услышал старик голос Николаса.

Старик открыл глаза и сел.

— Все хорошо, мой друг. Немного голова закружилась.

— Я вижу, — пробормотал Николас, приблизившись к старику и заметив островок рвоты возле лавочки.

— Правда, все хорошо, — кивнул старик, переводя дыхание. — Ну что купил яблок?

— Купил, — ухмыльнулся Николас. — Целое ведро. Старушка уж больно, то ли жадная, то ли предприимчивая, попалась. Поштучно яблоки не захотела продавать, пришлось покупать все ведро.

Николас уселся возле старика и раскрыл рюкзак.

— Возьмите, — Николас достал из рюкзака яблоко и протянул его старику. — Яблоки не ахти. Думаю, прошлогодние еще, но пожевать можно.

— Спасибо, — поблагодарил старик, беря в руку яблоко. — Какое не есть, но, можно сказать, свое, родное. Без химии.

— Ага, — кивнул Николас, достал из рюкзака еще одно яблоко и повертел в руке. — У вас в Украине яблоки еще без химии, у нас же во Франции только химия и осталась... Кстати, взял яблоко в руку и вспомнил. Давно хотел у вас спросить, учитель. Помните наш разговор на берегу Ворсклы несколько дней назад?

— Конечно, помню, — сказал старик, грызя яблоко. — О яблочном семени мы с тобой говорили.

— Да о нем. Когда вы заснули, я взял в руки половинку яблока и вспомнил, как мне рассказывали, что мыши, чтобы добраться до семян, прогрызают в яблоке дырку. Они не едят яблочную мякоть, но стремятся съесть его семя, так как, говорят, оно очень полезное. Я тогда взял семя яблока, разломал его, а содержимое бросил в рот. Кашица в семени оказалась горькой. И я подумал: забавно, мыши не желают есть сладкую мякоть яблока, но стремятся съесть его горькие семена. А что же человек? В отличии от мышей он поедает сладкую яблочную мякоть, но не обращает внимания на горькие яблочные семена. Тогда у меня и возникло несколько вопросов. О чем это может говорить? Почему глупые мыши стремятся добраться до горького семени, а умный человек игнорирует его, довольствуясь сладкой мякотью? Тогда я ни к чему конкретному не пришел. Но может вы что-то скажете по этому поводу, учитель?

Улыбка тронула губы старика. Взгляд его начал перебегать с одной проезжающей перед глазами машины на другую.

— Очень интересное наблюдение, — сказал старик. — Оно подтверждает, что человек, в первую очередь, ищет удовольствия в жизни. Несмотря на то, что семя полезнее мякоти, человек не хочет его есть, так как оно горькое. Но мыши ради горького семени готовы прикладывать больше усилий, чем ради сладкой мякоти. Они, в первую очередь, ищут полезное, а не вкусное. Человек же наоборот, сначала вкусное, а потом может дойдет очередь и до полезного. У мышей нет такого ума, как у человека, но даже они понимают, к чему стоит стремиться в жизни и готовы прикладывать усилия для того, чтобы достичь желаемого. Видишь, мой друг, у безмозглых животных можно научиться большему, чем у разумного человека, к сожалению, человек слишком разумен, чтобы учиться у животных. Человек мнит себя венцом природы, а в действительности мыши и те мудрее его.

— Значит вы предлагаете есть семена яблок, а не мякоть, учитель? — рассмеялся Николас, доставая из яблока семя и раскусывая его.

— Я предлагаю есть и семя и мякоть яблока, — рассмеялся в ответ старик. — Матушка-природа мудра, мыши не ели бы семена яблок, если бы они были для них вредны. Я верю животным, и хотел бы, чтобы и люди больше присматривались к ним. Матушка-природа в лице животных — очень хорошая учительница.

— Да, я помню про гусениц и дятлов, — Николас достал еще одно яблочное семя, раскусил его, достал содержимое и засунул в рот.

— Хорошо, что помнишь, — кивнул старик. — Знания, которые мы получаем от матушки-природы и своего сердца — это самые ценные и самые необходимые знания для жизни. Надеюсь, когда-нибудь люди поймут это и выберут для себя главными учителями по жизни — свое сердце и матушку-природу.

— Было бы забавно, — Николас хмыкнул и потянулся за следующим семенем.

— Почему же забавно?

— Забавно было бы понаблюдать за тем, как цивилизованный человек, привыкший питаться в ресторанах, ездить на дорогих авто, летать самолетом, делать карьеру, рыскал бы по лесам и полям в поисках червячков и жучков, у которых учился бы жизни.

Николас рассмеялся и посмотрел на старика. Улыбка заискрилась на губах старика.

— И правда, было бы забавно на это посмотреть. Но полагаю, современному человеку не стоит идти на такие жертвы и возвращаться в лоно матушки-природы, но вот стать к ней ближе, стать ее заботливым другом, благодарным сыном или дочерью, — вот это было бы очень хорошо.

— И я так думаю, учитель, — Николасу по всей видимости надоело колупаться в яблочном огрызке в поисках семян, так как взяв огрызок за корешок он засунул его целиком в рот и принялся с усердием жевать. — А еще думаю, если бы так было, то дурень, который бросил вон те бутылки из-под пива в траву, — Николас кивнул на две бутылки, валявшиеся в густой траве недалеко от трассы, — не сделал бы то, что сделал.

— Да, мой друг, этого не было бы, но не стоит называть того человека дураком или оскорблять как-то иначе. Он не виноват, что его разум невежествен. Он даже не осознает своего невежества. Такой человек полагает, что то, что он делает — в порядке вещей. По его мнению, так и должно быть, но не может быть истины в том, что разрушает, а не созидает. Не может.

— Простите, учитель, — Николас поднялся с лавочки. — Но когда видишь такое, то, как говорят, слов нет, одни выражения.

— Я понимаю тебя, мой друг, понимаю, что ты чувствуешь. Мне тоже больно видеть, как человек вместо того, чтобы созидать, разрушает. К сожалению, я не в силах что-либо изменить, разве что взять те бутылки и бросить в урну. Здесь все зависит от человека, от уровня его осознанности себя частью матушки-природы. Я не могу никого заставить, да и не хочу это делать. Кто я такой, чтобы кого-то заставлять что-либо делать? Да и надо ли кого-то заставлять делать что-либо против его воли? Нет, ни в коем случае. Заставляя, мы лишь смиряем человека, пройдет время, он вернется к тому, что делал. Насилием сердце человека не разбудишь, не увлечешь за собой. Если человек самостоятельно не придет к пониманию, ничего не изменится, он как бросал бутылки в траву, так и дальше будет это делать.

— Вы правы, учитель, пока не дойдет, все бесполезно... Кстати, вам не зачем идти бросать бутылки в урну, я как раз собрался это сделать. А еще. Вы спрашиваете, кто вы такой, чтобы заставлять кого-то что-то делать? Отвечу — вы учитель, — Николас улыбнулся и

направился к бутылкам. Бросив их в урну, стоящую возле остановки, он вернулся к старику.

— Хотя согласен с вами, учитель, заставлять кого-то — неблагодарное дело. Кроме ответной агрессии ничего не добьешься, но и на добро люди часто никак не отзываются.

— Человеческое сердце хотело бы отозваться, но человеческий разум противится этому, поэтому многие люди на добро могут ответить даже злом. Часто желания разума отличны от желаний сердца, поэтому нас следует научиться управлять своим разумом, иначе люди и дальше будут отвечать на добро злом.

Звонок мобильного прервал разговор. Николас достал из кармана телефон и посмотрел на экран. От взгляда старика не ускользнула довольная улыбка, появившаяся на лице Николаса, когда тот увидел, кто звонит.

— Не буду вам мешать разговором, — Николас повернулся к старику. — Я отойду.

— Как пожелаешь, — понимающая улыбка коснулась губ старика.

Николас отошел на несколько метров от остановки и поднес мобильник к уху.

— Неужели опять Светлана звонит? — подумал старик, наблюдая за Николасом, кокетничавшим с кем-то по телефону.

Разговаривал Николас не долго, не больше минуты. Старик видел, как тот во время разговора вертел головой по сторонам, смотрел на указатели и даже зачем-то устремил взгляд к небу. Закончив разговор, Николас двинулся к старику, лучась улыбкой.

— Опять Светлана звонила? — спросил старик, когда Николас приблизился.

— А это вы откуда узнали? — удивление появилось на лице молодого человека. — Разве я и теперь был похож на петуха, танцующего перед курицей?

— Теперь больше на индюка, желающего привлечь внимание индюшки, — рассмеялся старик.

— Да ладно, — смутился Николас. — Но вы снова оказались правы. Светлана ждет нас на конечной остановке троллейбуса.

— Если ждет, тогда не будем заставлять девушку ждать долго, — ответил старик, вставая с лавочки. — Только где ж эта остановка находится?

— Не волнуйтесь. Немного надо пройти дальше по трассе.

— Тогда пошли. Чего ждать? — сказал старик, после чего улыбнулся и пошлепал босыми ногами вдоль трассы.

— Какой вы скорый, учитель, — рассмеялся Николас, забросил за плечо рюкзак и последовал за стариком.

* * *

— Николас! — воскликнула симпатичная белокурая девушка в черной мини-юбке и желтой блузке, стоявшая возле красной иномарки, припаркованной недалеко от троллейбусной остановки.

— Привет, Светуль! Давно не виделись. Отлично выглядишь, — Николас приблизился к девушке и обменялся с ней поцелуями в щеку. — Как жизнь? Когда в гости ждать-то?

— Спасибо, — девушка улыбнулась и перевела взгляд с Николаса на старика, стоявшего рядом, окинула его взглядом сверху вниз, при этом старик заметил то ли недоумение, то ли удивление, мелькнувшее в глазах девушки. — Не знаю, Ники. Вся в работе.

— Тоже мне деловая сосиска, — рассмеялся Николас. Повернувшись к старику, он сказал:

— Учитель, это Света, та самая с которой я разговаривал по мобильнику и которая нас отвезет в Полтаву.

— Очень приятно, Светлана. А меня зовут Александр Петрович.

— И мне... приятно, Александр Петрович, — девушка казалась слегка сконфуженной. Ее взгляд устремился на босые ноги старика, переместился выше и на какой-то миг замер на испачканных грязью и кое-где светящихся дырами штанах, затем устремился еще выше, к рубашке, выбившейся из штанов, и наконец-то остановился на длинной всклокоченной бороде. Девушка посмотрела на Николаса, словно ища у того ответ на какой-то мучивший ее вопрос. Старик подумал, что если озвучить этот вопрос, то он мог бы звучать так: Ты где нашел этого бомжа?

Николас улыбнулся, заметив каким взглядом Светлана посмотрела на старика и сказал:

— Вижу, у тебя есть вопросы, милая?

— Э-э-э... да, есть, — девушка снова устремила взгляд на старика. — Вы меня, конечно, простите, но, — девушка перевела взгляд на Николаса, — я не могу пустить в эфир этого человека.

— Почему? — улыбка вмиг слетела с лица Николаса. Старик же продолжал улыбаться доброй улыбкой, словно то, что происходило, его нисколько не касалось.

— Николас, меня с работы уволят, если я пушу в эфир этого человека в таком виде. Я прошу прощения... черт... Николас, я не могу пустить в эфир бомжа.

Старик заметил, как при последних словах Николас содрогнулся, словно от пощечины. Лицо его потемнело, брови сомкнулись над переносицей, лоб изрезали морщина и... и распрямились, едва он посмотрел на старика, как и прежде озарявшего мир доброй полуулыбкой.

— Что ты предлагаешь, Света? — спросил Николас, взглянув на девушку.

— Я даже не знаю, что предложить.

— Хорошо. Скажи мне, тебя только внешний вид учителя смущает или что-то еще?

— Пока что только внешний вид.

— Одежда, я так понимаю?

— Да.

— Учитель, — Николас повернулся к старику, — вы не против, если мы обновим ваш гардероб?

— Я с радостью остался бы в том, что на мне сейчас, но если так обстоит дело, то не против. Потом я же все равно смогу одеться в старую одежду. Она мне... дорога.

— Конечно сможете, учитель. Это только для эфира, — успокоил старика Николас, после чего повернул голову к Светлане и улыбнулся. — Светуль, мы готовы ехать, а ты готова? — Николас был сама любезность. Время, проведенное вместе со стариком, научило его многому, в том числе прощению.

— Готова, — вздохнула девушка и направилась к машине.

Грустная улыбка появилась на лице старика. Он был более чем уверен, что мысли этой девушки все еще были в прошлом, которое она вместо того, чтобы отпустить, держала возле себя, словно дорогую вещь, чем делала себе только больнее.

— Вот и хорошо, — сказал Николас и последовал за Светланой. Старик же поотстал, решив дать возможность Николасу и Светлане поговорить наедине.

— Я вела себя, как дура, да? — Светлана остановилась у машины и повернулась к Николасу. — Только обидела человека. Но ты должен меня понять...

— Расслабься, милая, — прервал Николас девушку, уловив нотки сожаления в ее голосе. Улыбнувшись, он продолжил. — Учитель не из тех, кто обижается. Он удивительный человек. Не суди о нем по одежде. Ему многое пришлось пережить и до сих пор ему не сладко, но, не смотря ни на что, он остался человеком. Я никогда прежде не встречал таких людей, а его жизнь сердцем — это нечто, хотя в современном мире, где человек живет разумом, ей места нет. Знаешь, Свет, я действительно преклоняюсь перед этим человеком. Благодаря ему я многое понял и, надеюсь, еще больше пойму. Этот человек, этот бомж, как ты говоришь, мой учитель, он стоит многих тех, у кого банковские счета лопаются от денег, но душа бедна.

— Прости, я не хотела никого обидеть, — Светлана положила руку на плечо Николасу. Виноватое выражение появилось на лице девушки.

— Все хорошо, — улыбнулся Николас. — Забудь о прошлом, оно не стоит того, чтобы переживать из-за него.

— Ты стал философом? — спросила девушка, улыбнувшись.

— Разве что начинающим, — рассмеялся Николас. — Как говорят, с кем поведешься от того и наберешься. Вот и я, как познакомился с учителем, узнал на себе, как это общаться с человеком, у которого что ни слово, то мудрость.

— Кстати, а почему ты называешь его учителем?

— Потому что это мой учитель, — ответил Николас. — Он учит меня жизни сердцем.

— И как, успешно?

— Как видишь.

— Пока что я вижу старика с грязной бородой, рваной одежде и босого. Надеюсь, ты не собираешься опуститься до его уровня?

— Милая, я собираюсь не опуститься, а подняться до его уровня, — рассмеялся Николас.

— Бог мой, неужели и ты скоро забудешь об обуви?

— Можешь по этому поводу не переживать. Пока что я не готов к столь кардинальным изменениям в своей жизни.

— Слава Богу, а то я уж было подумала, не сошел ли ты с ума...

— Прекращай думать, — Николас подмигнул Светлане. — Начинай чувствовать. Поехали. Не знаю, как ты, а мне еще надо многое сегодня сделать, — Николас взялся за ручку, открыл заднюю дверцу машины и посмотрел на старика, стоявшего в стороне и наблюдавшего за летящим аистом. — Учитель, вы с нами или без нас?

— С вами, — старик улыбнулся и направился к машине.

Глава 14

Заминка

Несколько часов спустя старик сидел за столом на кухне в квартире Светланы и работал над рукописью. Николас хотел было остановиться в гостинице, но Светлана воспротивилась этому, предложив ему с Александром Петровичем погостить у нее. Николас был не против, старик тоже, поэтому заехав по дороге на вещевой рынок, чтобы купить старику новые брюки, рубашку и обувь (старик отказывался от обуви, пока Николас все же не упробил его позволить ему купить хотя бы шлепанцы, правда, сделаны они были не из кожи, а из синтетики, но старика это нисколько не беспокоило), они поехали прямо домой к Светлане.

Светлана жила сама, если не брать во внимание кошку Дуню, представительницу сиамской породы, которая в эти минуты лежала, свернувшись калачиком, на табуретке возле старика, мурлыча время от времени. У Светланы была собственная однокомнатная квартира недалеко от центра города. Квартиру ей оставили родители, которые сами жили в селе. Светлана работала на местном телевидении, была не замужем и, как успел заметить старик, была поклонницей здорового образа жизни — в комнате у нее стоял небольшой велотренажер, на журнальном столике возле телевизора валялась книга о здоровом питании, а на кухне стояла пароварка.

Оставив старика одного, Николас и Светлана ушли, как они сказали в город за покупками. Но старика это обстоятельство совершенно не огорчало. Он давно привык к одиночеству и в отличии от многих людей любил его. Для старика это было время для раздумий, время, когда можно подумать о чем-то более возвышенном, чем окружающая тебя реальность. К тому же надо было поработать над рукописью, которая все еще не была закончена. Старик вообще начал сомневаться, закончит ли он ее когда-нибудь? Каждое новое ощущение, чувство, мысли или видение, — все находило отображение в рукописи, жанр которой старик до сих пор не мог для себя определить. Единственное в чем старик был уверен, в том, что это не художественная книга. Хватало здесь и биографических отступлений,

и размышлений, и наблюдений. Пожалуй, это была книга о жизни и для жизни. Именно так ее определил для себя старик, сидя с ручкой в руке за столом на кухне в квартире Светланы.

Старик полистал исписанные страницы тетради и улыбнулся. Удивительно было видеть, изо дня в день на протяжении месяцев, как пустые страницы превращаются в творение, одно из многих, но совершенно не лишнее в современном мире. Да и может ли быть какое-либо творение лишним или бесполезным? Это же творение — нечто новое, неведомое ранее и обретшее плоть.

Старик в который раз испытал удивительное чувство удовлетворения от осознания того, что благодаря его упорному труду рождается творение, книга, которая, он хотел в это верить, станет не одной из тех книг, которую прочитал и забыл, а книгой, которой по силам будет вывести из долгой спячки человеческие сердца, вернуть их к жизни и заставить их биться сильнее, разрушая иллюзию красивой, но совершенно бессмысленной жизни, созданную человеческим разумом.

Старик снова склонился над тетрадью с ручкой в руке. Проснулась Дуня. Соскочив с табурета, она подошла к старику и принялась тереться телом о его ногу. Тихое мурлыканье разлилось по кухне, заставив старика на какой-то миг забыть о рукописи и наклониться, чтобы погладить кошку.

— Кошки, как женщины, без внимания не могут, — хихикнул старик. — Ну, давай тебя поглажу. Хорошая какая.

Спина кошки выгнулась от удовольствия, но этого ей видимо оказалось мало, так как она запрыгнула старику на колени и улеглась на них, как ни в чем не бывало.

— И как же ты предлагаешь мне писать? — усмехнулся старик, продолжая гладить кошку. — Ну, лежи себе, коль охота. А я попробую и с кошкой на коленях поработать над книжкой.

Старик снова взял в руки ручку, посмотрел на кошку, тихо мурлыкавшую у него на коленях, и склонился над рукописью.

* * *

Вечер опустился на улицу, когда старик наконец-то отложил ручку в сторону и посмотрел на часы, висевшие на стене. Часы показывали 19:43. Старик бросил взгляд за окно. Солнце скрылось, но ночь не спешила укутать мир одеялом тьмы, позволяя ему порадоваться последним на сегодня проблескам дневного света.

— Где ж это Николас со Светланой? — нарушил тишину кухни голос старика. — Давненько их нет.

Проснулась Дуня, соскочила со стариковских коленей на пол и замяукала.

— Что милая? Проголодалась небось? — старик посмотрел в сторону пустой кошачьей тарелочки для еды и поднялся из-за стола. — Тогда сейчас тебя покормим.

Старик подошел к холодильнику в сопровождении мурлыкающей Дуни. Открыв дверцу, он заглянул в холодильник, нашел пакетик кошачьего корма и повернулся к кошке.

— Я так понимаю, это твоя еда?

В ответ донеслось размеренное мурлыканье. Дуня принялась путаться под ногами, то и дело поглядывая на пакетик с кормом в руках старика.

Старик закрыл дверцу холодильника и склонился над кошачьей миской. Дуня была уже тут как тут, принялась тыкаться мордой в тарелку, мешая старику наполнить ее кормом.

— Что ж ты обождаешь не можешь, — пожурил кошку старик. — Нетерпеливая какая.

Старик почесал кошке голову, высыпал корм в тарелку, а пустой пакетик выкинул в мусорное ведро. Кошачье мурлыканье растворилось в тишине кухни, Дуня ткнулась мордочкой в тарелку и забыла обо всем на свете, кроме еды. Старик забрал тетрадку с ручкой со стола и направился в комнату. На сегодня с рукописью было покончено. В комнате старик положил рукопись на диван и сам опустился рядом. Опершись спиной о спинку дивана, старик закрыл глаза и попытался расслабиться. Усталость тяжелыми цепями сковала его тело, но эта усталость не беспокоила старика, так как вместе с ней пришло удовлетворение. Старик почувствовал, как оно искрой полыхнуло в груди, затрепетало, словно под порывами ветра, и разлилось по телу, заполняя каждую его клеточку. Старик улыбнулся, сегодня он хорошо

потрудился. Он был доволен собой, его сердце радовалось, большего ему было и не надо.

Старик открыл глаза и окинул себя взглядом сверху вниз. Новая одежда была непривычна. Старик чувствовал себя неловко в ней, зато теперь ему было не так жарко, как прежде, тогда, когда он ходил в старой одежде, зимней. Старик вздохнул и провел рукой по штанине.

— Что ни делается, все к лучшему, — прошептал старик.

В придбанике послышались голоса. Спустя мгновение входная дверь открылась и в квартиру вошли Николас со Светланой. Старик улыбнулся, услышав их веселый смех.

— Хорошо, когда люди смеются, — подумал старик. — Очень хорошо.

Разувшись, Николас и Светлана вошли в комнату.

— Вы не скучали, учитель? — спросил Николас, взглянув на старика.

— Нет, мой друг, нисколько. Мне не было, когда скучать, — старик улыбнулся и накрыл рукой тетрадь.

— Книжкой занимались?

— И книжкой тоже.

— Я смотрю, вы переоделись, Александр Петрович, — Светлана окинула старика довольным взглядом. — Теперь стали на человека похожи.

— Очень хорошо, что похож, — рассмеялся старик. — Помылся и переоделся, чтобы не мусолить вам глаза старым грязным тряпьем.

— Ну мне-то вы им совершенно не мусолили глаза, — расплылся в улыбке Николас. — Я к нему давно привык. Но вот телевидение, учитель, это другая стихия. Там свои правила игры и если ты не играешь по ним, остаешься вне игры. Так ведь, Свет? — Николас обнял Светлану за талию и заглянул ей в глаза.

— Так, — кивнула девушка. — Надеюсь, вы на меня не обижаетесь, Александр Петрович?

— Светуль, я же тебе уже говорил, — встрял Николас. — Я могу обидеться, но учитель никогда.

— Николас верно говорит, — улыбнулся старик. — Обида, словно яд, если она поселится внутри тебя, начнет медленно, день за днем, убивать.

В комнату вбежала Дуня и принялась вертеться под ногами, издавая время от времени мяуканье.

— Дунька подожди немного. Сейчас накормлю, — сказала Светлана, наклонилась и погладила кошку.

— Я уже ее покормил, — сказал старик. — Ей внимания хочется. Кошки, как женщины, без внимания жить не могут.

— Это вы точно сказали, учитель, — рассмеялся Николас, беря кошку на руки. — Особенно без мужского. Правда, Свет?

Девушка улыбнулась.

— Знаешь, Николас, каждый человек хочет, чтобы на него обращали внимание.

— Конечно каждый, но особенно женщины, — Николас забросил кошку на плечо и принялся поглаживать ей спинку. Дуня уцепилась когтями за рубашку Николаса и замурлыкала.

Светлана посмотрела на Николаса и показала ему язык. Николас расхохотался, но хохот внезапно прекратился, сменившись вскриком. Старик и девушка удивленно посмотрели на Николаса.

— Дуня, иди лучше погуляй, — Николас снял с плеча кошку и опустил на пол. — Ты мне всю спину исцарапаешь.

— Правильно, Дунька, исцарапай, может меньше говорить будет, — рассмеялась Светлана. Наклонившись к кошке, она взяла ее на руки.

— Моя девочка. Иди к маме. Не понимают нас мужики. Не обращай внимания, на то они и мужики, чтобы не понимать женщин.

— Видели, учитель. Как после такого обращения уделять женщинам внимание?

— Брать и уделять, — загадочно изрек старик. — Женщины без внимания, как цветок без воды, вянет и умирает.

— Вот-вот, Александр Петрович, научите его, — поддакнула Светлана и снова показала язык Николасу. Тот лишь ухмыльнулся и опустился на диван рядом со стариком. — Вот и води девушек после этого по ресторанам, — шепнул он старику на ухо.

— Я все слышала, — сказала Светлана, подхватила со стула халат и направилась в ванную.

— Ушастая какая, — ухмыльнулся Николас.

— Это тоже слышала, — донесся голос девушки из ванны.

— Я ж и говорю, — отозвался Николас. Повернув голову к старику, он сказал. — Видите, учитель, девушки совсем парней не уважают, — глаза Николаса лукаво блеснули.

— Не говори так, мой друг, — улыбнулся старик. — Уважение рождается из уважения, как и любовь рождается из любви.

— Тут вы правы, учитель, — Николас закинул руки за голову и потянулся. — Пойду, поставлю чайник. Может, вы кушать хотите? А то мы со Светкой только с ресторана, а вы же и не ели ничего.

— Нет, мой друг, спасибо. Кушать я не хочу, а вот от чайку не отказался бы... Ты мне лучше скажи, откуда у тебя столько денег появилось? И на одежду мне, и на ресторан.

— Эх, учитель, в современном мире можно и без налички странствовать, главное, чтобы банковская карточка была в кармане, — Николас достал из кармана карточку. — Мелочь у меня была с собой, а вот суммы покрупнее — здесь, — Николас повертел карточку в руке. — А еще важно, чтобы банкоматы были рядом да деньги на счету водились.... Ну, пойду на кухню, — Николас поднялся с дивана и вышел из комнаты.

Старик проводил его взглядом и улыбнулся. В современном мире при всей его сложности и упорядоченности жить, в самом деле, довольно просто. Жизнь упрощена донельзя, но может ли такая жизнь принести нечто большее, чем просто удовольствие от своего существования на этой планете? Старик закрыл глаза и вздохнул. Он знал одно — жизнь, которая превращена в сплошную гонку за удовольствиями, бессмысленна и обречена на довольствование иллюзией счастья вместо истинного счастья. Удовольствия не помеха, когда есть нечто большее, когда есть удовлетворение и осмысленность своего существования. Если же этого ничего нет, то жизнь, которая подчинена исключительно поиску удовольствий, рано или поздно, закончится отвращением к жизни и сплошным разочарованием.

Из ванны прибежала Дуня и запрыгнула на диван. Улегшись на диван возле старика, она вытянулась струной и замурлыкала. Старик погладил кошку. Та от удовольствия выгнула спину, вытянула лапы и замурлыкала громче и интенсивнее.

В комнату вошла Светлана. Вместо юбки и блузки на ней был голубой халат.

— Александр Петрович, идемте с нами чай пить. Может, вы кушать хотите? Вы же ничего сегодня еще не ели. Я могу что-то приготовить по-быстрому.

— Нет, спасибо, Светлана. Не волнуйтесь, — отозвался старик, поднимаясь на ноги. — Чая мне будет достаточно.

— Ну, смотрите сами. Идемте на кухню, там есть пирожные и конфеты к чаю, — девушка развернулась и вышла из комнаты. Старик почесал Дуню за ухом и последовал за ней. Дуня, не желавшая оставаться одна в комнате, спрыгнула с дивана и побежала за ним.

Войдя на кухню, старик увидел Николаса, сидевшего на табурете и колотившего ложкой сахар в чашке. Светлана сидела рядом и ела шоколадную конфету.

— Присаживайтесь, учитель, — Николай указал на свободный табурет.

Старик собрался было опуститься на предложенное место, но не успел, его опередила Дуня. Вскочив на табурет, она стала передними лапами на стол и начала принюхиваться.

— Дунька! — воскликнула Светлана. — Может ты еще и на стол залезешь? А ну брысь! — девушка замахнулась на кошку, но та уже успела убрать лапы со стола и теперь стояла на табурете и вытягивала шею в сторону стола, продолжая тянуть носом воздух.

Старик взял Дуню на руки, сел на табурет, а затем положил кошку на колени. Та, мурлыкнув для приличия, спрыгнула на пол и побежала к тарелке с едой.

— Я слышал, кошки очень похожи на своих хозяек, — как бы между прочим заметил Николай, откусывая кусок от слоенного пирожного. — Учитель, — Николай повернулся к старику голову, — Светка у нас любительница зеленого чая, поэтому это единственный чай, который есть у нее дома. Вы же пьете, как помню, зеленый чай? Кстати, сахар я не ложил. Захотите, сами положите.

— Ничего страшного, мой друг. И зеленый чай пью, и черный, и фруктовый, и травяной, — старик поднес ко рту чашку и отпил из нее немного чая. — А если надо будет, то и водой простой обойтись смогу, — старик улыбнулся и поставил чашку на стол.

— Ну, с вашими вкусами, а уже успел познакомиться. Они действительно непритязательны.

— Какие есть, такие есть, — старик пожал плечами и взял с тарелки кусочек творожного пирожного.

— Мне звонили со студии, — вмешалась в разговор Светлана. — У них там какие-то накладки. Говорят, в ближайшие несколько дней снять передачу с Александром Петровичем не получится.

— Эт чего? — Николас насторожился. Пирожное, поднесенное ко рту, замерло в нескольких сантиметрах от него.

— Не знаю, — Светлана пожала плечами. — Говорю, накладки какие-то. В суть меня не посвятили, пока что. То ли эфир перегружен, то ли очередную серию программы уже отсняли. Насколько я знаю, передача, в которой будет сниматься Александр Петрович, выходит периодически и очень может быть, что запланированная серия отснята, а следующей еще не время. Ты же знаешь, Ники, на телевидении все по плану. А еще, слышала, они рекламу хотят пустить в эфир до выступления, чтобы зрительский рейтинг передачи поднять. Но беспокоиться не стоит. День, второй и все прояснится... А что ты там про кошку и хозяйку говорил? Ты на что намекаешь?

Николас наконец-то донес до рта пирожное и теперь с наслаждением смаковал его, запивая чаем. Услышав вопрос девушки, он ухмыльнулся и сказал:

— Светуль, я ни на что не намекаю. Я просто говорю, что кошки похожи на своих хозяек.

Недоверчивая улыбка появилась на лице девушки. Она взяла в руки очередную конфету и посмотрела в глаза Николасу.

— Знаю я тебя, Николас. Давай выкладывай, что у тебя на уме.

Николас посмотрел на старика, с улыбкой на лице попивающего чай.

— Видите учитель, — Николас хитро улыбнулся. — Преступления не совершил, но уже обвинен.

Старик ни слова не сказал, только улыбка на лице стала шире. Ему интересно было наблюдать за этой парочкой. Старик давно понял, что Николасу нравится подтрунивать над Светланой, что для старика было явным свидетельством его симпатии к ней, но и девушке Николас был не безразличен, иначе бы она не шла бы так легко на поводу у его подтруниваний. Это было, как часть игры, игры, где есть два взрослых человека противоположного пола, которые нравятся друг другу.

— Я никого не обвиняю, — Светлана надула губы и посмотрела на Николаса исподлобья. — Просто вы, мужчины, просто так ничего не говорите. Все намеками, да намеками.

— А я всегда думал, что так говорят женщины, — рассмеялся Николас. — Ну, да ладно, я действительно говорил про кошек и хозяек без задней мысли. Можешь мне поверить.

— Ну, ладно, — пожала плечами девушка. — Пусть будет так.

— Не поверила, — Николас подмигнул старику. — Ладно, раскусила. Я заметил, что твоя кошка такая же любительница поесть, как и ты.

Светлана довольно улыбнулась.

— Ага, я же говорила. Да, я люблю вкусно и много покушать. Иногда, — уточнила девушка, беря в руки пирожное с шоколадной начинкой. — Но иногда же можно, правда? — Светлана мило улыбнулась Николасу и показала язык. — Ты за мою фигуру переживаешь?

— Нисколько, — отозвался Николас. — Пока у тебя в квартире стоит велотренажер, нет, — Николас рассмеялся и закашлялся, подавившись крошками.

Светлана захихикала.

— Вот-вот, меньше надо говорить, когда ешь. Когда я ем, я глух и нем, — вспомнила девушка известную поговорку.

— Молчу, — кивнул Николас, откашлявшись. — Меня беспокоит вот какой вопрос: что нам делать с учителем все эти дни? Ты, Свет, работаешь, — Николас посмотрел на девушку и ухмыльнулся, — а вот мы с учителем — бездельничаем.

— Разве это проблема? — пожала плечами девушка, попивая чай. — Накормить голодающих во всем мире, вот это проблема. Сходите куда-то, посмотрите город. Это же Полтава. Здесь достопримечательность на достопримечательности.

— В свое время я Полтаву вдоль и поперек исходил. Забыла? — подмигнул Николас Светлане.

— Забудешь тут, — девушка стрельнула глазами в Николаса и повернула голову к старику. — Мы когда-то с Николасом собирались встречаться. Но из-за того, что Ники испугался отношений, у нас ничего не получилось.

— Вот оно как, — улыбнулся старик.

— Совсем не так все было, — запротестовал Николас. — Мы живем в разных городах, а отношения на расстоянии, сама понимаешь, это не отношения. В Кременчуг ты переезжать не захотела, вот и имеем то, что имеем.

Светлана готова была вспыхнуть от возмущения. Глаза были широко распахнуты, рот округлился.

— Ах, это я не захотела!?! — девушка сузила глаза и надулась. — Это ты не захотел, врунишка. У меня здесь собственная квартира, хорошая работа и Дунька в придачу. Хотел бы, сам бы переехал в Полтаву.

— У тебя квартира и работа, а у меня бизнес. К тому же тогда он только начинал развиваться. Не мог же я его бросить, — Николас взглянул на старика в поисках понимания, но старик лишь улыбался да потягивал чай из чашки.

— Нашел оправдание, — буркнула Светлана, беря очередное пирожное. — Хотел бы нашел выход. Трусишка — вот ты кто.

— Видите, учитель, как с ними порой бывает тяжело, — вздохнул Николас, посмотрев на старика, затем улыбка вернулась на его лицо. Бросив взгляд на кошку, лежащую на полу возле холодильника, Николас добавил. — С кошками и то легче.

— Это с кем еще тяжело, — Светлана нахмурилась. — С вами, мужиками, вообще невозможно ужиться. Вы ужасные эгоисты.

— Хорошо что хоть с кошками вы уживаетесь. Нет ничего лучше для женщины, чем чувствовать под боком тело кошки, а не мужика, — хохотнул Николас, но сразу замолк, заметив, как преобразилось лицо девушки. Николас испугался, как бы чашка Светланы с недопитым чаем не полетела в него. Но беспокоился он понапрасну. Девушка быстро взяла себя в руки, наверное, вспомнив, что они с Николасом на кухне не одни. Она бросила виноватый взгляд на старика, но тот, казалось, даже не заметил их с Николасом маленького выяснения отношений. Взгляд его скользил по поверхности кухонного стола, а на губах застыла добрая полуулыбка.

— Простите, Александр Петрович, — сказала Светлана.

— Ничего, ничего, — сказал старик. — Можете продолжать.

Недоуменные взгляды Николаса и Светланы одновременно устремились к странному старику.

— Что значит «можете продолжать», — осторожно спросила девушка.

— За вами так интересно наблюдать. Я тут подумал, что такие маленькие ссоры, могут быть очень полезны для людей.

— Это как? — не понял Николас. — Мне всегда казалось, что ссоры разрушают отношения.

— Если отношения существуют, то да, но если их нет, они могут стать толчком к их появлению.

Николас и Светлана посмотрели друг на друга и воскликнули в один голос:

— Еще чего!

Получилось это так забавно, что мгновение спустя они уже смеялись.

— И все же, учитель, чем мы с вами займемся в ближайшие несколько дней?

— Светлана предложила очень хороший вариант времяпрепровождения. Когда мы ехали на машине домой к Светлане, я уже тогда подумал о том, что хорошо было бы погулять по Полтаве. Я успел заметить, что это очень красивый город. Я никогда здесь не был прежде, поэтому следующие дни я хотел бы познакомиться с городом поближе. А ты, мой друг, если хочешь, можешь найти для себя иное времяпрепровождение. За меня не волнуйся, я и сам могу посмотреть на город.

— Ну уж нет, учитель. Одного я вас в город не отпущу. Не в этой жизни.

— Что ж, — улыбнулся старик. — Подождем тогда следующую.

Глава 15

Прогулка по Полтаве

На следующий день, когда солнце высоко поднялось над горизонтом, старик и Николас покинули квартиру Светланы и отправились смотреть город. Светлана уехала на работу, оставив им дубликат ключей от квартиры, так что теперь они могли не волноваться насчет того, как вернуться в квартиру.

Погода на улице стояла чудесная. По небу бежали кучки облаков, но были они столь редки, что совершенно не препятствовали солнечным лучам нестись к земле, освещая ее светом и теплом. Легкий ветерок слабо шелестел в листве деревьев, даже не пытаясь разогнать полуденную жару. В густом воздухе жужжали мухи. Прохожие, словно придавленные к земле невидимой силой, вяло переставляли ноги, направляясь каждый по своим делам. Несмотря на будний день в центре города людей оказалось много. Многие из них, как и старик с Николасом, направлялись к Корпусному саду — самому большому парку города. Николас решил именно отсюда начать экскурсию по городу. Старик был не против, так как ему хотелось увидеть как можно больше, чтобы лучше узнать Полтаву, о которой он много слышал, но никогда не видел, разве что по телевизору. Когда старик с Николасом приблизились ко входу в парк, Николас сказал:

— Вот это и есть Корпусный сад. Когда-то я здесь много времени провел.

— Небось со Светланой? — улыбнулся старик.

— С ней тоже, — ухмыльнулся Николас. — Здесь красиво. Сами увидите. Клумбы, кусты, дорожки, лавочки. Можно и походить, и посидеть.

— Ну, идем, посмотрим, — сказал старик, направляясь внутрь парка.

— Сейчас, секундочку подождите, — Николас принялся искать что-то в карманах.

— Что ты надумал?

— Хочу дать пару копеек нуждающемуся, — Николас кивнул на мужчину, стоявшего у входа в парк и просившего милостыню, после

чего, улыбнувшись, добавил. — Пробую жить сердцем, как и вы.

Старик посмотрел на просившего милостыню мужчину. На вид ему было не больше сорока лет, загорелый, в ободранных штанах и рубашке, с нечесаной головой и заросшим лицом. Устремив взгляд дальше, старик увидел женщину с ребенком в инвалидной коляске, также просившей милостыню. Старик положил руку Николасу на плечо и спросил:

— Что тебя побуждает давать деньги этому человеку? — старик указал на мужчину у входа в парк.

— Ну я ж говорю, учитель, пробую жить сердцем, как и вы. Хочу помочь этому человеку.

— Не делай этого, мой друг, — сказал старик и посмотрел Николасу в глаза.

— Почему? — удивился Николас. — Разве жить сердцем — это не помогать людям?

— Помогать, — кивнул старик. — Помогать, но старайся это делать не деньгами. Я объясню почему, — поспешил сказать старик, заметив, как Николас открыл рот, намереваясь что-то сказать. — Помоги деньгами тому, кто в силу физических увечий или возраста не может их заработать. Но не помогай деньгами тому, кто способен их заработать сам, но в силу духовного увечья не желает этого делать. Этим ты только нанесешь ему еще большее увечье, убедишь его в том, что его жизнь никчемна, а он ни на что не способен и заслуживает только подачки и жалости со стороны других людей. Помни о том, мой друг, что большинство людей в этом прекрасном мире живут невежественным разумом. Поощряя невежество ты только усугубляешь и без того худое положение. Помоги человеку преодолеть невежество, помоги ему разбудить свое сердце и этим ты сделаешь намного больше, чем, если дашь ему деньги. Невежество — это болезнь, поражающая человеческий разум. Против этой болезни существует только одно лекарство — слово, поэтому не помогай тому человеку деньгами, — старик показал Николасу глазами на оборванного мужчину. — Если хочешь помочь, помоги словом, помоги ему почувствовать вкус жизни, покажи ему, что жизнь может быть другой, без подачек и нищеты, насевших на него, словно блохи на собаку. Если у тебя получится разбудить его сердце, он будет тебе благодарен до конца своей жизни.

Николас уставился взглядом в землю, затем посмотрел на мужчину и сказал:

— Я даже не знаю, что ему сказать, учитель. У меня и грамма нет той мудрости, которая есть у вас.

— Поверь, мой друг, у тебя этой мудрости не меньше, чем у меня, но для того чтобы обрести ее тебе надо как можно чаще слушать свое сердце. Скажи ему то, что почувствуешь в ту минуту, когда подойдешь к нему. Не думай о том, что ты говоришь, правильные речи или глупые. На самом деле не так уж и важно, что ты ему скажешь. Уже то, что ты подойдешь к этому человеку и заговоришь с ним, наполнит его сердце благодарностью к тебе. Этот человек, как и любой другой, требует внимания, как и любой другой он хочет чувствовать, что он нужен в этом мире, хочет чувствовать себя человеком, а не вещью, о которой вспоминают только тогда, когда случайно замечают ее. Помочь человеку обрести веру и надежду, обрести себя, намного лучше, чем озолотить его.

Закончив говорить, старик слегка сдавил плечо Николаса и улыбнулся. Николас взглянул на старика, затем посмотрел по сторонам и, казалось, задумался, уставившись взглядом в землю.

Старик почувствовал, как учащенно забилося сердце Николаса, испарина, то ли от жары, то ли от волнения выступила на его лбу. Николас побледнел, растерянность застыла на его лице.

Старик убрал руку с плеча Николаса и спросил:

— Что с тобой, мой друг? Что тебя тревожит?

— Я... я не знаю, что ему сказать, — не отрывая глаз от земли, сказал Николас.

— Но я же говорил тебе, что неважно, что ты скажешь этому человеку. Важно то, что ты обратишь на него внимание, а не то, что ты ему скажешь.

— Я... я не знаю, что... что ему сказать, — упрямо твердил Николас, сверля землю под ногами.

Старик снова положил руку Николасу на плечо и почувствовал, как тело молодого человека сотрясает легкая дрожь, словно тот замерз. Старик быстро сообразил, что Николас не мог замерзнуть, так как на улице было жарко. Значит, должна была быть другая причина. И старик начал догадываться какая.

— Скажи мне, мой друг, что тревожит тебя? Возможно, я смогу тебе помочь.

— Я... я... я действительно не знаю, что... что ему сказать, — упрямылся Николас.

— Мой друг, прости меня, но мне кажется, что твои слова далеки от истины. Твое тело выдает тебя. Сейчас ты не похож на такого человека, который не знает, но очень похож на такого, который боится. Чего ты боишься, мой друг?

Николас поднял голову и посмотрел по сторонам. Окинув взглядом прохожих, он посмотрел на просящего мужчину у входа в парк и сказал:

— Merde! — услышал старик знакомое слово. — Вы правы, учитель, я на самом деле боюсь. Боюсь, что... — Николас снова посмотрел по сторонам, — что...

— Что подумают о тебе другие люди, — закончил за него старик.

— Да, — Николас набрал полную грудь воздуха и с шумом выдохнул его. — Именно этого я и боюсь.

— Боишься быть непонятым ими. Думаешь, что они тебя осудят, начнут указывать на тебя пальцами и крутить у виска. Стадные инстинкты сильны в человеке и многие «благодаря» им так никогда и не смогут узнать, что такое жизнь сердцем, что такое истинное счастье и удовлетворение. Люди боятся быть белыми воронами, боятся оказаться вне стада, так как не видят вне его ничего кроме смерти. Но я, мой друг, давно покинул стадо и, как видишь, не умер, а наоборот обрел силу и узнал, что такое истинная свобода. Сегодня я знаю наверняка, что в стаде быть свободным невозможно. Свобода живет за пределами стада, там, куда человек из-за невежества поселил смерть... Мой друг, я хочу, чтобы ты знал, что тебя никто не заставляет делать что-либо против твоей воли. Ты можешь пройти возле этого человека, как остальные люди, не обращая на него внимания, но при этом твой страх останется с тобой, а можешь сделать то, что не сделает больше никто, при этом избавившись от страха, мешающего тебе вдохнуть жизнь полной грудью. Выбор, мой друг, в этой удивительной жизни всегда будет за тобой. Каким он будет, решаешь только ты.

— Merde! — пробормотал Николас и попытался улыбнуться, но вместо улыбки на лице появилось некое ее подобие. — Открыть бизнес было намного легче, чем заговорить с бомжом... Мне кажется,

я еще не готов к этому, учитель. Не готов к тому, чтобы посмотреть, что находится за пределами стада.

— Готов или нет, решать тебе, — улыбнулся старик и добавил. — Как и жить сердцем или жить разумом.

Николас оглянулся, пробежался взглядом по лицам прохожих и спрятал взгляд в спасительной траве. Зубы начали покусывать губы, желваки заиграли на скулах.

— Нет, — сказал Николас после минутного молчания. Подняв голову, он посмотрел старику в глаза. — Я не хочу быть рабом страха. Я сделаю это и сделаю прямо сейчас. Плевать, что подумают другие. Мнениями других дорога в ад мостится.

Николас втянул носом воздух, выдохнул его и направился к мужчине, стоявшему у ворот парка и просившему милостыню.

Старик смотрел Николасу в спину и улыбался. Он знал, что если Николас сделает то, что задумал, он станет другим человеком, он вдохнет запах истинной свободы, свободы, о существовании которой многие и не подозревают.

Старик видел, как Николас подошел к мужчине и что-то тому сказал. Мужчина посмотрел на Николаса и что-то ответил. Старик заметил, как мужчина напрягся, на его лице на миг появилось выражение растерянности, сменившееся вниманием. Мужчина слушал, что ему говорил Николас. Пальцы его то сжимали, то разжимали жестянку, которую он держал в руках. Взгляд его уткнулся в землю, затем устремился в сторону и наконец-то уперся в небо. Подождав пока Николас закончит говорить, мужчина что-то ему сказал, после чего развернулся, поднес руку к глазам и пошел прочь. Николас также не задерживался, минуту спустя он уже стоял возле старика и светился довольной улыбкой.

— Ты все же это сделал? — спросил старик, словно и не видел того, что происходило на его глазах.

— Ага, — Николас готов был взорваться от счастья, распиравшего его изнутри. — Он даже прослезился.

— Значит, ты достучался до его сердца. Что же ты ему сказал?

— И не помню уже, — Николас почесал затылок и посмотрел вслед мужчине. — Что-то из того, что и вы мне говорили: о жизни сердцем, об иной жизни и настоящем счастье. В общем, говорил все, что на ум приходило.

— А взгляды других людей, которые на тебя до сих пор смотрят, как на сумасшедшего, тебя не смущают?

— Где? — Николас принялся вертеть головой по сторонам.

— Я пошутил, — улыбнулся старик.

— Если смотрят, пусть смотрят, — пожал плечами Николас. — Мне все равно, что они думают.

— Это хорошо, потому что, если они что-то и думали о тебе, когда видели тебя возле того мужчины, то сейчас давно уже забыли и о тебе, и о том мужчине, с которым ты разговаривал. Большинству людей не интересны другие люди, если они хоть чем-то похожи на них самих. Мысли других людей, по большому счету, занимают они сами, их проблемы, старые воспоминания, обиды и сожаления, поэтому переживая о том, что о нас думают другие, мы проводим свою жизнь в бессмысленности. Идем, мой друг, не будем понапрасну тратить время. Уверен, нам еще многое предстоит увидеть.

Старик и Николас двинулись ко входу в парк. У входа старик остановился и сказал:

— Если ты все еще хочешь помочь кому-то деньгами, помоги этой женщине, — старик посмотрел в сторону женщины с ребенком в инвалидной коляске. — Ее жизнь наполнена болью и хотя ты не излечишь ее от этой боли, уменьшить ее силу тебе будет по силам.

— Хорошо, учитель, — сказал Николас и подошел к женщине. Достав из кармана сто гривен, он протянул их ей со словами «Возьмите. Они вам могут понадобиться». Женщина удивленно посмотрела на Николаса. Рука дрогнула, как-то неловко подалась вперед и взяла деньги.

— Спасибо вам большое, — сказала женщина дрогнувшим голосом. — Пусть боженька хранит вас и вашу семью.

— Спасибо, — ответил Николас и подошел к старику. — Ну, вот. Можем идти дальше.

— Тогда пошли, мой друг, — сказал старик, направляясь вглубь парка.

Не успел он пройти и двух шагов, как обернулся к Николасу и спросил:

— А что это за колонна впереди, — старик указал на высокую колонну, возвышавшуюся на постаменте в центре парка.

— Монумент Славы, — Николас поравнялся со стариком и двинулся с ним рядом.

— Должно быть, она как-то связана с Полтавской битвой, — предположил старик.

— Да, — кивнул Николас. — Насколько я помню, этот монумент построили в честь столетия победы над шведами в Полтавской битве. Где-то в 19 веке. Вот с тех пор она и стоит тут.

Старик подошел к монументу. Колонна стояла на ступенчатом кирпичном постаменте, в основу которого было вмонтировано, — старик пересчитал, — восемнадцать пушек-трофеев Полтавской битвы 1709 года. Верхушку колонны венчала полусфера, на которой расправил крылья позолоченный орел с молниями в когтях и лавровым венком в клюве.

— Сколько-то людей погибло, — сказал старик, разглядывая монумент. — Только вот зачем, кто мне ответит?

— Точно не я, учитель, — сказал Николас, запрокинув голову и рассматривая блестевшего в лучах солнца орла наверху колонны. — Я историю своего государства не очень хорошо помню, вашего же совсем не знаю.

— Такую историю я хотел бы не помнить, мой друг. Здесь нечем гордиться. Сколько бессмысленных войн, сколько бессмысленных жертв. История Украины, как и история любого другого государства — это история порабощения одного человека другим, история слез, боли и смерти. Человечество выросло на крови, вся история его становления пропитана кровью невинных и эта кровь льется до сих пор. Вместо того чтобы уважать друг друга, ценить жизнь каждого живущего на планете существа, мы сеем смерть и разрушения, а потом удивляемся почему в мире столько много зла. Идем, мой друг, отсюда. В этом месте пахнет смертью, пахнет невежеством человеческого разума, — старик вздохнул, понурил голову и двинулся к выходу из парка. Николас задержался возле колонны, раздумывая над словами старика, затем развернулся и отправился вдогонку за стариком.

* * *

Оставив Корпусный сад позади, Николас повел старика вниз по Октябрьской улице и некоторое время спустя они уже были на Ивановой горе.

— Какой чудесный памятник! — воскликнул старик, разглядывая конструкцию перед глазами, состоящую из ложки и тарелки, наполненной галушками.

— Памятник полтавской галушке, — улыбнулся Николас.

— Забавный какой. Побольше бы таким памятников, а не тех, что напоминают о бессмысленно пролитой крови. Такой памятник и глаз радует, и сердце веселит.

— А вот там, — Николас указал в сторону белого здания с золотыми куполами, — Успенский собор, а возле него усадьба Котляревского.

— Котляревского? — старик улыбнулся. — Неужто Ивана Котляревского, который «Энеиду» написал? Вот это место надо обязательно посетить.

— Так идемте, учитель, — рассмеялся Николас. — А вот после усадьбы Котляревского я вам покажу место, которое вам точно понравится.

— Что же это за место такое?

— Увидите.

— Хорошо, — кивнул старик. — Тогда пошли, посмотрим усадьбу, а потом — твое таинственное место.

Старик и Николас направились к усадьбе Котляревского, где старик долго бродил, переходя от одной постройки к другой. Сарай, амбар, колодец-журавль, дом писателя.

— Вот это и есть настоящая Украина, — сказал старик Николасу. — Как хорошо воссоздали дух той эпохи. Век восемнадцатый, полагаю. Удивительные чувства. Как будто попал в прошлое, то удивительное прошлое, когда люди радовались цветущим яблоням и грушам, восходу солнца и капелькам дождя, падающим с неба, а не новой машине, высокооплачиваемой работе или деньгам на банковском счету.

— Другие времена — другие нравы, — Николас остановился возле сарая с соломенной крышей. — А знаете, учитель, — добавил он спустя мгновение, — и, вправду, чувства как будто попал в прошлое. Как же это место не похоже на то, что находится за его пределами, на

город с высотными домами, торговыми центрами и асфальтированными улицами, пропахшими угарным газом и бензином.

— Совершенно непохоже, — согласился старик. — Но стоит выйти за ворота усадьбы, и пелена спадет с глаз, мы окажемся в настоящем с его кирпичными домами и асфальтированными улицами.

— Учитель, — Николас повернул голову к старику. — Вы думаете, время, в которое мы живем, делает людей несчастными?

— Нет, — старик мотнул головой и посмотрел на деревянный заборчик, окружавший одну из построек. Взгляд переместился на маленькие окошки, ставни, соломенную крышу постройки. — Беда современного человека не во времени, в которое он живет, а в том, как он живет. Мир, который был когда-то, уже никогда не вернешь, он растворился в прошлом и о нем напоминают только вот такие музеи, — старик обвел головой усадьбу Котляревского. — Современный мир тоже когда-то станет частью прошлого, его сменит новый мир. Каким он будет? То, что я вижу сегодня, заставляет меня с содроганием смотреть в будущее человека на этой удивительной планете. Современный человек живет невежеством, которое заставляет его думать только об одном — о жажде наживы. Современный мир — это мир рабского преклонения перед деньгами. Но деньги — это жестокий бог. Тот, кто поклоняется ему, часто обретает удовольствие, но еще чаще теряет удовлетворение. Есть люди, которые полагают, что мы приходим в этот мир для того, чтобы получать удовольствие. Если это так, тогда почему в мире так много разочарованных в собственной жизни людей? Может из-за того, что им не хватает в жизни удовольствий? Но современный мир уже задыхается от наличия в нем бесчисленного множества всевозможных удовольствий. А человеку все равно мало. И всегда будет мало, так как человеческий разум ненасытен, — старик умолк и посмотрел на зелень и цветы, растущие под окнами дома писателя.

— Часто ли ты, мой друг, видел такую красоту возле современных домов? — старик опустил на корточки перед деревянным заборчиком, вытянул над ним руку и провел ладонью по стеблю высокого растения с большими белыми головками цветов.

— Нет, — услышал старик ответ Николаса.

— И я так думаю, — вздохнул старик. — Возле многих домов и травы уже нет, а если где-то и осталась, то наверняка ненадолго, скоро

и ее уничтожат колеса машин и ноги человека, — старик поднялся на ноги. — Больно осознавать, что ты живешь в мире, который населяют невежественные люди. Но еще больнее видеть результаты деятельности невежественных людей... Я хотел бы осмотреть дом, в котором жил Котляревский, изнутри. — Если хочешь, мой друг, можем посетить его вместе, а нет, тогда подожди меня здесь. Я недолго пробуду в доме.

— Нет, я с вами, учитель, — сказал Николас. — Но, знаете, Котляревский не жил в этом доме. Это реконструкция.

— Это уже не так важно, мой друг, — старик улыбнулся и направился к дому.

* * *

— Как красиво, — прошептал старик, чувствуя как дух захватывает от того вида, что открылся ему, когда они с Николасом покинули усадьбу Котляревского и подошли к круглой белой беседке на Ивановой горе. Старик видел город, раскинувшийся перед глазами, видел Ворсклу, бегущую по равнине к далекому Днепру, видел монастырь на соседнем холме. Голова его закружилась от нахлынувших чувств, и ему пришлось опуститься на лавочку, чтобы не упасть.

— Это про это место ты мне говорил, мой друг? — спросил он у Николаса, стоявшего рядом и рассматривавшего беседку, возвышавшуюся недалеко от них.

— А это что? — старик кивнул на беседку.

— Ротонда дружбы народов. По-моему так ее называют. Также как-то связана с Полтавской битвой.

— А вверху слова что ли? — старик поднялся с лавочки, запрокинул голову и двинулся к ротонде.

— Да, слова, — Николас уже был рядом. — Говорят, послание Котляревского.

— Что ж нам завещал-то Котляревский? — старик запрокинул голову и начал читать. — Де згода в сімействі, Де мирі тишина, Щасливі там люди, Блаженна сторона... Да, — кивнул старик,

прочитав слова-напутствие Котляревского. — Там, где согласие, там мир, а где вражда, там война.

Старик отвернулся от ротонды и снова подошел к краю холма. Взгляд его устремился к голубому океану неба, спустился ниже и утонул в океане зелени с многочисленными квадратами и прямоугольниками уродливых новостроек.

— Не будь их, — подумал старик, — вид был бы еще красивее. Нет, то, что создает человек не идет ни в какое сравнение с тем, что создает матушка-природа. словно нерадивый ученик копирует великого мастера.

— Какова наша дальнейшая программа, мой друг? — старик повернулся к Николасу.

— Не знаю, как вы, учитель, но я бы сейчас с удовольствием оказался бы в одной из кафешек вон там, — Николас кивнул на город внизу. — Устал я ходить по жаре и, если честно, я проголодался. Так что дальнейший пункт несуществующей программы, если вы не против, предлагаю перенести на попозже.

— Я не против, — сказал старик, смахивая пот, выступивший на лбу. — От нескольких минут, проведенных в тени, и я бы не отказался, да и ноги мои стариковские подустали. Мы уже много часов ходим без отдыха, поэтому давай спустимся с этого холма и найдем место, где можно отдохнуть. Заодно ты поешь, а я понаслаждаюсь прохладой тенька.

— Договорились. Идемте, пока нас ноги еще слушаются.

— Идем, идем, — старик улыбнулся и двинулся следом за Николасом.

* * *

Полчаса спустя старик и Николас уже сидели в одной из кафешек Полтавы. Николас заказал себе жаркое с грибами и салат винегрет, старик же, сославшись на отсутствие аппетита, остановил выбор на травяном чае и теперь тихо посербывал его. Мыслями он вернулся на Иванову гору, в усадьбу Котляревского. Думал он о тех чувствах, что возникли у него в груди тогда, когда он бродил по усадьбе от постройки к постройке, любуясь тем, что видели его глаза. Его сердце

радовалось в те минуты, едва ли не также само, как в те времена, когда он любовался природой, следуя из одного города в другой несколько недель назад. И теперь старик сидел напротив Николаса и ломал голову над тем, что заставляло его испытывать столь похожие чувства в таких разных, на первый взгляд, ситуациях. Вспомнив еще раз виды полей и лесов, через которые он проходил и усадьбу Котляревского, цветущую и зеленеющую посреди каменных джунглей, старик понял в чем дело. В усадьбе Котляревского он видел не часть привычного для него современного мира, мира большей частью искусственного и утратившего связь с природой, а самую что ни на есть составную частицу природы, видел иной мир, мир живой и неотделимый от природы.

— Так вот в чем дело, — пробормотал старик. — Покидая села и перебираясь в города в поисках лучшей жизни, люди удаляются от матушки-природы, тем самым обрекая свое сердце на муки.

— Это вы о чем, учитель? — спросил Николас, ковыряясь вилкой в горшочке, в котором находилось жаркое с грибами.

Старик вздрогнул, услышав голос Николаса, и вернулся в настоящее.

— А вот подумываю о том, что люди зря покидают села и поселяются в городах.

— Почему же? — Николас отправил в рот очередную картошину.

— Из-за этого они отдаляются от матушки-природы. Когда мы были в усадьбе Котляревского, я чувствовал себя так, словно вернулся домой после долгих скитаний. Возможно, это связано с тем, что я родом из села, но знаешь, мой друг, не думаю, что все дело в этом. Скорее всего, мои чувства были связаны с тем, что я ощущал себя, когда ходил по усадьбе, частицей матушки-природы. Здесь же, — старик развел руками, — я ощущаю себя, словно запертым в клетку. Живя в селе, человек каждый день проводит бок о бок с матушкой-природой, наслаждается видом полей, рек и лесов, ощущает неразрывную связь с матушкой-природой, а живя в городе, в тесноте его улиц, среди уродливых многоэтажек и асфальтированных дорог, он мучается, потому что связь с матушкой-природой разорвана, дитя разлучено с матерью, вокруг каменные джунгли, и человек живет в этих джунглях, как в клетке, может даже эта клетка и золотая, но все же от этого она не перестает быть клеткой. А для человеческого сердца

очень важно чувствовать связь с природой. Для разума эта связь неважна, как и сама природа в целом, но вот для сердца..., - старик взял в руки заварной чайничек и наполнил чаем чашку. Запах мяты, липы и еще много чего ударил старику в нос, заставив того сначала поморщиться, а затем довольно улыбнуться.

— Значит, нам всем стоит перебраться в села, учитель? — спросил Николас, запуская вилку в тарелку с винегретом.

— Для современного человека так было бы лучше, — кивнул старик, поглаживая бороду. — Только вот людей в современном мире столько, что для того, чтобы их поселить всех в селах, придется вырубать леса, чтобы освободить место под села. А это не лучшее решение. Разрушить природу все равно что убить родную мать или разрушить дом, в котором живешь. Нет, пусть лучше человек и дальше мучается в каменных джунглях, чем от него будет страдать матушка-природа. Она итак, кроме зла, от него ничего больше не знает. Но даже, если человек решится вернуться в село, сделают это единицы. Большинство людей, живущих разумом, откажутся от этого, так как разум ищет удовольствий. В селе их мало, а вот в городе их более чем достаточно.

— А знаете, учитель, я знаю многих богатых людей, которые в город только на работу ездят, а сами живут за городом в частном доме. Причем эти мои знакомые не только из Украины, многие из них живут в Западной Европе.

— О чем я и говорю, — сказал старик. — Богатые люди понимают, что близость к природе может вернуть их душе спокойствие, остальные этого не понимают, поэтому и мучаются.

— Я тоже всегда хотел иметь дом за городом, — сказал Николас, посмотрев на старика. — Всегда хотел жить вдали от городского шума, грязного воздуха и огромного скопления людей. В будущем обязательно куплю дом за городом. Когда женюсь, наверное. Самому можно и помучиться, — кривая усмешка появилась на лице Николаса. — Намного приятнее просыпаться и видеть живую красоту полей и лесов, чем мертвые и уродливые многоэтажки.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — улыбнулся старик. — Очень хорошо.

— Благодаря вам, учитель, я теперь на многое смотрю иначе. Видите, — Николас ткнул пальцем в горшочек с остатками картошки и

грибов, — вместо картошки с мясом я ем картошку с грибами, —
Николаас рассмеялся и засунул в рот вилку с нахромленной на нее
ножкой от шампиньона. Ваше сердце, надеюсь, довольно.

— Вижу, мой друг, — улыбка на губах старика стала шире. — Но
не думай о моем сердце, думай о своем. Если будет довольным твое
сердце, будет довольно и мое.

— Мое сердце довольно, учитель, — сказал Николаас, посмотрев
старика прямо в глаза.

— Значит довольно и мое, — сказал старик, глядя в глаза
Николааса и улыбаясь.

Глава 16

Истинная любовь

Следующие несколько дней старик провел не выходя из квартиры, мучаясь от боли, тошноты и рвоты. Он чувствовал, что с каждым новым днем ему становится хуже. Не раз в глазах его темнело, а тело покрывалось потом. Светлана и Николас хотели вызвать скорую, но старик противился. Он знал, что скорая ему не поможет, поэтому мужественно терпел мучения, надеясь на то, что старуха с косой не ждет его за ближайшим углом, что она еще далеко и только пугает его время от времени.

Когда становилось лучше, старик садился за книгу или проводил время в размышлениях. Думал он о своем прошлом, о настоящем и даже о будущем, которого с каждым новым днем у него становилось все меньше. Часто раздумывал старик над тем, что будет, когда он умрет. Что оставит миру, когда старуха с косой подберется достаточно близко, чтобы пустить в ход свое смертоносное оружие? Будет ли о нем хоть изредка вспоминать кто-то не из членов семьи? На эти вопросы старик ответа не знал, но хотел бы знать. К сожалению или к счастью, но ему было не дано знать будущее, особенно то, которое приходит в этот мир, когда тебя уже в нем нет. Поэтому старику ничего не оставалось, как на время забыть о будущем и сосредоточиться на настоящем.

Когда старику полегчало, они с Николасом отправились на целый день в село Диканьку, расположенную недалеко от Полтавы. Старик был большим поклонником фильма «Вечера на хуторе возле Диканьки», поэтому с удовольствием захотел посетить знаменитое село. Больше старик никаких экскурсий не хотел, хотя Николас и предлагал ему поехать посмотреть заповедник «Поле Полтавской битвы» — одну из главных достопримечательностей Полтавы. Жара на улице и слабость от болезни заставили старика оставшиеся дни до выступления на местном телевидении провести в квартире Светланы. Но старика это обстоятельство не опечалило. Он посмотрел уже достаточно достопримечательностей Полтавы, чтобы у него сложилось

впечатление о городе. Старику понравилась Полтава, и он был рад, что посетил ее.

Неделю старик пробыл в квартире Светланы, прежде чем стало известно хоть что-то о его выступлении. Как-то Светлана вернулась с работы и сообщила старику, что съемки передачи запланированы на вечер 18 мая. Проходить съемки будут в неформальной обстановке, за столиком одного из ресторанов Полтавы, в формате диалога. Оператор, ведущий и старик. Вот и все действующие лица передачи. Старик совершенно не возражал против такого формата передачи, так как все еще чувствовал волнение от осознания того, что ему предстоит выступить на телевидении, которое по мере приближения дня выступления только увеличивалось.

Оставшиеся до дня выступления дни старик провел в работе над рукописью и в мучениях от боли. Боль стала настолько частым посетителем старика, что он начал переживать как бы она не напомнила о себе и в день эфира. Как оказалось, волновался старик не зря.

Едва проснувшись, старик почувствовал тупую боль в правом подреберье. Открыв глаза, он уперся взглядом в потолок, да так и застыл на несколько минут. Мысли в голове путались. Старик чувствовал, как к волнению из-за выступления добавилось волнение из-за боли. Оставит ли она его в покое на тот небольшой промежуток времени, который будет длиться запись или, словно огонь разгорится еще больше? Старик хотел надеяться, что этого не произойдет. Но надеяться и знать — разные вещи и, тем не менее, знаний у старика на этот счет не было, были только надежды, призрачные и ненадежные.

Из кухни доносились звуки шагов и звон посуды. Старик посмотрел на висевшие на стене часы. 8:34.

— Должно быть Николас, — подумал старик, вспомнив, что у Светланы сегодня рабочий день. Девушка уезжала на работу рано, часто раньше семи часов утра, а вот возвращалась поздно — не раньше девяти часов вечера. Вчера они решили, что к шести часам вечера Светлана заедет за стариком и отвезет их с Николасом на студию, откуда до ресторана, где должна была сниматься передача, они доберутся пешком, благо до него было рукой подать.

Возле кровати послышался шорох и мгновение спустя на кровать к старику запрыгнула Дуня. Кошка забралась к старику на живот и

улеглась на нем, как ни в чем не бывало. Старик улыбнулся и погладил животное.

— Доброе утро, Дуня, — сказал старик, почесав кошку за ухом. Та в ответ замурлыкала, посмотрела на старика и свернулась калачиком.

Старик гладил кошку и размышлял о кошачьей судьбе. Как и человек кошка рождается, оставляет потомство и умирает. Кошка живет инстинктами. Человек также живет инстинктами, но в отличие от любого животного уровень развития его разума и сердца значительно выше, чем у животных. Поэтому он способен не только и не столько выполнять, заложенную в него программу по воспроизведению себе подобных, но и сосредотачивать внимание на том, что неведомо ни одному животному — искать себя в жизни, влиять на свое будущее и учиться, развиваться, становиться более совершенным организмом, чем он является на настоящий момент.

Старик посмотрел на кошку, греющую теплом своего тела его живот. В чем смысл жизни этого существа? Был ли вообще у него смысл жизни или о смысле жизни может говорить только такое высокоразвитое существо, как человек? По всей видимости, единственным смыслом жизни животного является воспроизведение себе подобных. Иного смысла жизни животных старик не видел. Следовать программе, заложенной матушкой-природой в их неспособный к развитию разум, — вот для чего приходят в этот удивительный мир животные. Они живут инстинктами, которые, словно заслонки, ограничивают их развитие. Над инстинктами животное подняться неспособно и даже не осознает, что что-то может быть вне инстинктов, вне программы. В каком же выигрышном положении по сравнению с животными находится человек. Каким удивительным потенциалом он обладает! Возможности его разума безграничны! Как и над любым другим животным над ним часто довлеют инстинкты, но в отличие от других животных он не связан инстинктами, он способен вести жизнь вне инстинктов, осознавать себя кем-то большим, чем обычное животное, не способное ни на шаг отойти от программы, заложенной в него матушкой-природой. Как велик человек и как невежественен вместе с этим. Имея такой невероятный потенциал он, по большому счету, ведет жизнь мало в чем отличную от жизни обычного животного, животного в силу

конечного развития не способного жить иначе, чем живет. Но развитие животного ограничено-то матушкой-природой, развитие же человека ограничено только его разумом. Какой парадокс! Человеческий разум, способный творить чудеса, ограничивается способностями разума обычного животного, животного не знающего о жизни за пределами инстинктов....

В комнату вошел Николас.

— Доброе утро, учитель, — сказал он, заметив, что старик не спит. — Как настроение? Готовы к тому, что скоро станете известной личностью?

— Доброе утро, мой друг. Говоришь, стану известной личностью? Не знаю готов ли я к этому. Никогда не стремился к тому, чтобы быть известным, поэтому даже не представляю, радоваться этому обстоятельству или грустить.

— Конечно радоваться, — рассмеялся Николас. — Черкассы стали началом вашего пути к славе, а Полтава — продолжение. Кто знает, что будет дальше? Не удивлюсь, если увижу вас и на национальном телевидении.

— Главное чтобы от этого был толк.

— Обязательно будет. Сегодня о жизни сердцем узнает вся Полтавская область. Думаю, это очень неплохо.

— Неплохо, — кивнул старик. — Чем больше людей будут знать о жизни сердцем, тем прекраснее будет мир, в котором мы живем.

— Да, это было бы замечательно, только вот знать о жизни сердцем и жить сердцем — это разные вещи. Многие ли захотят жить сердцем? Не испугаются ли люди жить сердцем в мире, где, как вы говорите, большинство живет разумом. Вот я о чем думаю.

— Этого нам уже не дано знать, мой друг. Мне остается лишь верить и надеяться, что узнав о жизни сердцем, люди захотят жить сердцем, захотят узнать, что значит действительно быть счастливым человеком, человеком, который искренне радуется жизни и который получает от нее удовлетворение.

— Удивительный вы человек, учитель. Иногда думаю: и зачем вам это надо? Другой бы на вашем месте думал бы только о себе, вы же думаете о целом мире.

— Я чувствую себя счастливым, когда делюсь с людьми знаниями. Это приносит мне удовлетворение. К тому же, заботиться о своем доме

— это наша обязанность. Я хочу, чтобы наш мир был светлым местом, подобием библейского эдема, где люди и животные живут в мире, где нет места войнам и смертям, ссорам и зависти. Я понимаю, что этот мир кажется слишком идеальным, чтобы существовать на самом деле, но разве стремиться к совершенству не значит в какой-то мере стремиться и к идеалу. Неважно, что никто не знает, каким должен быть этот идеал. Важно только само стремление, движение к высшей цели, к чему-то более великому, чем то, что существует в мире сегодня. Ведь если мы, люди, существа, наделенные безграничным потенциалом, не будем этого делать, тогда кто же вместо нас это сделает? Вот эта бессловесная тварь или ей подобные? — старик указал на кошку, урчащую на его животе. — Если этого не сделает человек, тогда этого никто не сделает.

— А вы не думали, учитель, что может не надо никуда стремиться, может никаких идеалом и не существует, что все эти идеалы — всего лишь наши фантазии, иллюзии, которыми мы питаем себя от безделья, желая хоть как-то разнообразить свою жизнь? Что-то наподобие похода в кино или просмотра телевизора, только более сложного варианта времяпрепровождения.

— Если бы все наши стремления были иллюзиями, тогда бы мое сердце молчало, а не побуждало все время двигаться вперед. Сердце не создает иллюзий в отличии от разума. Если оно к чему-то стремиться, значит и нам не следует сидеть сложа руки, бессмысленно расходуя жизненное время. Наша жизнь целенаправленна, мой друг. Стремление к чему-либо заложено в нашей природе и если не стремиться, тогда зачем жить? Без стремления жизнь была бы скучна и однообразна, по крайней мере, для меня.

— Согласен, учитель, — сказал Николас. — Даже Дуня стремиться к еде, когда проголодается, что уж говорить о человеке.

Услышав свое имя кошка подняла голову и посмотрела на Николаса, затем соскочила на пол и принялась вертеться у его ног.

— Пойду, дам ей чего-нибудь, — сказал Николас, направляясь на кухню. — Интересно, кошки хоть когда-нибудь наедаются? Или им, как и людям всегда все мало?

Николас вышел из комнаты. Кошка подняла хвост и бросилась за ним, то и дело, издавая мяуканье.

Старик поднялся с дивана, оделся и убрал после себя постель. Подойдя к двери балкона, он выглянул на улицу: белесо-голубое небо было безоблачным, ветра не было. Вдалеке, окруженный кольцом многоэтажек, блестел в лучах солнца купол церкви. День обещал быть жарким. В квартире было душно, и старик открыл балконную дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха. Но, пожалуй, лучше не стало: теплый, прогретый солнцем, воздух нисколько не освежил помещение. Старик подошел к столу, на котором лежала рукопись, и взял тетрадь в руки. Пролистав ее, он улыбнулся и положил назад. Глядя на листы тетради, исписанные кривым почерком, старик почувствовал, что рукопись почти готова. Работа над ней близилась к завершению, как и его странствия. Старик чувствовал это. Откуда появилось это чувство он не знал, да и не горел желанием узнать. Для него было достаточно того, что это чувство существует и оно говорит ему, что вскоре он сможет отдохнуть. Было ли это предчувствие скорой смерти? Старик был уверен, что нет. Скорее это было предчувствие скорого отдыха.

Старик вытер со лба пот: на улице было жарко, жарко было и в квартире. Старик подумал о том, что холодный душ ему бы не помешал. С этими мыслями он и направился в ванную.

* * *

— Ну как вы готовы, Александр Петрович? — спросила Светлана, едва успев переступить порог квартиры.

Старик сидел на диване и разговаривал с Николасом. Дуня лежала на коленях Николаса и спала. Часы на стене показывали 17:35.

— Как бывший пионер могу сказать, что всегда готов, Светлана, — старик улыбнулся и поднялся с дивана.

— Замечательно. Тогда поехали, у нас мало времени, а сделать предстоит еще ой как много, — сказала Светлана, но заметив Дуню на коленях Николаса, девушка навесила на лицо маску удивления и воскликнула:

— Что я вижу! Дуня на коленях у Николаса! Ники, ты нашел себе новую подружку?

— Какая наблюдательность, — ухмыльнулся Николас. — Но скорее это не я ее нашел, а она меня нашла. А тебе что завидно? — Николас расплылся в улыбке.

— Было бы чему завидовать, — равнодушие появилось на лице Светланы. — Едемте, Александр Петрович, а Николасу, наверное, лучше здесь остаться. Пусть еще порадуется кошке на коленях. Будь я на его месте, меня бы радовали девушки на коленях, но никак не кошки. Странные однако парни пошли. Кошек с когтями не боятся, а от беззащитных девушек бегут.

Николас снял с коленей кошку и положил ее на диван, после чего поднялся на ноги и улыбнулся.

— Вот такие вот мы парни.

— Я заметила, — вздохнула Светлана, поворачиваясь к старику. — Вы со мной согласны, Александр Петрович? Современные парни какие-то пугливые. Не то, что раньше были. За девушками и в огонь, и в воду могли броситься. Вот скажите мне, Александр Петрович. Вы бы бросились за девушкой в огонь?

— Бросился бы, — улыбнулся старик, одевая на ноги шлепанцы. — Только вот зачем?

— Ну, как зачем? А как же любовь? Разве из-за любви не стоит приносить жертвы?

— Истинная любовь не требует никаких жертв. Любовь — это созидательное чувство, оно не приемлет боли и страданий, даже во имя себя.

— Александр Петрович, ну, что вы такое говорите? Если парень и девушка любят друг друга, разве они не пойдут на жертвы, чтобы доказать свою любовь? Ведь когда любишь, ты не просто готова, а хочешь жертвовать, хочешь отдать себя всю любимому человеку. Ведь это же и есть настоящая любовь, жертвовать собой ради другого.

— Я думаю совершенно иначе, — сказал старик. — Может так любят те, кто любит разумом, но те, кто любит сердцем, делает это совершенно иначе. Любовь — это творение, а не страдание. Истинная любовь — любовь, которая рождается в сердце — не приемлет страданий, ведь страдания обрекают человека на мучения, тем самым разрушая его. А то, что разрушает не может быть любовью. Когда к человеку приходит истинная любовь, он никогда не станет жертвовать собой ради другого человека, ведь жертвуя он убивает отношения.

— Но почему он убивает отношения? — спросила Светлана, вскидывая брови.

— Потому что там, где есть жертвы, нет любви. Там есть боль, мученичество, непонимание, но любви там нет.

— Я вас не понимаю, Александр Петрович.

— А вот я, кажется, понял, — встрял Николас. — Свет, вот скажи, ты готова пожертвовать собой, своим временем, своими интересами ради другого человека? Готова забыть о себе ради другого?

— Конечно. Если я буду любить этого человека, обязательно так и сделаю.

— Тогда ты очень быстро разочаруешься не только в себе и другом человеке, но и в окружающем мире, потому что твои отношения будут построены на твоих страданиях. Учитель часто говорит, что любовь к себе рождает любовь к другим и окружающему миру, а если так, то твои страдания будут говорить о том, что ты не любишь себя. Будь иначе, ты никогда не сделала бы себе больно. Я прав, учитель? — Николас посмотрел на старика, ища у того поддержки.

— Да, это я и имел в виду, — улыбнулся старик. — Светлана, любовь, которая рождается у нас в груди созидает, но не разрушает. Страдания же это разрушения, поэтому в отношениях, где любовь истинна, люди не будут жертвовать собой ради партнера. Их усилия будут направлены на поддержку, взаимопомощь и взаимовыручку, но не на жертвы одного ради другого.

— Тогда никакая это не любовь, а самый настоящий эгоизм, — фыркнула Светлана.

— Но почему же? — улыбка сверкнула на губах старика. — Эгоизм — это сосредоточенность на себе для себя, любовь же — это сосредоточенность на себе для других.

— Хорошо сказано, учитель, — заметил Николас, направляясь к столу. — Надо записать эти слова, чтобы не забыть.

Старик улыбнулся и продолжил:

— Любовь похожа на эгоизм только тем, что и там и там существует сосредоточенность на себе, но результат этой сосредоточенности совершенно разный. Парадокс в том, что когда ты любишь себя, заботишься о себе и дорожишь собой, то делаешь это не для себя. Я приведу пример, Светлана, так будет более понятно. Когда

человек любит себя, он, конечно же, будет заботиться о своем здоровье, так как здоровье позволит ему задержаться на этой чудесной планете как можно дольше. Но с какой целью он будет желать пожить подольше? Вот эта цель и есть различие между эгоизмом и любовью. Если человек стремится жить дольше для того, чтобы получить для себя от жизни как можно больше выгоды — это эгоизм. Но если его цель сохранить здоровье, чтобы сделать как можно больше для мира, других людей — это любовь. В эгоизме — выгоду получает одна сторона, в любви — выгодно всем, и человеку, и другим людям, и целому миру.

— Может это не любовь, а альтруизм? — засомневалась Светлана.

— Нет, в альтруизме, как и в эгоизме, выгоду получает одна сторона, та, в пользу которой жертвуют, — сказал старик.

— Ладно, может вы и правы, Александр Петрович, — сдалась Светлана и посмотрела на наручные часы. — Ой! Шесть часов уже! Быстро в машину, мы в шесть должны были быть на студии... Николас, ты за руль, а то я для быстрой езды не подхожу.

— Нет, милая, — Николас надел кроссовки. — За рулем ты. Мои права меня ждут в Кременчуге, в бардачке в машине.

— О, блин! — только и сказала Светлана, открыла входную дверь и вышла в предбанник.

Старик последовал за ней. За ними квартиру покинул и Николас.

* * *

Старик сидел на мягком кожаном диване в одном из VIP-помещений ресторана и пил чай. Прямо перед ним стоял столик с лакированной столешницей, на котором стояло блюдо из-под его чашки, заварной чайник и еще одно блюдо с чашкой — для Марины, симпатичной брюнетки со слегка прищуренными глазами и миловидным лицом. Марина была ведущей передачи, и именно ей предстояло общаться со стариком.

Старик отпил из чашки. Волнение, охватившее его ранее, стало спадать. Когда они приехали на студию, выяснилось, что съемки начнутся только через час, чему старик не сильно обрадовался, так как понимал, что чем больше ждешь, тем больше волнуешься. Тем не

менее, новость старик воспринял мужественно, стараясь не показывать своих волнений.

Прошло уже тридцать минут, как они с Николасом и Светланой пришли в ресторан, где должны были проходить съемки передачи. За это время ему на лицо уже успели нанести немного грима. Для чего, старик не знал, да и не слишком любопытствовал по этому поводу.

Старик опустил голову и увидел микрофон, прикрепленный к рубашке. Дрожь в который раз пробежала по телу старика. Сказывалось нервное напряжение. В помещении в отличие от улицы было прохладно, так как работали кондиционеры.

Старик прикоснулся губами к чашке и посмотрел по сторонам. В нескольких метрах от стола стояла камера и сверлила его своим единственным глазом. Старик ощущал неловкость и скованность, когда смотрел в этот глаз камеры. Но когда он не смотрел на нее, ему было намного лучше, поэтому и сейчас он постарался не задерживать на ней взгляд. В стороне от камеры стояли горшки с деревцами-пальмами. По бокам от дивана примостились красивые напольные вазы. За спиной у старика находилась стеклянная перегородка, вся изрисованная узорами на растительную тематику. У выхода из комнаты стояли Марина, Светлана, Николас и Олег, оператор. Четверка не обращала на старика внимания, увлекшись разговором. Только Николас время от времени бросал на старика участливые взгляды, памятуя о приступах боли, в последнее время зачистивших к старику.

Старик поставил чашку на блюдце, оперся спиной о спинку дивана и закрыл глаза.

— Все будет хорошо, — сказал он себе. — Не стоит волноваться. Постарайся расслабиться и просто будь самим собой. Доверься сердцу. Оно поможет тебе.

Старик открыл глаза и увидел, что Николас и Светлана куда-то пропали. Марина же и Олег направлялись в его сторону. Олег остановился возле камеры, а Марина подошла к старику и улыбнулась.

— Все хорошо? — спросила она, опускаясь на диван и ложа руки на колени. — Волнуетесь?

— Есть немного, — признался старик.

— Не волнуйтесь, — подбодрила старика девушка. — Помните, что если что-то не получится, мы всегда можем переснять отснятый материал. Камера пугает?

— Есть и такое.

— Тогда не смотрите в нее. Помните, что вы со мной общаетесь, а не с камерой. Вообще забудьте о ее существовании.

— Хорошо, — улыбнулся старик, чувствуя, как по телу ширится волна спокойствия.

— Просто будь собой и слушай сердце, — напомнил он себе.

Мгновение спустя старик был совершенно спокоен, с интересом поглядывал на камеру и ждал начала съемок. Марина повернулась к Олегу и спросила о готовности камеры. Олег в ответ поднял вверх большой палец.

— Вот и чудесно, — сказала Марина и посмотрела на старика. — Готовы?

— Готов, — кивнул старик.

Девушка поправила микрофон на блузке и сказала:

— Тогда можем начинать.

* * *

Съемка планировалась не больше чем на тридцать минут, получилось — более часа. Отведенное для съемки время пробежало быстро, но на него никто не обратил внимания. Марина задавала вопросы, Александр Петрович отвечал. Старик рассказывал о своей жизни, о болезни, о своих странствиях, о Шарике и, конечно же, о жизни сердцем. Для старика это был один из тех удивительных моментов, когда на него снисходило некое вдохновение, мысли текли плавно, слова говорились увлеченно и вдохновенно. Раз или два старик смахивал слезы с глаз. Не раз тянула руку к своим глазам и Марина. Переснимать ничего не переснимали. Все отсняли за один раз.

Когда же съемка закончилась, лицо старика сияло от счастья, на сердце было легко и радостно. Старик был доволен собой и горд. Он чувствовал, что сделал великое дело, дело, которое способно изменить мир.

Старик попрощался с Мариной и Олегом и покинул комнату. У выхода из ресторана его ждал Николас.

— Ну, как? — улыбнулся Николас. — Рассказывайте, учитель.

— А что рассказывать? — пожал плечами старик. — Все прошло хорошо. Даже переснимать ничего не пришлось.

— Великолепно! — воскликнул Николас и рассмеялся. — Сегодня вы сделали огромный вклад в дело популяризации жизни сердцем. Это событие надо отпраздновать.

— Разве что чаем на ночь, — улыбка тронула губы старика.

— Чаем здесь не обойтись, учитель. Вы как хотите, а мы со Светланой отметим это событие бутылочкой хорошего французского вина. Идемте, зайдём на студию за Светланой, она просила зайти за ней, когда вы освободитесь. Заберем Светлану, заедем в маркет, купимся и устроим дома праздник.

Старик улыбнулся и двинулся за Николасом на улицу, думая о том, что он уже и забыл, как выглядит его родной дом. Вспомнив о родном доме, старик понял, как сильно соскучился за родными, за Любашей, Сашкой и Пашей, за внуками Витькой и Валеркой. За всеми! Надеются ли они его еще увидеть? Вспоминают ли они о нем? Вспоминают ли о том сумасшедшем старике, который бросил семью ради неумемного желания рассказать людям об истине, неких знаниях, способных изменить человеческую жизнь, наполнить ее настоящим счастьем и удовлетворением?

— Не пора ли вернуться домой? — подумал старик, покидая здание ресторана.

Прохладный вечерний воздух приятно оведал тело. Легкий ветерок шевелил волосы на голове. Старик запрокинул голову и посмотрел на небо. Тысячи звезд усеяли ночное небо и среди них, словно гений среди невежд, красовался, подернутый белесой дымкой, бледный диск луны. Было в нем что-то притягательное, зовущее, нечто обещающее умиротворение и отдых от мирских сует.

Старик улыбнулся и последовал за Николасом. Через несколько минут они были возле студии. Николас позвонил Светлане и сообщил, что они ее ждут у входа в студию. Девушка не заставила себя долго ждать, быстро спустилась, поздравила старика и сообщила, что передача с участием Александра Петровича выйдет в эфир завтра — утром и вечером в повторе.

Старик лишь улыбался, чувствуя, что еще немного и расплатится от переполнявшего его сердце счастья. Сопровождаемый Николасом и

Светланой старик направился к машине Светланы, припаркованной на стоянке перед зданием студии.

Светлана уже была в салоне машины, Николас со стариком также собирались присоединиться к ней, когда чей-то окрик заставил старика обернуться.

— Александр Петрович! — донеслось до старика.

От серого део-ланос, припаркованного неподалеку от машины Светланы, отделился среднего роста темноволосый мужчина в джинсах и тенниске.

— Здравствуйте, Александр Петрович, — поздоровался мужчина, приблизившись к старику. — Вы меня не узнаете?

— Здравствуйте, — сказал старик и внимательней посмотрел на мужчину.

Что-то в этом мужчине старику показалось знакомым, то ли походка, то ли внешность, то ли лицо. Да, именно лицо! Приятное волевое лицо с едва показавшейся щетиной на подбородке и скулах. Старик был уверен, что уже видел этого мужчину раньше, только вот память проказница, он не мог вспомнить где и когда.

— Простите, — улыбнулся старик. — Ваше лицо мне кажется очень знакомым, но я не могу вспомнить при каких обстоятельствах я мог вас раньше видеть.

Мужчина не спешил раскрываться. На лице его сверкала широкая улыбка. Казалось, ему доставляло удовольствие видеть, как мучается старик, пытаясь воскресить старые воспоминания. Старик же запустил руку в бороду и вглядывался в старика с таким усилием, словно пытался убедиться, а не из золота ли сделан человек, стоявший перед ним. За последние месяцы старик повстречал стольких людей, что теперь вспомнить одного из них для него было все равно, что найти булавку в стоге сена.

— Нет, я не могу вас вспомнить, — старик покачал головой и улыбнулся.

— А я вас, Александр Петрович, никогда не забуду, — сказал мужчина и выпалил мгновение спустя. — Владимир. Борисполь.

Старик напряг память. Брови сомкнулись над переносицей. Борисполь. Как давно он был в Борисполе. Казалось, это было еще в прошлой жизни. Старик заглянул в глаза мужчины, смеющиеся и

смышленные. Ну, конечно же! Владимир! Тот самый Владимир, которого старик...

— Как же вы изменились, — пробормотал старик, не веря своим глазам. Мог ли он узнать в этом солидном и ухоженном мужчине того алкоголика, которому когда-то помог добраться домой. — Владимир, — улыбка появилась на лице старика, а в глазах заблестели слезы. — Тот самый Владимир.

— Да, Александр Петрович, тот самый Владимир, который благодаря вам получил второй шанс на жизнь, — старик заметил, что не он один любитель поплакать; глаза Владимира странно заблестели в свете вечерних фонарей. — Владимир, который когда-то был конченным алкоголиком, нерадивым отцом и неблагодарным мужем, и который таким бы и остался, если бы не один странный старик, решивший спасти пропадающую душу из ада, который она сама себе и создала, — Владимир смахнул с глаза слезу. — Да, Александр Петрович, я — это то самый Владимир.

— Теперь вы не такой, каким были прежде, — сказал старик. — Я чувствую это и более чем уверен, что ваши жена и дети сегодня могут гордиться вами. Ведь это так?

— Так, Александр Петрович, — смущенная улыбка появилась на лице Владимира. — Многое изменилось с того времени. Очень многое... Вы тоже изменились, Александр Петрович. Я едва узнал вас. Вашей бороде могут позавидовать многие мудрецы древности... И, знаете, я слышал о вашем Шарике. Мне очень жаль.

— Все хорошо, мой друг, — легкая улыбка тронула губы старика. — Шарик меня не покинул. Он все еще со мной и останется со мной навсегда. Вот здесь, в моем сердце, — старик положил руку на грудь. — Скажите мне, Владимир, что вы делаете в Полтаве? Путь из Борисполя до Полтавы все же не близкий.

— Приехал за вами.

— За мной?

— Да, Александр Петрович, за вами, — Владимир улыбнулся. — Вон моя машина, — Владимир указал в сторону ланоса. — Не мерседес, но силенок у него хватит, чтобы отвезти вас домой, в Киев.

— Домой, в Киев, — повторил старик и умолк, пытаясь совладать со слезами, просившимися наружу. Старик опустил голову и уставился взглядом в землю. Несмотря на то, что на глазах у него были слезы,

сердце его радовалось от осознания того, что скоро он увидит родных и близких.

— А как же вы узнали, Владимир, что я здесь, в Полтаве? — старик поднял голову и посмотрел на Владимира.

— О, это оказалось несложно. Как-то я решил позвонить другу в Черкассы. Давно мы с ним не общались, а тут, будто внутренний толчок. Позвонил, разговорились. От него я и узнал о странном старике с собакой, о котором была написана статья в местной газете. Я сразу понял, что это вы, поэтому попросил друга сообщить мне, если узнает о вас что-то новое. Вчера он мне позвонил и сообщил, что вы в Полтаве. Ну, я, недолго думая, рванул в Полтаву. Найти вас здесь оказалось уже не сложно; о вас все местные каналы рассказывают. Вот так вот я вас и нашел.

— Даже не знаю, что вам сказать, Владимир. И когда вы собираетесь возвращаться назад?

— Сразу же, как только уговорю вас вернуться домой.

— Может, действительно, пришло время вернуться домой, учитель? — из машины выбрался Николас и подошел к старику.

— Чувствую, что пришло, — улыбнулся старик. — Все когда-то заканчивается. Вот и мое путешествие подошло к концу.

— Если так, предлагаю закончить его завтра, — сказал Николас, — а сегодня мы празднуем. Вы не забыли, учитель?

— Нет, не забыл, мой друг.

— Вот и здорово. Обещаю вскоре навестить вас в Киеве. Улажу в Кременчуге кой-какие дела и сразу же к вам.

— Что ж, буду рад тебя видеть в Киеве, мой друг. Кстати, это Владимир, — старик представил Владимира Николасу. — Мы с ним в Борисполе познакомились. А это Николас и Светлана, — старик представил Владимиру по очереди Николаса и Светлану, стоявшую за машиной возле передней дверцы и слушающую разговор.

— Когда же мы с вами поедem в Киев, Владимир? — старик повернулся к мужчине.

— Когда пожелаете, Александр Петрович, — отозвался тот. — Можем хоть сейчас.

— Нет, — Николас мотнул головой. — Сегодня никто никуда не едет. Ведь так, учитель?

— Так, — улыбнулся старик. — Если вы не против, Владимир, я хотел бы выехать завтра с утра.

— Конечно не против, Александр Петрович, — сказал Владимир. — Когда скажете, тогда и выедем.

— Хорошо, — кивнул старик. — А где вы остановились, Владимир?

— За это не переживайте, Александр Петрович. У меня в Полтаве родственники есть.

— Это хорошо, — сказал старик. — Тогда увидимся завтра, Владимир.

— Обязательно, Александр Петрович.

Старик улыбнулся, открыл заднюю дверцу и забрался в машину. Николас обменялся с Владимиром номерами мобильных телефонов, после чего присоединился к старику и Светлане. Машина тронулась с места и вскоре, сопровождаемая взглядом Владимира, скрылась за поворотом.

Глава 17

Домой

Александр Петрович сидел на переднем сидении возле Владимира и смотрел в окно. За окном проносились поля, время от времени их сменяли села. Вид за окном, по большому счету, был однообразный, но старика это нисколько не беспокоило. За время своих странствий он научился видеть красоту там, где ее вряд ли увидел бы другой человек. Каждый новый взгляд, брошенный за окно, ловил нечто особенное, присущее только этому, кратковременному мгновению единения человеческого сердца с природой. Ни серые тучи, низко нависшие над землей и скрывшие от взгляда бирюзу утреннего неба, ни капли дождя, барабанившего по крыше машины и слезами скатывавшиеся по лобовому стеклу, не могли испортить ту красоту, что открывалась перед глазами старика по мере движения машины. Одинокое дерево в поле, вереница зеленых кустов и деревьев у дороги или островки густой травы прямо посреди дороги, — все это могло послужить поводом для радости стариковских глаз. Обычный человек воспринимал бы виденное, как данность, но только не старик, может из-за того, что он был не совсем обычным человеком или даже совсем необычным человеком, человеком, чья лодка жизни медленно тонула в океане смерти. Каждый новый день для человека в его состоянии был сюрпризом, чудесным даром, отодвигавшим неизбежное еще на какое-то время в будущее. Поэтому стоило ли удивляться тому, что виденное за окном вызывало бурю восторга и удивления в груди Александра Петровича.

— Владимир, вы не будете против, если я приоткрою окно, — Александр Петрович повернул голову к Владимиру и улыбнулся.

— Приоткройте, Александр Петрович, — Владимир бросил взгляд в зеркальце заднего вида и пошел на обгон ехавшей перед ним машины.

Александр Петрович приоткрыл окно. Ветер ворвался через окно в салон машины и принялся трепать стариковскую бороду.

— Долго ли нам еще ехать? — любопытствовал Александр Петрович.

— Часа три, Александр Петрович, — Владимир посмотрел на наручные часы. — К обеду будем в Борисполе.

— Так быстро? — удивился Александр Петрович.

— Ехать недолго, Александр Петрович. Километров триста-триста пятьдесят.

— Значит, в обед я буду дома, — Александр Петрович улыбнулся. Владимир бросил на старика взгляд.

— Александр Петрович, а как вы смотрите на то, чтобы задержаться на пару часиков в Борисполе? Оксана вас очень хотела увидеть, да и Машка мне покоя не давала.

Внезапно Владимир хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Елки-палки! Я ж забыл вам подарок от Машки передать, — Владимир сбавил скорость, прижался к обочине и принялся шарить рукой в бардачке.

— И что за подарок мне приготовила Машуня? — спросил Александр Петрович.

— Сейчас, минутку. А, вот, — Владимир достал из бардачка альбомный лист бумаги, перетянутый белой ленточкой, и протянул старику.

— Это вам, Александр Петрович.

— Спасибо, — поблагодарил Александр Петрович, беря подарок в руки. Развязав узел, старик раскрыл лист бумаги на всю ширину. Слезы появились у него на глазах, когда он увидел, что было нарисовано на бумаге. По зимнему парку, среди голых, укрытых кое-где одеялом белого пушистого снега, деревьев шел старик в черном пальто. Александру Петровичу не составило большого труда узнать в этом старике себя. А рядом, понуря голову, шла собака до боли похожая на его любимого Шарика. Черные тучи заволкли небо. Казалось, вот-вот разразится снежная буря.

— Очень красиво, — сказал Александр Петрович, усилием воли сдерживая слезы.

Александр Петрович вспомнил рисунки, которые ему когда-то показывала Маша. Судя по этому рисунку мастерство девочки значительно улучшилось.

— Мне тоже нравится, — отозвался Владимир. — Мне кажется это ее лучший рисунок, хотя у нее их столько уже, — Владимир покачал головой.

— Мне кажется, что Маша стала рисовать еще лучше, — сказал Александр Петрович, не отрывая взгляда от рисунка, словно боялся, что рисунок исчезнет, стоит ему только отвести взгляд в сторону.

— Конечно лучше. Мы с Оксаной прислушались к вашим словам, и сейчас вот Машка занимается в кружке по рисованию с преподавателем. Вы были правы, Александр Петрович. У Машки талант. Это нам все преподаватели говорят.

— Здорово, — только и сказал Александр Петрович, бросая последний взгляд на рисунок, прежде чем свернуть его в рулон.

— Так вы к нам заглянете, Александр Петрович? — спросил Владимир, взглянув на старика.

— Загляну, — ответил Александр Петрович, рассматривая капельки воды, дрожавшие, словно от холода, на боковом стекле.

— Тогда я позвоню, предупрежу Оксанку. Пусть готовится к приезду гостя, — Владимир достал мобильник из кармана тенниски, посмотрел на него и засунул назад. — Нет, сделаем сюрприз.

Александр Петрович улыбнулся и посмотрел в окно. Мысли его понеслись вперед, навстречу скорому будущему. В этом будущем он видел улыбающиеся лица родных, смех внуков, законченную рукопись, лежащую на столе и ждущую отправки в издательство.

Александр Петрович снова улыбнулся. Как здорово! Как здорово жить! Сердце старика готово было разорваться от счастья.

— Как было бы здорово, если бы все люди могли чувствовать то, что в эти минуты чувствую я, — подумал Александр Петрович. — Насколько прекрасней и красочней стала бы их жизнь.

Александр Петрович поднес руку к лицу, намереваясь вытереть пальцем слезинку, появившуюся в уголке глаза, да так и замер, пораженный криком, раздавшимся слева, со стороны водительского места.

— Куда прешь!!!

Машину повело. Визг тормозов разорвал последовавшую за криком напряженную тишину. Раздался удар. Что-то затрещало. Больше Александр Петрович ничего не видел и не слышал, тьма охватила его сознание, увлекая за собой в неизвестность.

* * *

Старик шел по городу. Темные тучи нависли над городом, грозя обрушиться на него проливным дождем. Высокие многоэтажки выстроились вдоль дороги. Куда вела эта дорога? Что это был за город? Если бы он знал. Но старик не знал, поэтому ему ничего не оставалось, как продолжать двигаться по дороге, надеясь на то, что все дороги рано или поздно куда-то да выводят. Вряд ли эта дорога была исключением из правила.

Старик посмотрел по сторонам. Удивительно, но город казался вымершим или покинутым, вокруг было ни души и звуков не было, словно их и не было никогда в этом мире. Тишина окутала город, сковала его оковами страха и гнетущей неизвестности.

Старик почувствовал, как что-то мокрое коснулось волос. Он запрокинул голову и кожей лица ощутил холодные капли дождя, все же прорвавшие небо. Молния разрезала небо на части, мигнула и пропала, канув в небытие.

— Может стоит спрятаться от дождя? — подумал старик, окидывая взглядом окрестности. — Но надо ли? — откуда-то из глубины всплыла другая мысль.

— И правда, зачем? — старик провел ладонью по голове. — Это же вода. Всего лишь вода.

Вдалеке послышался вой, первый звук, услышанный стариком в этом странном городе. Вой прокатился над домами, забрался в черные зевы подъездов и затих.

Старик вздрогнул.

— Волки что ли? — пронеслось в голове. — Этого еще не хватало.

Старик на мгновение остановился, посмотрел по сторонам и двинулся дальше. Надо было идти. Куда он не знал, но знал, что останавливаться нельзя. Этот город не внушал доверия. Хотелось поскорее его покинуть.

Многоголосый вой послышался где-то слева. Старик повернул голову налево, но взгляд уперся в стены и оконные проемы домов.

— Неужто, и правда, волки? — думал старик, рыская глазами в поисках убежища. — Откуда ж они взялись тут?

Над домами снова пронесся вой. Что-то знакомое было в этом вое, что-то бередящее душу и пробуждающее воспоминания,

воспоминания, трогаящие сердце и вызывающие на глаза слезы счастья.

Из-за дома, в сотне метров от старика, на дорогу выбежала стая... нет, не волков! Старик вздохнул с облегчением. Это были собаки. Всего лишь собаки. Старик вытер ладонью вспотевший лоб и посмотрел на четвероногих, сбившихся в кучу возле одной из дворняг. Что-то в этой дворняге было знакомое. Что-то... Молнией пронзила сознание догадка. Шарик! Это Шарик!

Старик почувствовал, как сильно забилося сердце в груди.

— Шарик! — закричал старик. — Братишка, иди ко мне! Это я, Шарик! Я!!!

Дворняга повернула голову в сторону старика и замерла. Отбежав на несколько метров от стаи, она остановилась, посмотрела на старика и завывала.

— Шарик! Это я! Иди ко мне! — кричал старик, обливаясь слезами счастья. — Я думал... думал, что потерял тебя навсегда... Навсегда, думал..., - пробормотал старик, вытирая тыльной стороной ладони слезы, бегущие из глаз.

Собака приблизилась к старику и остановилась в десятке метров от него.

— Ну, давай, братишка, — старик похлопал ладонью по бедру. — Иди ко мне.

Собака села на землю и посмотрела на старика, затем запрокинула голову и завывала, да так жалобно, что у старика сердце чуть не разорвалось от жалости.

— Давай, братишка, — шептал старик, хлопая ладонью по бедру. — Чего же ты ждешь?

Со стороны стаи донесся ответный вой. Собаки снова завывали и бросились назад. Мгновение погодя они скрылись за домом, оставив Шарика и старика наедине. Шарик завыл. Словно эхо донесся в ответ многоголосый вой, с каждой секундой удаляющийся все дальше и дальше.

Шарик вскочил на ноги и посмотрел в ту сторону, куда убежали собаки. Вой снова потревожил тишину странного города.

— Только не это, дружок, только не это, — пробормотал старик. — Не покидай меня снова.

Шарик посмотрел на старика и завыл, снова завыл и кинулся вдогонку за четвероногими собратями.

— Что ж ты так? — прошептал старик. — Опять ты покидаешь меня, братишка.

Капли дождя сильнее забарабанили по асфальту. Одежда старика быстро промокла, но старик не обращал внимания на разразившийся ливень. Взгляд его устремился вдогонку за собакой, а слух обострился в надежде услышать еще раз такой родной голос. Но все было напрасно. Вой не повторился. Только дождь стучал по асфальту, да сердце колотилось в груди.

— Ты снова меня покинул, братишка, — старик зарылся лицом в ладони. — Снова.

* * *

Боль адским пламенем разлилась по телу, возвращая Александра Петровича к жизни. Сознание начало проясняться. Веки старика дрогнули, и он открыл глаза. Темные тучи над головой, казалось, потемнели еще больше. Полоснула молния, и раскат грома разорвал звенящую тишину. Дождь мелкими холодными каплями падал с неба. Ветер шевелил волосы на голове и дергал за бороду. Где-то рядом что-то потрескивало, шипело, ноздри старика улавливали сильный запах бензина.

Память начала возвращаться, и Александр Петрович вспомнил события последних... чего? Секунд, минут или часов? Боль молотками застучала в голове, тьма на мгновение вернулась, скрывая от стариковского взгляда сердитое небо. Александр Петрович сделал глубокий вдох и едва не закричал от боли, пронзившей его грудь. Тьма спала с глаз, и старик снова мог видеть. Он повернул голову влево, туда, откуда доносились непонятные треск и шипение. В пяти метрах от него останками ужасного чудовища лежала груда металла некогда бывшая машиной. Пламя охватило багажник. Капли дождя падали в огонь и шипели, моментально испаряясь.

Что-то скатилось с виска по щеке и упало на асфальт. Александр Петрович поднес руку к лицу и коснулся пальцами виска. Хватило

одного взгляда на руку, чтобы понять, что пальцы в крови. Запах бензина усилился, вытесняя остальные запахи.

Александр Петрович почувствовал, как его начало клонить в сон, веки налились свинцом и закрылись, к сознанию подступила тьма, обещая избавить старика от боли и страданий этого ужасного мира. Но что-то заставило Александра Петровича воспротивиться столь желанному сну и открыть глаза. Перед глазами снова возникла горящая машина, а запах бензина продолжал настойчиво тревожить ноздри. Хотелось спать, но Александр Петрович усилием воли прогнал сон, перевернулся на бок и, преодолевая боль, начал подниматься на ноги. Тело трясло, голова кружилась, но старик упрямо поднимался на ноги. После нескольких безуспешных попыток ему все же удалось подняться на ноги. Взгляд Александра Петровича устремился к машине. Он сделал несколько шагов по направлению к ней и почувствовал, как тело взмокло и затряслось, словно в лихорадке. Лоб покрылся испариной. Кто-то внутри него закричал, требуя, чтобы он поскорее убрался от машины. Но другой голос, тихий, но не менее настойчивый, торопил его, побуждая приблизиться к машине.

Александр Петрович вдохнул, скривился от боли и заковылял к останкам машины. Александр Петрович обошел машину и приблизился к водительскому месту. Дверца оказалась вырвана с корнем и валялась в стороне. Александра Петровича пробрал озноб, когда он увидел Владимира, наполовину вывалившегося из машины. Глаза его были закрыты, голова покоилась на асфальте, лицо и тело было в крови.

Александр Петрович приблизился к Владимиру и опустился на колени. Откуда-то донесся визг тормозов, но старик не обратил на него внимание. Все его внимание сосредоточилось на Владимире, не подававшем признаки жизни. Александр Петрович обхватил руками туловище Владимира и принялся тянуть того из машины. Бензиновое пятно разлилось под машиной, словно кровь под телом мертвого животного.

Боль снова пронзила грудь Александра Петровича, когда он попытался сделать глубокий вдох. Закашлявшись и сплевывая кровь, старик повалился на асфальт, но мгновение спустя поднялся и опять ухватился за Владимира. Александр Петрович напрягся и потянул тело Владимира прочь из машины. Тело Владимира приподнялось над

землей, но машину и не думало покидать. Александр Петрович снова потянул и снова безуспешно. Разум настойчиво требовал убраться подальше от машины, требовал спасти свою жизнь, говорил, что Владимир мертв и ему все равно уже ничем не поможешь, но сердце молило не бросать тело Владимира, надеясь на то, что возможно он все еще жив, но находится без сознания.

Александр Петрович снова напряг силы и потянул Владимира из машины. Наконец-то тело Владимира поддалось усилиям старика и мгновение спустя полностью было снаружи. Александр Петрович ухватил Владимира за подмышки и, кривясь от боли, то и дело пронзавшей его тело, потащил того прочь от машины. Дотащив Владимира до обочины, старик в изнеможении упал на траву и потерял сознание.

* * *

Первое, что услышал Александр Петрович, когда очнулся в следующий раз, был вой сирены. Александр Петрович застонал. Он попытался пошевелить рукой, но рука не желала подчиняться его мысленной воле. Что-то как будто удерживало его тело от движений.

Чье-то лицо склонилось над Александром Петровичем, но старик не мог разобрать очертания этого лица, перед глазами все плыло, а еще хотелось спать, так сильно, что Александр Петрович не мог сопротивляться желанию закрыть глаза и погрузиться в такой желанный сон.

* * *

Сознание возвращалось. Александр Петрович вздохнул. В нос ударил запах хлорки и лекарств, заставившие старика поморщиться. В голове стоял туман, тело было вялым и бесчувственным. Александр Петрович открыл глаза и увидел, что находится в больничной палате. Приглушенный свет лился с потолка, струился по стенам и падал на пол. Александр Петрович повернул голову. Возле кровати стояла невысокая девушка в белом халате и проверяла показания приборов.

— Где я? — спросил Александр Петрович.
— Не волнуйтесь, — сказала девушка. — Вы в больнице.
— Почему эта девушка думает, что я волнуюсь? — подумал Александр Петрович. — Разве я волнуюсь?
— Как... как Владимир?
— Владимир? Какой Владимир?
— Мужчина, который... который был за рулем машины.
— Мне неизвестно. Возможно, вам это стоит узнать позже у доктора, а сейчас вам лучше поспать, — девушка поправила старику одеяло.
— А когда я смогу поговорить с доктором?
— Утром.
— А сейчас что?
— Ночь. Вам надо поспать. Не тратьте силы на разговор. В вашем состоянии нежелательно много говорить.
— Хорошо, — сказал Александр Петрович, ощущая тяжесть на глазах. — Но утром я хотел бы поговорить с доктором.
— Поговорите.
— Хорошо, — снова сказал Александр Петрович, закрывая глаза.

* * *

Следующим утром Александр Петрович лежал на кровати и смотрел в окно. Казалось, только так он мог отвлечься от головной боли, терзавшей его с момента пробуждения. Боль пульсировала в районе затылка, спускалась по шее вниз и перерастала в жгучий огонь с эпицентром в районе груди. На руки и ноги с многочисленными ушибами и ссадинами внимания он уже не обращал.

Солнечные лучи играли на белом облущенном подоконнике, падали на пол и создавали маленькие озера света. Сквозь открытую форточку до слуха старика доносились шелест ветра в деревьях и крики гонявшихся друг за другом воробьев. В палате Александр Петрович был один, но судя по дополнительным кроватям и тумбочкам, ютившимся по правую сторону от старика, рассчитана она была на несколько человек.

Александр Петрович опустил взгляд и посмотрел на тело. Грудь плотными жгутами охватывали белые полосы бинтов. Кожа на руках и ногах в некоторых местах была содрана, и теперь эти участки тела также были забинтованы. Александр Петрович был в одних трусах, поэтому ему не составило труда увидеть ущерб, нанесенный его телу в результате ДТП.

Авария. Александр Петрович мысленно перенесся в прошлое. Развороченное, словно внутренности животного, тело машины, кровь и стекла на асфальте и... и тело Владимира, наполовину выпавшее из машины. Это было ужасно и как-то даже неестественно. Все было неестественно, необычно. Место аварии дышало смертью, дышало разрушением и темнотой. Именно это обстоятельство, понял старик, делало то место неестественным, особенно для того, кто был жив.

Александр Петрович вернулся воспоминаниями к Владимиру. Что с ним? Жив ли он? Александр Петрович не хотел бы, чтобы тот умер. Оксана и двое маленьких детей. Нет, Владимир не мог взять и оставить их одних. Им нужен был тот, кто мог бы о них позаботиться, а если такого человека не будет, то, — Александр Петрович вздохнул и закашлялся от боли, — то, в этом мире, мире людей, живущих разумом, они никому не будут нужны.

Александр Петрович попытался отогнать прочь дурные мысли, но сделать это оказалось не просто, разум был слишком серьезным противником, чтобы так легко сдаться. Перед глазами старика вновь возникло прошлое. Александру Петровичу казалось, что он даже обоняет запах бензина и слышит потрескивание огня в стороне и... и видит тело Владимира, не подававшего признаков жизни. Кого обвинять в том, что случилось? Жизнь, судьбу, злой рок или человеческую ошибку, совершенную кем-то из-за безответственности, рожденной невежественностью его разума.

— Нет, — подумал Александр Петрович. — Не жизнь, не судьба, не злой рок повинны в том, что произошло. Человек, один жалкий человек, один из миллиардов, обитающих на этой сказочной планете. Будь человек более ответственным существом, страданий в его жизни было бы намного меньше... Страдания, опять страдания. Что за чувства испытываю я сейчас, когда думаю о Владимире и его семье? Как назвать их? Не страдания ли это? Достаточно ли изменить отношение к произошедшему, чтобы избавиться от них? Но боль-то

никуда не уйдет, боль и сожаление. Они и дальше будут беречь душу, ведь разум, репейником цепляющийся за любой негатив, не позволит им уйти. Он и дальше будет переживать одно и то же, находя удовольствие в этом. Мерзкий... мерзкий разум! Удивительное и вместе с тем примитивное творение обрекающее человечество на страдания. Почему... почему он никак не успокоится?! Как совладать с ним раз и навсегда?! Возможно ли это или он и дальше будет находить удовольствие в страхе и негативе, заставляя человека страдать? Должно быть, таков наш разум. Благо у человека есть сердце.словно два полюса, две планеты, два мира, в одном из которых ночь существует без дня, а тьма без света, в другом день — без ночи, свет без тьмы. Но так ли должно быть? Ведь день всегда сменяет ночь, а ночь — день. Но тогда не может быть страданий без радости, а радости без страданий. Значит, человек обречен испытывать страдания? Значит, человеческий разум неспроста тянется к негативу? Почему же так происходит? Или может матушка-природа в чем-то ошиблась, создавая человека? Но этого не может быть. Я не верю в это. Матушка-природа слишком мудра, чтобы поступать так... так опрометчиво. Тогда почему человек страдает? Почему человеческий разум обрекает его на страдания? В чем причина? Не в том ли, что страдания — это путь... путь к удовлетворению? — старик почувствовал, как его тело задрожало. Глаза его распахнулись, рот приоткрылся. — Так вот в чем дело? Не испытав страданий человек не получит удовлетворения. Так вот в чем задумка матушки-природы? Через страдания человеческого разума обретается удовлетворение человеческого сердца. Как ночь не может существовать без дня, так и разум не может существовать без сердца. И наоборот, как день не может существовать без ночи, так и сердце не может существовать без разума. Когда они действуют заодно, то дополняют друг друга, когда их желания различны, становятся врагами. Получается, что человек обретает себя только тогда, когда его сердце и разум становятся едиными в своих желаниях, начинают стремиться к одной цели, а для того, чтобы сделать это, я вижу только один путь — подчинить свою жизнь удовлетворению, а не удовольствию.

— Хорошо было бы это все записать, — пробормотал Александр Петрович, поворачивая голову к тумбочке, где надеялся найти кусочек бумаги и ручку. Внезапно старик вздрогнул, пораженный мыслью.

Рукопись! Рукопись осталась в машине! В машине... в машине объятай пламенем.

— О, нет! — простонал Александр Петрович и мотнул головой, словно отказывался верить в правдивость случившегося. — Нет! Долгие месяцы труда, размышлений и озарений, — все пропало.

Александр Петрович схватился за голову и застонал, словно раненное животное.

— Ничего не вернешь. Ничего. Бессмысленны страдания, бессмысленны слезы, — простонал Александр Петрович, вытирая ладонью глаза. — Не горюй. Смирись. Если это произошло, так тому и быть. Так тому и быть. Боль уйдет, останутся только воспоминания.

Звук открываемой двери заставил старика повернуть голову в сторону двери. В палату вошел мужчина лет пятидесяти в белом халате.

— Здравствуйте, как вы себя чувствуете? — мужчина подошел к кровати Александра Петровича и остановился.

— Терпимо, — сказал Александр Петрович. — А вы доктор?

— Доктор, — кивнул мужчина. — Как ваша голова?

— Болит, доктор. В глазах иногда темнеет.

— Не удивительно, у вас сотрясение мозга и довольно таки сильное. Но, несмотря на сотрясение мозга, несколько треснутых ребер, одно сломанное ребро и множественное повреждение кожи тела, вы довольно таки легко отделались. Судьба благосклонна к вам. Мужчине, который был с вами, повезло меньше.

— Его зовут Владимир, доктор. Что с ним?! Он жив?!

— Это ваш сын?

— Нет, доктор. Мой хороший друг.

— Что ж, ваш хороший друг заработал внутренние повреждения, несколько сломанных ребер, сотрясение мозга, но жить будет. Пришлось его хорошенько поштопать, но выкарабкается.

— Как хорошо, доктор, — улыбнулся Александр Петрович, чувствуя огромное облегчение от того, что Владимир остался жив. — У него семья, дети совсем маленькие. Он должен жить, доктор.

— Будет жить. Это я вам обещаю. Его перевели из реанимации в палату. Это уже хорошо.

— Чудесно, доктор. Чудесно, — Александр Петрович почувствовал, как в уголках глаз начали собираться слезы.

— Хочу у вас узнать, вы знаете какие-либо контакты его семьи? Надо сообщить его родным о случившемся.

— Я знаю, где он живет. В Борисполе, только вот адрес я не помню.

— Ничего страшного. Не переживайте. Думаю, милиции это известно, вот у них и узнаем. Если желаете, можете оставить мне домашние контакты, мы сообщим о вас вашим родным, чтобы они не переживали попусту.

— Моим родным? — взгляд Александра Петровича заскользил по потолку. — Да, да, сообщите им, доктор. Скажите, что со мной все хорошо, что я жив и..., - Александр Петрович хотел сказать «здоров», но запнулся. Каким-каким, а вот здоровым он себя точно не ощущал, — ... и скажите, что... что соскучился сильно.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулся доктор, доставая из кармана ручку и блокнотик. — Но сначала сообщите по каким номерам телефонов мы можем связаться с вашими родными.

Александр Петрович на мгновение умолк, вспоминая номер домашнего телефона. Вспомнив, сообщил доктору. Тот записал номер в блокнотик и сказал:

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы вашим родным немедленно сообщили о вас. Сейчас к вам зайдет медсестра и сделает укол обезбаливающего. Кстати, за дверью ждет следователь. Хочет подробнее расспросить вас о ДТП. Вы в состоянии с ним поговорить или мне попросить его прийти в другой раз?

— Пусть заходит, — сказал Александр Петрович. — Не знаю, чем я смогу ему помочь. Я не знаю, что произошло. Помню крик Владимира, удар и темнота.

— Расскажите, что знаете, — перебил старика доктор. — Я пойду. Мне надо обойти еще несколько пациентов. Зайду к вам позже.

Доктор вышел из палаты. Александр Петрович остался один. Владимир жив! Как хорошо! Александр Петрович улыбнулся и посмотрел в окно. В желтых лучах солнца, оглашая криками улицу, по подоконнику беззаботно и весело прыгала парочка воробьев. Проблемы и заботы человеческой жизни были неведомы этим маленьким озорникам. Для них не существовало прошлого, настоящего или будущего. У них не было ничего, что могло омрачить их жизнь. Они наслаждались жизнью, радуясь солнцу, гоняясь друг за

дружкой или ощущая ветер, играющий их перышками. Для этих маленьких озорников счастьем было само их существование, все остальное было неважно.

— Неважно, — сказал Александр Петрович. Легкая полуулыбка появилась на его лице. — Совершенно неважно.

Глава 18

Сила жизни

Александр Петрович лежал на кровати и смотрел в потолок. После ухода следователя, старик решил немного подремать, закрыл глаза, а когда открыл их, оказалось, солнце давно уже закатилось за горизонт и теперь только тусклый свет маленькой лампочки мешал уличной тьме пробраться в палату и воцариться здесь с такой же уверенностью, как и снаружи.

Александр Петрович воскресил в памяти разговор со следователем, в ходе которого он узнал некоторые подробности об аварии. Выяснилось, что машина Владимира столкнулась с другой машиной, водитель которой погиб в результате взрыва, произошедшего из-за возгорания бензина после столкновения. Александр Петрович успел оттащить Владимира на обочину и тем самым спас тому жизнь. Но в первую очередь избежать смерти Александр Петрович и Владимиру удалось только благодаря тому, что Владимир каким-то чудом смог вывернуть руль, таким образом, избежав лобового столкновения. Виновником же аварии считают водителя второй машины, так как, по словам следователя, в крови этого водителя обнаружили высокий уровень алкоголя.

Также выяснилась еще одна причина прихода следователя. Оказалось, что в милиции Александр Петрович числился, как пропавший без вести. Надежда Васильевна, не смотря на просьбу мужа, все же сообщила в милицию о его исчезновении. Правда, выйти на след Александра Петровича, по словам следователя, милиции удалось только благодаря статье в черкасской газете. Но после того как Александр Петрович покинул Черкассы его след снова затерялся и обнаружился только в Полтаве, после недавнего выхода передачи на местном телевидении. Также Александр Петрович узнал, что больница, в которую его и Владимира доставила скорая после аварии — одна из больниц Борисполя. Как оказалось, ближайшим городом к месту аварии был именно Борисполь, поэтому было решено везти пострадавших туда, а не в какой-либо другой город.

Утомленный воспоминаниями Александр Петрович закрыл глаза, собираясь подремать, но сделать ему это не удалось, раздался стук в дверь.

— Входите, — сказал Александр Петрович, повернув голову в сторону двери.

Дверь скрипнула и отворилась. Удивление сменилось радостью на лице старика, когда он увидел, кто вошел в палату.

— Сашенька! — воскликнула Надежда Васильевна, увидев мужа. — Ты ли это?

Всплеснув руками, Надежда Васильевна заплакала и подошла к кровати, на которой лежал Александр Петрович. За мамой с довольной улыбкой на лице вошел младший сын Сашка.

Надежда Васильевна опустилась на край кровати и уронила голову на грудь мужа.

— Сашенька, как ты мог поступить так со мной? — запричитала Надежда Васильевна. — Я же ночи не спала, все думала, где ты. Исхудал-то как. Одни кожа да кости. А бинтов-то сколько, все тело изранено.

— Ну, ну, — Александр Петрович легонько похлопал жену по спине, успокаивая. — Все в прошлом. Чего слезы лить по пустякам? Жив, как видишь.

— Привет, батя, — услышал Александр Петрович приветствие сына.

— Привет, Сашка, — отозвался Александр Петрович, улыбнувшись. — Что ж ты позволил матери в милицию на меня заявлять? Я ж просил этого не делать.

— Ну, батя, — Сашка ухмыльнулся. — Я тут был бессилен. Ты из дому, а мама в милицию.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Александр Петрович.

Надежда Васильевна принялась ощупывать тело мужа, словно хотела убедиться, что он действительно цел и невредим.

— А что ты бороду такую страшную завел? Людей что ли пугать вздумал? — Надежда Васильевна села и посмотрела на лицо мужа. — Сбрить бы ее, а то похож, не знаю даже на кого. Прямо леший какой-то... А послушай, Шарика ты куда дел?

— Нет больше Шарика, — вздохнул Александр Петрович. — Умер бедняга.

— Умер? — Надежда Васильевна удивленно вскинула брови. — Ну, пусть земля ему будет пухом. Главное, что ты жив, здоров. Мы тут с Сашкой тебе покушать принесли, — Надежда Васильевна указала на сумку в руках сына. — Давай сейчас покушаешь, а то совсем исхудал. Плакать хочется, когда смотрю на тебя, так ссохся весь... Молочко принесли, творожок, картошечка свеженькая с котлетами, салатик с капусты. Покушаешь? — Надежда Васильевна с надеждой во взгляде взглянула на мужа.

— Я потом, потом поем, — улыбнулся Александр Петрович. — Салатику немного да творожку чуть.

— Ну, как хочешь, — сказала Надежда Васильевна. — Дай хоть посмотрю на тебя. Сколько ж не видела. Извелась вся. Смерти моей захотел что ли? Я уж думала, никогда тебя больше не увижу. Старый дурень, так напугал-то.

— Так надо было, — улыбнулся Александр Петрович.

— Надо было, — Надежда Васильевна покачала головой. — Дурень ты дурень, Сашка. А если бы я так из дому ушла? Что бы ты тогда сказал?

— Сначала посмотрел бы на причину, а потом бы и сказал, — рассмеялся Александр Петрович.

— Ох, Сашка, Сашка, — вздохнула Надежда Васильевна и махнула рукой. — Каким был, таким и остался, только иссох весь, словно сухой стручок фасоли стал.

Александр Петрович ничего не сказал, только улыбнулся. Странное дело, но сейчас ему захотелось оказаться где-то там, среди пустынных полей и диких лесов, там, где есть только ты, мысли, чувства и... и одиночество, дарящее мудрость жизни.

— Бать, а книжка твоя-то как? — подал голос Сашка. — Написал-то?

— Написал, — Александр Петрович почувствовал, как защемило сердце. — Написал, да не уберег. Не уберег. Сгорела в огне, когда в аварию попал.

— Ой, черт! — воскликнул Сашка и умолк, пораженный новостью.

— Ничего, Сашенька, — сказала Надежда Васильевна. — Написал одну, напишешь и другую.

Александр Петрович посмотрел на жену. Сердце в груди заколотилось, словно ненормальное. Ладони взмокли.

— А ведь, и правда, — подумал Александр Петрович. — Знания со мной, они никуда не делись. И воспоминания со мной. Все помню так, словно вчера дело было. Но время... время-то не вернешь. Хватит ли у меня времени закончить книжку раньше, чем костлявая постучит в дверь? Нет! Это не важно. Не важно! Пока бьется сердце в груди, я не смею останавливаться, не смею сдаваться. Иначе я предам свое сердце. Начну писать сразу же с завтрашнего дня. Вот как встану утром, сразу за книжку сяду. Пока бьется сердце, ничего не кончено для того, в чьей груди оно бьется, — Александр Петрович почувствовал, как на глаза набежали слезы.

— Надюша, — сказал Александр Петрович. — Большое тебе спасибо за то, что ты сегодня пришла. Ты даже не представляешь, как сильно ты мне помогла.

— Сашенька, что ж я сделала-то такого? Ты что плачешь? — Надежда Васильевна поднесла ладони ко рту и поднялась с кровати. — Тебе что плохо? Надо медсестру позвать?

— Нет, — Александр Петрович мотнул головой. — Никого не надо звать. Все хорошо для того, чье сердце еще живо.

Александр Петрович улыбнулся и посмотрел на жену.

— Нет, пока не закончу рукопись, я не умру, — думал Александр Петрович, глядя на удивленное лицо жены. — Если желаешь смерть, забирай меня сейчас, иначе тебе придется подождать.

Александр Петрович чувствовал как по телу разливается тепло, как ускоряется ритм его сердца. Ему было хорошо, безумно хорошо, даже боль, ставшая в последнее время его постоянным спутником, отступила в смятении, забила в самые дальние уголки подсознания и затрепетала, словно лань, за которой гонятся борзые. Солнце в груди Александра Петровича засияло с новой, еще большей силой, разжигая в нем всепоглощающий огонь истинной веры, веры, способной преодолеть широкие реки, опаленные солнцем пустыни и бездонные моря. Несмотря на боль, несмотря на болезнь, несмотря на хрупкое будущее, он обязан сделать все для того, чтобы рукопись обрела вторую жизнь. Если ему предстоит умереть, то пусть он умрет в пути, по дороге к своей мечте.

Взгляд Александра Петровича устремился к окну, в темноту ночи, навстречу неизвестности и луне, одиноко серебрившейся посреди черного неба.

— Вот это действительно важно, — подумал Александр Петрович. — Мечта. Все остальное — это всего лишь туман, иллюзия, которая исчезнет, едва забрезжит рассвет.

* * *

Следующие две недели Александр Петрович провел в больнице, восстанавливаясь после аварии. Каждый день, с восхода солнца и до его заката, старик открывал тетрадь, которую ему принес Сашка, брал в руки ручку и переносил на бумагу воспоминания, воскрешал в памяти знания, события, открывшиеся истины. Часто дело не клеилось, вдохновение покидало старика. В такие минуты его взгляд твердел и упирался в потолок, из груди вырывался тихий вздох разочарования, а в сознание проникало сожаление об утрате драгоценного времени. Но Александр Петрович не сдавался. Месяцы, проведенные на бескрайних просторах родины, научили его терпению, укрепили его веру в себя, закалили характер, сделали мудрее. Поэтому неудивительно, что Александр Петрович, несмотря на часто спящее воображение и не покидающие его ноющие головные боли, снова и снова брал в руки ручку и продолжал изо дня в день насилловать сознание, выдавливая из него крупницы слов, обрывки воспоминаний и прошлых разговоров. А потом, под вечер, Александр Петрович брал в руки тетрадку и листал написанное, наслаждаясь теми невероятными ощущениями, что пробуждались в его груди от созерцания результатов проделанной работы. Вот ради таких мгновений наивысшего счастья и удовлетворения Александр Петрович и трудился.

Работая над книгой, Александр Петрович настолько погружался в воспоминания, что часто ему казалось, что он снова бродит по полям и лесам, селам и городам, разговаривая с людьми, наблюдая за природой. Но стоило ему хотя бы на секунду оторвать взгляд от тетради и посмотреть по сторонам, и он возвращался в свое больничное настоящее. В такие минуты на глазах старика нередко появлялись слезы, а сердце сжималось от боли, сознание старика содрогалось от

сожалений по поводу канувших в Лету временах искренней свободы, счастья и красоты окружающего мира. В конце концов, Александр Петрович готов был уже покинуть больницу, в которой чувствовал себя неуютно, и перебраться домой, но уговоры жены сделали свое дело — Александр Петрович согласился еще какое-то время побыть в больнице.

Каждый день Александра Петровича навещали Надежда Васильевна или Сашка. Несколько раз приходил Павел с семьей и некоторые из друзей Александра Петровича. Заходила к нему и Оксана, жена Владимира, когда навещалась к мужу. Владимир шел на поправку, чему и Оксана, и старик были несказанно рады. Под конец его пребывания в больнице к старику приехали Николас и Светлана, коим старик невероятно обрадовался, ведь они были частичкой той жизни, в которой он чувствовал себя живым, счастливым и удовлетворенным жизнью. Николас и Светлана привезли Александру Петровичу отличные новости: первая — после участия Александра Петровича в передаче на полтавском телевидении он стал любимцем у полтавчан, они до сих пор звонят на канал и просят организовать встречу со стариком живущим сердцем; вторая — Александром Петровичем заинтересовалось национальное телевидение, и теперь старик ожидал в скором будущем новых сообщений от Николаса, который стал негласным представителем Александра Петровича в его сношениях со средствами массовой информации. Кстати, именно это обстоятельство заставило Николаса задержаться в Киеве на продолжительное время, чему и Александр Петрович, и сам Николас были очень рады. Пожалуй, Николас был единственным из тех, кого старик готов был видеть изо дня в день все то время, что находился в больнице, ведь Николас был единственным, кто понимал его и поддерживал до конца. Когда Николас узнал о том, что рукопись сгорела, на его глазах выступили слезы, только он знал, чего стоило Александру Петровичу ее написать, как старик ею дорожил и гордился. Поэтому его боль от утраты рукописи по силе была сравнима со стариковской, но она быстро прошла, а ее место заняло восхищение, когда он узнал, что Александр Петрович начал работать над рукописью заново.

После того, как Светлана вернулась в Полтаву, Николас по настоянию Александра Петровича перебрался из гостиницы к нему

домой, где успел сдружиться с Сашкой-младшим.

Вскоре Александра Петровича выписали из больницы, и он первым делом навестил с Николасом Оксану, жену Владимира. Оксана очень обрадовалась, увидев Александра Петровича вне пределов больницы, но больше всех старику обрадовалась Маша. Когда девочка узнала, что Шарик умер, она долго плакала. Но Александру Петровичу все же удалось ее успокоить, сказав, что Шарик обязательно понравился бы тот рисунок, который она нарисовала и передала через отца старику, и который Александр Петрович, к сожалению, не сохранил. Машу новость об утрате Александром Петровичем ее рисунка несколько не расстроила, она пообещала старику нарисовать для него новый рисунок.

Когда Александр Петрович вернулся домой, его жизнь потекла в обычном русле. Большую часть дневного времени он проводил за работой над рукописью и за разговорами с Николасом. Александр Петрович обнаружил, что беседы с Николасом очень сильно помогали ему в работе над рукописью, так как благодаря им ему не приходилось напрягать память, пробуждая к жизни прошлые воспоминания. К тому же, появлялись новые мысли, развивались старые убеждения, острее становились собственные ощущения.

О болезни Александр Петрович не думал. Да и она о нем, казалось, позабыла, лишь изредка напоминая о себе короткими приступами ноющей боли. Александра Петровича это радовало, так как благодаря этому обстоятельству ему оставалось больше времени для рукописи и меньше для страданий от боли. Часто единственным, что огорчало Александра Петровича и отвлекало от работы над рукописью, был начавшийся Чемпионат Европы по футболу. Старик был не против футбола, но он был категорически против криков и воплей, раздававшихся из зала, когда та или иная команда, за которую болели Николас и Сашка-младший, забивала или пропускала мяч в свои ворота. В такие минуты даже кирпичные стены дома и наглухо закрытые двери в спальню не могли избавить старика от воплей Николаса и Сашки-младшего. Старику только и оставалось, что пожимать плечами и улыбаться, а еще надеяться на то, что матч скоро закончится и он сможет вернуться к прерванному занятию. Чемпионат Европы по футболу послужил тем обстоятельством, который позволил Николасу надолго задержаться в Киеве. Уехал Николас уже после

окончания Чемпионата, но пообещал старику в скором будущем снова его навестить.

Когда Николас уехал, Александр Петрович загрустил. Часто сидя в пустой квартире, он с ностальгией вспоминал то время, когда рядом с ним был его любимый Шарик, деливший со стариком одиночество, сначала в квартире, а затем и в странствиях. Александр Петрович многое отдал бы за то, чтобы вновь увидеть собаку живой и здоровой. К сожалению, это было невозможно. Шарик ушел, ушел навсегда, и что бы старик ни делал, это не помогло бы ему оживить собаку. К сожалению или к счастью, но властвовать над законами жизни и смерти старику было не дано, поэтому единственным способом оживить Шарика было оживить воспоминания о нем и старик часто бы прибегал к этому способу оживления, если бы не боль, нередко сопровождавшая воспоминания о времени, проведенном наедине с собакой. Но даже эти, казалось бы, не способные ни на что другое, кроме как причинить боль, воспоминания, многому смогли научить Александра Петровича. Благодаря им он понял, что воспоминания не могут быть плохими, так как не существует плохих воспоминаний. Каждое воспоминание, каким бы его не воспринимал человек — плохим или хорошим — является не более чем частичкой необходимого для человеческой жизни опыта, опыта, направленного на созидание человеческого будущего. И те воспоминания о собаке, которые Александр Петрович поначалу воспринял как нечто ненужное и болезненное, в дальнейшем наделили старика новыми знаниями. Благодаря этим воспоминаниям Александр Петрович понял, что все в мире направлено на то, чтобы помочь человеку стать совершеннее и мудрее, сделать его ближе к истине и раскрыть секрет счастливой жизни. И часто именно воспоминания при должном к ним внимании помогают всему этому свершиться. Поэтому для себя Александр Петрович решил, что не стоит избегать воспоминаний, какими бы болезненными они ни казались. Наоборот, к ним стоит присмотреться, дабы разглядеть те знания, которые они скрывают. Отныне Александр Петрович перестал избегать болезненных воспоминаний, так как начал воспринимать их иначе, в качестве неких учителей, способных научить его чему-то новому.

Наступил август. Александр Петрович сидел за столом в спальне и правил рукопись. Буквально вчера он закончил работу над ней и теперь убирал лишнее. Александр Петрович мог гордиться собой, ведь он сделал то, что поначалу казалось безумием. И сейчас смотря на толстенную тетрадь, вдоль и поперек исписанную синей пастой, старик ощущал невероятный восторг. Он смог! Он все же смог! В который раз старик убедился в том, что пока бьется сердце ничто не кончено для того, в чей груди оно бьется.

Пару дней назад звонил Николас, обещал приехать в начале августа, приглашал Александра Петровича в Полтаву, где его ждали на телевидении. Кроме того, Николас сообщил, что на сентябрь запланировано участие Александра Петровича в передаче на одном из национальных телеканалов. Как оказалось, поводов для радости у старика было более чем достаточно.

Старик поднес руку ко лбу и вытер выступивший на нем пот. В квартире было душно и жарко. Август обещал быть не менее жарким, чем предыдущие месяцы. Александр Петрович поднялся из-за стола и открыл форточку. Слабые порывы ветра проникли в комнату и колыхнули штору. Старик выглянул в окно и увидел изорванные кучки облаков, медленно плывущие по небу. Солнце поднялось высоко и теперь нещадно жгло землю. Несколько ребятишек под присмотром родителей играли на детской площадке. Недалеко от них грелись на солнце две дворняги, то и дело с интересом поглядывающие в сторону визжащих детей. Александр Петрович улыбнулся. Одна из них напомнила ему Шарика.

— Глаза такие же добрые и веселые, как и у Шарика, — подумал Александр Петрович. — И взгляд такой же любопытный. Хотя, может мне это только кажется. Дворняги на удивление похожи друг на друга. Если не внешностью, то повадками уж точно.

Александр Петрович бросил еще один взгляд в окно и вернулся за стол. Предстояло еще так много сделать. Он чувствовал, что написать книгу не так сложно, как ее издать, но по этому поводу Александр Петрович не беспокоился, так как Николас обещал поспособствовать с изданием книги. Правда, каким образом не уточнял, то ли найдет издательство, которое возьмется издать книгу, то ли выступит спонсором, предоставив деньги на ее издание, если издатели откажутся издавать за свой счет. Александр Петрович знал, что отказы

издательств были часты в современном мире, и все же его не покидала вера в то, что история, рассказанная им сможет запасть в душу даже таким расчетливым дельцам, как издатели.

Александр Петрович взял в руку ручку и собрался было продолжить редактирование текста, когда услышал, как клацнул ключ в замочной скважине.

— Наверное, Сашка с работы вернулся, — подумал Александр Петрович.

Предположения старика оказались верны, спустя несколько минут на пороге комнаты возник Сашка.

— Привет, бать, — сказал он. — Ты все пишешь?

— Вчера написал, а сегодня вот начал править.

— Что, правда, написал? — Сашка подошел к столу и заглянул через отцовское плечо.

— Конечно правда, — усмехнулся Александр Петрович.

— А почитать дашь?

— Да, чего ж не дать. Только вот, сначала огрехи уберу. А ты чего так рано с работы пришел?

— Сегодня день рождения у шефа, так он на радостях решил нас пораньше отпустить.

— Тогда понятно. Вопросов больше нет.

Зазвонил домашний телефон.

— Я возьму трубку, бать, — сказал Сашка, направляясь в коридор.

Мгновение спустя Сашка вернулся с телефонной трубкой в руках. Тревожное выражение на его лице не ускользнуло от внимания старика.

— С чего бы это? — пронеслось в голове у Александра Петровича.

— Бать, это тебя, — пробормотал Сашка. — Говорят, с лаборатории.

— Лаборатории? — морщины избороздили лоб Александра Петровича. — Какой лаборатории?

— Из той, в которую ты неделю назад анализы относил. Говорят, результаты готовы, мне ничего не сказали, хотят с тобой лично поговорить.

— Ах, вот оно что, — Александр Петрович поднялся из-за стола. — Я и забыл совсем.

Александр Петрович вспомнил, как неделю назад, уступив просьбам жены, согласился сдать повторные анализы. По правде говоря, он не сильно и противился, так как самому было интересно узнать о состоянии своего здоровья. Интерес же был вызван тем, что вот уже второй месяц он не испытывал сильной тошноты, как это было раньше, не было и частой рвоты, а также других признаков, свидетельствовавших о прогрессировании болезни. И, тем не менее, когда Сашка сообщил о звонке из лаборатории, Александр Петрович вздрогнул, по спине пробежался холодок. Даже будучи морально готов ко встрече со старухой с косой, он не смог избежать волнения по поводу своего ближайшего будущего. Но вспомнив, что по прогнозам врачей он должен был давно уже кормить червей, он улыбнулся и твердой походкой подошел к Сашке. Взяв у того из рук трубку, он поднес ее к уху и сказал:

— Я вас слушаю.

— Александр Петрович? — раздался в трубке женский голос.

— Да, это я.

— Здравствуйте, Александр Петрович. Лаборатория «Правдивые анализы» беспокоит. Александр Петрович, нам очень жаль, результаты компьютерной томографии показали, что рак помимо всего дал метастазы в печень... Нам... нам очень жаль. До свидания.

— Метастазы в печень? — Александр Петрович почувствовал, как земля уходит из-под ног. В глазах потемнело. В тот же миг вернулась тошнота. Старик опустился на кровать, чтобы не упасть. Александр Петрович не знал, что такое метастазы, но понял, что это очень плохо... это был смертный приговор.

В трубке раздалась гудки, и Александр Петрович отключил телефон.

— Ну, ну, — подумал старик. — Не стоит волноваться. Ты же был готов к этому. Все хорошо... все хорошо.

Александр Петрович уставился на телефонную трубку невидящими глазами. Если все хорошо, тогда почему на его глазах выступили слезы. Не потому ли, что ничего хорошего не было? Он даже не знает, сколько ему осталось. Может, стоило не быть таким упрямым и все же решиться на операцию? Но... но тогда бы не было... не было того, что было... не было бы ни полей, ни лесов, ни познания, ни поисков истины.

— Нет, — прошептал Александр Петрович. — Я поступил правильно. Правильно. Просто так должно быть. Я сделал все, что должен был сделать и теперь могу уйти из этого... этого прекрасного мира.

Как не успокаивал себя Александр Петрович, осознание скорой смерти после нескольких месяцев надежд на то, что болезнь отступила, не несло спокойствия трусливому разуму.

— Батя, — встревожился Сашка, подбегая к отцу. — Все нормально? Что они сказали?

Александр Петрович посмотрел на сына.

— Болезнь дала метастазы в печень. Сказали, что им очень жаль.

— Кошмар, — вырвалось у Сашки. Он опустил на стул и посмотрел на отца. — Что же делать-то?

— Продолжать жить, — полуулыбка появилась на лице Александра Петровича. — Жизнь продолжается и пока она продолжается, надо жить.

— Надо, наверное, сообщить матери, — Сашка уставился в пол.

— Нет, — Александр Петрович мотнул головой. — Не надо ее волновать раньше времени. Давай, сохраним это в тайне. Жить в ожидании смерти намного хуже, чем в неведении.

Сашка кивнул и сглотнул комок, подступивший к горлу.

Александр Петрович поднялся с кровати и подошел к окну. Пригладив ладонью бороду, старик отдернул штору в сторону и выглянул на улицу. Солнце клонилось к закату. Ветер окреп и принялся гонять по небу облака. Воробьи прыгали по асфальту и тревожили криками местность. Детская площадка была пуста, если не считать все тех же двух дворняжек, скупающими взглядами окидывающих окрестности.

— Бать, скажи ты... ты боишься... боишься смерти?

Александр Петрович повернул голову к сыну.

— Уже нет, — улыбнулся он. — Бояться того, чего нельзя избежать неправильно. Страх рождается из-за незнания. Знание убивает страх и несет спокойствие. Я чувствую, что сделал все, что должен был сделать и это не может меня не радовать.... Знаешь, Сашка, мое сердце испытывает невероятное удовлетворение от того, что я сделал за последние месяцы. Закончить жизнь так — огромное счастье для того, кто никогда не испытывал ничего подобного. Я

рассказал миру о жизни сердцем, о жизни, которая может наполнить жизнь каждого человека истинными удовлетворением и счастьем. Я уверен, что именно благодаря жизни сердцем мне удалось прожить дольше, чем прогнозировали врачи. Не будь ее, меня давно не было бы в этом мире, не было того удовлетворения, того счастья, что греют мое сердце в эти минуты. Я более чем уверен, что начни я жить сердцем еще до болезни, я прожил бы долгую и счастливую жизнь. А так мне приходится расплачиваться за невежество. Но я не расстраиваюсь, не будь невежества — не было бы и жизни сердцем.

Сашка поднялся со стула и подошел к отцу.

— Знаешь, батя, — Александр Петрович почувствовал руку сына на плече. — Давно хотел тебе сказать. Я горжусь тобой.

Александр Петрович улыбнулся и похлопал ладонью по ладони сына. Взгляд его все также был устремлен на улицу.

— Жизнь все же забавная штука, — сказал Александр Петрович. — Думая, что, наконец-то, понял ее, ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни. Жизнь непостоянна и непредсказуема. Постичь ее — все равно, что переплыть вплавь Тихий океан. Она непостижима, как космос, изменчива, как погода, и желанна, как глоток воздуха. И в этом ее ценность и притягательность для такого любопытного существа как человек. Сколько ни будет существовать человек, он всегда будет стремиться к тому, чтобы понять жизнь. Даже несмотря на то, что до конца понять ее никогда не сможет. К счастью, именно благодаря этому у человека есть шанс когда-нибудь все же избавиться от довлеющего над ним невежества и стать совершенным существом, таким, каким его и сотворила матушка-природа.

Взгляд старика заскользил по зеленой траве двора, перескочил на деревья, поднялся выше и устремился вдаль, пронзая синеву необъятного неба, необъятного, как и сама жизнь.

Глава 19

Там, где цветут луга

Александр Петрович лежал в кровати, натянув одеяло на голову, и смотрел в темноту. Рядом спала Надежда Васильевна. Ее тихое посапывание было единственным, что тревожило тишину комнаты. Призрачный лунный свет струился по шторам, скатывался на пол и замирал, образуя мерцающую в темноте светлую дорожку.

Александр Петровичу не спалось. Мысли игривыми рыбками носились в голове, гоня прочь сон. Надоедливой мухой пульсировала в нижней части туловища его давняя подруга боль, будто говорила «я здесь... я всегда буду здесь... даже смерть не разлучит нас».

Александр Петровичу стало жарко и он раскрылся. Взгляд пробежался по темному потолку, зацепился за люстру и скользнул дальше, к тонкой полоске лунного света на окне.

— Как же поразительно может измениться жизнь человека за неполный год, — думал Александр Петрович, разглядывая звезды, словно корабли бороздившие ночное небо. — Восемь месяцев назад я был обычным стариком со смертельной болезнью за пазухой, стоял на распутье, трясся от страха, отбивался от сомнений и думал, что жизнь кончена. Удивительно, то, что я принял за конец, обернулось началом, началом жизни, о которой я даже не мог помыслить год или два назад. Болезнь изменила мою жизнь, открыла мне глаза, сделала мудрее, а главное помогла мне испытать то, что я уже и не надеялся испытать, удовлетворение от собственной жизни. Правду говорят, что ни делается все к лучшему. Но почему же для того, чтобы испытать жизненное удовлетворение нам, людям, необходима встряска, часто очень болезненная, заставляющая нас страдать, лить слезы и проклинать судьбу? Почему мы в основной своей массе слепы, словно кроты и часто выбираем не то, что хочет наше сердце, тем самым обрекая себя на страдания и боль? Почему мы большую часть жизни, а не редко и всю жизнь, проводим во лжи, в иллюзиях и мечтах о лучшем? Но можно ли достигнуть лучшего, когда мы изначально выбираем ложный жизненный путь? Фатум, злой рок, происки дьявола или всего лишь простое человеческое невежество повинно в

человеческих страданиях на этой прекрасной планете? Поймет ли когда-нибудь человечество, что является корнем всех зол на Земле или до конца своего существования так и будет заниматься самообманом, влачить жизнь во тьме, в неведении, рожденном разумом? Какая ирония, то, что вознесло человека над другими живыми существами на планете, обрекло его на страдания и иллюзию счастья. Будто наказание, наложенное неизвестно кем, терять себя, жить во лжи и находить удовлетворение в иллюзиях, — Александр Петрович вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб. Кровь застучала в висках, испарина покрыло тело. — Но тот, кто наказал человечество, просчитался. До тех пор, пока в груди хотя бы одного человека бьется сердце, у человечества остается надежда разорвать кольцо иллюзий, покинуть тьму и выйти к свету. Говорят, лучше поздно, чем никогда. Только вот как бы не оказалось слишком поздно... Что ж ты разволновалось-то так? — Александр Петрович положил руку на грудь, будто пытаясь унять неугомонное сердце. — Все будет хорошо. Хорошо. Не надо волноваться. Мы еще повоюем, — улыбка скользнула на лицо старика. — Нет, давать волю мыслям на ночь все же вредно. Так и бессонницу заработать можно. Пора спать, — Александр Петрович зевнул и закрыл глаза. — Когда-нибудь человечество очнется. Надо верить.

Александр Петрович лежал и слушал тишину. Где-то скрипнула дверь, а где-то далеко залаяла собака.

— Надо... верить... верить, — старик чувствовал, как сознание меркнет, мысли тают, как шоколад на солнце. Александр Петрович как будто проваливался в темный, бездонный колодец. И не было там света в конце туннеля, не было голосов, не было ничего кроме непроглядной тьмы, непроницаемой тишины и... невероятного спокойствия, ласковым ветром коснувшегося старика и обещавшего впредь не покидать его ни на секунду. Удары сердца с каждым мигом становились слабее, боль слегка подрагивала, грозя исчезнуть, из последних сил цепляясь за жизнь вмиг обессилевшими лапками, сознание трепетало под натиском стремительно надвигавшегося будущего.

— Надо верить, — сквозь туман беспомысленности, окутавшего старика, прорвалась одинокая мысль. Ворвалась в сознание,

затрепетала, словно пламя свечи на ветру, и растворилась во мраке небытия.

* * *

Старик неспешно двигался по странному городу. Квадратные и прямоугольные высотки выстроились по бокам улицы и взирали на него свысока, блестя темными проемами окон и отражаясь в озерцах луж. Старик уже долго шел по этой улице, а она все не кончалась, как не кончался и этот странный город, тихий, мрачный, уродливый, а еще знакомый. Да, да. Старик чувствовал, что он уже был в этом городе. Когда-то давно, а может быть и недавно. Возможно. А возможно и то, что он его никогда и не покидал. Кто его знает. Старик не знал, но ему казалось, что он идет по этому городу целую вечность.

Старик остановился перед лужей, преградившей ему путь. Старик заглянул в лужу и увидел серое небо. Где-то в вышине все еще гремел гром. Но молнии уже перестали полосовать небо на части. После прошедшего ливня город усыпали маленькие озера-лужи.

Подул прохладный ветер и старика пробрал озноб. Его одежда после дождя все еще была мокрой, но старик не обращал на это внимания, его больше заботило место, где он находился. Старик чувствовал себя здесь неуютно. На него давила серость домов, тишина улиц и неизвестность. Он хотел бы уйти из этого города, но не знал в какую сторону надо идти, чтобы выбраться из города. Поэтому старику ничего не оставалось, как продолжать двигаться вперед.

Шлепая босыми ногами по лужам, старик ни на миг не прекращал разглядывать окружавший его город, поэтому от его взгляда не укрылась стая собак впереди, возникшая будто из воздуха метрах в нескольких сотнях метрах от него.

Старик остановился посреди одной из луж, которую как раз переходил и устремил взгляд в сторону стаи. Что это были за собаки? Что они здесь делают, в этом забытом людьми мрачном месте?

Вой вырвался из глотки одной из собак. Разорвав могильную тишину города, он пронесся над крышами домов и исчез, растворившись в нежелавшей покидать город тишине. Но безмолвие воцарилось в городе ненадолго. Уже несколько мгновений спустя

городской воздух задрожал от сонма собачьих голосов, голосов, рвавших тишину в клочья, не оставлявших ей ни грамма надежды на возрождение.

Старик выбрался из лужи и сделал несколько шагов в сторону воющих собак. Внезапно от стаи отделилась собака и побежала к старику. Старик остановился. Затих и вой. Собачьи морды все как одна повернулись в сторону удаляющейся от них собаки.

Старик же напряг зрение, стараясь получше рассмотреть собаку, бежавшую к нему. Страх пустил ростки в его сознании. Что на уме у этой собаки? Неужели решила напасть на него? Взгляд, невольно брошенный вверх, рассказал старику о том, что тучи, недавно клубившиеся на небе, начали рассеиваться. Горизонт окрасился желтизной, из-за туч вот-вот должно было выглянуть солнце.

Собака остановилась в сотне метров от старика и жалобно завывала. Сердце старика почему-то дрогнуло, когда он услышал этот вой. Он готов был поклясться, что уже слышал его.

Луч солнца выскользнул из-за тучи и устремился к старику. Старик прикрыл рукой глаза, защищая их от яркого солнца. А он-то думал, что здесь никогда не светит солнце. Как он ошибался! Местное солнце едва не выжгло ему глаза, когда он попытался получше рассмотреть собаку. На какой-то миг ему даже показалось, что он ослеп.

Старик опустил голову и закрыл глаза, погружая их в, ставшую такой желанной, темноту. Минуту спустя старик открыл глаза и вскрикнул. Собака сидела в пяти метрах от него и виляла хвостом.

— Шарик! — воскликнул старик, узнав собаку. — Ты вернулся!

Старик бросился к собаке, упал на колени и обхватил ее за шею. Слезы ручьем полились из глаз.

— Братишка, ты вернулся, — шептал старик, орошая шерсть собаки слезами. — Не покидай меня больше, прошу тебя.

Собака вывернулась из объятий старика и гавкнула, затем повернулась к стае и завывала. В ответ послышался многоголосый вой, один жалобнее другого. Перестав выть, собаки повернули головы в сторону старика и собаки возле него, после чего бросились в сторону и исчезли за углом ближайшего дома. Мгновение спустя издали донесся вой. Шарик проводил взглядом лохматых сородичей, повернул голову к старику и гавкнул.

— Что ты хочешь мне сказать, братишка? — старик поднялся на ноги и посмотрел на собаку. — К сожалению, я не понимаю тебя.

Шарик махнул хвостом, отбежал от старика на несколько метров и снова гавкнул.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — догадался старик. — Иду, братишка. Иду. Только не покидай меня больше.

Старик последовал за собакой. Та побежала вперед. Пробежав несколько метров, она остановилась и обернулась, чтобы убедиться следует ли за ней старик. Так они и двигались: собака бежала впереди, а старик ковылял за ней следом. Через некоторое время дома поредели, улицы исчезли. Город, казавшийся старику бесконечным, вскоре остался позади. Глазам старика открылась картина, заставившая его сердце плясать от радости.

Впереди, насколько хватало видимости, простиралась зеленая цветущая равнина. Справа она тянулась к темной полоске леса на горизонте, слева же виднелась березовая роща и узкая лента реки, золотом блестящая в лучах солнца. У реки паслись лошади, чуть дальше стадо коров и овец. В воздухе, преследуемые ласточками, с жужжанием носились мухи и комары.

Старик запрокинул голову. Небо над головой было чистым и безоблачным, только позади него, над городом, все еще клубились тучи.

Собака подбежала к старику и села у его ног. Старик улыбнулся и погладил собаку по голове. Взгляд его заскользил по равнине, задержался на реке, устремился дальше. Издали донеслось лошадиное ржание. Словно вторя ему, над равниной прокатилось коровье мычание и овечье блеяние.

— Идем, братишка, — старик почесал собаку за ухом. — Идем подальше от этого мертвого города. Идем навстречу тому, к чему стремятся наши сердца — навстречу живой природе.

Старик набрал полную грудь воздуха, воздуха чистого и свежего, как сама жизнь, затем выдохнул его, наслаждаясь возникшими в груди ощущениями. Полуулыбка появилась на его изрезанном морщинами лице. Обернувшись, старик в последний раз посмотрел на серую, неприветливую громаду города за спиной и двинулся прочь. Собака гавкнула, вскочила на ноги и побежала следом, виляя хвостом.